The background of the cover is a detailed historical map of Tyumen, showing a grid of streets, a river, and various landmarks. The map is rendered in a classic, aged style with muted colors. Overlaid on the map is a large, ornate, dark-colored flourish that resembles a stylized 'S' or a calligraphic element. The title 'Тюменьское городище' is written in a bold, dark, serif font, with the first letter 'Т' being particularly large and decorative.

Тюменьское городище

Тюменский краеведческий ежегодник

2016 ● №3 (36)

«Закон Микки Мауса» ставит точку в дискуссии об историчности И. Христа. Применив его к столь щекотливой теме, мы не оставим в ней никакой интриги. Вполне возможно, что какой-то экзальтированный раввин с тяжелой судьбою и с именно таким «Ф.И.О.» действительно жил и умер в Иудее I века, а конструкторы христианства просто использовали его, как «вешалку», на которую нацепили паранормальные способности и прочий «суповой набор» античного божества (т. е. непорочное зачатие, чудеса, воскресение и т. д.)...

Александр Невзоров.

Голый патриарх, или Закон Микки Мауса
[электронный ресурс] <https://snob.ru/selected/entry/99127>

...сочинять стране фальшивую историю так же глупо, как копить фальшивые деньги. Ни количество, ни яркость поддельных банкнот никакой роли не сыграют...

Александр Невзоров.

Газированный гной с сиропом [электронный ресурс] <https://snob.ru/selected/entry/111132>

«Лукич» издается с июня 1998 г.

Приостановлен в декабре 2003 г.

Всего увидело свет 27 частей.

В 2008 и 2009 гг. вышло четыре номера
стенгазеты «Лук & Чок».

«Лукич вернулся» в 2010 г.

с порядковым номером 32.

Часть 33 датирована апрелем 2011 г.

Нумерация издания общая.

«Тебя здесь не стояло!»

В очередную «сибирскую» книжку, которую я верстал, Анатолий Омельчук включил телевизионное интервью со мной, расшифрованное для печати. Хорошо понимая, что говорильщик я — никакой, пытаюсь выправить свои неудачно выстроенные фразы. В это время появляется писатель. Иронично посматривая на меня, спрашивает с легкой издевкой: «Прихорашиваешься перед вечностью?»

...Мы все это делаем регулярно. Вначале перед зеркалом, затем — перед любимым человеком, потом — перед кадровичкой, принимающей решение о приеме тебя на работу... А если вдруг становишься публичным человеком — чистишь перышки перед общественностью, вытаскивая светлые поверх темненьких, но не сильно, чтобы совсем уж не выглядеть блондинистым. Такова человеческая природа. Не дай Бог, завтра позвонит начальство, что пора в энциклопедию... Тут уж конечно, кто лучше напишет о тебе... Тем более, если ты в возрасте и ближайшие семьдесят пять лет о твоей персоне можно будет узнать только из открытых источников...

Местные энциклопедии последних двух десятков лет грешат автобиографичностью, и потому вызывают смущение технологией своей подготовки. В процессе создания словника персоналии подгоняют под соответствующий дресс-код, через игольное ушко которого можно пролезть, чаще всего, лишь по инициативе представителя власти определенного уровня. Или денег... Технология оказалась беспроигрышной. Все хотят в вечность, пусть даже бумажную, виртуальную, даже если твоя жизнь покажется кому-то хуже тараканьей за кухонным пыльным шкафом. Наверное, так было всегда. Просто сейчас это чувствуется гораздо острее.

Помню историю со студентом Витей Хорольским, который для участников слета отличников университета отважился сформулировать неудобный вопрос: «Нас призывают хорошо учиться. Но есть ли в этом необходимость? В прошлом году рекомендован в аспиран-

туру сын секретаря парткома, на кафедре оставили сына председателя колхоза. Потому что, как сам утверждает, возил декану черную икру». Когда Виктор отработал год в школе и решил податься в аспирантуру, вместо рекомендации в университете ему дали совет: «Запомните, вы у нас не учились!». А если бы существовала машина времени, то, такой отличник был бы несомненно отчислен сразу после зачисления в вуз задним числом.

Выпускник Краснодарского, ныне — профессор Воронежского университета, В.В. Хорольский, до сих пор помнит вердикт представителя родного вуза.

...Другая история, не менее грустная. Это жизнь и судьба Славы Немирова. Талантливый, но не очень удобный студент филфака ТюмГУ, требовавший от преподавателей внимания к своему творчеству, к его личности, не всегда вписывавшийся в стандартизированные рамки поведения в обществе...

Славы больше нет с нами. А когда-то, подававший надежды как филолог, он едва-едва защитил диплом. Занимался взахлеб интернет-эссеистикой, литературной критикой, писал стихи... На его мнение иногда ссылался даже «Новый мир» (не исключаю, что многие сегодня не знают, что это такое). В словаре «Жизнь по понятиям: русская литература сегодня» Сергея Чуприна за Славой закреплено право на шесть литературоведческих терминов. За свои поэтические обзоры тюменец заслужил беседы в снобской «Школе злословия»... Может ли хотя бы еще один выпускник филфака ТюмГУ конкурировать с достигнутым — при жизни — положением Славы Немирова в литературном обществе? А сборник, изданный в «Красном матросе»? Увы, в «Энциклопедию Тюменского государственного университета» (2015) он не попал. Вот если бы был каким-нибудь инструктором департамента по спорту, то благополучная жизнь на тюменской земле ему была бы обеспечена.

Помню, в своем «Лукиче» я когда-то критиковал администрацию моей alma mater за ее манию величия... В аббревиатуру тут же было внесено небольшое буквенное уточнение, и сразу стало ясно, о каком вузе идет речь. Потом я прошелся по проекту энциклопедии преподавателей, где выразил мнение, что каждый производитель должен гордиться, в первую очередь, плодами своего труда. И вот в руках держу неподъемный почти шестисотстраничный труд. Правда, его приоритеты пока еще не совсем вписываются в концепцию успешного производителя. Но я верю, что народ в вузе работает вполне

обучаемый, и личности, вроде Мирослава Немирова, пусть и имевшего тройку за дипломную работу, но бесспорно талантливую, в следующем издании энциклопедии обязательно будут неторопливо присутствовать... И принятию решения при составлении словника будущей энциклопедии не должны мешать ни способность героя войти без носков в какую-нибудь приличную и гостеприимную квартиру, ни занятия увлекательной инсталляцией из газетных вырезок, ни жизнь в вузовской аудитории, как это мог Слава!

...Вот и я дожил до энциклопедической старости. Когда мне предложили в Большую Тюменскую написать о себе, на авось, вдруг проскочу, я пропустил это мимо ушей.

Как-то во время издания серии «Невидимые времена» шла внутрииздательская дискуссия: нужно в один из томов включать памятник тюменской культуры работу Ивана Яковлевича Словоцова «Еврейский вопрос и евреи в Западной Сибири» или нет? Выступивший арбитром профессор онкологии Айзек Абрамович Шайн сочувствующе сказал мне: «Если издадите, мы вас забудем!». Но этого я уже не боялся, потому что хорошо помню памятник, выстроенный скульптором в г. Фару (Португалия) из одних человеческих черепов как напоминание, что в будущем мы все равны.

Какое дело тому, кто через тысячу лет, роаясь в «окаменевшем говне, наших дней изучая потемки», будет до брошенных в сердцах фраз в адрес неугодного человека: «Запомните, вы здесь не учились», «Запомните, вы здесь не жили»!

Очень верно подметил наш современник поэт Всеволод Емелин:

А ведь, свирепо разеваая пасть,
Строчил стишки, наполненные злобой,
Но все равно не замечает власть —
Я для нее не более микроба.

*Светлой памяти
Валерия Константиновича
Белобородова*

№ 3 (36) **большое Городище**

***Редактор-
издатель***

Ю. Мандрика

***Адрес редакции
(для переписки):***

109390, г. Москва,
до востребования.
Тел. +7(977) 29-444-36
E-mail: lukitsch_mandr@mail.ru

Подписано в печать 02.12.2016.

Формат 60x84/16.

Гарнитура «PeterburgС».

Офсетная печать.

Бумага офсетная № 1.

Усл.-печ. 20,46

Уч.-изд. 16,73

Тираж 50.

Отпечатано в ООО «Курганский
дом печати»

640022, г. Курган, ул. Карла Маркса,
д. 106. Тел. 8 (352-2) 65-55-51.

Тропинка одинокого Старика

Валерий Белобородов на пути к Образу

Номер практически готов к сдаче в печать. Оставленные под прощальное слово страницы не дают мне покоя. Но я не готов сказать его. Ибо Он был огромной частью моей жизни. Мы советовались, Он мне помогал. Словом. Идеей. Материалом для очередного выпуска. Поддерживал всем, чем можно, в трудную минуту. Если нужно — даже деньгами. Последнее делалось так, словно финансы предназначались делу, которому оба служим. С моей точки зрения, конечно, делали его я и Он, по-разному. Отдельным Его работам безудержно завидовал, правда, не по-черному.

До уровня, который все время поддерживал Старик в своих изысканиях, я подняться никогда не мог, да и не пытался конкурировать с Краеведом. Я, в отличие от Него, не нашел своего героя. В городе, которому отдал практически всю свою жизнь, его не культивировали, предпочитая не расширять круг людей, чьи заслуги перед обществом «тянули» на пьедестал. Городской бюджет тут же заканчивался, едва звучало два-три имени из прошлого. О, моя не свершившаяся пока мечта о героях, о которых невозможно не написать книгу... Сделать предметом разговора во время чаепития... Населять ими давно разросшиеся до неузнаваемости и ставшие совсем иными населенные пункты, как это прекрасно получалось у Него...

В Его сознании было три местечка, без которых не мыслилось творчество. Сургут (там, где Он провел свои школьные годы), Ларьяк (уже в зрелом возрасте работал неподалеку, в Нижневартовске, редактором). И почему-то Березов. Скорее всего, потому, что всю жизнь тот выглядел для Него интеллектуальным центром Севера, незримой ниточкой связанным с самим Тобольском того периода, который особенно любил Он.

Поделиться о Нем своими воспоминаниями я не смогу. Часто они настолько интимны... как стихи, которые можно прокричать лишь наедине, забившись на пустой стадион. Сегодня в сутолоке дней и событий рассказчик чаще всего интересен себе, как никто другой.

Родители воспитывали нас, детей, по правилам, которые сослужили мне дурную службу: живым — все в глаза. А хвалить можно только мертвого...

Я лучше расскажу о себе, о своей жизни, в которой Краевед занимал такую территорию... Для ее измерения еще не придумана единица...

Это случилось два года назад по весне. Меня разбудил телефонный звонок. Женский голос скороговоркой сообщил, что ОН умер, и трубка вредно запищала. Очевидно, собеседница торопилась сообщить всему миру, что еще одна звездочка завершила свой жизненный эллипс. После утреннего звонка я начал соображать: о ком шла речь? Такого возраста людей в кругу моего тесного общения значилось не так много. Оставалось выяснить: кого потеряли мы?

Когда это случилось с Володей Рогачевым, мне позвонила Инна Клепикова и спросила: «Ты не знаешь, что произошло только что в студии?». Я не знал, а она даже не попыталась объяснить свое любопытство. Мне гибкости всегда не хватало. Но после утреннего звонка я связался со всеми знакомыми, авторами «Подорожника»... Все соболезновали случившемуся. Интернет молчал. Позвонить к Нему домой не хватало мужества. И только к обеду удалось выяснить: от кого был тот звонок...

Через короткое время Он появился в Тюмени. У семьи Краеведа в областном центре был плацдарм в виде квартиры в крупнопанелке. Отсюда совершались вояжи в Тобольск, в местные архивы и библиотеки, что позволяло пополнять запас материалов для будущих книг. Мы, как правило, встречались в день приезда. За ним был стол, за мной — торт или пирог с брусникой. Последний в доме очень любили, хотя Валентина Андреевна нередко баловала своим, с каким-нибудь муксуном. У нее это здорово получается.

Я пытался рассказать Ему нелепую историю с телефонным звонком. Он улыбался, посматривая на меня весьма иронично, как смотрит с фотографии, открывающей мою исповедь перед Ним, а потом попросил: «Не вздумайте посвятить в это еще и Валентину Андреевну!» Будучи слегка суеверными, каждый из нас, наверное, подумал: значит, долго будет жить.

...В первом номере «Большого городища» он не участвовал, как и я в четырнадцатом выпуске «Подорожника». Я успел к этому времени, как говорит мой давнишний знакомый Паша Анущенко, «разосраться» (о, таинство круговращения бюджетных денег) и с окружающей библиотекой. Повод был смешной, но я счел нужным раздуть

его до мировых масштабов. На отношениях с Ним это не сказалось. Со присущей Ему деликатностью Он сделал вид, что ничего не знает, и вообще не понимает в бухгалтерской кухне. Вот мы и занимались каждый своим детищем.

Его появилось на свет раньше. «БГ» я привез из Курганской типографии перед самой своей поездкой к океану и тут же отправил несколько экземпляров в Ханты-Мансийск. Так было дешевле, нежели мастерить три бандероли.

1

16 сентября 2014, 16:48

С прибытием! Пока вы еще не опортугалились¹ и не утратили интереса к постылой Сибири, сообщая, что почти порадовала, наконец, бандеролью. Порадовала пока меня одного. 23-го библиотека празднует 80-летие² — вот тогда порадуется и Татьяна Владимировна³ и, надеюсь, также Наталья Харина⁴, я ее приглашу на этот праздник. Читать еще не начал. Перелистал — вполне узнаваемый «Лукнич», добротный и богатый информацией. Предвкушаю нескучное чтение ваших работ. Так пусть же зловерный сахар⁵ уступит место атлантической соли! Любви Павловне⁶ — мой поклон. В.Б.

Пока делали совместно «Подорожник», мы общались чаще по телефону. Необходимость в деловых разговорах была, хотя Краевед был удивительно педантичен при подготовке рукописи к сдаче в набор. Каждый раз приходила бандероль с материалами и планом издания, а также аккуратно разложенным иллюстративным материалом с пометами, к какому тексту что подверстывать. Иногда, когда горели сроки сдачи книги в печать, я мог позволить себе поломать

¹ В это время мы с женой отдыхали в Альбуфейре (юг Португалии, возле самого Фару).

² Речь идет о Государственной библиотеке Югры.

³ Т.В. Пуртова, зав. отделом краеведческой литературы и библиографии. Иногда в междусбойчиках я ее называл краеведческой женой Валерия Константиновича. Да прости меня за словоблудие Валентина Андреевна!

⁴ Она пришла в альманах «Большое городище» по наводке В.К. Белобородова с неопубликованными рукописями покойного Леонида Конькова, бывшего преподавателя Тобольского пединститута. Два авторских экземпляра «БГ» предназначались ей. Н. Харина преподает исторические дисциплины в Ханты-Мансийском университете.

⁵ Речь идет о моем «сожителе» Диабете.

⁶ Моя супруга.

план издания, не ставя Его в известность. Как Он это воспринимал, я не знаю. Но не артачился. Очевидно, сказывалось воспитание. Как утверждал Краевед, немало сил в него вложила тетьа, бывшая некогда секретарем то ли горкома, то ли райкома партии (два раза в год я с Ним ездил на Червишевское прибирать могилку покойной). Скорее всего, именно ее школа чувствовалась в манерах Краеведа, умения держаться в разных ситуациях.

Из 14 выпусков альманаха, составленных Им, девять мы делали вместе. Последнюю Его книгу, на которой мои отношения с библиотекой разошлись, как льды в Антарктиде, я только верстал... Иногда Он просил меня помочь.

В четвертый номер, посвященный 410-летию Сургута, привез по Его наводке этнографический очерк И. Русинова, рукопись которого сохранилась в Архиве РГО. Откопировать такой материал в Питере было делом непростым. К заведующей Марии Федоровне, которую, как утверждала она, записывало «само» французское телевидение, нельзя было подъехать ни на какой козе. Приходилось покупать что-то съестное, чай да к нему десерт. Лебезить, выстраивать интеллектуальные разговоры. Потихоньку в процессе вот такого общения подбираться к картотеке и убеждать в важности публикации. Краевед отметил сей факт — на корректурном листе приписал синей пастой концовку к Своему предисловию: «Слава Мандрике!». При правке текста распоряжение Редактора было исполнено. Книга так и вышла с ремаркой-помаркой, смысл которой остался ясен лишь нам двоим. Он только посмеялся над результатом своей шутки.

В пятый выпуск я смело ставил уже фольклорные записи учителя Березовского уездного училища А. Демина, рукописи которых обнаружил в Омском архиве. С точки зрения публикатора неизвестного до сих пор материала я поступил не профессионально: нужно было подготовить предисловие, комментарии. Но Учитель позволял мне расти и наблюдал за этим процессом со стороны без напряжения. Моя ошибка была исправлена. В следующем номере появилась публикация Татьяны Модановой «Об “остяцких сказках” Александра Демина». Это Он заказал ей статью, исправил ошибку, появившуюся вследствие моей чрезмерной самостоятельности...

Уважительное Его отношение ко мне (да и ко всем также) я видел всегда, поэтому ждал, что скажет Он о первом номере «БГ».

Дорогой Юрий Лукич! Ну, вот перевернул я последний листок «Большого городища» и объявляю вам о своем выбытии из соревнования. Возвращаю переходящий вымпел навечно. Ваше прочел все, Конькова — почти все, остальное перелистал. Книга одновременно и традиционная, и современная. Радостно было встретить знакомые фамилии: Зотин, Ефремов⁸, Боярский, Корандей. Последовательность — это красиво. Очень достойно представлен Коньков, сразу на память приходит «Сибирский листок» — как он ценил по-«пьербезуховски» людей. И т. к. номер мемориальный, он проникнут весь грустным чувством. Вспомнил, как я однажды давным-давно в письме к Геннадию Райшеву посетовал на что-то, и в ответ он утешил: «В грусти душа наша, в грусти». Красиво представлен и Филимонов⁹, некоторые его стихи и сегодня актуальны.

«Слово редактора» задает тон всему номеру, в нем кратко и сильно сказано откристаллизовавшееся за много лет бытия в культуре. Обезличивание человека, «эпоха автоответчика», «бюрократ, не отбрасывающий тени», некоторое подобие журнала частной переписке, терапевтическая функция «Городища» — все это очень верно сказано, и этого никто больше не скажет. И принципиальное различие между краеведом и «родиноведом», хотя в 20-е гг. эти слова означали одно и то же. Так много появилось людей, о которых в пору подумать, что, кроме Родины, они, пожалуй, уже больше ничего и не любят. Краеведение скукожи-

⁷ Письмо пришло на берег Атлантического океана. Я перенес его электронную версию на диск нетбука, а вот дату не сохранил. Прошу прощения у Вечности!

⁸ Володя Ефремов со второго номера «БГ» не участвует в издании альманаха по разным причинам.

⁹ Речь идет о тюменском поэте Федоре Филимонове, расстрелянном красноармейцами в марте 1920 г. в Красноярске. Необходимость комментария вызвана тем, что одно время редактировал «Югру», уже к тому времени многокрасочную, Филимонов, но Николай. В этот период Валерий Константинович находился на творческом подъеме. Редактор позволял своему сотруднику командировки в архивы, которые могли находиться далеко за пределами Западной Сибири... Каждый раз, появляясь в Тюмени, Краевед обязательно ездил навещать своего коллегу по бывшей «Югре» на Червишевское. Брал меня с собой. И всегда сокрушался о безвременно ушедшем... Говорил много-много теплых слов в адрес покойного. Однажды на могиле нам встретился бурундучок. Красивая зверюшка рассматривала нас и не думала убежать. Валерий Константинович заметил: «Здесь удивительно спокойно...». Трудно сказать, о чем он в это время думал...

лось. Теперь, если хочешь печататься, создавай под себя издательство. Пишу это под свежим впечатлением от сотрудничества с «Принт-Классом»¹⁰.

«Мандриков комплекс...»¹¹. Много интересного тут о хорошо забытом старом. Забытом с «помощью» XX века. Непересекающиеся исторические параллели. Дискуссия, полемика совершенно исчезли из российской журналистики, заглядывали бы хоть изредка в «Сибирский листок»¹², ведь есть пятитомник.

«Неохрущевским бульдозером по культуре»¹³. Да, потери добросовестность, качество. Время имитаций, фальшивок, безделья. В общем, считаю, что получился слав строгой документалистики и публицистики.

Татьяне Владимировне и Наталье Хариной сегодня книги передам. Наталье — заочно, через библиотеку, т. к. она слишком нагружена «часами» и «парами». Мой поклон Любови Павловне. Красиво вам загара.

Мое сотрудничество с Владимиром Гофельдом, ныне покойным, оставило неизгладимый след в душе. Когда ты приносил ему материал, он усаживал тебя на стул перед собой и, кряхтя после каждого прочитанного слова, зачеркивал его и вписывал свое. В корреспонденции или чем-либо еще после прочтения оставались твоими только точки, да и то не всегда, и фамилия автора, если ты после такой экзекуции способен был ее оставить. Гофельд поступал так с каждым, кто был у него в подчинении. Поэтому сегодня позволяю любому своему редактору все, что он считает нужным делать с рукописью... Но только в мое отсутствие. Смелости показать свой материал перед публикацией после работы с В. Гофельдом не осталось совсем.

Я не боялся мнения Краевода, знал его такт, но мне было известно и о его щепетильности. И хотя ничего ужасного в моей итоговой

¹⁰ В данной типографии (г. Ханты-Мансийск) печатался четырнадцатый (и последний под редакторством Валерия Константиновича) выпуск «Подорожника».

¹¹ Моя рецензия в «БГ» (№1) на учебное пособие по истории журналистики Тюменской области.

¹² Одна из работ Валерия Константиновича. Я как издатель сильно поменял его план. Мол, деньги тюменские, а содержание в основном северное. Но и здесь не услышал ни слова в знак протеста. Он, несомненно, был человеком команды. Любой, которую всегда выбирал сам... Пятитомник он очень любил, считал значительной вехой в своей жизни.

¹³ Моя рецензия на двухтомный справочник по изобразительному искусству Сибири, тиражированный Тобольским фондом «Возрождение».

после издания трехтомника «Тобольских губернских ведомостей» статье «Публицисты XIX в. в Тобольском крае» не было, вышла она в «Подорожнике» (№ 6), не читанной Редактором. Я же как ребенок, испытывающий предел терпения родителя, спрашивал, как Ему мой материал? Он ответил односложно, не вникая в детали и не ввязываясь в дискуссию: «Мне все, что написано Вами, интересно». Хотя сегодня я понимаю, что спорность некоторых положений статьи была очевидна... Но вкладывать свои пять копеек в тему Он не стал. Не позволяла мудрость Учителя.

3

17 сентября 2014, 14:05

Опортугалились — калька с бессмертного «озадачивания». Когда-то, в пору моего партийного функционирования, этот неологизм казался нелепым и смешным в своей «терминологичности», теперь же это — спонтанно выскочивший из подсознания стереотип. Только что прочел, как вы отутюжили тюменских историков журналистики¹⁴. И поделом. Как посмотрев: сколько напечатано разных книг за двадцатилетие и как мало из них застряло в личной рабочей библиотеке. Силен союз конъюнктуры, имитации и халтуры. А в остальном, прекрасная маркиза, все хорошо...

Во время наших встреч Он то и дело рассказывал об очередном полученном материале для следующего выпуска «Подорожника». Как Ему удавалось находить авторов, до сих пор не понимаю. На ум приходят ленинские слова о газете как коллективном агитаторе, пропагандисте и организаторе. Он, советский газетчик, казалось, родился в этом слогане, давно превратившемся в штамп. Но последний у Него работал, как швейцарские часы. Он находил общий язык со всеми, кто мог быть полезным местной Истории, на равных, хотя сказать, что вокруг Него группировались краеведы, я не могу. Не позволяют так утверждать имена, встречающиеся в «Подорожнике». Глядя, как с каждым выпуском краеведческого сборника тает количество имен, понимаешь, что легкость составления «Подорожника» кажущаяся. Все давалось невероятными усилиями. Более того, как правило, параллельно с продолжающимся изданием Краевед работал над очередной книгой.

Иногда Он обучал меня поиску героев. Помню, как-то в Москве с конвертом в руках, на котором был обозначен адрес дочери Марии

¹⁴ См. сноску 11.

Николаевны Костюриной¹⁵, мы долго бродили в районе «Сокола», разыскивая дом по нумерации тридцатых годов. Москвичи шарахались от непонятого вопроса назойливых мужчин, а когда нам удалось обнаружить объект, оказалось, что квартиру совсем недавно продали, и куда девались жильцы, никто сказать не мог. Право жителей большого города на анонимность существования.

Позже таким же образом я попытался найти квартиру злодея И.С. Абрамова, вывезшего многие артефакты из Tobольска и продавшего их в различные архивы России. Финал поиска оказался аналогичным: дверь была такая же новая, как и обитатели за ней.

Очевидно, срок, установленный Законом о персональных данных для поиска физического лица, сильно запредельный. После него найти иголку в стоге сена гораздо проще, чем человека, жившего несколько десятилетий тому назад. При «совке» забывали человека политическими методами, сейчас этот процесс отрегулирован еще и законодательно.

Недавно в тюменском архиве обнаружил документ, свидетельствующий, что сведения об одном местном писателе в региональной энциклопедии несколько искажены. Попытка сверить данные обнаруженного документа с листком по учету кадров наткнулась на действие вышеупомянутого закона и на ответ старейшего работника архива:

¹⁵ Во время написания этого текста пришло письмо из Тюмени от сотрудника областной Думы Сергея Трифонова, затеявшего электронное издание «Сибирского листка». Публикую полностью послание: «Здравствуйте, Юрий Лукич!

На страницу «Сибирского листка» пришло сообщение от Andrei Svensson из Сан-Франциско, который пишет, что нашел мемуары своего прадеда, родившегося в Tobольске. В мемуарах прадед сообщает, «что его дядя и тетя были редакторами «Главной газеты» в городе». Андрей спрашивает, не Костюрины ли это? Прадеда звали — Борис Куминов. Его родители Владимир (отчество неизвестно) и Евгения Николаевна Куминовы.

Вы можете подтвердить эту информацию или подсказать направление поисков?

Полный текст сообщения: «Здравствуйте! Пишу вам из Сан Франциско. Нашел мемуары моего прадеда. Он родом из Tobольска и пишет в них, что около 1900 года его дядя и тетя были редакторами «Главной газеты» в городе. Хотелось узнать, не являются это Костюрины Виктор и Мария. Его зовут Борис Куминов. Его родители Владимир (отчество неизвестно) и Евгения Николаевна Куминовы. Мемуары сами по себе интересны, но они написаны на английском, собираюсь их перевести, но это возьмет еще пару месяцев. Есть несколько фотографий, возможно из Tobольска». С уважением, Сергей Трофимов».

Вот бы обрадовался Валерий Константинович такой весточке!

«Все, что дает энциклопедия, правда! Включено в нее все только по решению редакционной коллегии». Если бы последняя назначила тебе нового спутника жизни, исследователь вынужден был бы и это съесть. Все как в дешевом анекдоте о Надежде Крупской.

А вот Он, Краевед, пытался разобраться в том, какими они были — те люди, которых мы потеряли в коллективной памяти...

4

25 сентября 2014, 14:18

Юрий Лукич, за фотки спасибо. Видно, что люди чувствуют себя вполне по-домашнему и совсем не собираются возвращаться. Любовь Павловну от души поздравляем с юбилеем¹⁶. Библиотека отпраздновала шумно и пышно. Была какая-то большая конференция с участием библиотекарей разных городов вплоть до героического Севастополя. С помощью «тамады» с телевидения «Югра» зал благополучно превращался в толпу, точно в назначенный срок исполняющую аплодисменты. Особенно усердствовали в лицедействе Мария Кузьминична¹⁷ и Александр Витальевич¹⁸. Был ли старый добрый междусобойчик, не знаю, т.к. вместе с Райшевым¹⁹ ушли «по-английски». 3-го летим в Тюмень.

Как-то Он дал мне адрес деревеньки, что в Тверской области. Там жил старичок, которому надо было помочь слазить на чердак сарая, где хранились материалы, принадлежавшие тобольскому агроному Н.Л. Скалзубову. Как об этом владельце краеведческих сокровищ стало известно Ему, не знаю. У Учителя были свои тайны. И Он их не выдавал.

Работал Он обстоятельно. Дома была картотека, куда вносились из архивных описей номера дел, которые надо будет когда-нибудь посмотреть.

Но года три-четыре назад Он объявил, что начал сдавать хранящиеся дома материалы в личный фонд, открытый в местном архиве. Пояснил, что интересующие Его дела уже, он понимает, не удастся посмотреть за оставшуюся жизнь. Может, вырастет когда-нибудь смена, и ей

¹⁶ Ей в эти дни исполнилось 65.

¹⁷ Хантыйская писательница М.К. Волдина, руководитель фольклорного национального ансамбля.

¹⁸ Конев А.В. — культработник: возглавлял местные телевидение, департамент культуры, картинную галерею и т.д.

¹⁹ Учился вместе с В.К. Белобородовым в Сургутской школе. Если не изменяет память, даже в одном классе.

понадобятся Его заметки... Надежда на пришедших вслед за ним не иссякала в Нем никогда. Помню, как в один из приездов в Тюмень Он радостно сообщил мне, что в местном университете (г. Ханты-Мансийск) для студентов, желающих заниматься краеведением, будет начата специализация. Но уже осенью заметил, что идея оказалась непродуктивной. Смысл этого слова он не стал расшифровывать.

5

6 апреля 2015, 17:19

Чувствую, на чужбине вы ждете новостей. Ну вот, выкладываю, что наскреблось. Во-первых, за Югру зацепился антициклон. Стоит весь март и начало апреля, как привязанный, и температура качается по обе стороны нуля. Солнце — какого испанцы и не видывали. Сижу дома, первую половину дня — за компьютером. Хоть страничку да настукиваю. В общественной жизни не участвую. На прошлой неделе получил — впервые за последнюю четверть века! — приглашение на собрание первичной журналистской организации. Не пошел. Но сегодня пошел заплатить членские взносы и узнал, что из «Новостей Югры» опять узнали редактора, Татьяну Терехину (Северскую). И тишь да гладь. А за что? Ведь газета из недели в неделю убеждает, что живем в сказочной стране. А где журналистская солидарность? Наберу сейчас Патранову²⁰, не знает ли она — где?.. Жизнь как будто замирает. Набирайтесь скорей загару, пора домой. Обнимаю, жду. Любви Павловне — наш привет.

Только в начале нынешнего года я нечаянно узнал из Интернета, что не так давно местное отделение Союза журналистов России удостоило Краеведа «Золотого пера». Он никогда не рассказывал мне ни о каких своих достижениях на общественном поприще. Жизнь Краеведа стала партикулярной с тех пор, как на редакторском столе Он стал подписывать однокрасочный журнал «Югра». Ценил ли он оценки, даваемые Ему властью? Сложно сказать. Судя по разговорам, он относился к этому как к неотъемлемой функции бюрократов, которые награждениями отчитывались о проделанной ими большой организаторской работе.

Он любил «Новую газету» и подписывался на нее, слушал венедиктовское радио и обожал ходить в лес за грибами. Думал в обозначенной мной парадигме. И, когда я, пусть с опозданием, но по-

²⁰ Известная ханты-мансийская журналистка Валентина Патранова, умеющая остро ставить вопросы и добиваться их решения властью.

здравил Его с награждением «Золотым пером», он ничего мне не ответил. Может, потому, что большей реальностью стали сменяющиеся одна за другой реанимации.

В том письме-поздравлении я сетовал, мол, обидно, когда труды наши замечают только в дни, предшествующие юбилеям. Отсюда и цена таким наградам со стороны общества — дежурным наградам, хотя сделано Краеведом в постсоветский период столько, что оценить это ни в каких медалях и званиях невозможно.

Помню, когда почти масонский «Клуб 7» объявил о награждении меня знаком «Маэстро года», ехидная редактор одного из издательств Татьяна Лагунова, дочь известного тюменского писателя, спросила: «А сколько Вам нынче исполнилось?». И услышав цифру, которая делилась на «5» без остатка, уверенно подвела итог: «Понятна Ваша нынешняя заслуга».

6

13 апреля 2015, 18:21

Флюиды грусти доносятся до нас с дальнего запада. Видно вы предчувствуете возвращение на родину, хмурую и прохладную. Стало быть, есть шанс увидеться. На приглашение в «БГ» у меня пока что есть единственный ответ-полуфабрикат. В моей кубышке еще с тех благословенных филлимоновских лет лежит один интересный документ, изъятый из архива Дунина-Горкавича²¹ (Ксюша²² вчера забавно обмолвилась — спросила, где улица Дунина-Кар-Карыча?) в ТИАМЗ²³. Я его про себя называю «Обида священника Майзакова»²⁴, раньше называл «Кляузой...». Приходской ларьякский священник оказался в раздорах со всей русскоязычной паствой Ларьяка и написал на нее кляузу губернатору. Но текст надо комментировать, а меня может на это не хватить. Я все-таки хочу закончить свое «сургутское сказание»²⁵, а конец мерещится где-то в середине столетия. Уже и не чувствую большой актуальности текста, но жаль бросать материал, может, он кому-нибудь вдруг да пригодится. Нынешний

²¹ Дунин-Горкавич А.А., исследователь севера Западной Сибири, лесничий, краевед.

²² Внучка, дочь Надежды, дочери В.К. Белобородова. Живут в Ханты-Мансийске.

²³ Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник.

²⁴ Опубликовано в «БГ». 2015. № 2. С. 62–81.

²⁵ Рукопись осталась незавершенной, — так прокомментировала наследие Его дочь Надежда Валерьевна.

апрель у меня — месяц испытаний. Если благополучно сдам зачеты кардиологу да онкологу, то, возможно, приеду с Алексеем²⁶ на машине к началу мая. Тогда все и рассудим. Наш поклон Любови Павловне. Благополучного возвращения.

Я все время завидую среде, в которой Он творил возрождающее краеведение. Пристанищем для Него была окружная библиотека. Именно здесь с сотрудниками отдела краеведения методом «тыка» нащупывался путь, по которому коллектив шел последние двадцать пять лет. Своя дорога, не подсказанная никем. Я всегда был уверен, что Его знает каждый югорчанин — за смелый поиск, за соавторство в крупных библиографических изысканиях, за рассказы о людях, вычеркнутых временем из нашей памяти.

Однажды на абонементе произнес фамилию Краевода. Библиотекарка заинтересовалась новым для нее именем. Я стал понимать, что именно в немногочисленном отделе краеведения умели создавать такую атмосферу, предрасполагающую к сотрудничеству, что каждый мог чувствовать себя самым ценным работником, самым уважаемым членом общества, самым чтимым всеми современниками. Этого уже достаточно для чувства удовлетворения жизнью. Но в штат библиотеки Он не стремился. Боялся стать балластом в глазах сотрудников, считающих серьезными и важными только свои обязанности. Он все время сокрушался, что делает никому не нужное дело. Мол, у каждой его книжки, статьи, есть максимум один читатель. И при этом Краевед убеждал себя в том, что должен же кто-то делать это абсолютно никому ненужную вещь.

Вспомнился другой сибирский краевед, последние годы своей жизни отдавший Вятке, Евгений Петряев. В одном из писем автору нескольких библиографических энциклопедий И.М. Кауфману он писал: «...интересна сама проблема библиографии, которую хорошо бы широко обсудить. Во-первых, неясен принцип отбора имен. Как, например, отличить писателя от журналиста, краеведа от ученого и т.д. Мой друг и учитель М.А. Сергеев²⁷, например, очень много сделал по Северу, но бывал там далеко не везде. Следует ли выносить М.А. в указатель по Магадану или нет? Скажем, он там печатался, но не был. А я был, но печатался в других местах... И так до бесконечности...

²⁶ Сын Валерия Константиновича, живет в Ханты-Мансийске.

²⁷ Русский советский литературовед, географ и этнограф, критик, библиограф. Доктор географических наук (1964). Руководил издательством «Прибой», а также кооперативным «Издательством писателей в Ленинграде».

Постоянная неразбериха с отбором “земляков”. Помню, как-то В. Дуров говорил: “Из того, что я родился на конюшне — еще не следует, что я жеребец”.

Во-вторых, как быть с порочащими сведениями? Судьбы людей, сами знаете, загадочны, а при недостатке сведений оценки давать рискованно. Однако тут подстерегают критики и клянут за “объективизм” и чинят всякие политические подвохи.

В-третьих, неясен принцип отбора публикаций. Иногда газетные материалы данного автора ценнее его журнальных статей и даже книг (а они еще и в спецхранении). Брать исчерпывающе все публикации просто невоз-

можно (у газетчиков особенно). Значит опять появляется потребность в оценке и произвольности отбора... Таких вопросов масса...»²⁸

Они с Татьяной Владимировной в западно-сибирском крае первыми шли таким сложным путем. Оценить по достоинству его было некому еще и потому, что ханты-мансийские биобиблиографические справочники было сравнивать не с чем. А с порочащими сведениями редакторское перо научилось еще в советские времена справляться, когда мы жили прекрасно в ожидании «коммунистической» манны небесной. И искренне верили в нее.

Помню, как шла подготовка переписки Хрисанфа Лопарева с его девушкой Юлией Поповой. Отсекалось все лишнее. Не эпистолярный жанр, а добротная проза. Перед читателем оказался роман. Умеющая восхищаться всем литературовед Наталья Дворцова вскрикивала: «Это Вы придумали с Белобородовым?». Это была художественная non fiction, для которой я привез только часть материала из питерского архива. Но отыскал его вначале Он, и откопировал основную часть переписки.

²⁸ Из письма Е.Д. Петряева И.М. Кауфману от 24 января 1966 г. (РГБ, НИОР. Ф. 640. К. 8. Ед. хр. 33. Л. 18).

И как удивительно необъективно была оценена книга хорошим тюменским писателем Виктором Строгальщиковым, редактором от Бога: «Это же написал не он, а только нашел в архиве и опубликовал...». Редакторская работа Краевода была столь высокого класса, что читатель просто не замечал вмешательство в чужой текст.

Геологическое образование не мешало Ему быть патологически грамотным. Он при чтке книжных полос всегда обнаруживал недоделки корректоров. И никогда не указывал на них...

7

18 июня 2015, 6:57

Почтеннейший Юрий Лукич! Движение ваше так стремительно и непредсказуемо, что я совершенно дезориентирован, тогда как потребность в общении не удовлетворена, и я истощен. Посему запрещаю вам болеть, тщательно обследоваться, надрываться на работе и вести нетрудовой образ жизни. В противоположность вам я в компании с Валентиной Андреевной сиднем сижу на даче и если двигаюсь, то только ползком вдоль грядок с сорняками. Когда я так доползу до Тюмени, один бог знает. Зачем по онкологии сдал удовлетворительно, вознамерились было уже идти за билетами, а тут у Ксюши между двумя лагерями образовалась временная «яма» величиной в ту самую неделю, которую мы хотели подарить Тюмени. Оставлять ребенка беспризорным негоже, брать с собой — не с руки — придется Тюмени тосковать по нам и далее. Тем временем приближается Праздник первого огурца, колосится чеснок, на Алексеевой грядке зреют арбузы, а из лесной подзолистой почвы то и дело высовываются первые грибы: нет ли поблизости Мандрики? Буду ждать вас на опушке леса возле дачного поселка Геофизик-1 с охоткой свежего «БГ» и каких-нибудь пикантных новостей. Доколе терпеть мне разлуку?!

Наш душевный привет Любови Павловне.

Я постоянно чувствовал эту помощь, оказываемую Им всеядному журналу. Редко, но писал для моих журналов и Сам. Не знаю, из каких побуждений, но иногда Он отдавал «порочащие» материалы о своих героях мне. Наверное, считал, что классика не должна скатываться до интимных сторон личной жизни Его героев. Так появился в стенгазете «Лук & Чок» (2009. Вып. 3. С. 81–91) материал о семейной драме А.А. Дунина-Горкавича.

Пообещав, что напишу рецензию на краеведческую книгу, в одном из очередных «Подорожников» я поместил, снова без предва-

рительного редакторского просмотра, текст «О запахе плесени под сенью цветущей липы». Скорее всего, он был сильно разухабистый, как и большинство из того, что я пишу. В ответ он замолчал, и надолго. «Обиделся», — решил я. При первой же встрече задал вопрос: «Подрываю авторитет либерально-демократического журнала?». В ответ увидел только ухмылку... А затем прозвучало насмешливое: «Какого-какого?» — и общение возобновилось...

Он доверял мне, как и всем людям, но та «плесень» была с моей стороны последней выходкой... В девятом совместном «Подорожнике» (№13) текстов за моей подписью, не читанных Стариком перед сдачей выпуска в печать, шло уже четыре... Он сильно нуждался в помощи... Он тащил за собой этот проклятый воз краеведения, выполняя молчаливое обещание, данное обществу. Он чувствовал себя перед ним в долгу...

8

28 сентября 2015, 15:11

Юрий Лукич, благодарю за приглашение²⁹, но времени до января мало, ничего не успею. Старые мои запасы израсходовались, вместе с ними и я сам, а новые ни запасы, ни силы не приобретаются. Да, побыл в Тобольске четыре дня, успел совсем чуть-чуть и почти ни с кем не виделся. Впрочем, у нас будет возможность повидаться в Тюмени. Если свидание случится, можем порасуждать на эту тему вместе. Мне хочется тюменское время потратить на моих сургутских старожилов и приблизиться на новый год к окончанию этой темы. Выезжаем 19 октября, сразу после Лопаревских чтений, которые 16-го. Библиотека хотела вас пригласить да опоздала. А библиотека Тобольского музея робко спрашивает: нельзя ли получить экземплярчик «Большого городища»? Домой возвращаемся 22 ноября. Приятного вам с Любовью Павловной времяпрепровождения в Европе. В.Б.

Верность Его слова была исключительной. Пообещал привезти книгу из Хантов — сделает. Сказал, что напишет, — можно быть уверенным, что к обещанному сроку материал будет лежать у тебя на столе. Человек почти исчезнувшего поколения...

Как-то в канун юбилея Победы женщина, выполнявшая роль девушки-секретарши и потому имевшая влияние на своего начальни-

²⁹ Я планировал очередной номер «БГ» и искренне приглашал Его участвовать. И обещал, что буду ждать, сколько потребуется. Графика сдачи номера в печать ведь нет...

ка, делала широкие жесты перед моим носом: «А пусть он напишет заявку. И мы включим в план. Будут ему деньги». Ей хотелось иметь еще и такого мужчину на посылках. Этой подначальнице я пытался возражать: «Да это же Он! Деньги можно давать под такое Имя. Достаточно Его слова!». Я побоялся даже рассказать Ему об этом. В тот момент Его дело нуждалось в деньгах. Горели какие-то командировки. Он сам садился за компьютер и расшифровывал рукописи, которые послезавтра должны стать свеженапечатанными книгами...

Вспомнилась история с Анной Неркаги. На Ямале (кажется, Департамент по культуре возглавлял могучий Владимир Гуца) для поддержки талантливой писательницы, занимавшейся еще и предпринимательской деятельностью, была выделена ставка литературного секретаря. Не знаю, у кого или при ком. Людмила Липатова, разбирая наброски, сделанные на клочках бумаги, соединила их в безумно талантливый текст «Белого ягеля». Но это было так далеко. На Ямале!.. Не исключая, что такая же помощь могла быть оказана и Ему... Но все, очевидно, верили в Его разединственную Музу, Валентину Андреевну, которая всегда рядом и сможет во всем помочь. Но что мы можем знать о жизни партикулярного человека, если он сам себя не рекламирует...

Встретился еще один персонаж, явно не из нашего общества. Тот не хотел ничего знать о цене слова Краевода, отдав на откуп вездесущим москвичам составление книжки об одной из столиц Азиатского Севера. В помощники «навозному» редактору был приглашен Он, владеющий, как никто, местной темой. Думаю, что отказ участвовать в сделке, унижающей достоинство Краевода, был гораздо более мощной и громкой оплеухой... Об этой истории я услышал из чужих уст. Такие невнятные истории из Его биографии не становились достоянием гласности. А если это и случалось иногда, то каким-то мелким штрихом, не усугубляющим жизнь окружающих. Он явно знал цену встречного возражения: «Не надо меня грузить!»

Когда страшное случилось³⁰, я позвонил своей коллеге Вере из редакции аромашевской районной газеты и сообщил о письме с андроида. Вера работала под Его руководством в нижевартовском издании. Умеющая сочувствовать чужому горю, она тут же ответила: «Удивительный был человек, хороший человек, — и после небольшой паузы добавила: — Но мы не дружили...». Разговор наш иссяк. Чем было вызвано это уточнение? То ли тем, что более четверти века назад завершилось их совместное поле деятельности?

³⁰ См. последнее предложение текста...

Или нижевартовский период³¹ для них, как считают некоторые, оказался неудачным?

И я подумал, что женщины — удивительный народ, привыкший все раскладывать по полочкам, все внятно формулировать. Я так для себя до сих пор и не понял: дружили ли мы?

Встречались, писали письма, обсуждали проблемы краеведения, ходили в гости один к другому. Скучали, если кто-то из нас надолго пропадал. Иногда Он соглашался, чтобы я на своем маленьком автомобиле куда-нибудь Его свозил по делам. Было это делом нечастым. Если Ему предстоял вылет ранним утром, то Старик вообще предпочитал вызвать такси, а не тревожить мой сон. Очевидно, это и называют банальным словом «дружба»?

9

29 сентября 2015, 10:39

Прошу прощения, Юрий Лукич. У меня не было намерения звонить Вам, но вот как-то произошло³². Это для меня загадка. Не пора ли навеститься к психотерапевту? А может нечаянно ткнул не в ту кнопку и к психотерапевту можно еще повременить? Во всяком случае это для Вас повод задуматься, стоит ли подобных авторов привечать в столь достойном издании, как «Большое городище»?

Стати, о «БГ» спрашивал Вячеслав Юрьевич Софронов³³. Он уже несколько лет интересуется историей путешествий и открытий на нашем Севере и мог бы что-то предложить. Его телефон: 8-919-xxx-xx-95³⁴. Извините.

³¹ В этом, по моим меркам, мертвом городе Валерий Константинович был редактором одной из газет. На волне демократических перемен, опять же по слухам, его не переизбрал коллектив. Почему я пользуюсь сомнительным источником? Об этом периоде его жизни не вспоминал никто и нигде. Хотя отрицательный опыт делает жизнь каждого гораздо богаче, чем положительный. В моей жизни таких историй была тьма, и я их до сих пор не стесняюсь... Ну, было... Выкристаллизовавшемуся человеку не может помешать даже большинство, которое, как мы с детства знаем, всегда право!.. Всегда ли?

³² Разница во времени между Португалией и Ханты-Мансийском — пять часов. Ко мне поступило, можно сказать, еще не ушедшей ночью, три звонка. Я наконец-то проснулся и перезвонил. Думал, что что-то стряслось...

³³ Доктор исторических наук, профессор кафедры истории, философии и МП (когда-то) Тобольского пединститута им. Д.И. Менделеева.

³⁴ Заменил несколько цифр ради соблюдения пресловутого Закона о персональных данных.

О моих непростых отношениях с человеком, называвшим себя скромно «единственным и последним историком» на посттобольском пространстве, Краевед знал. Но просьбу его мне передал, наверное, потому что обещал. А может, хотел хоть таким образом помочь «БГ». Сообщил об этом без надрыва. Таким уж Он был обязательным человеком.

Мне нравилось бывать в доме историка, ходить по его великолепно отформатированным под домашний музей подвалам. Навещать комнаты со старым оружием, хранящимся под стеклом. Я всегда бывал в восхищении, когда слышал о каких-нибудь письмах Виктора Костюрина, случайно найденных тоболяком на берегу Иртыша. «Следопыт», — думал я. А еще я любил пирожки, которые стряпала жена Вячеслава Юрьевича, искусствовед, кажется, Марина (хотя не исключаю, что забыл: давно не ел ее пирожков). Домашние, с картошкой. Такие в детстве стряпала для меня моя мама. Сейчас аналогичное кулинарное изделие сооружает по моей просьбе жена, так что ходить в гости к Вячеславу Юрьевичу исчезла нужда. Да я что-то и не припомню работ самого Софронова в «Подорожнике»... Может, не отложилось...

У меня хватало всяких проблем в межличностных отношениях. Но отсутствие формальностей в нашем общении сохранялось всегда.

Правда, один раз мы это правило нарушили...

Желая торговать книгами моего издательства, один из предыдущих директоров ТИАЗМ взял их под реализацию почти на сто тысяч. В качестве залога передал из фондов музея десять подшивок дореволюционной периодики. Литература растаяла в ТИАМЗ как дым, но деньги за нее я получить никак не мог. «Вначале деньги», — твердил я как дальневосточный партизан: воевать законным путем с бывшим комсомольским работником было весьма сложно. В ответ слышал угрозу, уже из уст нового директора, что меня за хищение госсобственности сдадут в прокуратуру.

И когда средства, на которые я мог издать пару тиражей, за те самые книги пришли на расчетный счет, я похвастался перед Ним своей маленькой победой. Он оживился, словно сбрасывал камень со своей души. Видимо, не знал, как мне помочь: «Обязательно сохраните это в архиве. Чтобы потомки не подумали...». И сообщил, что ему некто (чье имя мы оба знали) прислал по электронке файл со статьями в рекламной газете «Дюжина»³⁵. И я понял, что, несмотря на расстояние между нами, мы дышим одним воздухом, в котором не только архивная пыль, старые книги, дореволюционная периоди-

³⁵ См.: Мандрика Ю.Л. Не едите в Сочи. На халяву... // Лук & Чок. 2009. Вып. 4. С. 165–168.

ка, но и слухи, сплетни, мифологизирующие каждого уже при его жизни и деформирующие восприятие человека человеком.

Как-то раз меня попросили написать характеристику для награждения Краевода очередным знаком, званием — не помню чем. И я написал, что Он «пока никем не понятое до конца явление сегодняшнего дня»! Обычная фраза, без иносказательности. Но с течением времени она превратилась в штамп, который начал шляться из документа в документ. При очередной встрече Он всерьез возмутился: «Что за чушь кто-то придумал!». Деликатности Ему было не занимать. Я понял, что автора блудливой фразы Он знает в лицо.

10

8 октября 2015, 8:45

Юрий Лукич, только что получил Ваше послание и искренне рад. Поздравляю с редкостной рецензией³⁶ — емкой, умной, доброжелательной, не упертой и зацикленной на стиле. Е.С. Социна³⁷ мне, неучу, далекому от размышлений о цензуре, убедительно показала все достоинства Вашего труда. Ну что Вам остается? Безмятежно отдыхать все оставшееся для Испании время, а Любови Павловне с гордостью думать: какого хлонца взрстила! Обнимаю.

Краевед — это Вам не любитель кактусов. Ему сложнее поделиться с публикой радостью появившегося цветка. Я иногда делал это, если хотите, хвастался перед своими родными, близкими. Вот и послал Ему, одному из первых, мнение другого историка печати о моем труде, в который я вложил кучу сил и энергии (в одном только читальном зале РГИА около года чистого времени просидел...). Двухстраничная рецензия на мою книгу с мелкими упреками в неделикатности по отношению к коллегам (я кое-кого заподозрил в плагиате и лжи), а на нее отзыв в три строки. Но каких!

Я физически почувствовал укол рапирой в лицо: деликатно, но меня на самом деле упрекали за ту самую «плесень, которая расцвела» на страницах «Подорожника». В «БГ» она была уместна, а вот в Его альманахе — факт вопиющей антисанитарии. Было ли это для

³⁶ Опубликована в: Цензура в России: история и современность: сб. науч. труд. СПб., 2015. Вып. 7. С. 495–496.

³⁷ Доцент кафедры истории журналистики Санкт-Петербургского университета, автор книги «Петербургская универсальная газета конца XIX века» (СПб., 2004).

меня уроком? Скорее, я признавал мудрость Учителя, до которой в этой жизни мне точно не дорасти.

11

14 декабря 2015, 10:45

Что у нас хорошо, так это мягкость начала зимы. Вот уже второй месяц тепло. И скоро минует самый короткий день, появятся транспаранты: «До наступления лета осталось ...дней!» После приезда из Тюмени как-то быстро оправился, взбодрился и чувствовал себя хорошо целый месяц, но вот в минуцию пятницы вечером поболел часок живот, а ночью подскочила выше 39 температура без малейших признаков простуды и держалась сутки. Полагаю, что это прodelки желчного пузыря, и надо идти к хирургу.

Вообще пора мне уже разрывать тот порочный круг, в который попал в последние годы: тебя тщательно обследуют, назначают лечение, реагируют на симптомы, посылают на новые обследования, открываются новые болезни (их много), назначаются новые лечения, расширяется круг знакомств в медицинском мире.

Смерть где-то впереди, а жизнь уже кончилась, незаметно переросла в лечение. Впрочем, сворачиваю эту обширную тему. Чего-то такого значительного в повседневности (моей личной и ближнего круга) не произошло, и даже как-то по-хорошему завидую вашей деятельной жизни и ее практическому направлению. Вот бы и мне что-нибудь подобное сообщить, но увы...

Даже с Дедом Морозом, в которого Ксюша продолжает свято верить, а Даша³⁸ уже смотрит как на менеджера по подаркам, еще не повидались. Наверное, к следующему письму что-то подкопится. Как переживается утрата тюменского круга? Клянемся Любви Павловне, пусть ей с каждым днем становится в Москве все уютнее. Ваш В.Б.

Весь минувший год я планировал очередной номер «БГ» посвятить восьмидесятилетию Краеоведа, который изменил не только мир мой, но и в чем-то меня самого. Знакомство с Его творчеством было откровением, очень далеким от того занудного предмета, который читала Лариса Георгиевна Беспалова в Тюменском университете. Она все знала о писателях, имевших отношения к нашей территории, но увлечься «пылью, которую видит главный герой где-то на горизонте» благодаря ей я не смог.

Я уже договорился с Люси Караваевой, что она встретится с Ним, задаст вопросы о жизни Его духа, который вершит правосудие над

³⁸ Внучка, дочь сына Алексея. Живет в Ханты-Мансийске.

людьми, не смеющего усомниться в праве Человечества на потерю исторической памяти.

Ближайшее окружение видело, как Краевед, не торопясь, но быстро искал свою дорогу, чтобы предложить другим понимание иного пути, в котором не сносят кладбища, чтобы поставить на их месте скамейки для влюбленных. Пока это была тропинка только одного Старика, ведущего к Образцу... Палец застыл над клавиатурой, потому что владелец его так и не смог ответить на вопрос: Образцу чего? Ну, наверное, не абстрактному же Образцу, довлеющему над всем?

На ум приходил все тот же Е.Д. Петряев: «...торопят с продолжением словаря, но, признаться, руки не поднимаются. Трудность в том, что обилие moskitных авторов нацело лишают возможности выбрать убедительный критерий. Ну куда, спрашивается, деть всех микроспециалистов по пыльце, каменным разновидностям, мышам, бобрам, травам и проч. Мне хочется отобрать тех, кто писал о людях, о нравах, быте, культуре населения и проч. А что дает краю какой-нибудь анатом, если он следит на трупе <...> за ходом какого-нибудь нерва? <...> Беда в том, что мы сильны в критике и почти беспомощны в создании образца. Некая Туровская ругала меня за необоснованное включение в словарь известных писателей, а другой спец., некий Моргенштерн из Улан-Удэ, наоборот, упрекает за неполный набор таких имен. По-моему, вред этих теоретиков пора осознать и заставить их самих сделать нечто достойное подражания. Особенно сложным стало положение сейчас. У нас здесь тоже мучаются: кого включать, где мерило связи с краем, как поступить с такими “птицами”, которые летают не только из края в край, но и меняют специальности или выступают удачно во многих направлениях? Где получить внятный ответ?

Где взять образец?»³⁹.

Интервью о тропинке Старика на пути к последнему не случилось. Ему стало плохо. Из санатория «Сибирь» отвезли по «скорой» в больницу...

Сегодня вспоминаю время «Сибирского листка», когда я торопился, боялся, что комментарии к последнему тому написать будет некому. Подгонял Его, насилуял отсутствием времени для вдумчивого творчества. Меня заставляло это делать отсутствие всяческих денег на проект, которому только мы вдвоем могли дать жизнь. Он стойчески переносил мой напор и тудился, тудился, изредка тихо, по-интеллигентному огрызаясь...

³⁹ РГБ, НИОР. Ф. 640. К. 8. Ед. хр. 34. Л. 1–1 об.

А мне так хотелось неформального интервью, в котором бы Он мог раскрыться, перестал быть «непонятым явлением»... И я признавал, что на этот раз точно не успеваю.

12

26 марта, 15:03

Юрий Лукич, с благополучным приземлением⁴⁰ вас вместе с Любовью Павловной, теперь вы уже, наверное, вполне португальцы. Безмятежных дней европейской весны вам и полного благополучия! Если Вас, Юрий Лукич, интересуют ханты-мансийские новости, то вот первая: Т.В. Пуртова готовит к маю очередную «Югорику». Исполнилось пять лет обществу краеведов Ханты-Мансийска. Все это пока проходит мимо меня. Желание что-то делать есть, но почти каждый день со второй половины поднимается температура — и вот ты уже вне игры, до «второго тайма» дело не доходит. А первый трачу на перевязки и др. скучные и мелкие делишки.

У нас всю развернулась весна, много солнца, и температура все стоит близ нуля.

Раньше, когда песочек из Его бурдюка жизни не высыпался так быстро, Он не интересовался событиями вокруг Него. Он жил ими. Он был их частью. В конечном итоге многообразная жизнь Краеведа всегда давала информационный повод для будущих публикаций. Полученное письмо было весьма тревожным сигналом.

На телефонные звонки Он отвечал не всегда. Позже родные объяснили, что Старик снова был в реанимации.

Во время очередного телефонного разговора Он коснулся своего обещания. Я успокаивал Его. Пытался по телефону внушить, что он еще соберется с силами, что я готов ждать столько, сколько Ему понадобится, я никуда не тороплюсь, да и альманах мой — это только мои обязательства перед собой. Издание никто не ожидает, даже члены элитного клуба, авторы «БГ».

И тогда Он предложил вариант: «Ко мне придет Татьяна Владимировна, мы составим план беседы о краеведении. Потом поговорим. Если захотите, присоединитесь к нам заочно. Мы практически одинаково смотрим на понимание местной истории».

⁴⁰ Желая сэкономить, мы купили билеты в Лиссабон через Стамбул за полгода до всяческих самолетных событий. Уже перед самой посадкой в пункте назначения в снижающийся борт шарахнула молния. Притихшие пассажиры обреченно ожидали своей участи. Обошлось даже без истерик...

Я отдавал себе отчет, что ждать от лежачего Старика обещанный материал жестоко. Но что говорят в таких случаях... У меня опыта не было. Пока...

13

28 марта, 7:48

Дорогой Юрий Лукич, всей ватагой поздравляем Вас с днем рождения. Желаем поскорее акклиматизироваться и этим усмирить строптивый сахар, чтоб он не препятствовал безмятежному отдыху в португальской глуши и умиротворению души. Времени впереди еще много, настанет черед и для комна, нельзя же сразу быка за рога. Учитесь у тамошних тореадоров. А что писатель Сергей Козлов⁴¹ уже и профессор, и ас по части депутатской лексики⁴²? Что при этом он патриот, в этом никаких сомнений быть не может, конечно. Наш праздничный привет Любови Павловне и приятного вам времяпрепровождения в этот день. Чертовски хочется увидеться. Пытаюсь обнять, но руки коротки.

Я снова взял с собой материалы для написания второй части книги «Цензура поэтики и поэтика цензуры». Их было много, почти полчемодана. Но второй год подряд на океане не писалось совсем. Приятней было пройти за семь километров до нудистского пляжа, впервые в жизни раздеться донага перед разношерстной публикой и понимать, что ты свободен от всего. В первую очередь — от людей, которые могут что-то сказать о тебе. Ты не мотивируешь себя, чтобы оправдать их ожидания. Хотя давно уже ясно, что в тебе хотят видеть лишь среднестатистического мэна, не вываливающегося из толпы.

⁴¹ В то время — депутат областной думы. Писатель, некоторые книги переведены на иностранный. Преподаватель Тюменского государственного университета. В свое время, как я помню, приложение «Краевед» загнулось практически сразу после прихода С. Козлова редактором в «Новости Югры». Аналогичная история случилась у Валерия Константиновича, сотрудничавшего с многокрасочной «Югрой», которая концептуально стала ориентирована на богатого югорчанина после того, как туда главным переместился писатель С. Козлов. Кажется, так, если мне не изменяет память... И тогда понятна ирония Валерия Константиновича, которую он позволил себе на больничной койке...

⁴² На фейсбуковском кластере, когда задолго до предстоящих выборов началась пиар-агитация, меня шокировало слово, граничащее с уличной бранью, написанное депутатом. И мы сцепились...

Я жаловался Ему на свое творческое состояние. Что утратил темп работы. Что почему-то не пишется. Нет того стимула, который возникал при работе над первой частью. Может быть, потому, что уже знал, что у книги окажется снова не более двух-трех читателей. Я остановился перед теми же граблями, на которые наступал все время и Старик. Это состояние оказалось противным, для его преодоления нужно было особое мужество. Все равно как в детстве, в интернате, перед одноклассниками в бане...

14

8 мая, 23:52

Дорогой Юрий Лукич!

Рад вашему скорому возвращению в Москву. Как и Вы, в апреле я почти ничего не написал, но тоже много думал о краеведении. Большую часть апреля провел в больнице, здесь лежал и думал. Пришел вот к какому, по-моему, единственно верному решению: не статью надо писать о минувшем 25-летии, а диалог с Т. Пуртовой. Я ей позвонил, объяснил замысел — она вроде приняла и согласна на беседу. План беседы я сегодня закончил и отдаю ей на критическое рассмотрение. Далее, когда выйду из больницы, поговорим под диктофонную запись. Запись еще надо будет расшифровать и отредактировать, а затем вышлем на Ваш суд. Мне думается, что мысли, Ваши и мои, во многом совпадут, и Вы при желании можете стать третьим участником этого разговора. Только бы хватило сил выполнить все это, казалось бы, не многое.

Итак, с возвращением. Наш привет Любови Павловне.

Уже потом, когда все случилось и я звонил по новому кругу тем же людям, сотрудничавшим с «Подорожником», в ответ слышал веселое: «Это один раз в твоей жизни уже было!»

15

16 мая, 20:39

Юрий Лукич, это Надя. Папа умер...

В.К. Белобородов

25-летие краеведческого отдела Государственной библиотеки Югры и журнала «Югра»

Новый этап в югорском краеведении

План предполагаемого диалога краеведов региона

1. Характеристика предыдущего этапа как преимущественно музейного. «Личные» музеи: Ф.Я. Показаньев, Н.С. Цехнова, Н.Е. Филиппович. Школьный музей Ю.Г. Созонова, музей Нялинской школы И.Н. Киренского, музей истории народного образования Сургута и Сургутского района В.Я. Некрасовой (Краевед. 1996. 25 июня, № 6), П.С. Бахлыкova, А.Н. Хомякова, А.П. Ярошниковa.

*Книги В.К. Белобородова.
В некоторых из них он – соавтор*

2. Начало деятельности краеведческого отдела. Накопившиеся лакуны, определение направления работы. Нахождение и популяризация исторических источников. Переиздание литературных памятников («Тобольский Север», «Самарово», «Тобольский Север глазами политических ссыльных»), участие в этой деятельности журнала «Югра», библиотечка журнала «Югра». Поддержки: одного издания библиотечки департаментом культуры, директорами библиотек и др. учреждений журнала «Югра». Ценные тексты: «Югорский репринт», Электронная библиотека, «Югорика». Расширение фонда, связи

с другими библиотеками. Библиография. Зарождение краеведческой периодики. Начало, не имевшее продолжения: краеведческий сборник, выпущенный в Ханты-Мансийске в 1958 г.

3. Историко-культурный журнал «Югра», его специфика. От «Югры» к «Краеведу». «Подорожник».

— Что мы искали? Прежде всего — первоисточники, чтобы заметить искаженную советской историографией картину прошлого подлинными документами.

Прежде всего искали информацию о деятелях прошлого, т.к. история, которую нам преподносили, была совершенно безлюдной. Первое, что нас интересовало, — история местного краеведения и биографии его деятелей.

— Периодика. Широко пользовались в 90-е гг. при поиске информации для словаря «Ученые и краеведы Югры» изданиями «Тобольские губернские ведомости» (в 3 т., изд. Ю. Мандрика), «Тобольские епархиальные ведомости» (электронное издание; тиражировано «Баско»), «Сибирский листок» (в 5 т., изд. Ю. Мандрика). «Ежегодник Тобольского губернского музея» (указатель содержания; электронное издание), о чем и не мечтали. Увидели ценность старой (и всякой) периодики и значение Тобольска как исторического города. Библиография периодики.

4. Что устарело, что осталось? Примеры находок в периодике (Дмитриев-Садовников, Плотников).

5. Архивные источники. Искали в архивах Тобольска, Екатеринбурга, Омска, Тюмени, Ханты-Мансийска, Березова, Сургута. Настоящим кладом оказался Государственный архив Томской обл., в котором есть фонд Западно-Сибирского учебного округа.

Примеры: «...судьбу этих людей можно устроить лучшим образом» (Подорожник. Вып. 3); «Инцидент на Белоярской пристани» (Подорожник. Вып. 4); Костиков Л. «Одна из причин экономического истощения туземцев Крайнего Севера Сибири» (Подорожник. Вып. 11).

6. Увлекательность исторического поиска (на ловца и зверь бежит), неожиданность открытий. Трудно бывает остановиться (пример — записки А.В. Титова, найденные в Государственном историческом архиве Омской области. Прямые обращения к генерал-губернатору. Служба в Березовском крае и Сургуте. Неатрибутированные воспоминания в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ). Где тонко — тут и рвется: заметки о Березовском крае (Подорожник. Вып. 2. С. 4–21). «Обдорская ярмарка: по рассказам очевидцев и деятелей» (Подорожник.

Вып. 1. С. 99–106); «Мои воспоминания о северном крае Тобольской губернии» (Подорожник. Вып. 8).

Архив Русского географического общества: «Тобольской губернии город Березов: местные этнографические описания» (Подорожник. Вып. 3); Николаев О. «Об этнографическом описании г. Березова священника Василия Тверитина» (Подорожник. Вып. 3).

Особая тема: Петербургский филиал архива РАН (ф. 107).

Благодарность за возможность ездить в командировку (Государственная библиотека Югры, Коля Филимонов). Счастливые годы поисков. В эти годы мы прикоснулись к еще одному пласту документов — документам церковей, источнику персональной информации, позволяющему выстраивать родословные.

7. Рукописные источники из частных архивов. Паутина связей.

Для публикаций использовалась «Библиотечка журнала “Югра”».

Ф.Ф. Ларионов. Семейная хроника (*заслуга А.К. Михайленко*) — замечательный памятник, до сих пор полностью не изданный.

А.С. Знаменский. Летающие мысли (*тетради получены от внучки Елены Аркадьевны Знаменской*). — 1999. № 2; Первов А. На Сосьвинских песках (*публикация В.Ю. Лыткиной*). — 1992. № 1; 1993. № 6; Гладкий И. Ф. Из дневника. — 1993. № 6, 7; Бородихина Е.И. О моем Отце (*А.К. Михайленко*). — 1993. № 6; Захаров Е.Н. Дневник новобранца (*В.С. Колмакова*). — Подорожник. Вып. 2, 3; Кузнецов К.И. Записки Самаровского крестьянина (*Л.С. Карандаева*). — Подорожник. Вып. 9. С. 122–126; Родионов Н. На медленном жертвенном огне (*В.М. Родионова*). — Подорожник. Вып. 12. С. 75–111; Корепанов К.М. Самодельная энциклопедия (*Г.К. Сорокина*). — Подорожник. Вып. 7. С. 108–123.

Козлова Ю.М. Из набросков к повести «Сенькин» (*Г.А. Попова*). — Подорожник. Вып. 9. С. 178–182. Вып. 6; Каскин И.Н. У родного чугаса (*Л. Луцкай*).

Лопарев П.И. Сквозь туманы и шторма (*дневник получен от Дианы Платоновны Дорониной*); Жизнь коммуниста Бориса Африкановича Степанова (*Жизнь в ссылке*). — Ханты-Мансийск, 2013 (*издание Музея природы и человека*).

О безвозвратно утраченном (дневник Ф.К. Зобнина, который он вел в Сургуте, встреча с Борисом Борисовичем, картина Буркина, переплетенные книги). Подворная перепись населения Сургута, проведенная врачом В. Е. Клячкиным и мн. др. — Подорожник. Вып. 4).

При этом — ощущение неясности источников исторических знаний.

8. Что нашли: обилие забытых имен местных деятелей, возвращение их в местную историю. (Самарово — рыбная школа.

В.Т. Земцова, прародительница Тобольского рыбтехникума. Березовский уезд — уже упомянутый Ф.Ф. Ларионов (А.К. Михайленко), Я. Штернберг — врач и крупный общественный деятель. Продолжение его журналистской деятельности врачом Зальмуниным. Новые материалы (Краевед. 1999. №9, 10). История портрета Абрамова. Н. Герасимов. Кондинский район — врач Э.М. Сенкевич. Карцевский (Богданов, ориентир нашел в фонде самого музея, преемственность).

*Фестиваль краеведческой книги
в Государственной библиотеке Югры
«Югорика-2008».
Бессменный член жюри фестиваля*

9. Многих замечательных людей прошлого мы узнали, когда изучали историю тобольского и югорского краеведения и готовили к изданию биобиблиографический словарь «Ученые и краеведы Югры». Если брать конец XIX — начало XX в., то это: Николай Лукич Скалозубов, Г.М. Дмитриев-Садовников (книга «Версты и строки»).

10. Послеоктябрьский период: В.М. Новицкий, М.А. Протопопов, М.А. Воскобойников, Ф.В. Вашкевич, И.Л. Худяков, В.Г. Балин, П.Д. Агеенко.

10. Участники работы на последнем этапе (соратники).

А.В. Кузнецов, Н.И. Ездаков, И.Н. Канев, В.Д. Конев, О.А. Кошманова, А.К. Михайленко, П.К. Ситников, А.Д. Сургутсков, И.П. Захаров, П.С. Бахлыков, Ю.И. Гордеев, Е.И. Ромбандеева, А.М. Конькова, Е.И. Кузакова, А.М. Тахтуева, Г.Н. Тимофеев. Л.В. Луцкая, Т.А. Молданова, Е.А. Грошева (Шмелева), Ю.С. Хозяинов, Н.М. Чащина, Л.Ф. Струсь и его мед. музей, В.Ф. Струсь.

Сотрудничество как ценность. Краеведение как система координат, охватывающая сообщество ярких личностей (Л.И. Либов).

Спонтанность, неожиданность, открывающиеся возможности внутри такой системы координат. В спланированном номере как результат сотрудничества появлялось что-нибудь неожиданное.

Ю.Л. Мандрика. Сотрудничество с библиотекой в области книгоиздания. Его книгоиздательская деятельность в целом.

Мандрика — редактор краеведческих журналов. Сотрудничество.

11. Некоторые итоги 25-летия.

Библиографические работы. Отзывы коллег из Российской национальной библиотеки о наших указателях.

Что делать с накопленным знанием? (Школы. Библиотеки. Нужны хрестоматии по краеведению для школ).

Во много раз шире стал объем информации по истории края. Особенно ценно то, что история стала «населенной», мы узнали многих замечательных местных деятелей. Стало развиваться исследовательское направление. Частные исследования родословных.

Лопаревская тема и Лопаревские чтения. Сборник документов, статей и очерков памяти Х.М. Лопарева к 100-летию со дня его смерти. Появилась и длительное время существовала краеведческая журналистика. («Югра», «Краевед», «Подорожник» и др.)

12. Сегодняшний день:

События, требовавшие организаторских усилий:

А.А. Сивков (Сбор рода Шейминых);

Я.А. Яковлев (Спасение амбара);

Архив (Начало Родословных чтений).

Общество краеведов Ханты-Мансийска (связи, мини-музей).

О необходимости музея истории Ханты-Мансийска. Отсутствие хронологии и нынешний «юбилей». Дом Кирова, 22.

Отсутствие экспертного сообщества, способного высказать коллективное мнение по важному спорному вопросу, защитить коллегу.

Краеведение как стимулятор общественной жизни. Пока же в России многие десятилетия повестку дня для общества определяет государство. Расцвет краеведения возможен только при развитом местном самоуправлении (Культурные гнезда).

Возмутители спокойствия.

Конец апреля 2016 г.

Новый этап в югорском краеведении

*25-летие краеведческого отдела
Государственной библиотеки Югры
и журнала «Югра»*

Все, что опубликовано ниже, задумывалось как беседа о 25-летнем становлении югорского краеведения и сотрудничестве Государственной библиотеки Югры с Валерием Константиновичем Белобородовым — корифеем, отцом, вдохновителем (как угодно можно сказать и все будет верно) краеведения в Югре.

Он мечтал написать о целой эпохе югорского краеведения, вынашивал темы и даже написал развернутый план. Думал о статье последнее время и как человек слова, давший обещание, не мог не выполнить его. Но есть высшие силы, которые нам не подвластны...

Мой долг, как сумею, написать о задуманном по его плану...

В.К. — «Всем, чего удалось достичь за последние 25 лет ханты-мансийскому краеведению, мы обязаны, в первую голову, сложившемуся в начале 1990-х годов и существующему поныне содружеству небольшой группы единомышленников, взаимному сочувствию, духовной и деятельной поддержке...».

Т.В. — Да, помню, в это время в Государственной библиотеке, которая находилась по ул. К. Маркса, приняли решение создать краеведческий отдел и предложили мне его возглавить. Имея опыт работы с местной книгой, я, тем не менее, совершенно не знала, с чего нужно начинать в библиотечном краеведении. Помогли, отчасти, интуиция и опыт более крупных библиотек...

Напротив библиотеки, в здании бывшей гостиницы «Иртыш», расположилась редакция журнала «Югра». Редакция — громко сказано, она состояла из двух человек: Валерия Константиновича Белобородова и Николая Ивановича Коняева. Сейчас, зная время, в которое все это затевалось, трудно себе представить, как можно было отважиться на дело, сравнимое с авантюрой! Но Валерий Константинович смог создать команду единомышленников, найти хоть маленькие, но деньги, бумагу, типографию. И в течение четырех лет издавал журнал, сам его редактировал, сам искал авторов, материа-

лы... До сих пор каждый номер той невзрачной на вид «Югры» является кладезем для исследователей.

В.К. — «Свой исторический ликбез я начал, вступив в пенсионный возраст. Работа в редакции историко-культурного журнала «Югра», редактирование «Краевода» (приложение к «Новостям Югры»), а затем — краеведческого альманаха «Подорожник»».

Т. В. — Но возрождение краеведения началось не случайно. И характеристику историческим этапам у нас на Севере, опять же дал Валерий Константинович во вступительных статьях к изданиям, которые были подготовлены им совместно с краеведческим отделом окружной библиотеки.

В.К. — «История краеведения показывает, что оно, приобретая угнетенные формы в период авторитарного управления, при демократическом «потеплении» всякий раз оживает и становится стимулятором самостоятельного, неоднобокого развития.

XIX век вплоть до последней четверти на нашем Севере был временем краеведов-одиночек. Это были государственные служащие, ссыльные, представители духовенства (Г.И. Новицкий, Н.А. Абрамов, Е. Фелинская). Этот период можно охарактеризовать как предысторию краеведения на Обском Севере. Во второй половине XIX столетия начинает осознаваться потребность в планомерном и всестороннем изучении Сибири местными силами...

Наибольшее значение для Обского Севера имело создание в 1870 г. усилиями чиновника губернского статистического комитета Ивана Николаевича Юшкова Тобольского губернского музея. Последующие полвека стали временем расцвета северного краеведения. Под руководством и при весьма активном участии таких замечательных деятелей сибирской культуры, как Н.Л. Скалозубов, А.А. Дунин-Горкавич, В.Н. Пигнатти и др., музей вел обширные разноплановые исследования.

Бесценным источником о крае стали 29 выпусков «Ежегодника Тобольского губернского музея», изданные в период с 1893 по 1919 г.¹

¹ В 2010 г. «Ежегодник» стал частью проекта «Югорский репринт» Государственной библиотеки Югры. (Ежегодник Тобольского губернского музея 1893–1918 гг. [Электронный ресурс] / [авт. вступ. ст. В.К. Белобородов; сост. указ. Т.В. Пуртова; ред. О.А. Хасанова]. — Электрон. версия репр. воспр. изд. — Екатеринбург: Баско, 2010. — 1 электрон. опт. диск (CD-ROM) + бр. (48 с.). — (Югорский репринт).

В.К. Белобородов с сотрудниками отдела краеведческой литературы и библиографии Государственной библиотеки Югры. 2007 г.

Наряду с «Ежегодником» выходили и другие издания краеведческого характера: «Памятные книжки Тобольской губернии», «Адрес-календари Тобольской губернии», «Тобольские губернские ведомости», «Тобольские епархиальные ведомости», «Сибирский листок»².

Музей имел своих действительных членов с единовременными и ежегодными взносами не только в Березове, Сургуте, Самарово, но и в таких крохотных северных населенных пунктах, как Базьяны, Реполово, Кушиково, Сартынья, Щекурья, Чемаша и др. Музей умел ценить своих помощников с периферии. Почти в каждом выпуске «Ежегодника» мы находим изъявления благодарности в адрес тех, кто сделал пожертвования, регулярно публиковались и списки членов».

Т.В. — Из «Ежегодника» мы узнали плеяду имен местных краеведов: В.Н. Герасимов, Г.М. Дмитриев-Садовников, Л.А. Кориков-Ми-

² Благодаря Валерию Константиновичу и Юрию Лукичу Мандрике, а также другим подвижникам эти издания стали доступными современным исследователям, но об этом чуть позже...

хайлов, И.С. Голошубин, П.В. Земцов. Ф.Ф. Ларионов и др., затем этот список расширялся, накапливалась биографическая информация, а затем мы познакомили современных исследователей с их именами.

Следующий этап краеведческого движения начался в 1920-е годы.

В.К. — «Прямыми наследниками Тобольского губернского музея как краеведческого центра стали музей Тобольского Севера (тот же музей, переименованный при советской власти) и Общество изучения края. Одной из важнейших особенностей деятельности Общества изучения края было то, что его руководители стремились придать краеведению массовый характер. Очень много усилий прилагалось для развития школьного краеведения. Наиболее крупным достижением Общества изучения края было образование филиалов и отделений в Кондинском, Шеркалах, Березове, Обдорске, Сургуте, Демьянске. Круг интересов краеведов был широким...».

Т.В. — Начиная с 1924 года, в Тобольске почти непрерывно выходят краеведческие периодические издания: журналы «Наш край» (1924–1925) и «Тобольский край» (1925)...

В.К. — «...Последним звеном этой цепочки был краеведческий журнал «На социалистической стройке», издававшийся в 1931г. Тобольским бюро краеведения и музеем Тобольского Севера. Этот журнал стал документом, засвидетельствовавшим наступление для краеведения времени бюрократизации, неоправданного расширения сферы деятельности, команд и политической фразы. Резко упал интерес к личности краеведа.

Образование в 1930 г. Остяко-Вогульского и Ямало-Ненецкого национальных округов для северного краеведения означало утрату преемственности. С этого момента административными границами оно было отрезано от такого сильного направляющего центра, как Тобольский музей, к которому тяготело десятки лет...».

Т.В. — Все, о чем было сказано, является условно первым этапом Северного краеведения, самым плодотворным и результативным. О нем мы знаем, в первую очередь, благодаря В.К. Белобородову, исследовавшему, а затем рассказавшему о его становлении.

Но что же дальше...

В.К. — «...В конце 1934 г. предпринята новая попытка придать краеведению характер организованного движения, на этот раз уже при непосредственном участии партийных и советских органов.

13 сентября в Остяко-Вогульске прошло окружное совещание краеведов на правах конференции со следующей повесткой дня:

1. Сущность и задачи советского краеведения и вехи краеведческой работы в условиях Остяко-Вогульского округа.
2. Свод докладов о мероприятиях по развитию музейной работы.
3. Принятие устава общества.
4. Выборы окрсовета общества, ревкомиссии и делегата на облконференцию краеведов.

Участники совещания признали меры по организации краеведческого движения своевременными, назвали ряд тем, ждущих своих исследователей. Единодушным было мнение о необходимости организации музея, высказывалось пожелание создать окружной архив. В постановлении совещания ставились задачи последовательной и решительной борьбы за партийность в краеведении, против либерального отношения к идеологически вредным течениям, аполитизму и узкоделаческому подходу, отрыва краеведения от насущных вопросов социалистического строительства.

Среди организаторов краеведческого движения в округе были П.С. Карфилов (председатель президиума), Д.Д. Трофимов (секретарь), директор педагогического техникума С.Ф. Пестов, заведующий музеем И.А. Шабалин, врач Н.А. Потанин, директор опорного пункта Института полярного земледелия О.Е. Перовский. На 1 апреля 1935 г. в округе насчитывалось 17 ячеек и 275 краеведов. Необходимо заметить, что наиболее основательно и продуктивно работа велась на действующих в Березовском районе Казымской и Сосьвинской культбазах, это прямо признается в отчете окружного совета краеведения. В Казыме ею руководил В.С. Денисенко. В Сосьве — М.А. Воскобойников, оба занимали штатные должности краеведов и были хорошо подготовлены к исследовательской работе. Опыт культбаз, как и организованного примерно в то же время Кондо-Сосьвинского заповедника, подтвердил доказанное ранее Тобольским губернским музеем: потенциал для краеведческих изысканий в местном населении есть, и условием плодотворного раскрытия его становится появление в этой среде образованных людей с исследовательским интересом. В этот период в округе, кроме упомянутых ранее, работали такие исследователи края, как В.И. Савицкий, Ф.В. Вашкевич, А.Н. Голяновская, В.М. Шувалов, В.В. Васильев, В.В. Раевский, В.Н. Скалон, М.П. Тарунин и др.»

Т.В. — Каждое из этих имен достойно отдельного повествования, все, что они сделали, — материал для изучения современным краеведам, а их труд — пример для подражания.

В.К. — «Время активной краеведческой деятельности в этот период было недолгим. Уже в 1936 г. работа начала замирать, а в августе 1937 г. был издан приказ заведующего Омским облоно о ликвидации в десятидневный срок областного бюро краеведения. Этот финал со всей ясностью показал несовместимость краеведения с политикой. Краеведение вступило в полосу прозябания и подспудного существования, однако не исчезло совсем. Сохранился краеведческий музей.

За все послевоенные годы не было сделано ни одной попытки придать краеведению характер и масштабы широкой общественной самодетельности. Оно прочно, надолго зафиксировано в государственных формах и разделилось на музейное, архивное, библиотечное, школьное краеведение, охрану памятников истории и культуры и т.д., плохо связанные между собой.

Главным краеведческим центром был окружной краеведческий музей. Благодаря настойчивым усилиям бывших директоров Ю.С. Липчинской, А.Н. Лоскутова и др. развивалась материальная база, накапливались фонды. Большую работу по изучению природы края и созданию новых экспозиций выполнил научный сотрудник Ю.И. Гордеев, выезжавший в экспедиции по рекам округа в течение нескольких летних сезонов...»

Т.В. — Юрий Иванович Гордеев на протяжении всей жизни не утратил интереса к краеведческой деятельности и собрал ценный материал о Ханты-Мансийских холмах и не только...

В.К. — «С 1960-х гг. по инициативе местных краеведов началось образование музеев, сначала в наиболее крупных городах (Сургут, Нижневартовск), а затем (в 70–80 гг.) и в других городах, районных центрах и даже некоторых селах (Угут, Шеркалы). Все они встраивались в отраслевую иерархию в качестве филиалов областного или окружного музеев. Много сделали для расширения музейной сети в округе как организаторы и одновременно как собиратели фондов Ф.Я. Показаньев (Сургут), Т.Д. Шуваев (Нижневартовск), П.С. Бахлыков (с. Угут Сургутского района), Н.С. Цехнова (с. Кондинское), В.И. Таскаев, П.С. Баушкин, Г.Д. Добровольский (с. Березово), Т.В. Дюдорова (с. Шеркалы Октябрьского района) и др. Бла-

годаря, главным образом, музеям, а также некоторым архивам сохранены рукописи и другие документы краеведов В.Г. Балина, П.Е. Шешкина, А.С. Знаменского, И.А. Иванова, Е.Г. Корепанова, И.Л. Худякова, И.Е. Паромова. Большая часть краеведов в этот период занималась различными вопросами истории края, преимущественно новейшей (Н.И. Ездаков, Ф.Я. Показаньев, В.Г. Балин, В.И. Плесовских, А.М. Чемакин, Л.Е. Киселев, Н.Б. Патрикеев, Г.Н. Тимофеев и др.), истории отдельных населенных пунктов, предприятий и учреждений (И.П. Захаров, И.Н. Каскин, Г.В. Ипатьев, А.Г. Тверетина, Н.Л. Калымов и др.). Отчетливо проявился также интерес к языку, фольклору, топонимике (П.Е. Шешкин, О.А. Кошманова, Г.Д. Лазарев, А.Н. Заев и др.).

В краеведческой работе музеев, архивов, библиотек доминировала пропагандистская функция, много усилий затрачивалось на мероприятия, связанные со всевозможными политическими кампаниями и знаменательными датами. Научно-исследовательская работа музеев и архивов постоянной скудостью средств и нехваткой специалистов сводилась на нет, как и редакционно-издательская. Последняя ограничивалась, в основном, выпуском буклетов и листовок о видных участниках революции и гражданской войны, героях Великой Отечественной. За всю свою более чем полувековую историю окружной музей смог только однажды, в 1958 г., выпустить краеведческий сборник.

Местные газеты, обращаясь к истории края, проявляли интерес почти исключительно только к политической ссылке, революции и советским десятилетиям. Материалы журналистов, тяготевших к историческому краеведению, как правило, публицистичны, “идейны”. По-видимому, иначе не могло и быть, если публикации газет, как и выставочная деятельность учреждений культуры, подвергались многочисленным цензурным ограничениям.

Все эти особенности были свойственны и школьному краеведению. Но наряду с этим, как и всегда, на почве живого, не казенного интереса возникали очаги подлинных краеведческих дел: проводились селекционные опыты на пришкольных участках (Ханты-Мансийск), длительные фенологические наблюдения (Сургут), создавались музеи и т.д.»

Т.В. — Для примера можно назвать музей 308-й стрелковой дивизии в нефтеюганской средней школе № 4, музей ханты-мансий-

На открытии выставки «Самарово в Ильин день», организованной Обществом краеведов г. Ханты-Мансийска. 2015 г.

ской средней школы № 1, созданный по инициативе учителя Ю.Г. Созонова, музей народного образования, созданный в Сургутском доме пионеров В.Я. Некрасовой, серию туристских походов учащихся Мулымьинской средней школы Кондинского района для сбора материалов по истории края.

В.К. — «В целом же, несмотря на отдельные яркие факты, краеведение на протяжении целых десятилетий находилось на периферии общественной жизни.

С подъемом общественной активности второй половины 1980-х годов стало возвращаться и осознание достоинства провинции, желание увидеть “необщее выражение лица” каждого ее уголка. Обострилась потребность в восстановлении связи времен, в неотредактированной истории.

Знаменем времени стало то, что некоторые музеи округа приступили к научной работе. Так, Сургутский краеведческий музей ведет археологические раскопки, этнографические исследования, изучает историю крестьянской ссылки 1930-х гг. в районе (М.Ю. Селянина, Т.А. Исаева, С.В. Лазарева), березовские краеведы (И.Д. Шабалина, С.А. Попова) занялись обработкой архива заслуженного деятеля куль-

туры России П.Е. Шешкина. Широкую программу работ выполняет Мегионский музей под руководством В.И. Сподиной, одновременно он много делает и для развития школьного краеведения. Наметились линии сотрудничества между музеями и научными учреждениями. Для примера можно назвать связи Сургутского музея с историческим факультетом Уральского университета, Нижневартовского музея с местным педагогическим институтом.

Одним из наиболее примечательных явлений стало повсеместное создание краеведческих, по преимуществу этнографических, музеев не “сверху”, а “снизу”, как ответ на острейшую проблему сбережения местной культуры. Открылись музеи в Ханты-Мансийске (“Торум-Маа”), Русскинских, Мегионе, Покачах, Лянторе, Сосьве Березовского района, Половинке Кондинского района, Варьегане Нижневартовского района и других местах. Их организаторами были Е.Д. Айпин, Ю.Н. Шесталов, А.М. Хромова, А.Н. Хомяков, Н.В. Шабаршина, А.А. Ерныхов, Ю.К. Вэлла и др. Новым в музейной практике стало выделение части коллекций (постройки, сооружения, орудия промысла) в отдельные экспозиции под открытым небом»³.

«Золотой век» краеведения в Югре и 25 лет библиотечного краеведения

Т.В. — В начале 1980-х годов окружная библиотека (так мы тогда назывались) одним из направлений своей работы обозначила развитие библиотечного краеведения. С целью активизации этой деятельности была открыта в 1983 г. школа передового опыта по краеведческой работе библиотек, которая действовала до 1990 г. Была разработана программа обучения сотрудников библиотек различных уровней (сельских, школьных, районных). В результате проделанной работы был создан сводный краеведческий каталог. Картотеки аналогичной тематики появились в районных и сельских библиотеках. Появились первые библиографические указатели по творчеству писателей округа, а также пособия малых форм (закладки, памятки). Таким образом, к началу 1990-х годов сложились благоприятные условия для создания краеведческого отдела в окружной библиотеке. Это было время новых интересных начинаний. Тогда же в округе появи-

³ Белобородов В.К. Северное краеведение сегодня // Ученые и краеведы Югры: библиографический словарь. Тюмень, 1997. С. 5–17.

лось первое издательство — «Северный дом», начал выходить в свет историко-культурный журнал «Югра». Все это способствовало возвращению интереса к местной тематике. О деятельности отдела краеведческой литературы и библиографии за двадцать пять лет его существования я пишу, во многом опираясь на собственные воспоминания и ощущения. За этот период многое случалось, но чаще — хорошее! Ни разу не возникало желание все бросить, ни разу не было ощущения, а что же дальше?..⁴

«Становление отдела произошло быстро. Справедливости ради, нужно отметить, что для этого были созданы некоторые условия.

Теперь самое время обратиться к личному опыту. Я приехала в Ханты-Мансийск в 1971 году. В это время в окружной библиотеке был сформирован краеведческий фонд. Заслуга в этом, конечно же, Нины Викторовны Лангенбах (она возглавляла культурное учреждение в течение 25 лет, с 1961 по 1986 год). По воспоминаниям Риммы Гавриловны Медведевой, которая долгое время занималась формированием фонда, они с Ниной Викторовной в 60-е годы скупали в книжных магазинах всю краеведческую литературу. Надо сказать, что тогда ее, конечно, было мало. Но, на мой взгляд, к началу 70-х это была уже солидная коллекция. И хотя я была принята на работу библиотекарем в отдел обслуживания, Нина Викторовна в какой-то момент, что называется, посадила меня за каталог: необходимо было создать аналитические записи на статьи из всех краеведческих сборников. Чем я и занималась какое-то время с удовольствием и не без пользы для себя и приходивших в библиотеку людей. В результате этой работы я достаточно хорошо знала содержание краеведческих изданий, что помогало выполнять запросы читателей, а интерес к местной теме, мне кажется, был всегда.

В это время мы уже наладили книгообмен с Венгрией, поступала информация от коллег из Эстонии (это современное словосочетание мало раскрывает сущность наших взаимоотношений: из Таллина регулярно поступали карточки с библиографическим описанием материалов, имеющих отношение к нашему округу).

Коллеги активно взялись за дело. В это время здесь работали Ирина Геннадьевна Шевелева, позже, после окончания вуза, — Ольга Михайловна Медведева (Павлова).

⁴ Правда, спустя четверть века эти ощущения поменялись, но на это есть объективные причины. Тогда мы все только начинали, был круг единомышленников, который к концу 25-летия практически распался. Интерес к краеведению в обществе перешел в другую, я бы сказала, вялотекущую стадию.

Начались поездки в Санкт-Петербург (тогда еще Ленинград) на предмет выявления существовавших у нас лакун и активного пополнения краеведческого фонда ксерокопиями. Многочисленные командировки в финно-угорские республики. Первые поездки в Финляндию. Участие в финно-угорских мероприятиях, презентации, встречи с писателями, учеными. Приведу только один факт: презентация книги А.М. Коньковой «Сказки бабушки Аннэ» на IV Международном финно-угорском фольклорном фестивале произвела фурор среди гостей, в т.ч. и зарубежных. Всплеск, подъем, азарт — так я бы охарактеризовала эмоциональный настрой библиотечкарей того времени. Первые библиографические пособия, первые краеведческие календари, первые издания...»⁵.

На первых порах большую помощь нам оказали коллеги из Тюменской областной библиотеки (заведующей краеведческим отделом в то время была О.Ю. Левина). В октябре 1994 г. впервые мы участвовали в работе Уральского зонального объединения (Свердловск, ныне Екатеринбург). Поездка была очень полезной: знакомство с единомышленниками, состоявшееся тогда, вылилось в сотрудничество, которое продолжалось долгое время. К сожалению, сейчас мы встреча-

емся только на краеведческих семинарах, которые организует Н.М. Балацкая, в рамках Российской библиотечной ассоциации.

Во время одной из поездок в Екатеринбург мы познакомились с Ольгой Петровной Карфидовой, ветераном библиотечного дела, много лет проработавшей в Свердловской областной научке. Родом она из Ханты-Мансийска, училась в школе № 1 и трудовую деятельность начинала в нашей библиотеке. Эта встреча имела продолже-

Обложка журнала «Югра» в то время, когда его редактором был В.К. Белобородов

⁵ Мадьярова М. В главном сходимся // Подорожник. 2008. Вып. 9. С. 144, 145.

ние. Мы с ней переписывались и получили от нее информацию об отце Петре Семеновиче Карфидове, ставшем героем словаря «Ученые и краеведы Югры».

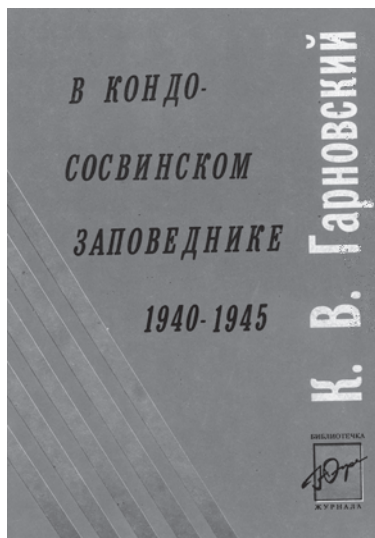
В 1994 г. мы участвовали в международной научно-практической конференции, посвященной 400-летию Сургута. Сотрудники отдела, по мере возможности, посещали все мероприятия (конференции, выставки и т.д.), которые проводились в округе музеями, научными учреждениями. Это, прежде всего, получение новых знаний, необходимых в работе, а также знакомство со знатоками края, которые в дальнейшем, в большинстве своем, становились друзьями краеведческого отдела.

А в октябре 1994 г. участвовали в научно-практической конференции в г. Тюмени, впервые делились своим опытом работы и даже имели успех⁶!..

В 1990-е годы очень важную роль играло общение с коллегами. Переписка с краеведами началась в связи с подготовкой к изданию биобиблиографического словаря «Краеведы Югры» с подачи и при непосредственном участии В. К. Белобородова, а вернее, под его руководством. Мы собирали материал в периодике и книгах, архивах, писали письма здравствующим краеведам. Многие из них стали нашими друзьями на долгие годы. Особо хочется вспомнить Ивана Прокопьевича Захарова, Флегонта Яковлевича Показаньева (г. Сургут), Геннадия Николаевича Тимофеева, Галину Илларионовну Макарову (п. Октябрьское), Василия Дмитриевича Конева (г. Омск). К сожалению, их уже среди нас нет.

В 1995 году Л.Е. Спиридонова перешла работать в департамент (в то время управление) культуры, и директором библиотеки стала

⁶ Впервые наш практический опыт был опубликован в сб.: В практику библиотек. Тюмень, 1994. Вып. 11. С. 36–38.

Обложка одного из изданий
«Библиотечки журнала
«Югра»»

Э.П. Сургутскова. Эрика Петровна — человек творческий, деятельный и, на мой взгляд, увлекающийся, она не просто руководила библиотекой, ей интересно было самой участвовать в работе нашего отдела. Во время ее руководства был задуман и стартовал «Югорский репринт». Эрике Петровне удалось «продать» финансирование проекта, казалось бы, несвойственного деятельности библиотек; без ее участия и определенной смелости решиться не его осуществление было невозможно. Директор поддерживала любое стоящее дело.

Надо сказать, что краеведческое направление деятельности поддерживается нашим руководством все эти годы, и даже сейчас, когда, казалось, меняются приоритеты и библиотека становится другой, краеведческое направление не утрачивает своей значимости. За это время, без ложной скромности, мы действительно очень много сделали. Даже сложно обо всем рассказать в одной статье.

Определив приоритетные направления в самом начале своей деятельности, мы их придерживаемся все эти годы.

Региональная библиография. Все началось с персональных указателей. Всего за 25 лет их создано около тридцати. Все они посвящены известным людям края. Накопив опыт библиографической работы, мы от персональных указателей перешли к созданию библиографических пособий об исследователях Югры, о местных деятелях и ученых. В 1995 г. увидели свет материалы к библиографическому словарю «Югорские краеведы» (тираж — 1000 экз.). Общество откликнулось на появление книги. Позволю себе привести несколько отзывов об этой работе: «...в том же Ханты-Мансийске вышли издания, которым просто нет цены. Я имею в виду прежде всего книгу В. Белобородова и Т. Пуртовой “Югорские краеведы: материалы к библиографическому словарю” (1995)»⁷. Через пару лет, в 1997-м, вышло второе, исправленное и дополненное издание в тюменском «СофтДизайне» (тираж — 2000 экз.). По мнению специалистов — словарь-эталон не только для регионального краеведения.

«...Именно тем, кто ищет в прошлом огонь, а не пепел, адресовано второе, дополненное и обновленное издание библиографического словаря В.К. Белобородова и Т.В. Пуртовой “Ученые и краеведы Югры”. Авторы уникального труда, не имеющего аналогов в современной краеведческой литературе, snискали добрую известность

⁷ Огрызко В.В. Писатели и литераторы малочисленных народов Севера и Дальнего Востока. М., 1998. С. 13, 14

и популярность в родном крае и за его пределами. ...Многолетнее творческое сотрудничество В.К. Белобородова и Т.В. Пуртовой принесло желаемые результаты в процессе подготовки и составления краеведческого словаря. В итоге длительных, систематических, многоплановых изысканий, проведенных в архивах, библиотеках, музеях Москвы, Екатеринбургa, Омска, Тюмени, Тобольска, Сургута, Ханты-Мансийска, были выявлены, отобраны, изучены, обобщены и систематизированы многообразные, содержательные, достоверные печатные и рукописные источники, раскрывающие и характеризующие жизнь и творчество двухсот семидесяти исследователей, включенных в книгу «Ученые и краеведы Югры»...

Авторы возвратили из небытия имена многих незаслуженно забытых краеведов и просветителей, в их числе, жертв политических репрессий П.И. Лопарева, М.А. Плотникова и других.

...При всех индивидуальных различиях социального статуса, интеллекта, характера краеведов их сплачивает, объединяет и одушевляет беззаветная любовь к отчому краю, подкрепленная непрестанным, повседневным и кропотливым трудом по собиранию, накоплению, сбережению и распространению духовного наследия.

...Лаконичные, емкие, точные характеристики ученых и краеведов отражают их жизненный путь, конкретный вклад в познание Севера и популяризацию краеведческих сведений. Тех и других отличают творческий склад мышления, внутренняя культура, любознательность, проницательность, деловитость, предприимчивость, единство слова и дела»⁸.

Т.В. — С 1998 года мы стали издавать текущие библиографические указатели-ежегодники «Местная печать» и «Краеведческая книга» — своего рода книжная летопись печатной продукции, издающейся на территории округа и о нем за его пределами. С 2000 г. расширяется круг пособий универсального характера. Рубеж XX и XXI в. ознаменовали рекомендательные библиографические указатели по истории Югры.

В 2000 г. на создание справочника «Ханты-Мансийск, 1637–1999 гг.: город в лицах, датах и фактах» С.Ю. Волженина получила грант губернатора Ханты-Мансийского автономного округа. Это было первое библиографическое пособие о столице Югры. Коллеги из Российской национальной библиотеки не остались равнодушными к данному событию книжного мира:

⁸ Ю. Прибыльский, доктор ист. наук, профессор // Жизнь моя — библиотека. Ханты-Мансийск, 2002. С. 93.

Обложка Материалов к библиографическому словарю «Авторы публикаций об Югре в западносибирской и уральской периодике 1857–1960 гг.».

Издание представляет собой дополнение к ранее изданному указателю «Обь-Иртышский Север в западносибирской и уральской периодике»

дике. 1857–1944 гг. / сост.: В.К. Белобородов, Т.В. Пуртова (Тюмень, 2000); Обь-Иртышский Север в западносибирской и уральской периодике. 1944–1960 гг. / сост.: В.К. Белобородов, Т.В. Пуртова (Екатеринбург, 2007). Часть материалов легла в основу библиографического словаря «Авторы публикаций об Югре в западносибирской периодике» (Ханты-Мансийск, 2008).

Валерий Константинович Белобородов высоко ценил периодику как источник краеведческих изысканий. Много лет своей жизни отдавший журналистике, он знал «кухню» изнутри, здраво судил о значении

«Специально хочется остановиться на профессионально подготовленной и прекрасно изданной работе, посвященной столице Ханты-Мансийского автономного округа... Его отличает детально разработанная структура... Тщательно разработан справочный аппарат пособия. Составлены указатели предприятий, учреждений, учебных заведений и общественных объединений. ...Указатель не аннотирован, но содержание материала раскрывается благодаря кратким пояснениям к библиографическим записям...»⁹.

Т.В. — Почти десять лет вместе с В.К. Белобородовым мы работали над проектом — создание библиографических указателей статей периодики Обь-Иртышского Севера. Это была интересная, захватывающая работа. Появлялся опыт работы в архивах, умение увидеть главное. А какой восторг испытываешь от мелкого, но открытого... Понять такое состояние сможет только исследователь.

Результатом изысканий стали три пособия: Обь-Иртышский Север в западносибирской и уральской периодике.

⁹ Краеведческие библиографические издания Российской Федерации. 2000. СПб., 2003. С. 36.

информации, почерпнутой из периодики. Это хорошо прослеживается по вступительным статьям Валерия Константиновича Белобородова: «Земля Югорская в газетном и журнальном освещении: от Тобольских губернских ведомостей до “Сталинской трибуны”»; «Свет мой, зеркальце, скажи...»: местные газеты как источник исторической информации», — в которых дана характеристика материалов, опубликованных в периодических изданиях.

В указателях предпринята попытка систематизировать выявленные статьи в периодике Западно-Сибирского и Уральского регионов об Обь-Иртышском Севере с момента появления печатного слова в Тобольской губернии (1857) и до времени начала нефтяного освоения Севера (1960).

Главная трудность, с которой столкнулись составители, заключалась в том, что в городе Ханты-Мансийске ни в одном из учреждений нет газетных хранилищ, даже мелких. Информацию пришлось собирать в библиотеках Ханты-Мансийска, Тобольска, Тюмени, Омска и Санкт-Петербурга, а также в архивах.

Неоценимую помощь в создании указателей оказали сотрудники отдела краеведческой библиографии Российской национальной библиотеки. Они помогали нам на различных этапах работы от поиска изданий до их систематизации. Консультировали нас в описании статей, особенно из дореволюционной периодики.

В реализации некоторых наших проектов принимают участие коллеги. Например, в подготовке краеведческого календаря памятных и юбилейных дат Ханты-Мансийского автономного округа, который выходит в свет с 1993 года, буквально с момента замысла, задействованы сотрудники всех библиотек округа. Они помогают нам в сборе информации. Некоторые территории издают свои краеведческие календари памятных дат.

Автор рецензии об одном из них¹⁰ писал:

«...В округе вспомнили всех. Краеведческий календарь отмечает 75-летие Л.Г. Золотухиной, председателя клуба “Фронтвые подружки”, 80-летие А.Г. Григорьевой, почетного гражданина Ханты-Мансийского автономного округа, 60-летие начальника Главного управления культуры округа И.С. Кошкина, 50-летие со дня рождения заместителя исполнительного директора экологического фонда

¹⁰ Краеведческий календарь: Памятные даты Ханты-Мансийского автономного округа на 1998 год / Ханты-Мансийская окружная библиотека: Сост. Т. Пуртова, О. Павлова. Ханты-Мансийск, 1997. 50 с.

ХМАО А.Ф. Тархановой, 45-летие писателя Б.Ю. Зуйкова... Всех тех, с кем еще повседневно здороваемся, но о ком не забыл Краеведческий, не перечислить.

...В Хантах раньше нас ощутили потребность понять, что на фоне все убыстряющихся темпов жизни мы забыли о простом человеке, который и есть главное в нашей жизни. Не передовик, не ударник, а просто человек, любящий и знающий свое дело...

Конечно, с точки зрения “знаменательной даты”, юбилей председателя клуба “Фронтовые подруги” на фоне других дат вроде бы ничто. А составители календаря думают совсем иначе. Сургутский женский клуб — это всеобщая память о женщине, перенесшей все тяготы войны...»¹¹.

Хочется вспомнить историю создания серии «Югорский репринт», название и узнаваемый вид (черные обложки с блинтовым тиснением «золотой» фольгой) возникли чуть позже... А первым репринтным изданием, вышедшим в свет по инициативе окружной библиотеки и при финансовой поддержке окружного экологического фонда, был трехтомный труд самаровского лесничего А.А. Дунина-Горкавича «Тобольский Север» (1996). До 1990-х годов об этой работе мало кто помнил, да и имя Дунина-Горкавича было известно узкому кругу историков. Деятельное участие в убеждении круга единомышленников в значимости этого труда принимал и Валерий Константинович. А в 2000 г. была разработана окружная программа сохранения и развития культуры и искусства Ханты-Мансийского автономного округа до 2005 г. Сейчас эта работа продолжается уже по другим программам. К сегодняшнему дню издано репринтным способом 19 печатных и 10 электронных изданий.

Бдительно следя и активно помогая нам в работе, привлекая к своим проектам, участвуя в наших, Валерий Константинович Белобородов успевал сотрудничать не только с нами. Некоторые проекты реализовывал один... Но все по порядку...

В конце 1980-х годов, на фоне ошеломляющего потока информации со страниц столичных газет и журналов, В. К. Белобородов почувствовал накопившуюся за годы работы на радио и в газетах неудовлетворенность политической журналистикой.

В.К. — «И ему захотелось попробовать создать в нашем округе издание нового типа — местный историко-культурный журнал, кото-

¹¹ Мандрика Ю.Л. Будут ли праздновать 60-летие Шишкина? // ЛУКиЧ. 1998. Ч. 3. С. 67–69.

рый обратил бы жителей округа к истории края. Идея эта обсуждалась с местными деятелями культуры и получила одобрение. Поддержали ее и руководители округа В.А. Чурилов и А.В. Филипенко. В июне 1990 г. автор этих строк оставил должность председателя окружного комитета по телевидению и радиовещанию, перешел в штат окрисполкома и, пользуясь предоставленными А.В. Филипенко возможностями, с головой ушел в поиск условий для начала издания...

23 октября 1990 г. журнал был зарегистрирован под именем «Югра», я был назначен редактором. Учредители — окрисполком и ассоциация (впоследствии — компания) «Аки-Отыр» — выделили 23 тысячи рублей, на которые предстояло подготовить и издать первый номер журнала. Решению предшествовали подготовка программы издания, заявление о регистрации и других документов.

Задуманный так, как сказано выше, журнал не мог состояться, не будучи в достаточной степени автономным от учредителей...».

Т.В. — И в ноябре 1991 г. 900 экземпляров первого окружного историко-культурного журнала «Югра» были доставлены Валерием Белобородовым и его соратником Валерием Поливановым из города Шадринска, что в Курганской области, в Ханты-Мансийск. Сегодня мы с ностальгией вспоминаем те скромные небольшие тетрадки из газетной бумаги, которые жадно читали. Вышло их за годы редакторства В.К. Белобородова с 1991 по 1994 гг. — 38 номеров. Появилась в эти годы и «Библиотечка журнала «Югра»» — это еще 11 книг в краеведческую копилку.

В конце статьи об истории журнала В.К. Белобородов напишет:

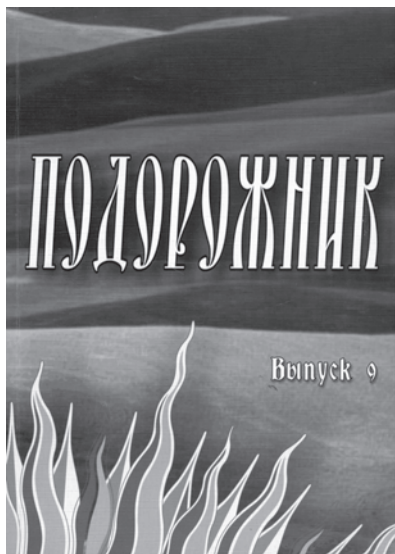
«...Могу ли я сказать, что годы редактирования журнала были ценнее и значительнее других отрезков жизни — детства, учебы в университете, работы в геологической партии, в окружной редакции радиовещания? Пожалуй, нет. Они были непохожими на все предыдущие. Чем? Главное отличие — в большей насыщенности межличностными связями, сотрудничеством и собственным осмысленным действием. Они положили начало длительному периоду, который вполне можно назвать счастливым»¹².

Т.В. — Почти все время существования журнала редакция испытывала трудности. Приходилось искать бумагу, деньги, решать организационные вопросы с типографией, в которой можно тиражировать без проблем издание. А вот что и кого печатать? Вопрос не возникал...

¹² Белобородов В.К. «Преждевременный» журнал: из истории «Югры». 1990–1994 гг. // Югра. 2001. № 10. С. 56–63.

В.К. — «Трехлетний опыт издания «Югры» показывает, что внесение даже небольшого организующего начала влечет за собой заинтересованный отклик и раскрывает не проявленные ранее краеведческие возможности. На страницах журнала полнее проявились такие краеведы, как В.Г. Балин, П.С. Бахлыков, Ю.И. Гордеев, Н.Л. Калымов, О.А. Кошманова, Е.А. Кузакова, Т.А. Молданова, В.И. Плесовских, П.К. Ситников, Ю.Г. Созонов, Г.Н. Тимофеев, впервые были опубликованы статьи Г.Д. Добровольского, Е.А. Ерныховой, А.В. Кузнецова, Г.Ф. Серебренниковой, А.Д. Сургутскова, А.М. Тахтуевой, А.Н. Хомякова».

Т.В. — В октябре 1994 г. В.К. Белобородов был вынужден оставить работы в журнале. А с апреля 1995 г. он уже издает «Краевед» — ежемесячное приложение к окружной газете «Новости Югры». Это новое периодическое издание, несмотря на еще более скромные, чем у журнала, возможности, было и остается ценнейшим источником информации о нашем крае¹³.

Обложка краеведческого альманаха «Подорожник», автором идеи и бессменным редактором и составителем которого был В.К. Белобородов

Я не устаю повторять, что все, что создано Валерием Константиновичем, является культурным достоянием округа, и не только его. И тому еще одно подтверждение — краеведческий альманах «Подорожник». К его выходу в свет причастен еще и тюменский предприниматель Ю.Л. Мандрика, поскольку именно в его издательстве начала выходить эта книга. Альманах Валерий Константинович составлял один. Он вел титаническую работу по выявлению и подготовке к печати материалов по истории округа, многие из которых ранее никогда не публиковались. Издано четырнадцать выпусков.

Первый вышел как приложение к журналу «Югра», а последующие уже были самостоятельными изданиями.

¹³ В 2008 году в издательстве «Баско» тиражирована электронная версия «Краеведа».

В.К. — «Главная цель альманаха — способствовать преодолению разрыва с отторгнутым в советские десятилетия и замалчиваемым прошлым края путем воссоздания отдельных страниц и эпизодов местной истории через публикацию документов, частной переписки, статей и очерков, в особенности о людях прошлого, воспоминаний, установление причинно-следственных связей между событиями прошлого и сегодняшним днем, рассказы о краеведческом поиске, критико-библиографические материалы».

Т.В. — Особенность «Подорожника» в том, что каждая его книжка имела свой стержень. Например, главной темой первого выпуска стали события 1921 года, которые одни историки называют «кулацко-эсеровским мятежом», другие — «крестьянским восстанием». Выпуски 2 и 3 посвящены истории Березова и приурочены к его 410-летию. Выпуски 8 и 9 — 415-летию г. Березова; вып. 4 — 410-летию г. Сургута; вып. 5. — истории Тобольского Севера; вып. 6 — жизни ссыльных в г. Березове в середине XIX в.; вып. 7 посвящен 100-летию Государственной Думы России; выпуски 10–12 — истории Ханты-Мансийского автономного округа. Несомненно, «Подорожник» останется в истории книгоиздательской деятельности округа яркой страницей и со временем станет таким же ценным источником краеведческой информации, каким для наших современников является «Ежегодник Тобольского губернского музея».

«Меня Ваш “Подорожник” просто восхитил! В наше время редко можно встретить столь цельное по содержанию и форме издание. Рубрики интересны и многообразны, охватывают все стороны жизни “культурно-исторического гнезда”¹⁴»¹⁵.

Т.В. — А работа над словарем «Слово за слово»? «Сделан с душой», такое определение можно дать словарю.

В.К. — «Речь местная воспринималась тоже как-то бессознательно, я и не замечал, что запоминаю какие-то особенные слова. А через десятки лет обнаружил, что это все в меня впиталось. В разговоре с кем-нибудь из своих вдруг замечаю, что из меня выскакивает словечко¹⁶, которое я не употреблял, может, лет двадцать. И это так ин-

¹⁴ Термин, предложенный Н.К. Пиксановым.

¹⁵ Мнение воронежского краеведа О.Г. Ласунского.

¹⁶ В предисловии к словарю автор пишет: «Сам предлагаемый читателю словарь полон жизни, но вся она в прошлом, это всего лишь напоминание, своего рода памятник русскому селу западно-сибирского севера. Прежде всего, я адресую его коренным северянам старшего поколения,

тересно, радостно, что оно вдруг выпрыгнуло откуда-то из души! Попробуй специально вспомнить — не получится, а в разговоре что-то зацепило и вытащило на свет! Потом я стал их записывать...»¹⁷.

Т.В. — В этом интервью автор назвал словарь «дилетантским».

В 2008 г. увидел свет сборник «Самаровский петербуржец: письма земляков к Х.М. Лопареву», составленный из 148 посланий сибиряков, главным образом самаровцев, к Лопареву. Значимость этой работы определил сам В.К., предвзято публикуя письма Н. Л. Скалозубова к дочерям: «...мы имеем возможность с волнением погрузиться в чтение чистых строк и отдаться потоку жизни, какой она была без малого столетие назад»¹⁸. А затем было другое, не менее интересное издание эпистолярного жанра «“Искренно делюсь с Вами как с другом”: из переписки Х.М. Лопарева и Ю.М. Поповой»¹⁹, переписка Хрисанфа Лопарева с другом юности Юлией Поповой, много значившей в его жизни. Естественно, она «интересна прежде всего тем, что открывает нам черты не хрестоматийного персонажа истории, а вполне земного человека...», — сказано в предисловии. Но для составителя важно еще и то, что «читая письма, мы имеем возможность сравнить, в чем мы в своих человеческих взаимосвязях похожи на людей того времени, чем отличаемся. Здесь найдется, о чем поразмышлять». И это действительно так.

В.К. — «Деятели более чем столетнего периода... в большинстве своем теперь мало кому известны, и при всем том, что, начиная с 1990-х гг., много сделано для восполнения огромного пробела в общественной памяти, образовавшегося за XX век — век великого беспамятства, — эта пустота еще не так скоро заполнится».

Т.В. — «Меня в истории интересуют не столько события, сколько люди...» — это признание Валерия Константиновича в интересе к светлой улыбке их молодости. Но очень хочу, чтобы в словарь заглядывали и молодые люди — те, кто познает родную речь, прошлое края, читает краеведческую литературу, старые газеты и журналы. Работа со словарем помогает глубже прочувствовать родной язык. И она может продолжаться и радовать бесконечно, ведь язык — непрерывно и вечно изменяющийся живой организм». От себя добавлю, что если ты не относишься ни к северянам старшего поколения, ни к специалистам, изучающим язык, все равно даже просто читать этот словарь чрезвычайно интересно.

¹⁷ Грошева Е.А. Это сладкое чувство свободы... Тюмень, 2006. С. 17.

¹⁸ Подорожник. Вып. 10. Тюмень, 2009. С. 109.

¹⁹ «Искренно делюсь с Вами как с другом»: из переписки Х.М. Лопарева и Ю.М. Поповой / Служба по делам арх. Ханты-Манс. авт. окр. — Югры; ред.-сост. В.К. Белобородов. Тюмень: Мандр и К^а, 2011. 231 с.

вью, записанном С. Ковальчук²⁰, стало почти хрестоматийным. И поэтому, еще раз пересматривая указатель «Рыцарь ордена краеведов», изданный в 2011 г., убеждаешься, что это не просто слова... Более 300 статей о людях написано Валерием Константиновичем. Сколько времени проведено в архивах, в библиотеках, трудно подсчитать. Он работал в архивах Тобольска, Екатеринбург, Омска, Тюмени, Ханты-Мансийска, Березова, Сургута. Государственном архиве Томской области. И приобщал к этой работе и краеведов библиотеки, в частности меня...

В.К. — «Прежде всего, искали информацию о деятелях прошлого, т.к. история, которую нам преподносили, была совершенно безлюдной. Первое, что нас интересовало, — история местного краеведения и биографии его деятелей».

Т.В. — Поражает широта интересов, разнообразие тематики, имен, дат, событий, которых касается Валерий Константинович в своих публикациях, в том числе и в журнале «Югра»: материал о первых опытах профессионального обучения в общеобразовательных школах Тобольского Севера начала XX в.²¹; опубликованы забытые рассказы Василия Новицкого²² и рабочие тетради Н.С. Цехновой²³; воспоминания местных жителей, описания исследователей и путешественников второй половины XIX — начала XX веков о Самарово и Самаровской волос-

*«Самаровский петербуржец;
письма земляков
к Х.М. Лопареву».*

*Издание писем из фонда
ПФА РАН.*

*Подготовлены к изданию
и прокомментированы
В.К. Белобородовым.
Обложка сборника*

²⁰ Югра. 2001. № 5. С. 62, 63.

²¹ Югра. 2007. № 1/2. С. 77–83.

²² Югра. 2007. № 1/2. С. 100–105.

²³ Югра. 2008. № 11/12. С. 94–99

ти²⁴; интересная находка в архиве социальной и политической истории Тюменской области стала поводом для публикации о купце Константине Силине²⁵.

Его интересовали и рукописные источники из частных архивов. Он умел налаживать контакты, умел располагать к себе людей, и ему доверяли самое сокровенное — рукописи родственников, редкие фотографии, делились воспоминаниями, а он находил любую возможность для публикации.

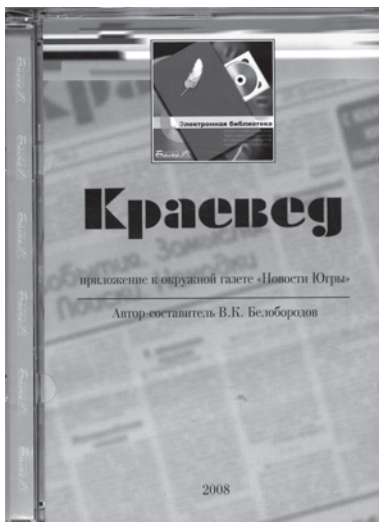
Так, в «Библиотечке журнала «Югра»» опубликованы: Ф.Ф. Ларионов. «Семейная хроника» (заслуга А.К. Михайленко) — замечательный памятник, до сих пор полностью не изданный; А.С. Знаменский. «Летающие мысли» (тетради получены от внучки — Е.А. Знаменской).

В журнале «Югра» (№ 2. 1999) появилась работа А. Первова «На Сосьвинских песках» (материалы предоставила В.Ю. Лыткина). «Дневник новобранца» Е.Н. Захарова, который увидел свет в двух номерах «Подорожника» (Вып. 2, 3), передала составителю альманаха В.С. Колмакова. «Записки Самаровского крестьянина» К.И. Кузнецова попали в «Подорожник» (Вып. 9. С. 122–126) через Л.С. Карандаеву. Дневник П.И. Лопарева «Сквозь туманы и шторма» получен от Д.П. Дорониной. И эту вереницу примеров можно продолжать, при этом возникает ощущение неиссякаемости источника исторических знаний.

Особая тема — Петербургский филиал архива Российской академии наук (Ф. 107: Х.М. Лопарев). Это «счастливые годы поисков» для Валерия Константиновича.

²⁴ Югра. 2007. № 12. С. 64, 65.

²⁵ Югра. 2009. № 6. С. 57–59.

*Приложение «Краевед»
к окружной газете
«Новости Югры»
(апрель 1995 — январь 2000).*

*Главный редактор —
Н.Б. Патрикеев,
приложение готовил
В.К. Белобородов.*

Обложка электронного издания

Обложка Материалов Лопаревских чтений, посвященных выходцу из с. Самарово (ныне — г. Ханты-Мансийск) Хрисанфу Мефодьевичу Лопареву (1862–1918), сотруднику Публичной библиотеки (ныне — РНБ), краеведу, автору первого исследования, посвященного истории с. Самарово

Имя Хрисанфа Мефодьевича Лопарева и все, что с ним связано, тоже нас объединяло. О существовании фонда Лопарева в Петербурге Валерий Константинович знал давно, и по его «наводке» первые письма самаровцев из него еще в конце 1990-х годов привезла О.М. Павлова. Затем была переиздана книга «Самарово — село Тобольской губернии и округа: хроника, воспоминания и материалы о его прошлом» (Тюмень, 1998). Сенсацией для исследователей было издание «Самаровский петербуржец: письма земляков к Х.М. Лопареву», редактором-составителем которого был В. К. Белобородов (Ханты-Мансийск, 2008). А с 2007 г. в г. Ханты-Мансийске проходят окружные краеведческие чтения, посвященные Хрисанфу Мефодьевичу Лопареву (1862–1918 гг.). Во время чтений были выявлены и введены в оборот новые документы и исторические сведения об ученом Х.М. Лопареве, его семье; обновилась информация по истории с. Са-

марово, его жителей; был обобщен опыт современной краеведческой деятельности и анализ краеведческого книгоиздания в округе.

В краеведении, как нигде, важны личность, сотрудничество и единомышленники... И круг тех, кто поддерживал краеведческую деятельность Государственной библиотеки Югры, не ограничивался масштабами округа. В Тюмени жил (теперь живет в Москве) журналист, кандидат филологических наук, заслуженный работник культуры России, издатель Юрий Лукич Мандрика, интереснейший, неординарный человек. Издательским делом как частное лицо он занялся тоже в благо-

приятное для краеведения время, нашел свою нишу, как говорят, но поступил, как ненастоящий предприниматель — стал издавать совсем некоммерческую краеведческую литературу. И вот уже более 20 лет занимается книгопечатанием. В результате свет увидели около 500 книг.

Мы считаем его своим другом и единомышленником. А началось все в 1997 году с издания биобиблиографического словаря «Ученые и краеведы Югры» (Тюмень: СофтДизайн, 1997). Затем была серия книг «Югорский репринт», которая получила название с его подачи. Сотрудничество с Ю.Л. Мандрикой по изданию серии «Югорский репринт» было весьма полезно: имея журналистский опыт, тягу к разыскиванию исторических фактов, Юрий Лукич находил интересные материалы, авторов для предисловий и вступительных статей к репринтам. Повторю, что многие выпуски альманаха «Подорожник» тоже изданы в издательстве Ю.Л. Мандрики. Нас связывали не только издательские проекты. Юрий Лукич всегда охотно откликался на приглашения принять участие в наших мероприятиях. Он участник книжных выставок «Югорский книжный мир» в г. Сургуте (и даже писал об этой выставке), фестиваля краеведческой книги «Югорика» в г. Ханты-Мансийске, был участником и первых «Лопаревских чтений». Многие тюменские, да и не только тюменские, издания мы заполучили в фонд с его помощью. Мы даже издали библиографический указатель «Мандрика без границ» в 2012 г. к 60-летию юбилею издателя. Очень жаль, что сейчас мы все меньше имеем возможности сотрудничать.

С Валерием Константиновичем Белобородовым они тесно сотрудничали, помогали и поддерживали друг друга, реализовывали совместные проекты. Только один пример: работа над изданием пятитомника «Сибирского листка».

Эта газета издавалась в Тобольске в 1890–1919 годы, и в Тюменской области она есть только в библиотеке Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника.

Во вступительной статье «Аккумулятор общественной энергии» В.К. Белобородов пишет: «...Интересы как ныне живущих, так и будущих поколений требуют, чтобы мы оберегали историческую правду от ложных подновлений и «осовремениваний» подобно тому, как художник-реставратор кропотливым и осторожным трудом высвобождает из-под слоя красок, нанесенных на старый холст другими живописцами, подлинную картину давно умершего автора и предо-

ставляет ему вести со зрителем прямой диалог, никем не отредактированный и не откорректированный.

Не довольствуясь написанным в новейшее время, мы обращаемся к старым текстам — и печатным и рукописным, они питают пробуждающееся историческое самосознание живыми соками. И зачастую это старые газеты. Один из таких источников информации — тобольская частная газета “Сибирский листок”... С него и сделаны копии публикуемых текстов. Идея сборника принадлежит его издателю Ю.Л. Мандрике. Ее осуществление продлевает жизнь “Сибирского листка”, переводит идею в новое техническое качество...».

Вот и Юрий Лукич уехал в Москву, я думаю, что он тоже считает свою миссию в развитии «золотого века» сибирского краеведения выполненной и уступает дорогу другим...

Если подводить некий итог 25-летней краеведческой деятельности, есть удовлетворенность от того, что удалось осуществить: во много раз шире стал объем информации по истории края. Особенно ценно то, что история стала «населенной», мы узнали имена многих замечательных местных деятелей.

В.К. — «В два последних десятилетия усилиями историков, краеведов и издателей процесс “очеловечения” истории нашего края развился. Он продолжается и сегодня. И это движение трудно переоценить. Прошлое из безлюдного становится все более “густонаселенным”, наши предки перестают быть серой массой, все больше из массы проявляется индивидуальных ликов». («Тропинки к дому»).

Т.В. — Появилась и длительное время существовала краеведческая журналистика (журнал «Югра», приложение «Краевед», альманах «Подорожник» и др.). Стало развиваться исследовательское направление. Появились интересные исследовательские темы. Например, лопаревская, разросшаяся до Чтений. Нам предстоит подготовить и издать «Сборник документов, статей и очерков памяти Х.М. Лопарева: к 100-летию со дня его смерти (2018 г.), концепцию и содержание сборника мы обсуждали с Валерием Константиновичем еще в конце 2015 г.

На смене миллениумов Валерий Константинович мечтал о городском краеведческом обществе, предпринимал попытки для его создания при Музее природы и человека, но тогда это не случилось. Поэтому, когда пять лет назад в городе оно появилось, он всячески поддерживал краеведческое общество, сотрудничал с ним и делился своими знаниями с его членами. Его мечтой и надеждой было

создание музея истории города Ханты-Мансийска. Сохранение памяти о старожилах.

Так, идея собрать в Ханты-Мансийске потомков древних самаровских родов Шейминых и Соскиных краеведом Андреем Александровичем Сивковым была воспринята и поддержана краеведами города и учреждениями культуры (Государственной библиотекой Югры, Государственным архивом Югры, Музеем природы и человека)...

И встреча состоялась. А.А. Сивков разыскал потомков родов Шейминых и Соскиных. Известные рыбопромышленники Севера жили в селе Самарово. Потомки известных династий съехались со всей страны, чтобы познакомиться, пройти по местам, где жили их предки, и выяснить, кто изображен на старинных семейных фотографиях.

Краеведы отследили род Шейминых с начала XVIII в. Эти люди известны как ямщики и торгующие крестьяне с Самарово. Самый старший, рыбопромышленник Николай Шеймин, наряду с торговлей поддерживал Самаровское сельское училище. Его дети владели рыбацким угодьем Кривошапкино на Оби и помогали развивать экономику села. В начале XX в. один из потомков Шейминых стал пионером в использовании сенокосилки, моторной лодки и парового катера.

Первые упоминания о семье Соскиных относятся к подворной переписи 1710 года. Наиболее известной личностью рода был Федор Соскин, купец второй гильдии Тобольской губернии. Шеймины и Соскины заключали браки. Судьба одной из таких пар закончилась трагически. Они были расстреляны во время крестьянского восстания в начале 20-х годов.

О значении встречи Валерий Константинович Белобородов сказал: «Коренных жителей у нас становится все меньше и меньше, они растворяются в массе пришлого населения. В то же время люди приезжие, новоселы, должны знать историю города, чтобы укорениться».

*В.К. Белобородов и В.В. Цысь,
профессор Нижневартовского
государственного гуманитарного
университета,
доктор исторических наук.
Во время Лопаревских чтений. 2009 г.*

Он понимал и каких усилий стоило Якову Александровичу Яковлеву сохранить старинное строение... Амбар прошлого века был единственной постройкой, оставшейся на территории бывшей деревни Сухоруковой Ханты-Мансийского района, которая была расселена в 2014 г. Было решено сохранить историческую постройку. Но без инициаторов, энтузиастов мало что можно сделать...

И Я.А. Яковлев взял на себя эту, на первый взгляд, непосильную ношу. Он организовал сбор средств для перевозки амбара, сам участвовал в его транспортировке в Ханты-Мансийск, организовал установку памятника на территории музея «Торум-Маа». А еще он надеется сохранить три церкви: в Скрипуново, в Чембакчино и в Зенково, хлебозапасный магазин в Югане и традиционные постройки в Нялино. Он мечтает о создании музея истории села Самарово, собрав на территории «Шейминского квартала» старинные постройки. «Можно было бы музеефицировать эти постройки, как сделали власти Иркутска и Архангельска. Более того, они выкупили в этих кварталах старинные дома».

В одном интервью Яков Александрович сказал о себе: «В жизни я поработал в разных местах: в высшей школе 10 лет, потом в музее, а сейчас 10 лет в чиновниках. Я вижу две категории людей. Одни — это те, кто что-то делает, и они не могут не делать, потому что хотят, чтобы после них что-то в этом мире осталось. И вторые, которым ничего не нужно. Вот я из первых».

Оставить после себя что-то в этом мире... Наверно, когда мы живем, работаем, то не задумываемся об этом. И оценку нам поставят потом.

В.К. — «Так бывает, что, когда умирает человек, как-то по-новому измеряются масштабы его личности. При жизни кажется, что человек не закончился, поэтому окончательного определения ему дать нельзя, а когда умер — это уже все, больше ничего не будет, тогда переоценивается значение человека ...».

Т.В. — **Писать и вспоминать о 25-летней работе с Валерием Константиновичем, о проектах, воплощенных в жизнь, и о планах, оставшихся не реализованными, для меня было очень трудно. План, который он написал, я смогла реализовать только частично, многое мне не под силу описать, слишком глобально мыслил и жил Валерий Константинович. И продолжает жить в оставленном наследии.**

*Расшифровала план разговора с краеведами с помощью цитат из статей Валерия Константиновича Белобородова
Татьяна Пуртова*

Мария Мадьярова

Продолжение разговора

Обзор книг юбиляра

Совсем недавно мы имели удовольствие знакомиться с героями новой работы Валерия Константиновича Белобородова «Обитаемое прошлое: книга негромких приключений», и вот, оказывается, прошло уже пять лет... Можно вновь рассказать читателю о новых изданиях краеведа, вышедших в свет за это время.

Не каждому коллективу под силу за год подготовить новую, по-настоящему исследовательскую работу, а Валерию Константиновичу по плечу. Каждое его издание — это открытие новых имен нашей земли, которую краевед продолжает «очеловечивать». Сухие исторические факты оживают, наполняются деталями...

И вновь перед нами книга¹ не менее интересная, захватывающая внимание читателя манерой повествования, событиями, количеством неизвестных

имен. Почти вся содержащаяся информация почерпнута из архивных и литературных источников, а небольшая ее часть — из устных рассказов. Даны справки о людях, упоминаемых в очерках. В книгу включен обширный блок документальных и литературных приложений, являющихся прямым продолжением того или иного нарратива. Приводятся указатели литературных источников, к которым любознательный читатель может обратиться для расширения своих знаний.

Значимым дополнением к тексту является краткий биографический словарь «Хозяева и гости полуночной земли», а также информация о людях, взятых в заложники во время восстания 1921 года и расстрелянных.

Автор пишет, что, просматривая метрические книги березовских церквей, он обнаружил длинный список захороненных в один день

¹ Белобородов В. К. Тропинки к дому. Русские Березовского края в конце XVIII — начале XX вв.: краеведческие заметки о былом и насущном / В.К. Белобородов. Тюмень: Титул, 2013. 352 с. : ил.

мужчин и, конечно же, стал искать подробности их жизней.

«Тропинки к дому» вышли в свет в год 420-летия города Березова. Автор убежден: «Иметь личную связь с прошлым — естественная потребность человека». И предлагает «самый доступный путь восста-

новления исторической памяти — поиск семейных корней через изучение родословных». На презентации издания, проводившейся в Государственной библиотеке Югры, состоялся заинтересованный разговор читателей. Книга оказалась интересной всем присутствующим в зале. История края — тема без границ. Но наибольший интерес к ней, естественно, проявили представители династий и фамилий, которым посвящены страницы книги.

В предисловии автор, как всегда, с присущим ему исследовательским и литературным блеском сообщает о том, чему посвящена книга, характеризует состояние дел в этом направлении, акцентирует внимание на проблемах краеведения, призывает к сотрудничеству, обозначает перспективы. Делает он это в свойственной ему манере: «надеюсь,

Доклад на Лопаревских чтениях. 2011 г.

что березовские краеведы примут этот словарь как приглашение к созданию коллективными усилиями гораздо более полного биографического словаря»; «хочу также высказать пожелание взяться за **пересмотр березовской хронологии...**» (выд. мною. — М.М.).

Петербургская почитательница трудов Валерия Константиновича Е. Веденяпина пишет: «Книга “Тропинки к дому” помимо моего личного интереса — прекрасная и необходимая книга, значение которой трудно переоценить. Валерий Константинович прекрасно и точно написал предисловие, совершенно адекватное мыслям множества людей, только выразить это, высказать — нужен особый дар и особая трудоемкая работа. В общем, история страны, одушевленная в лицах».

Да, это «особая трудоемкая работа», о чем Валерий Константи-

нович время от времени предупреждает читателя. Например, «создание широкой и всесторонней летописи родов — непосильная для автора задача ввиду громадного объема работы и труднодоступности источников, поэтому... ограничусь выявлением некоторых эпизодов и фрагментов... позволяющих читателю увидеть отдельные детали проявления индивидуальностей в то далекое от нас время».

Следует сказать, что этих (по выражению автора) «некоторых эпизодов и фрагментов» бывает достаточно для того, чтобы читатель успел проникнуться духом эпохи, узнать детали события, обстоятельства (часто трагические) жизни. И в очередной раз получить заряд эмоций от того, что прикоснулся к чему-то светлому, вечному...

Не могу не обратить внимания читателей на корректное, бережное отношение автора с фактами, которые ему удастся выявить. Особенно, если последние существуют в виде легенд, семейных преданий, трепетно передающихся от поколения к поколению.

Автор всегда бывает очень осторожным, прикасаясь к устной истории. В этом контексте стоит упомянуть о любопытном предположении, что космонавт Георгий Тимофеевич Добровольский принадлежит к березовскому

роду. Комментируя версию, автор стоит на своем, что та остается пока непроверенной и вряд ли является правдоподобной.

Валерий Константинович замечает: «Работа краеведа, наверное, никогда не бывает абсолютной законченной, остается много волнующих вопросов, не нашедших своевременно ответов, не доводящихся до конца сюжетные линии». Этим в некоторой степени и объясняет составитель «Подорожника» наличие в нем рубрики «Постскриптум». Забегая вперед, скажу, что в 14-м выпуске альманаха публикуются материалы, которые дополняют книгу «Тропинки к дому».

Восстановлением корней своих родов занялись жительницы Омска Татьяна Старчак и Санкт-Петербурга Елена Веденяпина, предки и той и другой имеют прямое отношение к Березово.

Литературные изюминки от Белобородова:

«Радостное волнение приходит каждый раз, когда находишь живого представителя известного рода...»

«Громом среди пасмурного уже от череды доставленных ссылкой неприятностей неба...»

«А вот беглая картинка, увиденная путешественником...»

«Привожу краткую справку об этом выдающемся человеке и от-

сылаю любознательного читателя за подробностями к источникам...»

Итак, перед нами 13-й и 14-й² выпуски краеведческого альманаха «Подорожник» (отзывы «ученых мужей» об этом ценнейшем источнике информации о нашем крае мы приводили в одном из предыдущих обзоров. См.: Рыцарь ордена краеведов. Санкт-Петербург, 2011).

Публикация В. Патрановой в окружной газете «Новости Югры» возвращает нас к тому моменту, когда начинался альманах: «В свое время автор идеи “Подорожника” Валерий Белобородов написал: “Все знают траву подорожник — скромное растение, вечный спутник человека, нередко дающий ему исцеление от легкого недуга. Люди старшего поколения помнят и другое значение слова: каждому хоть раз в жизни доводилось уносить из родного дома в котомке или чемодане подорожник — заботливо приготовленные для путника съестные припасы. Мне бы хотелось, чтобы наш сборник был также под рукой в нужный момент и на что-нибудь пригодился земляку-северянину”.

А он действительно пригодился: за прошедшие годы благодаря альманаху многие открыли для себя имена и события, которыми наполнено прошлое края. Если первый выпуск “Подорожника” насчитывал лишь 190 страниц, то последний разросся уже до 290, что подтверждает: тема прошлого неисчерпаема».

Каждый из этих выпусков начинается рубрикой Лопаревские чтения. Несмотря на то, что материалы чтений выходят отдельным изданием (кстати сказать, тоже под редакцией Валерия Константиновича, что, естественно, способствует тому, что в «Материалы...» попадают только интересные факты, имеющие ссылки на литературные источники и документы архивов), редактор-составитель находит возможным включить в «Подорожник» некоторые доклады и сообщения, прозвучавшие на Лопаревских чтениях. Так, в 13-м выпуске помещены работы бывшего библиотекаря Императорской публичной библиотеки «Покорение Югорской земли», «Путешествие на Кавказ»; а также публикация статьи В. Срезневского «Хрисанф Мефодьевич Лопарев». А в 14-й выпуск вошли

² Подорожник: краеведческий альманах / сост. В.К. Белобородов. Тюмень: Мандр и К³, 2012. Вып. 13. 304 с.; Подорожник: краеведческий альманах / сост. В.К. Белобородов. Ханты-Мансийск: Принт-Класс, 2014. Вып. 14. 298 с.

материалы, которые Валерий Константинович в предисловии называет «новыми находками»: статья Х. Лопарева, уроженца села Самарово, «Мои первые шаги в обществе». В ней идет речь о том, как самаровский петербуржец был утвержден секретарем Императорского общества любителей древней письменности. Здесь же помещены письма его племянницы Ф. Завадovской (Анисимовой), адресованные Хрисанфу Мефодьевичу в период с 1904 по 1917 год.

Не мог краеведческий альманах обойти вниманием дату — 420-летие Сургута. Прошлое города предстает на страницах нескольких публикаций. Каким был быт сургутян на рубеже XIX–XX веков, проживавших в домах «исключительно из соснового леса»? Автор отмечает такую деталь: летних экипажей жители не имели, так как летом Сургут со всех сторон окружен водой, поэтому «на берегу находится много лодок». Доходным занятием для жителей считалась доставка дров на паровозную пристань. Автор этих публикаций — бывший сургутский учитель Ф. Зобнин, читать их и сегодня чрезвычайно интересно.

Нестандартный подход Валерия Константиновича проявляется во многом, в частности, в названии рубрик: «Имена», «Тропа

Учитель краеведения поставил памятник своему школьному учителю в виде книги

жизни», «С архивной полки», «Эпистолярный», «Точка зрения» и др. Подход же к формированию содержания, отбору материала к публикации — все это выдает в редакторе-составителе человека заинтересованного, талантливого, имеющего богатейшие знания по краеведению, чрезвычайно скромного, когда речь заходит о его персоне. Почувствуйте сами: только истинный интеллигент может слова, адресованные лично ему, применить к характеристике другого человека, что вызывает восхищение (впрочем, стиль

и образ мыслей Валерия Константиновича всегда вызывают у меня восхищение!).

Тщетно борюсь с желанием предоставить читателю возможность вместе со мной насладиться пером Белобородова: «То, что мы привычно называем “краеведением”, российский историк С.О. Шмидт однажды определил как “действенное краелюбие”, подчеркнув важнейшую особенность этого занятия: в нем исследование непременно окрашено личным отношением, чувством. В том, что эта характеристика безукоризненно точна, не усомнятся знавшие краеведа Александра Константиновича Михайленко». Вышеприведенные слова были сказаны в канун 80-летнего юбилея последнего (Подорожник. Вып. 13. С. 228).

Опубликованные в краеведческом альманахе отрывки из нескольких писем Александра Михайленко к Г.В. Захаровой были написаны еще в начале 1990-х гг., когда мы пытались приобрести для Березова «Семейную хронику» одного из организаторов первой общественной библиотеки в округе Ф.Ф. Ларионова, характеризуют Александра Константиновича как незаурядного краеведа: до того момента, когда к нему обратились с просьбой о помощи, он ничего не слышал и не знал об ав-

торе рукописи. Но откликнулся, помог!

...Многие материалы альманаха настолько крепко сделаны, что само чтение приносит чувство радости. И если ты даже не подозревал, что тебе тексты могут быть интересными, оторваться от альманаха уже сложно.

...Любопытнейший материал Елены Шубнициной из Сыктывкара о летающих кровососах Севера под общим названием «Вампиры уральских дорог» помещен в выпуске 14-м. Автор приводит строки из различных путевых заметок, зачастую драматических, помещенных под красноречивыми заголовками: «Здесь без сетки никто не выходит из деревни», «Глядя на красоту, забываешь даже комаров» и др. Каждый читатель сам, наверняка, не раз становился жертвой гнуса, но картины, встречающиеся в этой подборке, производят впечатление, и читаются с интересом.

Трудно мне удержаться от соблазна продолжать знакомить читателей с содержанием альманаха «Подорожник». Но все-таки надо остановиться. Любящему свой край еще есть время сделать открытие с «Подорожником».

...Дух искательства Валерия Константиновича всегда будет между строк альманаха...

Владимир Темплинг

«Ежели предприятие мое хотя мало пользы принесет, я совершенно тем доволен буду»

Тобольский доктор Иван Петерсен

Заглавные слова принадлежат Ивану Ивановичу Петерсену — врачу, трудившемуся в Тобольской губернии на рубеже XVIII–XIX вв., автору нескольких медицинских научно-популярных наставлений, изданных в типографии Корнильевых в 1790-е гг., первому инспектору Тобольской врачебной управы.

2014 и 2015 гг. предполагали две круглые даты к биографии доктора — 280 лет со дня рождения (1734) и 210 лет со дня смерти (1805). Эти даты и еще ряд других, связанных с его профессиональной деятельностью, могут послужить достаточным основанием, чтобы вспомнить о нем. Последним толчком к реализации идеи этой статьи стала небольшая заметка из областной газеты 1990-х гг., броско озаглавленная «Первое наставление было издано в Тобольске». В кратком курсе по истории здравоохранения Тюменской области в том числе утверждалось, что первое в нашей стране печатное медицин-

ское наставление для населения было отпечатано в Тобольске.

Вопиющая самоуверенность автора! Как оказалось, это не единственный миф, связанный с Иваном Ивановичем.

В истории России XVIII в. занимает особое место. Привычный, естественно присущий Руси, неспешный ход событий был прерван мятежным духом Петра I. Молодой государь, впечатлившийся поездкой по Европе, и свою вотчину решил «причесать» на европейский «манир». Реформы и преобразования посыпались на голову московского обывателя как из рога изобилия. Каждый день сулил новшества, подчас невиданные и шокирующие. Страна наполнилась галдящими иностранцами, которым гений Петра предписал роль учителей. Необходимой частью масштабных реформ Петра стала медицина. Как и все начальные преобразования царя-императора, введение западноевропейской медицины преследовало исключительно прагматическую цель —

обеспечить специалистами армию. Нельзя сказать, что своих врачей-врачевателей не было. Ведь жили же и воевали как-то и до Петра, и много воевали, при этом обходились своими силами, теми знаниями и умениями, что были накоплены предками. Немало было в стране рудометов¹, травников, костоправов и других специалистов. На городских торжках в зеленых² рядах можно было приобрести лекарственные травы, получить совет «сидельца»³ или «зелейника», москательные лавки предлагали широкий ассортимент химических веществ, применяемых в лечении. Заморские врачи регулярно подвизались на русской службе с XVI в. Да и местные эскулапы не чуждались европейских достижений практической медицины. В XVI–XVII вв. на Руси в обилии появились переводы с европейских языков специальных, в том числе и медицинских, трудов⁴. И это при том, что западноевропейский врач образца XVII–XVIII вв. не имел существенных фармакологических преимуществ перед местными «лечцами». Позволю себе объемную цитату, дающую некоторое представление о природе и количестве лекарственных веществ, применявшихся в медицине прошлого.

В начале XX в. американский практикующий врач и популярный

затар медицины Г. Хаггард привел впечатляющую картину лечения английского короля Карла II в момент его смерти, почерпнутую из отчетов доктора Скарбурга, одного из двенадцати или четырнадцати врачей, приглашенных к королю: «В 8 часов утра в понедельник 2 февраля 1685 г. короля Карла брили в его спальне. Внезапно король вскрикнул и повалился на спину, после чего у него начались сильные судороги. Он потерял сознание, затем ему стало немного лучше, но через несколько дней он умер. Современные врачи предполагают, что умер он от закупорки мозговой артерии тромбом. Или от болезни почек. Для начала королю выпустили около пинты⁵ крови из вены правой руки. Затем на плече сделали надрез и поставили банку, в результате чего отсосали еще около восьми унций⁶ крови. После этой убийственной атаки началось лечение лекарствами.

¹ Специалист, лечивший болезни с помощью кровопускания.

² Место торговли лекарственными растениями, снадобьями.

³ Лавочник по доверию, торговавший в чужой лавке.

⁴ Ипполитова А.Б. Русские рукописные травники XVII–XVIII веков: исследование фольклора и этноботаники. М.: Индрик, 2008. С. 7–8.

⁵ Пинта — 0,5683 л.

⁶ Унция — 28, 413 мл (английская жидкая унция).

Королю ввели рвотные и слабительные средства, а немного погодя еще раз слабительное. За этим последовала клизма, содержащая сурьму, горечи, каменную соль, листья мальвы, фиалки, свекловичный корень, цветки ромашки, фенхельное семя, льняное семя, корицу, семя кардамона, шафран, кашениль и алоэ. Клизму повторили через два часа, а затем дали слабительное. Голову короля выбрили и наложили на темя вытяжной пластырь. Потом королю дали чемеричный хихательный порошок и порошок из цветов примулы для того, чтобы «укрепить мозг». Продолжили частую дачу слабительных, перемежая успокоительным питьем из ячменной воды, лакрицы и сладкого миндаля. Давали королю также белое вино, полынь и анис наряду с экстрактами цветов чертополоха, мяты, руты и дягиля. Наружно применяли пластырь из бургундской смолы, а к ногам прикладывали голубиный помет. Королю продолжали давать слабительные и делать кровопускания. К лекарствам добавили дынное семя, манник, экстракт коры вяза, черешневую воду, экст-

ракт цветков лайма, ландыша, пиона, лаванды и растворенный жемчуг. Потом наступил черед корня горечавки, мускатного ореха, хинина и гвоздики. Состояние короля не улучшалось, наоборот, ему становилось все хуже и хуже, и тогда — для оказания неотложной помощи — Карлу дали сорок капель экстракта человеческого черепа для успокоения судорог. В горло королю залили поддерживающую дозу противоядия Ралея; этот антидот содержал невероятное количество травяных и животных экстрактов. Наконец, королю дали безоар⁷. ... Доктора увенчали этот фармакологический дебош тем, что влили в рот умирающему королю смесь антидота Ралея, жемчужного сиропа и нашатырного спирта⁸. Вот так, в полном соответствии с канонами медицинской науки той поры, один из сильных мира сего покинул его, а принципы «науки медики» совсем немного изменились к началу XIX в.

На фоне этого фармакологического безобразия методы деревенских знахарей выглядели куда гуманнее. Тем не менее государи-императоры с неумолимостью насаждали европейскую медицину. Почему же? Дело в том, что врачи и медицина стали частью большой политики. На правах младших партнеров медики влились в ряды российской

⁷ Конкремент, образующийся в желудочно-кишечном тракте животных из непереварившихся частиц пищи.

⁸ Хаггард Г. От знахаря до врача: история науки врачевания. М., 2012. С. 373–374.

властной элиты и принимали участие в конструировании имперского государства и общества⁹. Но еще очень долго, вплоть до второй половины XIX в., фигура врача была редкой и чуждой диковинкой для российского обывателя, особенно в провинции, в деревне.

Все помыслы Петра были сосредоточены на нуждах армии, поэтому светскую неслужилую часть российского общества медицинские реформы затрагивали попутно, вскользь. Первый шаг в сторону гражданского населения сделала Анна Иоанновна, учредив в 1737 г. должности городских врачей. Приживалось новшество долго и мучительно. Природный россиянин, обходясь собственными силами и знаниями, не испытывал особенной нужды в посторонней помощи. Следующий шаг в приближении фигуры врача к народу был сделан Екатериной II в 1763 г. учреждением должности губернского доктора с небольшим штатом специалистов при нем. Именно тогда в Тобольске и некоторых других городах Сибири появились первые постоянные медицинские специалисты, занимавшиеся здоровьем гражданского населения¹⁰.

Пожалуй, одной из самых известных исторических фамилий врачей, некогда работавших на тер-

ритории нашего региона, является фамилия И.И. Петерсена¹¹, о котором известно совсем немного, а из того, что известно, не все верно.

Знаменит он прежде всего тем, что является автором одного из первых, как бы сейчас сказали, научно-популярных медицинских наставлений, в изобилии появившихся в России во второй половине XVIII в., изданных в провинции¹². Быть может, еще большую

⁹ Renner A. Russische Autokratie und europäische Medizin. Organisierter Wissenstransfer im 18. Jahrhundert. Franz Steiner Verlag Stuttgart 2010. По подсчетам этого немецкого автора в XVIII в., на русской службе было всего 800 врачей-иностранцев. Капля в море для 6–7-миллионного населения.

¹⁰ Темплинг В.Я. Тобольский медицинский факультет XVIII в. Начало // Большое Городище. 2015. №2 (35). С. 42–51.

¹¹ Именно так — Петерсен — он писал свою фамилию в официальных документах. Этот вариант, вслед за А.И. Дмитриевым-Мамоновым, А.Г. Татаринцевым и другими авторами, принят в данной публикации за основной, в цитатах сохранена орфография документа.

¹² Недавно коллега М.Г. Агапов любезно указал мне на небольшую заметку в одной из областных газет 90-х гг., в которой автор в краеведческом угаре утверждал что первое в России медицинское наставление для населения было напечатано в Тобольске. Конечно, это

известность он получил как обладатель первого известного в истории Сибири авторского гонорара, да еще в немалую сумму — 1000 руб.¹³ Кроме предположений о

преувеличение. Книгу Петерсена можно считать первым наставлением, но изданным именно в провинции. Это утверждение бесспорно только для Сибири и, возможно, азиатской части страны.

¹³ Павлов В.А. Рассказы об уральских книгах / Павлов В.А., Блюм А.В. Свердловск, 1980. С. 25–35.

¹⁴ Именно А. Татаринцев на основе тщательного изучения документов Тобольского архива первым приводит сведения о местонахождении дома И. Петерсена на горе, который числился в списках под №1227. Он же на основе косвенных данных предположил, что у Петерсена бывал в гостях А.Н. Радищев. См.: Татаринцев А.Г. Радищев в Сибири. М., 1977. С. 144–145.

¹⁵ Палкин Б.Н. Очерки истории медицины и здравоохранения Западной Сибири и Казахстана в период присоединения к России (1716–1868). Новосибирск, 1967. С. 51.

¹⁶ Кульбин Н. Петерсон, И. [Электронный ресурс]. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/100156/Петерсон (Дата обращения: 14.12.2012).

¹⁷ В качестве источника информации в заметке указана публикация в газете «Северная почта» за 1810 год, №10. На самом деле заметка о смерти «штаб-лекаря 6 класса, инспектора Пензенской врачебной управы» помещена была в №119 за этот год (Северная почта, или Новая Санкт-Петербургская газе-

шведском происхождении, о жительстве в нагорной части Тобольска и о том, что в гостях у него бывал А.Н. Радищев, никаких подробных биографических сведений в книге А. Блюма и В. Павлова не приведено. Хотя нельзя сказать, что они были совсем неизвестны, но профессиональное узкоглазие часто мешает заглянуть за рамки привычного обзора.

Историки уральской журналистики хорошо знакомы с идеями А.Г. Татаринцева¹⁴. Однако они не заметили небольшую, но информативную биографическую справку о Петерсене в фундаментальной монографии Б. Палкина 1967 г.¹⁵

Еще более ранняя, но меньшая по объему статья посвящена Петерсену в «Русском биографическом словаре» (СПб., 1902. Т. 13: Павел Преподобный — Петр Илейка), изданном под наблюдением председателя Императорского Русского исторического общества А.А. Половцова¹⁶. Относиться к ней нужно с большой осторожностью. Хотя в ней и говорится о Петерсене как авторе печатных наставлений, но упоминание о нем как о губернском враче в Пензе, скончавшемся в 1810 г. в возрасте 72 лет¹⁷, говорит о том, что автор данной статьи смешал сведения о двух разных врачах. Ошибиться было и немудрено. Ибо во второй половине XVIII в.

жили и работали несколько врачей с такой фамилией, и двое из них трудились в одно и то же время относительно недалеко друг от друга и по возрасту были близки. Один Петерсен — Иван — служил в Астрахани при войсках, а другой — Петр — в Саратове при колонистах. В Сибири службу продолжил астраханский Петерсен, а в Пензу отправился саратовский.

Согласно сведениям Б. Палкина, И.И. Петерсен родился в Ревеле в 1734¹⁸. В 1758 г. поступил

та. 1810. 21 дек.. №119. С. 2–3). Неточные сведения перекочевали и в современные издания. В «Сводном каталоге русской книги гражданской печати XVIII века» указаны даты 1739–1810. Эти же цифры фигурируют в Генеральном каталоге РНБ. Но это годы жизни Петра Петерсена — пензенского врача. Столичные чиновники и при жизни тоже путали Петра с Иваном, поэтому некоторые документы Ивана Ивановича в делах Медицинской коллегии бывают подшиты с бумагами Петра.

¹⁸ Как видим, это известие противоречит предположениям Павлова и Блюма о шведском происхождении Петерсена. А.Г. Татаринцев предпочел связать Ивана Ивановича с Германией. См.: Татаринцев А.Г. Указ. соч. С. 144–146. Однако в то время эти территории — Швеция, Дания, германские княжества и Прибалтика настолько тесно связаны были между собой, что любой из высказанных вариантов может оказаться верным.

учеником в госпитальную школу Санкт-Петербургского сухопутного госпиталя, в следующем году перешел на службу подлекарем Великолукского пехотного полка. Принимал участие в Семилетней войне¹⁹. В 1765 г. получил звание лекаря и был назначен в астраханский гарнизонный полк. В 1772 г. был переведен в пограничный батальон. В 1777 г., почти после 20 лет службы, получает звание штаб-лекаря, высшее в то время медицинское звание, возможное для человека без университетского диплома, через два года назначается в Сибирь²⁰, где и останется до конца своих дней. С 1783 г. он занимал должность городского доктора в Тобольске, в 1797 г. был назначен первым в истории инспектором Тобольской врачебной управы. Завершил свой

¹⁹ РГВИА. Ф. 490. Оп.3. Д. 151: Армейские списки за 772 и 773 г. Санкт-Петербургского легиона: Л. 956: Список именной о старшинстве и достоинстве пехотных полков капитанов на 1 сентября 773 г. Л. 965 об.–966. (Сведения представлены Ю.Л. Мандрикой).

²⁰ Это не совсем точно. Назначение в Сибирь произошло летом 1778 г., а уже в декабре этого года Иван Иванович принял дела, оставшиеся от И. Гибовского. См.: РГАДА. Ф. 344. Оп. 1: ч. 2, кн. 173. Д. 15. Л. 308–309. (Этот документ ошибочно подшит к делу о назначении Петра Петерсена пензенским врачом).

земной путь Иван Иванович в 1805 г.²¹ Таким образом, в Тобольске Петерсен прожил 26 лет, а не 12, как некогда предполагали историки уральской книги²².

Упоминание об экзамене на звание лекаря встречается у М. Мирского²³. И, наконец, последняя по времени появления краткая биография нашего героя принадлежит тобольскому исследователю А.А. Власову, защитивше-

му докторскую диссертацию по истории хирургии в Западной Сибири. В частности, он дополняет ее информацией о том, что Петерсен, еще будучи в Астрахани, помогал Г.Г. Гмелину в исследовании лепры²⁴. В брошюре 1991 г. он так же говорил о 1805 г. как дате смерти доктора²⁵. Скончался Иван Иванович, очевидно, в первой половине 1805 г. Его фамилия значится в списке дел предназначенных к уничтожению под №2 «Об умерших медицинских чиновниках на восьмидесяти трех листах»²⁶. В этом же году, уже в июле, в Медицинском совете рассматривалось дело о назначении его супруге пенсия²⁷.

²¹ Палкин Б.Н. Указ. соч. С. 51.

²² Павлов В.А. Указ. соч. С. 26. Кстати, и к моменту издания первой книги в 1790 г. Петерсену никак не могло быть 33 года, как утверждали эти же авторы.

²³ Мирский М.Б. Медицина России XVI–XIX веков. М., 1996. С. 103. При этом он ссылается на работу Куприянова В.В. К.И. Щепин — доктор медицины XVIII века. М., 1953. Но и в последней книге идет речь об экзамене как этапе на пути к врачеванию, но никак не об участии в таковом И.И. Петерсена. А.А. Власов приводит содержание «экзаменационного листа подлекаря Петерсона» от 12 января 1764 г. (См.: Власов А.А. Очерки истории хирургии в Сибири. М., 1999. С. 17). К сожалению, источники, указанные автором очерков, а это все та же книга В. Куприянова и ссылка на ныне несуществующий фонд №1296 в ЦГИА (да и архив в момент издания книги тобольского хирурга уже назывался РГИА), не дают никакой возможности установить, о каком именно из известных нам Петерсенов идет речь.

²⁴ Власов А.А. Очерки истории хирургии в Сибири. М.: Наука, 1999. С. 18.

²⁵ Власов А.А. История хирургии Тобольска. Тобольск, 1991. С. 6.

²⁶ РГИА. Ф. 1297. Оп. 1. Л. 485. Отсутствие в описи указаний на связь, номер дела, количества листов указывает на то, что этих материалов, скорее всего, нет.

²⁷ РГИА. Ф. 1297. Оп. 1. Кн. 70. Д. 447: «Об определении вдове бывшего в Тобольской врачебной управе инспектором штаб-лекаря коллежского советника Петерсона пансион» на 21 лл. В указателе к делам 1805 г. она указана как «Петерсенова Дарья вдова штаб-лекаря». (РГИА. Ф. 1297. Оп. 1. Л. 329. Правописание фамилии могло быть неустойчивым в рамках одного дела или даже документа).

Велик был соблазн посчитать тобольского Петерсена и поэтом. Поводом для этого предположения послужил комментарий к публикации рапорта кригс-комиссара Г.И. Осипова императрице Екатерине о тобольском губернаторе Д. Чичерине, в котором упоминается и Петерсен. Комментатор и он же публикатор документа новосибирский исследователь М.О. Акишин включил его в число авторов поэтического сборника Ф. Шиллера «Антология на 1782 год»²⁸. В качестве источника информации об этом факте публикатор указал статью Р.Ю. Данилевского²⁹. И все вроде бы сходилось! Ведь жил Иван Иванович в удивительно богатое в культурном отношении для Тобольска время, когда всю работала местная частная типография, трудилась целая когорта молодых творческих людей. Так почему бы и Ивану Ивановичу не быть таковым, тем более что не чужд был писательского труда? Вырисовывалась картинка маленькой сенсации, а это так приятно!

Но реальность, как обычно бывает в таких случаях, оказалась гораздо скромней. М.О. Акишин, скорее всего вслед за А.Г. Татаринцевым³⁰, поторопился приписать нашему Петерсену участие в сборнике Ф. Шиллера. Эта фамилия действительно встречается в пер-

вой сноске статьи Р.Ю. Данилевского, в ней перечисляются авторы, которые принимали участие в антологии, среди них есть и Петерсен, но с инициалами И.В.! Сама статья посвящена сборнику стихотворений, изданному Ф. Шиллером в Штутгарте в 1782 г. Значительную часть произведений написал сам Шиллер, участие также принимали Ф.В. Ховен, И.В. Петерсен, Х.Ф.Д. Шубарт «и некоторые другие друзья и знакомые поэта». Если бы среди них были россияне, то Р. Данилевский не смог бы этого не отметить. Но творческая фантазия А. Татаринцева предпочла увидеть в этом существование связей между Петерсеном и его земляками, «занимавшимися литературным творчеством».

Ничего не говорит об участии российских поэтов в этом сбор-

²⁸ Сибирский губернатор Д.И. Чичерин. Рапорт обер-штерн-кригс-комиссара Г.И. Осипова императрице Екатерине II. 1779 / публикация М.О. Акишина // Исторический архив. 1996. №2. С. 193–210.

²⁹ Данилевский Р.Ю. Тема Сибири в предисловии Ф. Шиллера к «Антологии на 1782 год» // Россия и Запад: Из истории литературных отношений. М., 1973. С. 16. Антология создавалась в полемической борьбе еще молодого Ф. Шиллера, и для пущей мистификации местом ее издания он указал далекий Тобольск.

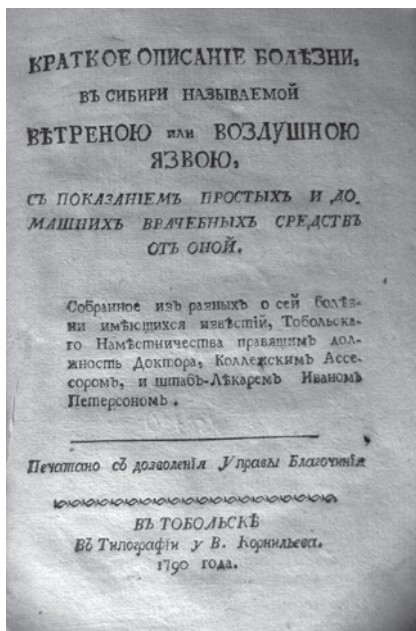
³⁰ Татаринцев А.Г. Указ. соч. С. 144–145.

нике и А. Гугнин³¹. Увы, «наши» Петерсены вряд ли могли иметь статус «друзей и знакомых» тогда еще совсем молодого, практически начинающего талантливое немецкого поэта³². У всех за плечами медико-хирургическая академия или госпитальная школа и нелегкие годы, проведенные в армии или глуши. И, по всей видимости, Ивану Ивановичу вряд ли была характерна склонность к поэтическому или переводческому творчеству. Во всяком случае

³¹ Гугнин А. Основные этапы истории немецко-русских и русско-немецких литературных связей // Балтийский филологический курьер. №3. 2003. С. 258–311 (с. 276).

³² Ф. Шиллер родился в 1759 г. Нетрудно посчитать, что в 1782 г. автору «Разбойников» (впервые пьеса была поставлена в январе 1782 г.) было всего 23 года.

³³ Рак В.Д. Тобольский журнал XVIII в. «Библиотека ученая, экономическая, нравоучительная, историческая и увеселительная в пользу и удовольствие всякого звания читателей // Проблемы жанра в литературе Сибири. Новосибирск, 1977. С. 5–28; Его же. Распространение просветительских идей в Сибири (источники переводов в тобольских изданиях 1789–1794 гг.) // Рак В.Д. Русские литературные сборники и периодические издания второй половины XVIII века: (иностранные источники, состав, техника компиляции). СПб., 1998. С. 403–509.

*Из коллекции
научной библиотеки МГУ*

исследователям «Иртыша, пре-
вращающегося в Ипокрену» и
других тобольских изданий кон-
ца XVIII в. не удалось пока разыс-
кать в контенте участия И.И. Пе-
терсена в выпуске первых сибир-
ских журналов³³.

Тем не менее Иван Иванович
оставил в наследство потомкам
нечто из своего профессиональ-
ного литературного творчества, с
которым тоже не все ясно. Прежде
всего, нет ясности в количестве
опубликованных им книг. В XIX в.
читающей публике были извест-

ны два издания, а в самом современном справочнике по книге Тобольской губернии Е.Н. Коноваловой учтено уже четыре. Магия времени?

Впервые книги И. Петерсена относительно подробно были охарактеризованы А.И. Дмитриевым-Мамоновым в 1884 г. В первом издании очерка истории книгопечатания в Тобольской губернии он приводит описание двух книжек, вышедших из-под пера Ивана Ивановича: «Краткое наставление, как вспомоствовать тем, кои от насильственных или внезапных случаев приходят в такое положение, что уже мертвыми кажутся», изданное в 1794 г. и «Краткое описание, составленное из разных известий для пользования людей и скота от болезни, называемой в Сибири ветряною или воздушною язвою» 1791 г.³⁴ Эти сведения в 1889 г. были воспроизведены в «Сибирском вестнике политики, литературы и общественной жизни»³⁵, издававшемся в Томске. В 1912 г. сведения об этих же книжках, но с некоторыми поправками, были отражены в справочнике В.П. Семенникова³⁶. В «Сводном каталоге русской книги XVIII в.», подготовленном в 1960–1970 е гг., также учтены два издания Петерсена, но уже с уточнениями В.П. Семенникова: не-

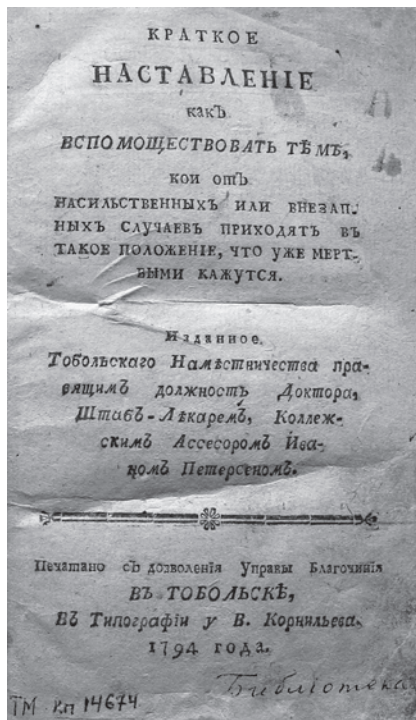
изменными сохранились сведения о книге 1794, а вот вторая датирована 1790 г. Было уточнено и ее название: «Краткое описание болезни, в Сибири называемой ветреною или воздушною язвою, с показанием простых и домаш-

³⁴ Дмитриев-Мамонов А.И. Печать в Тобольском наместничестве в конце XVIII столетия: ист. и библиограф. розыскания // Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 год сост. А.И. Дмитриевым-Мамоновым и К.М. Голодниковым. Тобольск, 1884. С. 343–346. В 1891 г. этот очерк вышел отдельным изданием в Омске: Начала печати в Сибири. Печать в Тобольском наместничестве в конце XVIII столетия: ист.-библиограф. расследования. С. 76–78. (3-е изд.: СПб., 1900). Далее, для краткости, будем называть издания «Краткое наставление...» и «Краткое описание болезни...».

³⁵Тобояк. Столетие сибирской печати // Российская провинциальная частная газета / под ред. Л.Е. Кройчика и Ю.Л. Мандрики. Тюмень, 2004. С. 367–368.

³⁶ См.: Библиографический список книг, напечатанных в провинции со времени возникновения гражданских типографий по 1807 г. / сост. В.П. Семенников. СПб., 1912. С. 20, 23. (№№ 4, 11). Составитель приводит такие выходные данные: «Краткое описание болезни, в Сибири называемой ветреною или воздушною язвою, с показанием простых и домашних средств от оной, собранные штаб-лекарем Иваном Петерсоном. 1790».

них врачебных средств. Собранные из разных о сей болезни имеющихся известий, Тобольского наместничества правящим должность доктора коллежского асессора и штаб-лекарем Иваном Петерсоном»³⁷. Таким образом, обнаруживается первое разночтение в названии «Краткого описания болезни...», встречаемое, с одной стороны, в описаниях А. Дмитриева-Мамонова, с другой, в справочнике В.П. Семенникова. Это разночтение было закреплено в сводном каталоге сибирской книги ГПНТБ в 2004 г. В нем учтено три издания Петерсена³⁸. Составители новосибирского каталога сочли возможным вне-

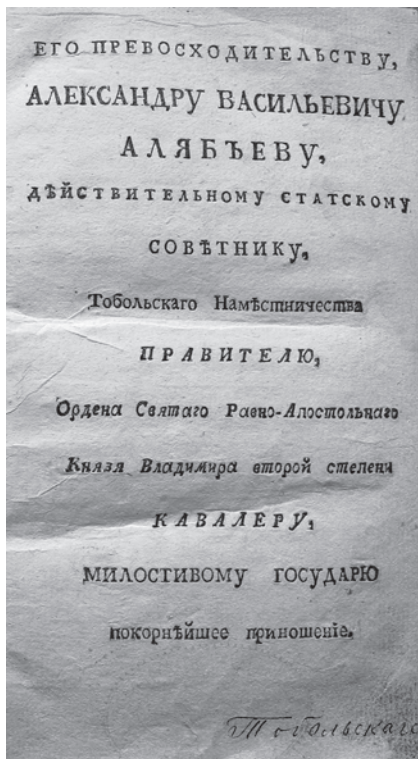
Из коллекции ТГИАМЗ

сти в списки сведения, которые были почерпнуты исключительно из литературных источников.

В 1986 г. в печати появляется информация еще об одном издании, якобы принадлежащем Петерсену и опять же о сибирской язве, но опубликованном в 1797 г.: «Из разных известий для пользования людей и скота от болезни, называемой в Сибири ветреною или воздушною язвою, краткое описание опытом дока-

³⁷ Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. В 6 тт. М., 1962–1975. Т. II. М., 1964. №5221 (Краткое наставление, 1794), 5222 (Краткое описание болезни, 1790). По неведомым причинам обратный (не по хронологии) порядок описания изданий И. Петерсена, впервые примененный А.И. Дмитриевым-Мамоновым в 1884 г., воспроизводится во всех современных каталогах.

³⁸ Сводный каталог сибирской и дальневосточной книги, 1790–1917: в 3 тт. Новосибирск, 2004–2005. Т. 1. 1790–1900. 2004. №3 (Краткое описание болезни, 1790), №7 (Краткое описание болезни, 1791), №13 (Краткое наставление, 1794).

Приклеивной лист с посвящением

занное»³⁹. В результате такого «почкования» в начале XXI в. в «Сводном каталоге местных изданий» Е.Н. Коноваловой было зафиксировано уже 4 издания И.И. Петерсена. При этом составитель указывает, что издание 1794 г. имеется в библиотеках Тобольского и Тюменского музеев, издания 1790 и 1791 гг. наличествуют в собраниях РНБ и Тобольского музея-заповедника, а

существование издания 1797 г. установлено по вторичным источникам⁴⁰. Итак, наш камень преткновения «Краткое описание болезни...» — три издания или одно? Попробуем разобраться.

В очерке А.И. Дмитриева-Мамонова 1884 (и в других его публикациях) годом издания «Краткого описания болезни...» действительно указан 1791 г. Но сверка сведений об этом издании и его распространении, приведенных этим автором в очерке, с сохранившимися материалами Тобольского Приказа общественного призрения высвечивает явное не-

³⁹ Зубов В.Е. Распространение чиновниками научных и технических знаний среди крестьян Западной Сибири (конец XVIII — первая половина XIX в.) / Зубов В.Е., Рабцевич В.В. // Развитие культуры сибирской деревни в XVII — начале XX вв. Новосибирск, 1986. С. 40. Но сведения в статье явно искажены, об этом свидетельствуют логические противоречия в тексте. Тем не менее информация была воспроизведена в 1991 г. Н.А. Миненко в кн.: Экологические знания и опыт природопользования русских крестьян Сибири в XVIII — первой половине XIX в. Новосибирск, 1991. С. 139.

⁴⁰ Коновалова Е.Н. Книга Тобольской губернии. 1790–1917 гг. Сводный каталог местных изданий. Новосибирск, 2006. №№ 2, 6, 12, 14.

доразумение, вкравшееся в текст тобольского библиографа.

Дело в том, что все документы с информацией о порядке распространения книги, о денежных сборах, о выплате гонорара автору и типографу датируются исключительно первой половиной 1791 г.⁴¹ Уже 18 января 1791 г. приказ слушал «словесный отзыв» наместника А. Алябьева о том, что городовым и уездным начальникам наместничества разослано 248 экземпляров сочинения «тоболско-

го доктора коллежского асессора» Петерсена «из разных известий для ползования людей от болезни называемой в Сибири ветреною или воздушною язвою»⁴² с тем, чтобы городские и волостные общества заплатили по 5 рублей за экземпляр в приказ.

Для учета поступления этих денег была заведена специальная приходо-расходная книга⁴³. В январе 1791 г. было продано: по 1 экземпляру в Кургане, Тюмени, Омске, Ялуторовске; земскими судами (т.е. в уездах): тобольским — 19, ялуторовским — 32. Всего 55 экземпляров по 5 руб., на 275 руб. Продажа в Тобольске «желающим» была неудачной — из 15 книг была куплена только одна — губернским прокурором И.И. Бахтинным, остальные 14 экземпляров управа благочиния вернула в приказ. В Ишиме был продан 1 экземпляр к февралю 1791 г. В Курганском уезде было продано 26 экземпляров наставления⁴⁴. А 6 мая 1791 г. наместник предложил приказу выплатить Петерсену «за сочинение от болезни...краткого описания» 1000 руб., Корнильеву за печать и переплет 300 экземпляров 150 руб. «из вырученных за оныя экземпляры суммы 1150 руб.»⁴⁵.

Следовательно, сомнительно, чтобы при существовавшей тогда логистике и технологиях за пять месяцев был отпечатан и распро-

⁴¹ ГУТО ГАТ. Ф. 355. Оп. 1. Д. 77: Дело о поступлении в Приказ общественного призрения денег, вырученных от продажи лекарственной книги Петерсона. 1791. 128 л.

⁴² Стоит обратить внимание на этот усеченный вариант названия, он весьма близок к названию 1797 г., упоминаемому в статье В.Е. Зубова и В.В. Рабцевич.

⁴³ ГУТО ГАТ. Ф.355. Оп.1. Д. 50. Л. 37–37об.

⁴⁴ ГУТО ГАТ. Ф. 355. Оп.1. Д. 50. Л. 53–53об., 54, 68, 73об.

⁴⁵ Там же. Л. 6. Сумма дохода, полученного от продажи книги, отличается от суммы указанной Мамоновым — 1490 р. Не стоит этому удивляться, т.к. архивное дело (д. 50) — это журнал присутствия Приказа, в котором фиксировались «предложения», а значит и примерные суммы, которые могли отличаться от реальных результатов. Очевидно, при предварительном расчете еще не планировалось оставление 2 экземпляров при делах Приказа.

дан почти весь тираж. Далее. Несмотря на то что Е. Коновалова в описаниях изданий 1790 и 1791 гг. в Сводном каталоге указала сиглу РНБ, в генеральном алфавитном каталоге библиотеки обнаруживается только издание 1790 г. Куда ж делось второе? Не подтвердилась информация и о наличии «Краткого описания...» 1790 и 1791 гг. в научной библиотеке Тобольского музея, сигла которой также присутствует в описании⁴⁶. Согласно сведениям, предоставленным библиотекарем ТГИАЗМ Г.В. Леповой (большое спасибо ей за это!), в настоящее время в фондах музея имеется только книга И. Петерсена «Краткое наставление...» (1794). Таким образом, ни в одном из книжных собраний области нет изданий «Краткого описания...»⁴⁷.

Остается прояснить ситуацию с названиями — во всех трех случаях они отличны друг от друга.

1790 Краткое описание болезни, в Сибири называемой ветреною или воздушною язвою, с показанием простых и домашних врачебных средств от оной. Собранный из разных известий Тобольского наместничества правящим должностность доктора, коллежским асессором и штаб-лекарем Иваном Петерсоном. Тобольск: Тип. В. Корнильева, 1790. 7, 46 с.

1791 Краткое описание, составленное из разных известий для

пользования людей и скота от болезни, называемой в Сибири ветреною или воздушною язвою / Сочинение напечатанное с дозволения Тобольской управы благочиния на средства Тобольского приказа общественного призрения. Тобольск: Тип. В. Корнильева, 1791. 7, 46 с

1797 Из разных известий для пользования людей и скота от болезни, называемой в Сибири ветреною или воздушною яз-

⁴⁶ Совершенно непонятен источник появления в Каталоге Е. Коноваловой сиглы Научной библиотеки Тобольского музея под обоими изданиями. В Каталоге сибирской и дальневосточной книги сигла этого хранилища стоит только под изданием 1790 г. (вообще там учтено три места хранения этого издания, кроме Тобольска, это Национальная библиотека и библиотека РАН). Для описания издания 1791 г. новосибирцами использована работа А.И. Дмитриева-Мамонова. Явное доказательство этого — отсутствие в их описании объема издания. См.: Сводный каталог сибирской... С. 12. (№7).

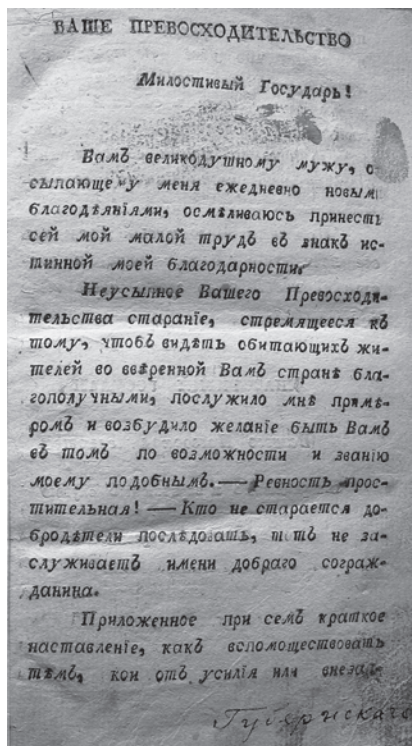
⁴⁷ В краеведческом отделе Тюменской областной научной библиотеки имеется только ксерокопия издания 1790 г. Кому принадлежит оригинал, с которого сделали копию, пока остается неизвестным. В свете этих данных следует констатировать, что сведения о наличии этого издания в Научной библиотеке ТГИАМЗ являются ошибочными, а это значит, что в сибирских хранилищах «Краткого описания...» пока не выявлено!

вою, опытом доказанное. Тобольск: Тип. В. Корнильева. 300 экз.

Из приведенных вариантов названий только один (1790 г.) соответствует выходным данным на просмотренных de visu экземплярах книг⁴⁸. Следует констатировать, что, несмотря на то что в некоторых каталогах в качестве мест хранения издания «Краткого описания болезни...» 1791 г. указаны библиотека Тобольского музея и РНБ, на самом деле de visu с ним никто не работал, а сведения о нем почерпнуты из работы А.И. Дмитриева-Мамонова. Название книги 1791 г. встречается только там. Совсем нетрудно заметить, что оно представляет собой вольное переложение оригинального названия издания 1790 г. с некоторыми дополнениями, например о дозволении управой благочиния печатать и о средствах Приказа, отпущенных на печать.

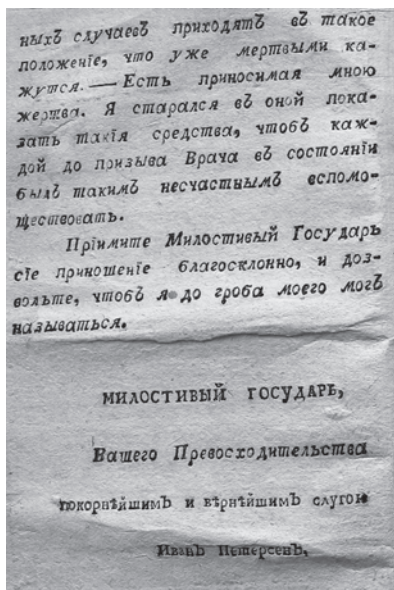
Создается ощущение, что и сам Дмитриев-Мамонов никогда

⁴⁸ De visu автором был просмотрен экземпляр из собрания Российской государственной публичной исторической библиотеки и ксерокопия, хранящаяся в фондах ТОНБ им. Менделеева. Ю.Л. Мандрика осмотрел экземпляр, хранящийся в научной библиотеке МГУ, и выяснил, что в РГБ имеется копия экземпляра из РГПИБ.

Приклеенные листы с посвящением губернатору А.В. Алябьеву

не держал в руках этой книги и при описании издания ориентировался исключительно на архивные документы. Только в этом случае можно объяснить появление мифического издания 1791 г. Во-первых, все документы, которыми пользовался Дмитриев-Мамонов, как уже было отмечено, относятся к первой половине 1791 г. И, во-вторых, не имея пе-

ред глазами оригинального изда-
 ния, автор, соответственно, ори-
 ентировался на документы и на
 то редуцированное название кни-
 ги, которое в них фигурировало.

Таким образом, полностью под-
 тверждается предположение В.П.
 Семенникова о неточности описа-
 ний тобольских изданий, данных
 А. И. Дмитриевым-Мамоновым.
 В частности библиограф еще в
 1912 г. писал: «...в исследовании
 Дмитриева-Мамонова “Начало
 печати в Сибири” (изд. 3-е, СПб.,
 1900) есть разногласия с другими
 источниками относительно года
 издания. ...г. Дмитриев-Мамонов
 обозначает так: ...1791, а не 1790;

из труда Дмитриева-Мамонова
 не видно, чтобы ... книги были им
 описаны по подлинникам. Сведе-
 ния г. Дмитриева-Мамонова воз-
 буждают сомнения, так как он не
 указывает, чем объясняется разли-
 чие между его показаниями и все-
 ми другими источниками»⁴⁹. Вы-
 зывает удивление, что никто из со-
 ставителей сибирских каталогов
 не обратил внимание на это выс-
 казывание 1912 г. и не удосужил-
 ся перепроверить незадачливого
 историка печати. Секрет появле-
 ния издания 1797 г., скорее всего,
 тоже кроется в том, что авторы
 статьи неверно интерпретировали
 документы или некритически
 восприняли их содержание. Это
 недоразумение может быть разре-
 шено только перепроверкой доку-
 мента, на который ссылаются
 В.Е. Зубов и В.В. Рабцевич⁵⁰.

Писание наставлений не самая
 важная часть работы губернско-
 го доктора. Это скорее экстраор-

⁴⁹ Библиографический список книг...
 С. 23. За эти сведения спасибо
 Ю. Мандрике.

⁵⁰ Указанные авторы ссылаются на
 Ф. 238 (Коллекция Лихачева Ни-
 колая Петровича) в архиве Санкт-
 Петербургского филиала Инсти-
 тута истории естествознания и
 техники им. С.И. Вавилова РАН
 (Оп. 2. Д. 293/7. Л. 1 об.). Легко-
 весное отношение к печатному
 слову или архивному документу —
 настоящий бич современной исто-

динарная часть его деятельности. Повседневность же была занята множеством других дел. В его ведении находился местный «гофшпиталь», он преподавал медицину будущим священникам и наставлял немногочисленных лекарских учеников, совершал инспекторские поездки по территории губернии (наместничества), совершал осмотры и освидетельствования, организовывал присмотр за умалишенными. В 1788 г. Петерсен получил от Приказа общественного призрения «на покупку для учеников медико-хирургических книг сто рублей». Оказывал помощь пострадавшим в страшном пожаре этого года. Тогда сгорели все имевшиеся в городе богадельни (по списку исправника — 14,

риографии. Надо благодарить богов за то, что на глаза составителя Сводного каталога местных изданий Тобольской губернии не попались работы А.Г Татаринцева и А.А. Власова, в которых авторству И. Петерсена причислено еще одно мифическое издание, некий «Сельский лечебник», иначе не миновать Ивану Ивановичу еще одного произведения. К сожалению, при таких подходах перспектива весьма реальная.

⁵¹ ГУТО ГАТ. Ф. 355. Оп. 1. Д. 1. Л. 4 об., 9–9 об.

⁵² ГУТО ГАТ. Ф. 355. Оп. 1. Д. 34. Л. 17 об., 58; 26–26 об.

⁵³ Там же. Д. 50. Л. 4.

включая церковные), пострадали 2 человека, один мужчина обгорел, и одна женщина скончалась от ожогов. Обгоревшего было решено отправить в городской «гофшпиталь», для чего ради о принятии его предложить к городскому здешнему доктору господину Петерсену с тем, дабы он к ползованию ево, елико возможно будет по долгу человеколюбия, принял на себя попечение»⁵¹. В январе 1790 г. он осматривал ссыльного Калужской губернии Евгения Иванова и ссыльного Якова Гущина, которые по старости не могли быть определены на поселение⁵². В марте 1791 г. Петерсену было поручено провести обследование крестьян Ослина и Шерьякалова. Первого на предмет «действительно пришел в совершенный разум», а последний «от меланхолического припадка получил свободу»⁵³.

О личной жизни нашего героя известий нет почти никаких. По всей вероятности, вероисповедания он был протестантского. В армейских списках за 1773 г., обнаруженных Ю.Л. Мандрикой, Петерсен значится вольным лифляндским жителем «лютерского закона» и, возможно, был прихожанином лютеранского прихода Тобольск-Рыжково. Но, к сожалению, документов этого прихо-

да не сохранилось⁵⁴. Пока мы точно знаем, что он был женат, супругу его звали Дарья.

Летом 1805 г. после смерти Ивана Ивановича она обратилась в Медицинский совет с просьбой назначить ей пенсию. Мы можем предполагать, что хозяином Петерсен был рачительным и полученный гонорар не пустил по ветру, а поместил в Приказ общественного призрения под проценты, об этом имеется целое дело в архиве⁵⁵.

Как истинный сын своего времени, Иван Иванович был носителем идей века Просвещения. Просвещение понималось им в буквальном смысле. Предупеждая свое наставление о сибирской язве, автор своей целью ставил не только стремление описать болезнь, «дабы каждый и незнающий врачебной науки, мог оную от других наружных болезней отличать», но и сделать так, чтобы жители тех мест, которые он курировал как врач, познакомившись с «помогательными средствами», описанными в наставлении, в случае нужды сами себе могли помогать. Слова «сами себе» автор в предупредительном выделении выделил особо. Он ясно понимал, что мизерное число медицинских специалистов не способны были посетить все места и помочь всем больным, и выражал надеж-

ду, что затеянное им предприятие «хотя мало пользы принесет, я совершенно тем буду доволен».

Сложно судить о том, насколько востребованным и действенным оказалось наставление И.И. Петерсена. Из архивных источников известно, что наставление распространялось по уездам и даже переписывалось крестьянами, а этнографические материалы, собранные в начале XX в. П.А. Городцовым, демонстрируют множество удивительно близких параллелей со сведениями петерсеновского наставления⁵⁶...

⁵⁴ Протестантизм в Тюменском крае: история и современность / под ред. И.В. Боброва. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. С. 102–107.

⁵⁵ ГУТО ГАТ. Ф. 355. Оп. 1. Д. 157. Дело о вложении доктором И. Петерсоном денег в Тобольский приказ общественного призрения под проценты. 1795 г. 14 л.

⁵⁶ Городцов П.А. Сибирская язва // Записки Тюменского научного общества изучения местного края. Тюмень, 1924. С. 55–110.

Юрий Мандрика

Мои маленькие сенсации

По страницам изданий времен Гражданской войны.
И не только...

Можно ли доверять прессе, стремящейся зафиксировать ускользающее мгновение? Особенно в условиях цензуры военного времени?

Вспомнилось стихотворение некоего Земляка, помещенное в томской «Сибирской жизни» (1919. 12 февр., № 28):

Газетные вести
И скупы, и сухи.
Газеты, ей-Богу,
И слепы, и глухи,
Но ходят по городу
Вер-р-р-ные слухи.
Знакомый, вернувшись
Из дальней поездки,
Такие новинки
Недавно невестке
Сказал под секретом,
Вот если б газетам...
Да где там!..

А дядюшка Сеня
Писал из Тюмени?!
А тетка из Омска
Писала Евграфу?!
Ведь нынче же письма
Верней телеграфа.
А где ты об этом
Найдешь по газетам?
Газетные вести
И скупы, и сухи...
Газеты, ей-ей же,
И слепы, и глухи,

Но ходят по городу
Вер-р-р-ные слухи.

Читатель спросит: «А чего еще ожидать от газетного летописца?». Хотя мнение, почерпнутое из материалов штаба Верховного Главнокомандующего Всероссийского правительства адмирала А.В. Колчака, в духе версификации Земляка. Оно высказано в первые дни существования газеты «Русская армия», когда то самое правительство думало над тем, как повлиять на гражданское население, чтобы оно добровольно шло защищать новую Россию.

«Политическую обстановку, в которой совершается сейчас государственная работа, можно определить как неопределенно-анархическое состояние. Массы устали от войны и революции, восприняли неврастенические недуги и нервно живут слухами, порой вздорными до преступности. Отсутствие правильной информации, освещающей события политической жизни России и международного состояния, ставит граждан в трудное положение — полного неведения, одновременно дает простор для губительной работы демагогии и провокации»¹.

¹ РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 173. Л. 52.

...Конец октября 1917 г. Тюменские газеты пестрят сообщениями о массовом закрытии изданий по всей Сибири, да и не только. «Но не к праву силы должна обращаться демократия даже в минуты опасности для существующего свободного государственного строя, к силе идей и убеждений», — писал владивостокский корреспондент в «Голосе Приморья» (Сиб. торг. газ. 1917. 28 окт., № 231; далее — СТГ). Продолжением этой, очевидно, даже в то страшное время банальной мысли стала чудовищная история: «В одну из минувших ночей в самую глухую пору пришли рабочие в типографию газеты “Дальний Восток”, испортили стамеской шрифт очередного номера газеты и объявили свое “постановление” о закрытии этой газеты “за контрреволюционное направление”».

А. Крылов, редактор «Торговки», для которого собственное издание было скорее бизнесом, заме-

Судя по росту — большевик,
По погонам — прапорщик,
Поэт, художник и артист,
А подчас — фельетонист...
Носит: кортик, френч,
пенсне...
Неотразимый в «галифе»².

нала “Свободная мысль”, издание учеников Тюменского коммерческого училища. Журнал напечатан на гектографе. Редакторы М. Жернаков и В. Захаров» (СТГ. 1917. 11

² Шарж с заголовком к пятистишию «Кто он?» помещен без указания авторства (Св. сл. 1917. 5 окт., № 126). Есть все основания полагать, что перед нами Вл. Эттель.

шанным отнюдь не на журналистике, а на рекламном контенте, был аккуратным в подборе материала для страниц «Сиб. торг. газ.». Но, скорее всего, череда аналогичных событий захлестнула всю Россию, и публикацию еще одной, да к тому же не местной, новости цензор мог и не заметить, как любой прохожий не обращал внимания на идущего рядом и плюющего в тюменскую грязь. А может, это была спланированная новой властью акция устрашения работников пера?

И на этом фоне новость, опубликованная в № 220 (6 окт.), даже сегодня выглядит сенсационно (повсеместно закрывают-то!): ведутся переговоры с одной из типографий о печатании нового издания.

Буквально через пять дней — продолжение темы: «Вышел № 1 журнала “Свободная мысль”, издание учеников Тюменского коммерческого училища. Журнал напечатан на гектографе. Редакторы М. Жернаков и В. Захаров» (СТГ. 1917. 11

окт., № 224). Газета «Свободное слово» сообщила эту новость на несколько дней раньше (1917. 8 окт., № 129). Если два издания сообщают об одном и том же факте, то он, наверняка, имел место. Но удастся ли нам когда-нибудь лицезреть названный ученический журнал, чтобы понять, чем дышало молодое поколение в грозные годы?

А через месяц, в № 236 от 3 ноября 1917 г., «СТГ» сообщила: «Учениками Тюменского коммерческого училища выпущен номер журнала “Свободная школа”. Цена 10 коп. Это второй ученический журнал». Прямо какая-то эпидемия в коммерческом училище! Явно что-то съели...

...Всякое новое имя будоражит поисковика: удастся ли увидеть то, о чем сообщалось почти сто лет назад? Сложное было время.

Непонятно, на чьей стороне ты должен оказаться, чтобы выжить? Красных, которые пришли и все национализировали, вплоть до перин, являвшихся мельчайшей расчетной единицей собственности? Или белых, пытавшихся из-

³ Законы о печати: сб. декретов, постановлений, уставов, инструкций и распоряжений с разъяснениями и хронологическим и алфавитно-предметным указателем / сост. Н.М. Николаев. Москва: Госиздат, [1924]. Ч. I. 248 с. — Изд. неоф.

⁴ Там же. С. 97.

На экз. газеты сохранилась наклейка с адресом «Омск. Информационному бюро. 3 экз.»

менить порядки, установленные новой властью? Что сохранить, а что сжечь? И в какое время это сделать? Чтобы не привлекли в том и другом случае? Повод ведь всегда можно найти...

Поверх народных чаяний о свободе неловкой окровавленной повязкой на 70 лет улегся декрет, подписанный председателем Совета Народных Комиссаров В. Лениным 20 апр. 1920 г. «О национализации запасов книг и иных печатных произведений»³. Отныне все книги и другая печатная продукция (за исключением библиотечных собраний), принадлежащие как частным лицам, так и кооперативным и другим организациям и учреждениям, были объявлены собственностью государства. Виновные в сокрытии книг предавались суду⁴.

Думаю, что именно после такого размашистого, от самого плеча, декрета, найти что-нибудь из изданий того времени очень просто. В центр из провинции вывозилось все. Работая с газетами того времени, чудом выжившими

в спецхранах, то и дело натыкался на нелепейшие наклейки, на которых обозначался получатель. В книгохранилище бывшего Института марксизма-ленинизма встречаются тюменские издания, изъятые из библиотеки приказчицье-го клуба. В отделе русского зарубежья Ленинки (это надо же такое придумать: все, что издавалось в 1917–1919 гг. на территории России, считать иностранным; ср. ситуацию на Украине, над которой мы постоянно глумимся: произведения Н.В. Гоголя, родившегося на Полтавщине, школьники изучают как творения зарубежного автора; десятилетия ходил в РГБ, ездил смотреть периодику к черту на кулички — газетный зал находится в Химках, — но допереть до та-

кого?! Мой изощренный и извращенный цивилизацией мозг не смог бы...) на читинской газете красовался костромской адрес. А многие экземпляры бакинского «Каспия» у тех же бывших марксистов-ленинистов (теперь — Центр социально-политической истории России в структуре Исторички) имеют фиолетовый с неровными краями приклеенный клочок бумажки: «Петроград. Газетной экспедиции Петроградского почтамта для отсылки за границу». Это и сегодня выглядит зловеще, ибо начинаешь понимать, что далеко не все зависит от работников почты⁶...

Какие-то экземпляры «Сибирского листка» маркированы адресом «Омск. Административный совет Вр. Сибирского правительства», а отдельные номера «Свободного слова» пестрят наклейками: «Омск, “Правительственный вестник”. 3 экз.», «Омск, Алексан-

Что дороже⁵

Наступил настоящий обувной кризис.
(Из газет)

Он: Душечка, пупочка, птичечка, я миллионы положу к Вашим ножкам...

Она: Уж Вы лучше сначала обуйте эти ножки, а потом поговорим о миллионах.

Рис. Вл. Э-ль

⁵ Св. слово. 1918. 9 янв., № 6.

⁶ 1 апреля 1917 г. А.В. Колчак писал своей возлюбленной Анне Васильевне: «...У меня появились опасения, все ли письма доходят до меня. Почта действует крайне неправильно, к тому же имеются основания думать, что в Петрограде существует цензура совершенно не военного характера, а политическая, установленная негласно теми элементами, которые образуют С.Р. и С.Д. При таком отношении корреспонденция получает несомненный интерес, а потому я отношусь к почте крайне недоверчиво». ГАРФ. Ф. Р-5844. Оп. 1. Ед. хр. За. Лл. 15–16.

дровская, № 19. Отдел печати при Совете Министров. 3 экз.», «Омск. Информационному бюро. 3 экз.». «Действующая армия. Начальнику штаба Верховного Главнокомандующего. 2 экз.», «Тюменскому уездному комиссару. В здание — бывшее полицейское управление. 8 экз.». Обнаружился еще один адрес, куда посылали 2 экз. «Свободного слова»: «Омск. Российское телеграфное агентство (РТА)». А ведь в третьей столице России в период Гражданской, была еще и книжная палата, и т.д...

Претензии на обязательный экземпляр заметны. Но более виден государственный размах красных комиссаров при ограблении сибирских городов. Интересно, можно ли собрать сегодня хотя бы один годовой комплект «Свободного слова» из экземпляров, хранящихся во всех вместе взятых книгохранилищах города-миллионника, каковым является Омск, после столь масштабной зачистки культурного поля бывшей столицы «временного сибирского государства»? Или все как в Тюмени? Даже не неполный комплект, а единичные экземпляры, сосчитать которые можно на пальцах одной руки. И речь ведь идет о местной газете... К тому же территории, которая до сих пор во

Интимный разговор⁷

Ленин: Объявляем, значит, священную войну буржуазии Англии, Франции, Италии, Германии, Америки, Турции, Австрии, Румынии, Болгарии, России... кому бы еще объявить...

Троцкий: Хм... Вильгельму. Как будто бы следовало по порядку объявить, да неудобно... все-таки «свой человек»...

К-ра Вл. Эт-ль

многих паранаучных трактатах кичится областническими тенденциями, присущими, разумеется, только сибирякам... Где уж тут до изучения контента провинциальных изданий тех лет...

Недавно читал письма сибирского краеведа Е.Д. Петряева, обосновавшегося в середине 60-х советских годов в Кирове. Думаю, что перебрался не только поближе к родным местам, но и к более реальным возможностям заниматься краеведением...

В одном из писем, адресованном столичному библиографу И.М. Кауфману, обсуждая возможности библиотек столицы Татарии для решения некоторых задач по составлению очередного

⁷Св. слово. 1918. 28 янв., № 22.

словаря краеведческой тематики, Евгений Дмитриевич писал: «...можно только сказать, что задача эта для провинциала непосильна. Я знаю казанские возможности⁸. Представьте, они не сильно отличаются от вятских. Поэтому пропуски и провинциальная ограниченность погубят дело»⁹.

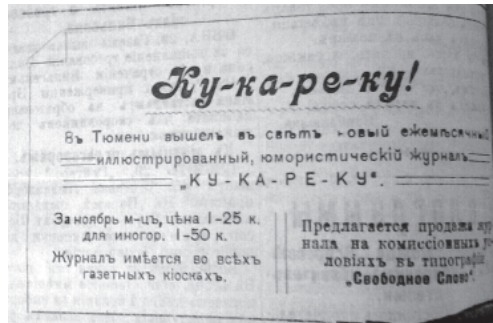
Правота новой власти, сила которой чувствовалась во всем, подстегивала граждан молодой советской страны выполнять все декреты на 273,89 процента (по моим личным подсчетам; методика их так же проста, как и среднее потолочное — другая трактовка здесь немислима — выполнения законодательства). Уже через пару лет «национализации запасов книг и иных печатных произведений» читать даже в библиотеках стало нечего. Конечно, кроме бесплатных большевистских агиток. И вот в 1922 г. из-за постоянных недоразумений в отношении порядка применения декрета было издано разъяснение, подписанное народным комиссаром юстиции Д.И. Курским 9 июня, т.е. через три дня после создания Главного управления по делам литературы и издательств (Главлит), объединившего военные и гражданские учреждения для осуществления надзора за печатью. Смысл девятиюньского разъяснения мало менял содержание ленинского документа: «Запасы книг и др.

печатных произведений, изданных до 20 апр. 1920 г., поступившие в торговые аппараты издательств (склады, магазины), являются в силу упомянутого декрета собственностью государства»¹⁰. Скорее всего, так отсекались от граждан новой России издания, не прочувствовавшие жар мартовских печей красной цензуры.

Просмотр тюменского «Свободного слова» преподнес много сюрпризов. О части из них будет рассказано в данном номере. Некоторые станут ориентирами в последующем поиске.

⁸ На них остановилось немного ниже.
⁹ РГБ, НИОР. Ф. 640. К. 8. Ед. хр. 35. Л. 3 об.

¹⁰ Законы о печати: сб. декретов, постановлений, уставов, инструкций и распоряжений с разъяснениями и хронологическим и алфавитно-предметным указателем / сост. Н.М. Николаев. Москва: Госиздат, [1924]. Ч. I. С. 99. См. также: Русская журналистика в документах: история надзора / сост. О.Д. Минаява. М., 2003. С. 271.

Свободное слово. 1918. 3 нояб., № 113

Так, неожиданно для себя узнал, что в 1917 г. в Тюмени выходил в свет ежемесячный иллюстрированный юмористический журнал «Ку-ка-ре-ку!». Во всяком случае из новостной ленты газетной подшивки удалось выловить информацию об изданных четырех номерах. Краевед А. Кононенко в приватной беседе сообщил, что даже видел один из них. Правда, в каком хранилище, вспомнить не смог.

А в Тобольске издавали студенческий злободневный журнал «Взбаламученное болото». Четырех-шестистраничное издание форматом 22,5 см х 30, 8 см. Первый номер был тиражирован в типографии епархиального братства, второй — у С.В. Шмурыгина. В отделе русского зарубежья РГБ сохранилось два номера (1919. 28 февр., № 1; 1919. 1 мая, № 2). Различался и состав редколлегии. В феврале в нее входило четверо, а ко второму номеру число уменьшилось вдвое.

В первом номере помещены впечатления от вышедшей в Тобольске газеты «Татьянин день».

«Вот в мое время студенческая газета носила другой характер: прежде всего доставалось профессорам, а у них о профессорах ни слова...». Или: «А милые дамы-патронессы! Те дамы, без участия которых не проходит ни один благотворительный вечер, те, что создают успех вечеру! Вот до чего пало сту-

денчество! Ведь дамы не только не были приглашены для устройства буфета, но даже основательно прохвачены в газете: все недостатки выставлены на всенародные очи». Чувствуется конкурентная среда растущих будущих газетчиков? Эпоха А.В. Колчака была продуктивной для развития газетно-журнального дела в Сибири. Омская «Русская армия», выходившая в период Временного Сибирского правительства, сообщала: «...на территории Сибири, освобожденной от большевиков, издается в настоящее время 71 газета, 51 журнал... Имеются периодические издания на татарском, польском, чешском и эстонском языках» (1919. 25 сент., № 207).

Ироничность создателей студенческого издания иногда выплескивается через край: «**Верх воображения.** Жить в городе Тобольске, воображая, что живешь в губернском городе»; «**Верх усердия и любви к делу.** Состоять преподавателем математики в средней школе (женской) в течение 25 лет и достичь за это время того, что ни одна из учениц не имеет никакого представления о математике»;

«Верх ораторской скромности. Выступать на заседаниях Думы с речью одного и того же содержания и по одному и тому же вопросу не более 10 раз». «Баламуты» называют это тобольскими «верхами».

И вот на той же страничке — вечная речь начальника учебного заведения, которая во все времена не может восприниматься без проники. А на страницах студенческой газеты язвительность сатиры столь откровенна: «Долго и хорошо говорил оратор. Он говорил о том, какую тяжелую долю перенесло учительство при самодержавии, как ему грубо затыкали рот при малейшем намеке на что-нибудь, как парализовывали каждую попытку дать ученикам что-нибудь живое, новое, правдивое, как насильственным образом заставляли калечить души учеников и как, наконец, часто по лживым доносам какого-нибудь безграмотного деревенского кулака учителей немедленно выгоняли на мороз... Но вот это кошмарное время прошло, и учительство, забыв про старые раны, с удесятеренной бодростью принялось за великое дело. Мы будем, говорил оратор, творить новую школу, школу свободную. Вместе с самодержавием умерла и передонощина¹¹...».

...На улице пока еще время Колчака и Временного Сибирского

К моменту¹²

— Там, за вами, Семен Петрович, должок числится...

— Ну, а я, знаете, в большевики перехожу...

— Да, но... ?..

— И ничего не «но», а мы все займы аннулируем.

К-ра Вл. Эт-ль

правительства. Поэтому даже объявления («Потерялись комитеты тобольских групп Р.С.Д.Р.П., партии с.-р., Тоб. н.-с. партии и пар. своб.») не помешали выходу в свет очередного номера.

И тут баламуты постарались. Вспомнили событие годовалой давности, когда их город посетили бабушка русской революции Екатерина Брешко-Брешковская и почетный гражданин Сибири Г.Н. Потанин (лето 1918). Были приняты решения о помещении портретов обоих гостей города в здании городской Думы, а также о переименовании улиц в их честь. Но едва гости покинули город, решения тут же были напрочь забыты городской властью. Хотя портрет Григория Николаевича был

¹¹ Учитель Передонов — герой романа Ф. Сологуба «Мелкий бес».

¹² Св. слово. 1918. 2 февр., № 26.

все-таки нарисован тобольским художником Пантелеймоном Петровичем Чукоминым...

«Ну стоит ли заниматься такими пустяками, как давать другие названия улицам или украшать зал заседаний портретами знаменитых людей, которыми гордится вся Россия! Да и совсем не ко двору теперь эти люди...», — резюмирует «Взбаламученное болото».

Затянувшееся состояние войны, оскудение населения провинциального города стали темой номера: «Историческая неразбериха достигла апогея. Все смешалось, спуталось и исказилось... Сначала как будто бы и обрадовались, увидев зеленую травку, мирно пасущихся ихтиозавров, крокодилов, зубров, наравне с прочими тварями и представителями животного царства. Много попадалось человекообразных обезьян, были попугаи, ослы и ослики, мышинные жеребчики, только людей не было видно... С ужасом и душевным трепетом начали замечать пришельцы, что тела их начинают покрываться шерстью, показываются хвосты; желудок открывает войну мозгу и последний падает в неравной борьбе...». Иронично о не смешном вовсе...

Ладно, вернемся снова к «Свободному слову», к его информативности...

Оказалось, что в годы Гражданской войны в Тюмени жил какое-то время поэт и драматург Александр Котомкин.

Осенью 1918 г. «Свободное слово» помещает сообщение, что

*Елена и Александр Котомкины.
Казань, 1916*

«в июле в Казани вышел литературно-общественный, научно-популярный и художественный журнал “К свету”, орган губернского совета увечных воинов. Объявлено, что в нем сотрудничают А. Амфитеатров, М. Горький, Б. Денике, В. Короленко и др. Литературным отделом руководит А. Котомкин (Савинский)» (16 окт., № 97).

Информушка даже для военного времени довольно-таки подпортившаяся. Скорее всего, литератор в это время уже находился в Тюмени. И «новость», очевидно, получена редакцией из рук самого А. Котомкина. В пользу этой версии говорит сообщение о вечере, посвященном столетнему юбилею со дня рождения великого русского писателя (1918. 19 нояб., № 125), и публикация в

том же издании стихотворения поэта «Бежин луг»:

Но вдохновения
таинственная сила
Тебя манила в даль, —
пламенным стихом,
Волшебной повестью,
и в жизненных романах
Ты вылил скорбь
о тех народных ранах,
Ты шел пустынею...

Неволи тьма кругом
Грозой зловещею
твой путь переградила...¹³

В декабре 1918 г. «занесенный в Сибирь» поэт бросает клич «Книгу детям!». При этом скорбно сообщает, что «не может пожертвовать книги из своей библиотеки, оставленной в далекой Казани», откуда бежал при при-

*А.Е. Котомкин — уличный гуслир.
Германия, 1950-е*

ближении красных войск к городу. Завершил свое выступление так: «Прошу библиотечный совет принять от меня посильную лепту — 50 руб. в основание фонда на усиление средств Затюменской детской библиотеки им. И.С. Тургенева»¹⁴.

Далее следуют новости одна за другой. Поэт выступает попечителем тургеневской библиотеки (Никольская, дом Кухтерина), готовится в типографии товарищества «Свободное слово» к изданию две книги Александра Котомкина: пьесы «Ян Гус» и «Меченосцы».

«Бывшая под запретом русского самодержавного правительства историческая драма в стихах А.Е. Котомкина-Савинского со вступительными статьями Н.М. Петровского и М.В. Бречкевича «Ян Гус» в 5 действиях и 6 картинах (цена 12 руб.) только что вышла из печати и поступила в продажу. С требованиями обращаться в редакцию газеты «Свободное слово» в Тюмени. Книготорговцам скидка» (1919. 15 июля, № 145).

Псевдоним у драматурга — от названия деревни Савино Царевokokшайского уезда Казанской губернии, где он родился в крестьянской семье в 1885 г.

Первый поэтический сборник его стихов вышел в Казани в 1904-м. Через пять лет опубликовано стихотворение «Призыв» в журнале «Нива». А в 1910 г. в Санкт-Петербурге вышел сборник его стихотворений с предислови-

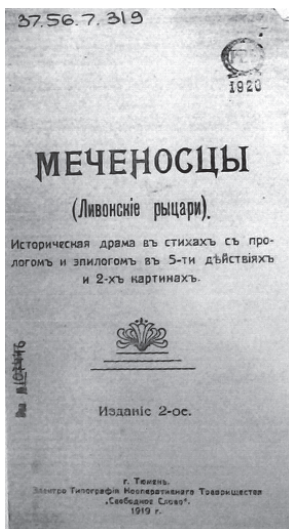
¹³ Св. слово. 1918. 13 нояб., № 120.

¹⁴ Там же. 26 дек., № 153.

ем великого князя Константина Романова. К.Р. покровительствовал дебютанту, с которым была общая alma mater. Затем путь к российскому читателю следовал через рецензии В. Брюсова и Н. Гумилева, который называл Александра Ефимовича «поэтом-оптимистом, пишущим в старом стиле»¹⁵. Хотя в биографическом словаре «Русские писатели: 1800–1917» (М., 1994. Т. 3. С. 111–112) можно уточнить мнение Н.С. Гумилева. Прочитанное полностью, оно резко поменяет акценты.

Но последние месяцы Временного Сибирского правительства были временем поэта. О его пьесах много писали газеты: «В конце марта текущего года в Тюмени товарищество артистов городского театра решило ознакомить общество с талантливым произведением молодого поэта, посвятившего звучные аккорды своей лиры гордости чешского народа Яну Гусу. Не имея возможности по условиям времени справиться с полной

¹⁵ Цит. по: Стариков С.В. Александр Котомкин (Савинский): жизнь, творчество, судьба. Йошкар-Ола, 2012. С. 3. — Иллюстрации взяты также из этого издания.

Судя по инвентарному номеру, книга есть в коллекции РНБ

сценической постановкой драмы “Ян Гус”, сложной по ходу действия и обстановки, товарищество артистов ограничилось чтением пьесы по ролям с участием в необходимых случаях хора за кулисами.

Несмотря на такой примитивный способ ознакомления аудитории с пьесой, драма г. Котомкина-Савинского имела выдающийся успех и, судя по отзывам местной прессы, произвела большое впечатление на слушателей» (Русская армия. 1919. 15 июня, № 124).

Дальше, редчайший случай, омское издание сделало ссылку на «Свободное слово»: «...успех исторической драмы г. Котомкина-Савинского побудил актрису Глинскую предпринять турне по Сибири с пьесами “Ян Гус” и “Меченосцы”. Мысль эта осуществилась, поездка началась с Тюмени и Екатеринбурга. Драмы обставлены стильными декорациями, костюмами и бутафорией и исполняются специально составленной труппой артистов при участии самого автора, г-жи Глинской и известного артиста Щепановского» (там же).

Учитывая, что Осведомительный отдел штаба Верховного

Главнокомандующего старался «дать нашим войскам на фронте и в тылу здоровые развлечения...», в прессе регулярно появлялись сообщения о ходе выступлений труппы г-жи Глинской, писались рецензии на саму пьесу, критические заметки по поводу актерской игры.

О «Яне Гусе» писала 22 июня 1919 г. почти официозная «Русская армия» (№ 130) так:

«Написанная заумными и красивыми стихами, вполне соответствующими по конструкции, стилю драматического сюжета, эпохе и характеристике действующих лиц, пьеса молодого автора изобличает в нем не только поэта, не лишённого искры Божьей, но и вдумчивого драматурга... Драма не только хорошо написана — она, выражаясь театральным языком, хорошо “сделана” и потому смотрится легко, с все возрастающим интересом, что в пьесе классического характера не всегда удаётся даже начинающим драматургам...».

Ещё в памяти были свежи события в Сибири с участием чехословацких войск. Да и последние ещё не покинули Россию. Но в прессе начинали появляться нотки недовольства педализированием темы существующей властью. Томская «Сибирская жизнь» (1919. 27 июля, № 155) обмолвилась, что народным массам нужны более понятные спектакли: «Пьеса “Ян Гус”, поставленная у нас <...> на кинематографической сцене “нового театра”, нас не удовлетворила ни со стороны выполнения ее

автором, г. Котомкиным-Савинским, ни со стороны постановки его драмы г-жей Глинской, чем и можно объяснить слабое впечатление, выносимое зрителем от пьесы. Мы не видели тех масс народных, которые должны были бы быть приведены в движение в такой пьесе, как “Ян Гус”, не видели тех страстей, которые разыгрывались возле папского престола». И в таком выводе явно просматривался эзопов язык, который подчеркивал связь далеко минувшего исторического факта с существующим положением на противостоящих фронтах красных и белых.

Впрочем, рецензент «Свободной Сибири» небесталаный поэт Ф. Филимонов, когда труппа г-жи Глинской добралась до Красноярска, поддержал позицию власти по отношению к произведению А.Е. Котомкина: «Драма молодого и талантливого автора «Ян Гус» <...> изложена она стихами, и притом стихами очень звучными и красивыми. Красной нитью — с первого до последнего акта в соч. А. Котомкина проходит одна мысль, один клич: боритесь!» (1919. 12 авг., № 178). И слово с восклицательным знаком говорило о точке зрения скорее политика, нежели художника слова.

Газетный «успех» запрещаемого в самодержавной России произведения в восприятии прессы был очень разным.

«Осведомительным отделом штаба Верховного Главнокомандующего устроен спектакль для расквартированных в Омске че-

хословацких воинских частей. Была поставлена пьеса А. Котомкина «Ян Гус». Спектакль прошел при переполненном зрительном зале очень гладко и стройно, произведя на зрителей, по-видимому, отличное впечатление.

Профессором О.Ф. Оссендовским было произнесено краткое слово, в котором он провел параллель между борьбой за славянскую идею, проводимую в пьесе, и настоящим моментом, когда величайшая славянская держава Россия, ведя с помощью братских славянских народов борьбу за свое возрождение, тем самым борется за ту же великую идею — объединение и могущество славянских народов» (Русская армия. 1919. 5 июля, № 141).

Статус редактора «Свободной Сибири» ничуть не помешал Ф. Филимонову поставить на газетную полосу критический разбор театрального воплощения пьесы А.Е. Котомкина, который где-то шел вразрез с точкой зрения Дедушки Фаддея: «...Так невдумчиво, так несерьезно играл г-н Щепановский своего Гуса... Не было беспощадного, сурового обличителя... Забыто было г-ном Щепановским, что Ян Гус в этот момент должен быть не обвиняемым, а обвинителем, что, хотя он и стоит перед судьями, но судья все же он, а не они...». Или: «Трудно представить менее индивидуальную артистку чем г-жа Глинская... Она не вносит режущей глаз и ухо фальши в свою роль, она не уродует создаваемый образ совсем обрат-

ным пониманием — она просто никак не создает его. Она очень мило, прилично и приятно говорит и двигается по сцене и ее совсем не в чем упрекнуть, как не за что и похвалить... Просто она настолько не индивидуальна на сцене, что к ней трудно подойти с меркой критики, как с отрицательной, так и с положительной стороны». (Свободная Сибирь. 1919. 14 авг., № 178).

В Тюмени вышла вторым изданием также историческая драма «Князь Вячко и меченосцы», но под другим именем, «Меченосцы». Издателем выступило Тюменское эстонское культурно-просветительское общество при содействии торгового дома «М.К. Малков и К° в Тюмени».

Обе книги гостившего в «столице деревень» драматурга обнаружить в хранилищах столицы пока не удалось.

В 1930 г. в Париже вышла книга А.Е. Котомкина «О чехословацких легионерах в Сибири 1918–1920». На сегодняшний день существуют два ее переиздания на русском языке.

Умер Александр Ефимович Котомкин в Гамбурге в 1964 г.

...И все-таки, несмотря на тернии, дух искательства не иссякает. Именно он, проклятуший, занес меня недавно в ту самую Казань, собранием университетской библиотеки которой так остался недоволен Е.Д. Петряев.

В отделе рукописей и редких книг отыскал документы, сохранившие тюменские имена. За неде-

лю переписать все необходимое я не успевал. Билет на поезд в обратный путь был в кармане. За копирование страницы просили около 300 руб. Рядом со мной в читальном зале сидела девушка из университета, кажется, штата Юта. Она сносно говорила по-русски, во всяком случае я ее кое в чем понимал...

Американка жаловалась, что ей не по карману копирование, а переписать все она физически не успевает: интересовалась девушка старинными восточными рукописями. Я решил поддержать исследовательницу и подал голос: «Ни в одной стране мира стоимость копирования одной страницы не оценивают в пять долларов». Мое «тяв» было услышано: «Раньше вообще было десять...».

Не помогли ни подарки, ни договоренности. Переснять сносно даже на планшет не позволили...

...«Свободное слово» помогло разыскать еще одну тюменскую газету социал-революционеров — «Народовластие», издававшуюся в 1918 г. В монографии А.А. Кононенко¹⁶ перечислены эсеровские издания Урала, однако вышеназванного среди них нет. Хотя газета зафиксирована еще А.В. Адриановым в книге «Периодическая печать в Сибири. С указанием изданий в 1918 г.» (Томск, 1919. С. 26). Из 36 увидевших свет номеров удалось пока найти только двадцать. Сводные каталоги показывают, что полный комплект якобы есть в Санкт-Петербурге. Если удастся выбраться туда до завершения номера, то читатели

«БГ» смогут познакомиться с восточной лентой «Народовластия» уже в данном номере... Хотя логичнее поместить его в год столетия революции...

Более внимательное знакомство с библиографическими справочниками позволило выйти на журнал «Рассвет», якобы издававшийся в Тюмени, но так и не попавший в поле зрения исследователей¹⁷. Да, в читательском и электронном каталогах издание не значилось, но дежурный библиограф СБО согласилась поискать в генеральном. И у меня на руках оказался шифр «Рассвета».

Таким образом, разыскивая «Свободную мысль», о которой упоминал в своей рецензии на учебное пособие историков печати ТюмГУ в одном из предыдущих номеров¹⁸, я получил два номера тюменского журнала 1917 г.

Это открытие было, несомненно, для меня сенсацией. Но пойдет речь не только о ней одной.

Отныне в «БГ» всегда будет рубрика «Сенсации...» Пусть даже только для меня...

¹⁶ Кононенко А.А. Социалисты в политической жизни Урала (1917–1918 г.). Тюмень, 2003. С. 133–135.

¹⁷ См.: Косых Е.Н. Периодическая печать Сибири (март 1917 — май 1918 гг.): указ. газет и журналов. Томск, 2009. С. 82. Данный журнал значится в числе разыскиваемых.

¹⁸ Мандрика Ю.Л. Мандриков комплекс? Или всего лишь синдром...: опыт самопародирования // Большое городище. 2014. №1 (36). С. 82–83.

Забывтый журнал Тюмени — сенсация №1

«Чуть ночь превратится в “Разсвѣтъ”»...

Кто был издателем школьного журнала?

Передо мной две небольшие брошюры, по 16 страниц в каждой. И хотя обе печатались в типографии товарищества «Свободное слово», обрезаны блоки по-разному. Да и полосы набора отличаются. В первом номере она равна 12,6 см x 20 см, во втором — на пару сантиметров короче. Одинаково серые — из оберточной бумаги — обложки с лозунгом: «Светаёт, товарищ, работать давай! Работы усиленно требует край». Да и цена у издания учащихся 7-го класса Тюменского коммерческого училища разная. Начальная в полтинник уменьшилась ко второму номеру на целый гривенник.

Дебютировали юные журналисты 18 ноября 1917 г. — в заголовке передовицы указана эта дата. Редакторы П. Кичигин, А. Копейкин и Н. Кусенко¹ сообщают своему читателю, что с начала учебного года в их классе уже выходят две газеты. Журнал — третье печатное издание. Это зна-

¹ Ни одна из указанных фамилий в «Юркином кондуите» не значится.

чит, по мнению издателей, «что отдельные группы, не составляя одного целого, работают, мыслят, хотя и каждая по-своему». И задача сообщества, для которого литературно-художественный журнал «Рассвет» обозначает новое качество в их духовной жизни, заставляющее проявить себя в том или ином деле, «...цель — развивать в нас чувство любви к родине, сделать из нас сознательных работников будущего, могущих постоять за благо России. Нашим стремлением является получение широких знаний и применение их с пользойю в жизни».

Авторы уверены, что революция принесла им «свободу и возможность построить государственную жизнь на новых демократических началах». Да, у них уже исчезли «детские взгляды на жизнь», а время, в которое они живут, «требует всеобщей творческой работы от своих сынов». И здесь принципом для объединения усилий одноклассников могут стать слова из стихотворения сибирского поэта И.В. Федорова-Омулевского, вы-

несенные в качестве лозунга на обложку журнала.

Но что ученики, затеявшие издание, тиражируемое типографским способом, понимают под словом «долг»?

Некий Вл. Ан. объясняет позицию группы семиклассников в статье «Наш долг», занимающей четверть объема первого номера (с. 2–5). Перед читателем возникает абрис маленькой партии, декларирующей принципы своей социализации.

«Происходящее сейчас явление в России, не есть только революция. Все то, что происходит теперь в России и со стремительной быстротой приближает ее к гибели и придает ей столь дикий, мрачный и угрожающий вид, — есть смертельная борьба между элементами сознательными и элементами темными, грубыми, невежественными и дикими». И она происходит на острие ножа, угрожая гибели целого государства. Доносятся со всех уголков страны вести о погромах, которые воистину приобрели характер эпидемии. Разрушаются имения, грабятся продуктовые лавки, льется рекой вино и спирт, идет братоубийственная война. В человеке повывлезали все дурные инстинкты. Стать на пути всего этого должно «общество трудовой интеллигенции и сознательных граждан

Земли русской». И в такой ситуации, когда «все больше тускнеет у всех чувство родины и долга перед отечеством», они, семиклассники, должны «помочь своим старшим товарищам в ихней² работе», а также «все свои старания употребить на изучение наук».

Автор статьи относит себя к молодой России, с которой связывает «много светлых надежд». И он с единомышленниками готов «стоять в первых рядах творцов новой, светлой жизни будущего». Оно, в понимании группы лиц, от имени которых говорит автор, возможно лишь при условии, что никто не будет сидеть сложа руки. «У нас имеется святейший долг перед страной, ...мы должны положить все свои знания на развитие нашей страны. Такой жертвы от нас наша Родина вправе требовать».

Для выполнения своего долга объединившаяся вокруг журнала часть семиклассников готова отказаться от «различного рода увеселений и удовлетворений своих эгоистических побуждений». Призывы не ограничиваются декларацией своих обязанностей. Автор требует «испытать свое сердце. Пора, наконец, говорить простыми и ясными словами. Называть вещи их настоящими именами. Они могут по-

² Так в тексте.

казаться страшными, но надо бояться не страшных слов правды, а подбадривающей лжи».

Автор завершает статью уверенностью, что снова «загорятся сердца огнем патриотизма, вдохновенного подвига и напряженнейшего труда». И только тогда можно будет достичь «наивысшего умственного и нравственного развития». Только такая позиция каждого из учеников позволит достичь «пользы, счастья и славы Родины».

Еще четверть объема журнала занимают рассуждения одного из редакторов номера Н. Кусенко (с. 11–15) на тему: «Корниловщина — ее причины и следствие».

Автор понимает ее как одну из самых крупных и острых оппозиций политическому безвластию в стране. Временное правительство, которое должно было стоять на страже законности государственных интересов и завоеваний революции, на самом деле стало не более чем ареной борьбы различных политических партий за власть. По сути дела, оно стало тенью власти, которую взяли в свои руки Советы «темных товарищей солдат и рабочих». Вследствие этого в стране как грибы начали появляться республики типа Кронштадтской или, в глубине Царицинского уезда, — Красновской. «Таких рес-

публик в России образовалось около двух сот. Главными творителями-вдохновителями являлись дезертиры, а в крайнем случае каторжане».

Статья настолько логично построена, что иногда закрадывается крамольная мысль: а не хорошо ли это спланированная пропаганда? Ибо для семиклассника само желание объяснить поступок генерала Корнилова, доказывавшего не раз на поле сражения свою доблесть и вдруг выступившего против Временного правительства, достаточно смелое и взрослое: ««Мятеж» генерала Корнилова был глубоко выстраданным и является результатом тяжелых условий

жизни русского государства. А сам генерал Корнилов, поставивший свою жизнь на карту, является патриотом».

Такие слова, безусловно, мотивируют мальчиков на участие в войне. Вот только кто их поведет?

Два основных «кирпича», на которых держится весь первый номер «Рассвета», несколько разбавлены творчеством учащихся: стихами Ф. Андреева, одностраничной новеллой А. Копейкина о ночных переживаниях юноши Полесского и рассказом некоего П.К. «Самосуд». В последнем повествуется о том, как двое — мужчина и женщина — ночью подожгли на окраине деревни чужое имущество. В финале рассказа односельчане вычислили злодеев и сожгли их в том же костре.

Журнал, выступая против политики насилия, тем не менее пропагандирует самосуд в качестве возмездия за содеянное как вершину справедливости («око за око»).

Приводить хотя бы один текст из первого номера «Рассвета» как образец творчества семиклассников времен революции, вряд ли имеет смысл. В художественном отношении публикации номера мало интересны современному читателю, в т.ч. филологу.

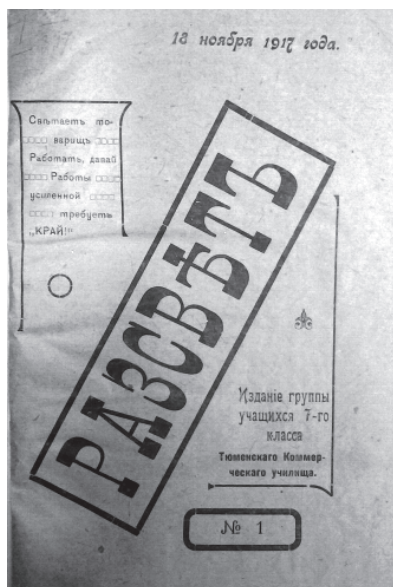
Второй номер издания датирован 18 декабря 1917 г.

Архитектурная композиция номера осталась та же. Только «кирпичей» поубавилось. Пять страниц отведено под публикацию В.А. «Учащиеся», цементную номер.

Очевидно, все-таки старший товарищ, а никак не одноклассник, решил поговорить с подростками о дурных качествах их характера: «Учащиеся не имеют права обидеться на мою статью».

Пересказывать написанное нет необходимости. Достаточно одной цитаты, чтобы понять позицию автора.

«Сознание собственного “я” настолько у учащихся узко и ничтожно, что они не являются

людьми в полном смысле этого слова, а представляют собой своеобразную массу калек. Они калеки потому, что ихняя (sic! — Ю.М.) личность раздвоена, что они утратили способность естественного развития, что сознание растёт заодно с волей... ..они с детских лет живут вне себя, т.е. признают единственно достойным объектом своего интереса и участия нечто лежащее вне их личности — народ, общество, государство...» В русле данного тезиса и развивается сюжет невеселого, даже скорее скучного, разговора учителя с учениками.

Ура-патриотические настроения первого номера сменились на упаднические: учащихся ничего не волнует. Такой вывод, в продолжение публикации В.А., сделал некий П.К., дебютировавший в предыдущем номере с рассказом «Самосуд».

О «духовных» потребностях современника рассказал Коммерсант в публикации «Из дневника семиклассника». Автор и герой записок проиграл за день последние «гроши» — 30 рублей. Читать газеты ему надоело, до театра далеко добираться... Выбора нет: только снова пойти в компанию, которая играет, и весьма азартно: «Эх, пойти разве, “метнуть на счастье”, и после минутного колебания “двинуться...”».

В номере снова помещены стихи Ф. Андреева (два), затем «Письмо соученика с фронта», написанное Сашей Смертником из какого-то Фольваре-Акля. Он же сочинил нечто полурифмованное, посвященное девушке-добровольцу: «Ты кровь свою прольешь за брата; /умрешь сама — других спасешь! /Ведь смерть твоя тебя восхвалит, /Ты в царство славное уйдешь!»... Такая вот поэтическая катастрофа случилась с бойцом, пытающегося скрыться за девичьей спиной ...

И в завершение хочется привести несколько строк из передовицы, написанной знакомым с мнениями читателей о содержании первого номера: «Находятся такие глубокие мыслители, которые называют наш журнал “контрреволюционным”... а некоторые находят в нем даже “неприличные” статьи».

Если внимательно ознакомиться с содержанием журнала, не удивитесь, что из редакционного состава второго номера ушли два семиклассника. Кроме П. Кичигина и А. Копейкина редактором стал В. Автократов. Не он ли является тем самым В.А., который считает всех учащихся «калеками»?

Послушаем мнение современника, художника и поэта Владимира Эттеля:

«Перелистывая журнал я невольно унесся мыслью к невозвратному, ушедшему времени, к дням, проведенным на классной скамье.

Затхлостью, рутинностью и незаслуженной обидой пахнуло на меня от этих воспоминания. Всплывал в сознании 1905 год...

Мы тоже волновались, мы стремились, жаждали, искали...

Чего мы достигли?.. что получили?

А нам так хотелось, мы так ждали своего «рассвета».

И вот теперь глядя на живые строки журнала, я забываю действительность, мне мерещится прежний я, — но уже не забытый, не напуганный, поднадзорный, а сильный, свободный, сознательный юноша-ученик. И так жаль, жаль до боли, до обиды, что я не могу высказать всю накипь сердца, всю боль души — “ей”, школе “моего времени”».

Остановившись на статье В.А. «Учащиеся», В. Эттель назвал ее «продуманной». Затем автор заметки-отклика на выход второго номера высказал свое мнение о творчестве учащихся:

«Прекрасное впечатление производит стихотворение О. Андреева “Альбатрос”. Беллетристика журнала в лице Алеко “Удач-

ная охота” и А. Копейкина “Из набросков” явствует о наблюдении, хромает только техника письма... но первый блин всегда, как говорят, комом.

Заканчивая беглый обзор журнала, т.к. рамки газетного отчета не позволяют мне разобраться более детально, — мне остается пожелать, чтобы слова передовой статьи журнала: “И мы будем издавать наш журнал дальше, до тех пор, пока он не будет заслуживать интерес со стороны читателей, и постараемся привлечь новых сотрудников и дать читателю большой интересный материал,” — оправдались и интерес к нему расшире и больше».

Уже после подписи библиографической заметки ее автором помещен P.S.: «А почему бы журналу не расширить свои рамки “7-го класса” и не сделаться общим журналом коммерческого училища.

Не могу не сказать еще несколько слов об обложке. Следовало бы выработать более соответствующий вид ее. Настоящая же с ее вкось напечатанным названием производит впечатление не то брошюры, не то преискуранта»³.

Игра в журнал... Но вот кто стоял за спинами семиклассников и настырно звал их в бой?

Ю. Мандрика

³ Свободное слово. 1917. 23 дек., № 180.

*Внебрачный сын Надежды Лухмановой
подавал надежды как литератор —
сенсация №2*

«...литература на час...»

*Об адаптированном рассказе
Григория Колмогорова*

В 1918 г. выпуск «Свободного слова» был приостановлен вошедшими в Тюмень красными. Вот до 36 номера (28 февр.) включительно издание имеется в нескольких книгохранилищах, правда с купюрами, иногда значительными¹. Пролистывая подшивку в который раз, я непременно обращал внимание на публикацию в шести номерах рассказа Г. Колмогорова «Варнак». Поставить его себе в журнал я не решился: ничего не знал об авторе. Поисковик не выдавал ни одного писателя того времени с такой фамилией, хотя Колмогоровых даже в Тюмени была тьма.

И вдруг в одном из материалов Петра Rogozinskogo обнаружил несколько слов о «звучных стихах моего друга, талантливого Г.А. Колмогорова»². И я вспомнил старую публикацию А.Г. Колмогорова «Надежда Лухманова»³, в которой шла речь о ее внебрачном ребенке Гришке, усыновленном со временем его же отцом А. Ф. Колмогоровым, сыном известного тюменского куп-

ца. Александра Филимоновича тюменцы до сих пор помнят...

С момента публикации в «Лукиче» прошло полтора десятка лет. За это время автор «Надежды Лухмановой», считающий себя правнуком писательницы, подкопил материал, исправил некоторые ошибки своего эссе и издал толстенную книгу⁴, которая и помогла мне кое в чем разобраться с автором рассказа в «Свободном слове».

¹ Во всех подшивках за 1917 г., которые удалось просмотреть, зияет огромнейшая лакуна, отсутствуют номера с 4 по 24. Не исключено, что виной тому публикация с продолжением Азова «Тайны жандармского архива», в которой шла речь о ликвидации «вредных настроений» в Тюмени. Это могло оказать для жителей страны советов... большой государственной тайной...

² Rogozinskii P. По Туре, Тоболу и Тавде // Ермак. 1916. 26 июня, №266–267.

³ Колмогоров А. Надежда Лухманова: Эссе // Лукич. 2000. Июнь, ч. 3. С. 86–113.

⁴ Колмогоров А.Г. Мне доставшееся: семейные хроники Надежды Лухмановой. М., 2013. 464 с. — Задачу

*Григорий Колмогоров.
Тюмень, 1887 г.*

Родился Гриша в 1878 г. Закончил Александровское реальное училище. Когда его отца перевели на службу в Пермь, он уехал вслед за ним. Женился в 1900 г., но болезнь заставила перебраться Григория вначале в г. Семипалатинск, затем отец помог приобрести ему землю в Сочи, и молодой Колмогоров занялся там садоводством и охотой. Когда именно это случилось, трудно

автор поставил перед собой непостоянную: рассказать о всех именитых родственниках забытой русской писательницы. Романтический монтаж повествования затрудняет восприятие текста, хотя информации много и при этом интересной.

сказать, но уже в 1911 г. документы свидетельствуют о наличии у него недвижимости в причерноморском городе. Имел семерых детей. Дата смерти не установлена. Правнук «неистойой Надежды» полагает, что ушел из жизни Григорий Александрович не по своей воле около 1923 г.

Печатал стихи в «Сочинском листке», тюменском «Ермаке» во времена редакторства П.А. Рогозинского. При последнем же и появился в «Свободном слове» рассказ «Варнак». Как видим, журналист был постоянен в своих пристрастиях.

Эдвард Хилькевич, сотрудник целого ряда тюменских газет, в начале 1919 г. в органе РСДРП «Наш путь» поместил статью с продолжением в нескольких номерах «Заметки о литературе». В ней он попытался разобраться, что происходит с местной словесностью: «В Сибири до сих пор были налицо только библиотеки, театр и школа, и то в слабом масштабе. Издательство почти отсутствовало, как не было и самостоятельной сибирской литературы в силу отсутствия культурных центров и тяготения лучших сил в Россию — Петербург и Москву, эти главнейшие центры духовной жизни»⁵. В принципе, культурная ситуация и сегодня мало измени-

⁵ Наш путь. 1919. 16 янв., № 8.

лась. Возращение писательского имени чаще всего выглядит оранжерейным проектом, о котором знают лишь его участник, да иногда ближайшие родственники и знакомые автора. Сегодня возможности писателя печататься, даже исключая интернет-ресурсы, значительно богаче.

И хотя томская газета того времени сообщала, что «на территории Сибири в 1918 г. издавалось свыше 200 периодических изданий в 42 городах»⁶, в Западной — 39 газет и 33 журнала. Они редко имели исключительно литературную направленность. Этим и обусловлен вечный поиск пишущей братии: где поместить свое творение?

Эдвард Хилькевич вынужден признать, что существует газетная литература: «... Литература вынуждена теперь влачить жалкое существование. И все-таки она существует. Единственный для нас путь проникнуть в общество, это газета. И литература ютится около газеты.

...Газета накладывает на эту литературу свой особый отпечаток. Больше всего она любит помещать что-нибудь злободневное, какие-нибудь иносказания на тему дня. Хотя за последнее время газета вынуждена уступать и дать место

⁶ Сиб. жизнь. 1919. 11 июня, № 116.

⁷ Наш путь. 1919. 16 янв., № 8.

Григорий с женой Манефой.
Сочи

вещам, относящимся уже прямо к области художественной литературы, если не по качеству, то по замыслу и содержанию. Далее, газета требует краткости и поэтому преобладают формы “газетной литературы”: стихотворения и рассказы-миниатюры. Впрочем, сокращение газетой размера произведения стоит в связи с исторической эволюцией от длинного “семейного” романа к короткой сжатой миниатюре, без излишнего хронологического материала, без лирических отступлений и этнографических подробностей. Газета только завершает дело, начатое в свое время Чеховым»⁷.

Рассказ «Варнак» ставит перед читателем много вопросов.

С одной стороны, упоминаются Западная Сибирь и Тавдинский край, которые уточняют место действия. Своего рода «злободневность» по Э. Хилькевичу. С другой — ареал происходящего включает три точки: озеро Айныкуль, речушку Светлянку и деревеньку Данилиху. Прочие наименования, Медведиху и Покровское, вряд ли надо принимать во внимание, их в каждой губернии хоть пруд пруди. Да еще рядом и город, зашифрованный в таинственную букву Т.

Вспомним очерк «В глухих местах» Н.А. Лухмановой, действие которого происходит в населенном пункте с таким же именем. Даже ушлый читатель не сразу заподозрит подвох «Св. слова». Да и детали рассказа Г. Колмогорова в чем-то напоминают местный колорит.

Но сегодня интернет вам расскажет, что озеро Айдыкуль (именно так!) есть в Челябинской области, река Светлянка протекает в Воткинском районе Удмуртии, а Данилиха имеется в Пермском крае. Начинаешь понимать, что действие рассказа происходит на территории Пермской губернии, отсюда и свойственная той местности диалектная лексика.

Сотрудник редакции актуализировал место происходящего, не забываясь о деталях рассказа. Редакторское перо бдило, чтобы на полосу попадал только «местный»

материал. Для издателя всех времен и народов такие нарративы были своеобразной тумбой, на которую наклеивались объявления, приносящие доход. Развитие местной культуры всегда определяли не духовный уровень сотрудников редакции, а степень наполненности кошелька издателя, тиражировавшего газетную литературу.

В пользу версии, что события рассказа происходят на территории Пермской губернии, говорит и факт пребывания там литератора в молодые годы.

Когда написан рассказ — сказать сложно. Может, он хранился в домашнем архиве Петра Рогозинского? Ведь последний прибыл уголовным ссыльным в Тюмень еще в конце 90-х годов XIX в. И, вероятнее всего, был знаком не столько с Григорием, сколько с его отцом, Александром Филимоновичем...

Прелесть газетной литературы в том, что «...судьба <...> ее незавидна: это литература на час. Далеко не все дают себе труд прочитать рассказ или стихотворение, помещенное в газете, требуя от последней лишь как можно больше сведений о “событиях”»⁸.

Сюжет «Варнака» лишь создает иллюзию, что все, о чем написано, происходило где-то рядом...

Ю. Мандрика

⁸ Наш путь. 1919. 16 янв., № 8.

Григорий Колмогоров

Варнак

Суров, беспределен и дивно прекрасен в своем холодном бесстрастном величии Тавдинский край. На десятки верст расстилаются желтовато-зеленые зыбкие моховые болота, поросшие кудрявыми карликовыми березками, и по этому мягкому пушистому ковру, словно куски разбитого зеркала, разбросаны озера моря.

Куда ни взглянешь, везде вода и вода... Чистая, прозрачная, то блистающая как расплавленное серебро, то темная, почти черная, отражает она высокий прибрежный камыш, и жутко сжимается сердце, когда, скользя в маленькой долбленной лодочке с гребня на гребень по разгулявшимся волнам, начнешь вглядываться в темную, холодную глубь. Мириады рыб, сверкая перламутровой чешуей, игриво плещутся в тихую зарю на самой поверхности зеркальной шири, то боязливо прячутся в глубокий омут пережить налетевшую бурю.

¹ Тайга Западной Сибири.

Все тихо, торжественно тихо. Лишь изредка мелодично просвистит кроншнеп, прошипит над головой, как ракета, стайка шустрых чирков, да где-то высоко-высоко в небесной лазури курлыкнет журавль... Но достаточно одного выстрела, и облаком поднимаются над озером стаи уток, из мохнатого болота вырываются сотни кроншнепов. Встревоженные птицы с кряканьем, свистом и пронзительными криками начинают снова по всем направлениям. Чадобивые чайки и авдотки кружат над самой головой, порываясь броситься прямо в лицо своему заклятому врагу — человеку... Пройдет с полчаса, успокоятся птицы, и снова все тихо, снова все погружено в вековой сон.

А вдали чуть незаметной полоской синее бесконечный урман¹. Там тоже царит торжественное молчание, нарушаемое лишь тихой неумолчною песней хвои, лепетом лесных речушек да дробным постукиванием дятлов о звонкие стволы прямых и жел-

тых, как восковые свечи, кондовых сосен.

Мягко ступает нога по высокому брусничнику; жадно вдыхает грудь ароматный смолистый воздух. Сухо, светло, хорошо на высокой сосновой гриве². Но вот она кончилась; под ногами высокие моховые кочки, поросшие клюквой и княженикой, корни, гнилые, трухлявые стволы вывороченных ветром деревьев, глубокие ямы, наполненные водой и жидкой грязью. Кругом теснятся унылые темные ели вперемежку с величественными изумрудно-зелеными мохнатыми кедрами. Внизу все оплетено кустами смородины, черемухи, тонкой ползучей липой, свешивается гирляндами цепкий хмель. Пахнет сыростью, гнилью и приторным вогульником³. Началась лесная согра⁴, и горе тому смельчаку, который отважится проникнуть в нее без компаса, не умея ориентироваться по ветвям деревьев, муравейникам и другим природным указателям стран света. Оборванный, мокрый, голодный будет он блуждать по этому заколдованному царству мха и хвои целыми днями. Напрасно он будет взывать о помощи, никто его не услышит... Здесь безгранично властвует царица Природа, она здесь полновластная хозяйка, а человек — пришелец, незванный гость, подбирающий крошки, па-

дающие с хозяйского стола. Этими-то крохами и живут тавдинские крестьяне...

В недоступной глуши, среди болот и лесов построили они маленькие деревеньки, на высоких гривах и островах⁵ расчистили под посев ржи, ячменя и овса клочки торфяниковой почвы, ловят рыбу, собирают кедровые орехи, бруснику, клюкву, занимаются пушным промыслом, разводят понемножку домашний скот.

Целыми месяцами живут они совершенно уединенно и только зимой, когда все скует толстым слоем льда и установится санный путь, приезжают иногда в далекий уездный городишко на базар. У них все свое — самобытное. Язык, обычаи, уклад семейной и общественной жизни патриархальны, просты до крайности.

Тавдинский крестьянин невысок ростом, сухощав, широкоплеч, более цепок, чем силен, неутомимый пешеход, прекрасно владеет неуклюжей шомпольной винтовкой, а в управлении маленькой душегубкой⁶ дошел до виртуозности.

² Узкая длинная возвышенность, поросшая лесом.

³ Трава, похожая на бруснику.

⁴ Лесное болото.

⁵ Лес среди болот.

⁶ Лодка, выдолбленная из осины, весом 2–3 пуда.

Он неграмотен, так как грамота ему не нужна, по-своему религиозен, строго соблюдает посты, ставит свечи, служит молебны, но если вы ему скажете, что Николай Чудотворец не Бог, то он этому никогда не поверит. Тавдинец на первый взгляд угрюм, неприветлив, но зайдите к нему в дом, и он не знает куда вас усадить, себе не оставит, а гостя отпочует. Логика его проста: нет — так проси и сам просящему не отказывай. Верит он чужой беде и чужому горю, никогда не прогонит от ворот «несчастливого»⁷ бродягу, а напоит, накормит, истопит для него баню и иногда поделится старой лопотиной⁸.

Тяжело достается тавдинцу хлеб насущный, уважает он чужую собственность, никогда не осмелится протянуть к ней руку даже в урмане, но зато и сам, за украденный капкан, хладнокровно выцелив «пакостника»⁹ по убойному месту, плавно нажмет спуск своей верной винтовки.

Как отдыхающий богатырь разметался на зеленом мху среди дремлющего урмана светлый глубокий Айныкуль. Каленою сталью отлиывает и блещет на солнце

его широкая грудь, тихо и плавно вздымается она в знойный летний полдень. Ласково кивает черными головками высокий камыш. Выглянешь на светлую хрустальную равнину, отражающую в себе яркое солнце, курчавые седые облака, гигантские задумчивые сосны и не можешь оторвать жадного взора от красавца Айныкуля. Так и тянет столкнуть с берега легонькую, как перо, лодочку и лететь, лететь на ней все дальше и дальше к едва заметной лесной опушке, добраться до этого самого неведомого края — посмотреть: что там? Заглянуть, перегнувшись через борт лодки, в таинственную озерную глубь, где крупные и мелкие рыбы неподвижно стоят среди фантастического леса застывших, причудливо извивающихся водорослей, то стрелами разлетаются от невидимого врага... Но накатится черная туча, сверкнет молния, прогудит в вершинах деревьев ветер, и сразу нахмурится грозный Айныкуль, с грохотом швырнет он высокие волны на отлогие берега, словно белые лебеди летают над ним клубы пыли, и нет такой силы, которая могла бы вступить с ним в бой, нет такого смельчака, который решил бы переплыть его в бурю. Застанет на озере непогода — одно спасенье: правь по ветру и жди, когда

⁷ Бродяг, ссыльных и всех терпящих нужду людей сибиряки называют несчастными.

⁸ Одежда.

⁹ Вор, преступник.

разъярившиеся волны, с хохотом обдав тебя пенистой влагой, выбросят вместе с лодкой на берег.

Извиваясь меж высокой осокой, камышей, кустов смородины, калины, рябины и черемухи, лениво струится речушка Светлянка. Где синяя, где черная, порой серебристая, делает она сотни причудливых излучин с мелкими песчаными переборами, глубокими ямами-омутами, и, вырвавшись из урмана, весело журча по кочкам и корягам, выбегаёт в привольный Айныкуль.

На длинном высоком мысу между озером и речкой мирно пасутся маленькие большеголовые лохматые лошадки, бродят коровы и видны скирды сжатого хлеба. Деревья вырублены, выжжены, лишь кое-где торчат обгорелые пни да вывороченные из земли сухие корявые корни. А около самого леса приютилась маленькая деревенька Данилиха. С полсотни домов, построенных из толстых кондовых бревен, расположены в два ряда. Посредине широкая улица, поросшая мелкой муравой, да Бог весть откуда попавшими крапивой и репейником, чувствовавшими себя как дома под защитой стен и заборов. Нет в Данилихе двухэтажных хоромин с вычурными резными наличниками, размалеванными зеленой, красной и желтой краска-

ми, нет и полуразвалившихся лачужек, неизбежных в каждой сибирской деревне. Все однообразно, грубо и просто. Все избы одноэтажные, с перерубом посредине¹⁰, иногда крестовые, правильно разделенные на четыре комнаты. Крыши высокие, крутые, из тонкого соснового дранья¹¹, где еще новые белые, где вымазанные красно-бурой смолой. При каждом доме просторная ограда с крытыми навесами для скота и прочными амбарами на стойках. Около озера чернеют прокоптелые овины для сушки хлеба и такие же черные курные бани¹², в которых мыться не полагается, а париться так же удобно, как в печной трубе.

Нет в деревеньке кулаков лавочников, нет и бедняков. Все живут ровно, сытно, ни в чем не нуждаясь, но даром ничего не дается тавдинскому крестьянину, все нужно добывать тяжелым, подчас опасным трудом. Сразу поспевают осенью брусника и кедровые орехи, а тут еще подойдет время ловить рыбу и садить ее до заморозка в отгороженные частоколом заливки — сады. Не успеют перетереть шишки и высушить орехи — надо собирать клюкву. А там, смотришь, белка

¹⁰ Дом-пятистенок. — (Прим. изд.)

¹¹ Тонкие колотые доски.

¹² Баня по-черному. — (Прим. изд.)

вычистилась¹³ — пришла пора братья за винтовку, настораживать кулемки, слепцы и капканы на пушных зверьков. Да и птичий промысел не бросишь — ведь каждый косач, каждый рябчик — 30 коп. Хоть день и ночь работай и то не успеешь со всем управиться до зимнего Николы¹⁴. К этому великому народному празднику, продав на ближайших ярмарках добычу, крестьяне наварят пива, накурят самосядки¹⁵, и вся Тавда в течение недели предается данному пьянству без меры, без удержанья. Дешево эта гульба стоит тавдинцу — все свое: и водка, и пиво, разве как лакомство привезет из города мешок белой муки, да и то редко. «Что она крупчатка? Трава и трава, ничего она не просвещает и куса особенного в ней нету».

Отгуляв «Миколу» и отслужив ему молебен, где-нибудь в ближайшем тавдинце не торопясь обмолачивает хлеб, мелет муку, излишек зерна везет в город и не успеет отдохнуть, как наступит оттепель. Глубокий снег покроется хрупким ледяным пластом —

¹³ Одедась зимней шерстью.

¹⁴ Праздник в народном календаре славян, в который почитают святого Николая Чудотворца. Отмечают 6 (19) декабря. — (Прим. изд.)

¹⁵ Водка домашнего приготовления.

¹⁶ Свободное слово. 1917. 21 нояб., № 154. — (Прим. изд.)

¹⁷ Ссылнопоселенец.

самое удобное время гоняться на лыжах с собаками за лосями, разыскивать медвежьи берлоги. День за днем утренние заморозки становятся слабее, лыжи начинают проваливаться в мокрую ледяную кашу почти до земли, урман делается совершенно недоступным. Кое-как выволакивают охотники из леса тяжелую добычу, отдохнут денек-другой и принимают вблизи деревни заготавливать дрова, выворачивать сосновые пни для смолокурения, а там глядишь — пахота, сев, покос...

Из года в год, как хорошо построенная машина, ровным темпом катилась жизнь маленькой глухой деревеньки. И вдруг все пошло шиворот-навыворот, словно палку кто-то в колесо засунул.¹⁶

Однажды зимой двое десятских доставили из соседнего села Покровского поселщика¹⁷ и сдали его при бумаге данилихинскому старосте. Долго эту «гумагу» перечитывали и солдат Максим, и староста Федор Митрич. Пробовали разбирать сперва по словам, потом по азам — не могли всю прочесть — больно уж много написано и слова какие-то не русские «аристративно», «профессионально», а другое такое подвернется, что хоть язык сломай — все равно не сказать будет. Только и поняли, что Орлов начальству человек надобный, прислан на смирение и что по-

сельщика, если даже варначить¹⁸ начнет, ни застрелить, ни в болото затолкать нельзя — строго отвечать придется.

Сначала Федор Митрич даже в дом к себе принял Орлова, поил и кормил его ползимы бесплатно. Свой-то сын всего один был, да и тот калека — лесину наваливал на сани да «становую жилу себе и порвал»¹⁹, с той поры его и скрючило. За домашностью еще мог следить, а больше никуда. Думал Митрич, что Василий обживется, привыкнет и помощником будет, а потом по разговору и по ухваткам видит — нахлебник-то, настоящий варнак²⁰. Только и разговоров у него, что про кражи судить: как коней раньше угонял у себя в Рассее, как магазины подламывал. Работать не хочет, а шляется по деревне и ребят сговаривает на разные пакости. Украдут вина, пирогов, шанег, напьются и слоняются потом по деревне. Скверные песни поют, к бабам и девкам привязываются. А однажды, когда хозяин промышлял на озере, Василий стал просить у хозяйского сына Ивана полтинник в долг. Иван не дал. Слово за слово, поссорились, и посельщик жестоко избил беззащитного горбуна. Вернулся староста домой — жена плачет, сын пошевелиться не может, лежит на кровати и только стонет.

Не стерпел Федор Митрич — схватил винтовку, выбежал во двор, весь трясется и кричит:

— Долго я с тобой, варнаком, маяться буду!? Долго ты над нами изгаляться²¹ будешь!?

А Васька стоит себе как ни в чем не бывало, руки в боки и ухмыляется.

— Что ж, говорит, стреляй, коли в остроге не сиживал. Я к вам, желторотым чертям, не по своей воле пришел — исправник прислал. Ему и отвечать будешь.

Опомнился Митрич. Выругался как умел, вернулся в дом, повесил на спицу винтовку и пошел собирать мир на сходку. Выслушали мужики слезную жалобу старосты. Посудили-порядили, жаль старика, а помочь трудно. Думали сперва, для острастки дать озорнику штук полсотни горячих и прутьев уже принесли, да не тут-то было, не на таковского наскочили. Схватил Василий топор, прижался к забору и кричит:

— Подходи, кому голова надоела! Все равно живым не дамся... Хотите, так стреляйте, а потом будете месяца два всей деревней в город на допросы ходить.

Отступились мужики. Чуть не целый день калякали и наконец

¹⁸ Воровать, совершать преступления.

¹⁹ Повредил позвоночник.

²⁰ Порочный человек, преступник.

²¹ Издеваться.

придумали — построить «каину» всем миром на краю деревни избышку, а чтобы не «здох», выдавать обществом по пуду муки на неделю. Но Орлов таким решением остался тоже недоволен и потребовал, чтобы кроме избы ему дали лодку, пару сетей, пять штук капканов, топор, котел, чайник и винтовку. Делать нечего — посоветовались еще раз крестьяне и согласились на все условия. Только винтовку не дали — не нашлось лишней. Устроили мужики в воскресенье помочь²², запрягли лошадей, навозили бревен, а в следующее воскресенье и изба поспела. Сбили из глины печь, в окнах за неимением стекол натянули брюшину²³, принесли кое-какой посуды и даже икону маленькую на божничку в угол поставили.

В заключение, так как без вина помочи не бывает, принесли ведро самосядки, шанег²⁴ и вместе с Орловым начали справлять новоселье. Пьяный Василий в чем-то божился, клялся, колотил себя кулаком в грудь, со слезами благодарил своих благодетелей, поочередно обнимался и целовался с каждым. Гости желали хозяину всякого благополучия, а расчувствовавшийся Федор Митрич,

²² Работа целым обществом.

²³ Стекла заменяют желудком животного, налимьей кожей.

²⁴ Лепешки, ватрушки.

облапив своего недавнего врага за шею, твердил заплетающимся языком:

— Ты, Вася, на меня не сердись... Я тебя то ись во как уважаю, потому что ты человек рассейской, образованной... Это мы все понимаем... Вот помаленьку обзаведешься хозяйством, я тебе невесту высватаю... Ты, Вася, на меня не сердись...

И опять повторял все сначала.

Скоро пирующим показалось в избе тесно и они перебрались на ближайшую поляну, покрытую мягкой весенней муравой.. Пирушка становилась все оживленнее. Начали песни петь... И вдруг, заглушая визгливые вопли тавдинцев, раздался чистый, могучий, как гудение колокола, голос Орлова: «Как по Волге-реке с Нижня Новгорода...»

Пел он на обрубке бревна перед пылающим костром. Смолкли крестьяне... Прислушиваются... Слова какие-то новые, неизвестные, но в самой песне слышен хорошо им знакомый голос все сильнее и сильнее разыгрывающейся бури, грохот волн, рев урагана, ворвавшегося в густой хвойный лес, где он валит полосой деревьев, одно на другое... Вот он катится все дальше и дальше... Его уже чуть слышно... Нет, это не голос бури... Вместо него уже звучит тоскливый тихий стон, слыш-

ны чьи-то слезы, тоска по далекой родине, горькая жалоба на одинокую разбитую жизнь... Все тише и тише поет Орлов, все ниже и ниже склоняет он на широкую грудь кудрявую черную голову... Вдруг что-то треснуло, оборвалось, Василий как-то весь опустился, сжался в комок, захватил ладонями лицо и зарыдал, словно беспомощный ребенок, вздрагивая всем телом....

Такой конец песни был настолько неожиданным, что очарованные слушатели сперва только с недоумением смотрели на рыдающего певца, не понимая, в чем дело. В эту минуту он был так жалок, беспомощен, что даже у закаленных суровых людей невольно сжалось сердце. Каждому хотелось чем-нибудь утешить беднягу, сказать ему несколько ласковых слов. Слова эти рвались наружу, но что именно нужно сказать, никто не знал, и все молчали, растерянно поглядывая друг на друга.

Только Федор Митрич нашелся и, стоя на коленях подле Орлова, любовно обняв его за шею, бормотал:

— Вася, а Вася... это ты напрасно, зря значит... Я тоже во как тебя люблю... Ты ничего не думай. Винтовку мы тебе добудем, вместе и белковать²⁵ пойдем... Давай лучше поцелуемся...

Как ужаленный вскочил Орлов, выпрямился по весь рост и со всего размаху пнул ногой в грудь своего утешителя....

Митрич ахнул и замертво повалился на спину.

— Аспиды вы! Черти болотные! В человеке душа переворачивается, а вы только и знаете, что одну винтовку. Идолы осиновые!

Кричал Орлов, дико сверкая блестящими от слез и ненависти глазами, наступая все ближе на растерявшихся пьяных мужиков. Но в следующую минуту они уже опомнились, дружно набросились на Орлова,хватили его за руки, за ноги, за волосы, повалили на землю и начали бить кулаками и ногами во что попало и куда попало... Сразу вышибло из Орлова весь хмель. Как молния промелькнул в мозгу совет, данный ему когда-то старым цыганом-конокрадом. Орлов обхватил руками и ногами барахтавшегося на нем мужика и начал его душить изо всех сил, а когда почувствовал, что жертва перестала шевелиться, во все горло закричал:

— Ребята, своего убили! Петруху до смерти зашибли! Стойте! Вам говорю, своего убили! Сдурели, что ли?!

Сразу опомнились крестьяне, шархнулись испуганно в разные стороны, а Василий вскочил на

²⁵ Стрелять белок.

ноги и пустился улепетывать во все лопатки. Мужикам было уже не до него. Одни принялись трясти и переворачивать с боку на бок Петруху, стараясь привести его в чувство, другие занялись старостой. Скоро оба открыли глаза, кое-как поднялись, и все отправились по домам, проклиная Орлова на чем свет стоит...²⁶

С этого достопамятного дня Васька Черный сделался домохозяином и, поселившись в собственной избе, начал «промышлять». Летом он вынимал рыбу из чужих сетей и фитилей²⁷, а зимой, выждав снежную погоду, чтобы след заматало, отправлялся на лыжах в урман производить ревизию чужим капканам. Мужики сперва только диву давались, узнав, что Васька до Рождества заловил двух чернобурых и десять красных лисиц, но затем догадались, в чем дело, некоторые начали Орлову угрожать самосудом, а он им — творить всякие пакости: в виду перед котцами²⁸ втыкал палки, пропитанные дегтем, а капканы

²⁶ Свободное слово. 1917. 23 нояб., № 155. — (Прим. изд.)

²⁷ Фитиль — рыболовная ловушка из сети с деревянными обручами.

²⁸ Рыболовная ловушка из тонких жердочек, перевязанных мочалом.

²⁹ Отравленная падаль, иногда не отравленная, положенная для приманки.

мазал пороховой сажей, а потом сам же бахвалился.

— Вот ставьте, — говорит, — хорошее угощение — сниму наговор, а то до самой смерти вам ничего не добыть, ни рыбы, ни зверя.

Нечего делать — кланяются мужики: принесут Ваське кто туяс самосядки, кто сотню яиц или ведро брусники, и знахарь, выварив в воде капканы и натерев их пихтовой хвоей, снижал заклятье. Однажды Орлова не пригласили на свадьбу, так он ухитрился помазать столбы у ворот медвежьим салом, и взбесившиеся лошади разбили кошеву. Вообще в разных скверных проделках Васька скоро дошел до гениальности. Навечно заговаривал винтовки, всыпав в них по верх пули закаленных стальных опилок, лишал собак чутья посредством табачного дыма, обливал приваду²⁹, положенную на волков, керосином и т.п. Иногда неизвестно почему бесились телята и начинали с пеной у рта, задрвав хвост, носиться по всей деревне, мотать головой и реветь. Посылали за Васькой Черным. Он требовал ведро водки, ковш, уголь, огарок восковой свечи и, заперевшись с теленком в амбаре или хлеве, прополаскивал ему рот, выцарапывал из зубов мыло, которое сам же перед тем затолкал в рот глупому животному, и

теленка снова как ни в чем не бывало принимался щипать травку, а Орлов, получив гонорар, с торжествующей улыбкой отправлялся домой — обдумать на досуге новую пакость.

Народная молва начала приписывать этому духу зла даже такие деяния, в которых он был совершенно неповинен: захворает кто-нибудь — «Васька испортил», стогрит по небрежности овин — «Васька поджег». Народная ненависть пухла и назревала как злокачественный нарыв. Все чувствовали, что этот нарыв должен рано или поздно прорваться, и с боязливым нетерпением ожидали развязки, инстинктивно предчувствуя нечто ужасное.

Особенно обострились отношения во время осени. Прежде уходили на промыслы почти все, а двери пустых домов, за неимением замков, припирали палкой, и этого символического запора было вполне достаточно. Имущество становилось неприкосновенным. Только дряхлые старики да женщины с малыми ребятами оставались присматривать за скотом, заготавливать хлеб кормильцам-промышленникам. С водворением Васьки сделалось опасным оставлять деревню без надежной охраны, а кому же хочется сидеть дома даром, если каждый день стоит 3–4 рубля?

В опустевшей деревне Васька становился хозяином. Тащил все, что плохо лежит, заходил в дома, усаживался за стол и требовал от хозяйки угощение, а напившись, начинал угрожать всем, что на ум взбредет, до поджога включительно.

Одним из лучших промышленников деревни был Иван Крохалев, широкоплечий высокий мужик, уже не молодой, лет 45-ти, немного сутулый, как большинство сильных людей, всегда задумчивый, угрюмый. Он редко с кем-нибудь разговаривал, никогда не вмешивался в споры и даже не участвовал в традиционных праздничных попойках данилиховцев. У Крохалева за десятки верст от деревни на противоположном берегу Айныкуля и в самых непролазных дебрях урмана были срублены несколько маленьких избушек, в которых хранились сети, фитили и сотни примитивных ловушек на разных зверьков. Иван хлеб не сеял, а занимался исключительно охотой и рыболовством, живя целыми неделями то в той, то в другой из своих избушек. Он даже не ездил в город, а продавал всю добычу знакомому торговцу татарину Калине³⁰ Степановичу, скупавшему по тавдинским деревням пушнину, птицу и рыбу, снабжая за одним промышленников

³⁰ Камалетдин.

всем необходимым. Крохалев жил безбедно и даже скопил себе несколько сот рублей на старость. Под грубой внешней корой у него скрывалось доброе отзывчивое сердце, и, несмотря на прозвище Лешак, данное ему данилиховцами, деревенская детвора в нем души не чаяла. Ребятишки при виде Лешака слетались к нему словно воробьи со всех сторон, крича еще издали:

— Дядя Иван, дай мне пикльку!

— Дядя Иван, сделай мне стрелку!

— А орехи у тебя есть?

— С собой нет, а дома все найдется, пойдете.

И, добродушно улыбаясь, окруженный гурьбой белобрысых лохматых головок, Крохалев вразвалку шел домой, где щедро оделял своих приятелей разными своедельными игрушками, орехами, ягодами.

Жена Крохалева — Ариша, преждевременно состарившаяся, худая, болезненная женщина, целыми днями сидела где-нибудь около стены на солнышке и вязала сита, а зимой занималась тем же, греясь у печки. Арина когда-то простудилась, страдала ревматизмом и едва ходила, опираясь на палку. Она тоже любила ребяташек; глядя на них, она вспоми-

³¹ Пятерка. — (Прим. изд.)

нала своего сына Митю, умершего от оспы, когда ему было всего 10 лет, вспоминала свою молодость... Иногда подманивая к себе какого-нибудь мокроносого бойкого малыша, она долго гладила его по голове, расспрашивала об отце, об матери и, вдруг обхватив чужого ребенка, начинала над ним причитать: «Милый ты мой! Родной ты мой! Ангельский ты мой!..» И мелкие как бисер слезинки одна за другой катились по ее желтым впалым щекам... А когда испуганный ребенок принимался реветь, утешала его чем могла, отдавая последние куски сахара.

В случае нужды соседи частенько обращались за помощью к суровому Лешаку и, если он отказывал, находя просьбу недостаточно уважительной, старались разжалобить бабушку Аришу, а та ей одной известными способами ухитрялась уговорить мужа. В результате деньги, выпрошенные на покупку коня, уходили на приданое дочери, иногда прогуливались на крестинах. Крохалев редко напоминал о долгах, а темный люд вместо благодарности иногда говорил: — Ему что? Он — Лешак. Понадобятся деньги — нечистый загонит в ловушку черную бурую, рублей в полтораста, и ладно, это для него подходяще. О какой-нибудь пятитке³¹ ему и

спрашивать-то неохота. А ты думай, зарабатывай да плати.³²

Приближался сентябрь. Ярко догорали последние дни жгучего сибирского лета. Давно окончен покос, хлеб сжат, озимь посеяна, и население Данилихи деятельно готовилось к своей настоящей промысловой страде. Только босые ребята бегали по широкой улице, забавляясь стрельбой из луков, да лениво слонялись от двора к двору широколобые остроухие собаки, затевая иногда ожесточенную свалку из-за найденной кости. В каждом доме, в каждом дворе шла торопливая горячая работа. Женщины пекли хлеб, заготавливали сухари, починяли одежду и рыболовные сети. Мужики делали кадки под ягоды, вытесывали весла, подтачивали шипы у железных кошек для лазания по кедром... да разве перечислить все то, что нужно было перед промыслом заблаговременно осмотреть, поправить, сделать заново. Все работали молча, сосредоточенно, изредка перекидываясь деловыми фразами.

Крохалев также собрался на промысел. Капканы и другие ловушки расставлял он зимой один, ревниво скрывая от постороннего глаза секреты своего искусства, а белковать и собирать орехи ходил вдвоем. Попасть к Лешаку в товарищи данилиховцы счита-

ли большим счастьем. Опытность Крохалева гарантировала успех, а более честного и смелого человека трудно было найти по всей округе.

На этот раз он отправлялся с солдатом Максимом, который по годам и складу характера был для него наиболее подходящим товарищем. Все уже было собрано, около крыльца лежали мешки с сетями и хлебом, холщовый полог, заменяющий то палатку, то одеяло, смотря по обстоятельствам, два желтых дубленых полушубка — неизбежные спутники тавдинцев во всякое время года, две берестяные пайбы³³ с чаем, сахаром, солью и другими припасами, боящимися подмочки, острога³⁴, коза³⁵, котел, чайник...

Кажется, все собрано и лежит рядом — сразу видно, если чего-нибудь не хватает.

— Ну, слава Богу, управились! Ты, братан, забирай, что можешь, и тащи к лодкам, а я сейчас только в избу зайду, — сказал Крохалев, вытирая рукавом потный лоб.

³² Свободное слово. 1917. 24 нояб., № 156. — (Прим. изд.)

³³ Кузов, который носят на спине, как ранец.

³⁴ Острога — это длинная палка, которая имеет заостренный металлический наконечник. — (Прим. изд.)

³⁵ Так в тексте. — (Прим. изд.)

— Мы, дяденька, пособим что-нибудь донести, — предложили свои услуги двое шустрых мальчишек, наблюдавших за сборами промышленников.

— Ну, ладно, несите мешок с хлебом, а остальное не троньте — сам возьму, — снисходительно согласился Крохалев, скрываясь в сених. Войдя в горницу, он снял с гвоздя одну из трех³⁶ длинноствольных тяжелых винтовок, осмотрел ее внимательно со всех сторон и, надев через плечо широкий ремень с винтовочным прибором, проверил, достаточно ли пороху, пуль и пистонов. Затем, обращаясь к жене, сказал:

— Ну, Аринушка, благословляй.

— С Богом, Иван Афанасьевич, с Богом... Вот я свечку затеплю да помолюсь Миколу-Батюшке, чтобы сохранил и помиловал вас... Только одной что-то боязно оставаться. Кабы Васька Черный не пришел. Что я, больная, с ним, окаянным, поделаю? Еще утащит чего-нибудь либо собак изведет.

Крохалев нахмурился.

— Вот что, Ариша, если Васька придет, ты прямо ему сказывай, чтобы убирался подобру-поздорову. Я не кто другой. Себя морочить не дам. Пусть лучше меня

³⁶ Зверовая, птичья и белковая винтовки.

не задевает... А то плохо ему будет, — добавил он, злобно сверкнув глазами из-под нависших бровей.

— Ничего, ничего, Иван Афанасьевич... Может и не придет. Я ему все скажу, ты не заботься. На все Бог, — успокаивала Ариша мужа.

— Ну ладно, мне некогда...

Крохалев повернулся к образам, торопливо крестясь и низко кланяясь, прочитал молитву и, уже не говоря ни слова, не оглядываясь, чтобы худа не было, вышел из дома. Отвязал рвавшегося с цепи Соболька и, взвалив на спину оставленные припасы, направился к Айныкулю, где его поджидал Максим, уже успевший столкнуть на воду две остроносые лодочки-однодеревки. Товарищи не торопясь уложили в них промысловое имущество, еще раз оглянулись — все ли взято и, сняв шапки, перекрестились на восток. Привыкший к подобным путешествиям Соболько, осторожно пробравшись в самый нос крохалевской лодки, улегся, свернувшись калачиком.

— Ну, с Богом, — отваливай! — скомандовал Крохалев, беря в руку весло. И две лодочки, подгоняемые попутным ветерком, ухо в ухо, словно хорошо выезженные кони, весело побежали через широкое озеро. Мелодич-

но перекликались потревоженные лебеди, отплывая заблаговременно в сторону, чайки, кружась над промышленниками, подняли свой обычный гвалт, то и дело попадались громаднейшие стаи чернетей, гоголей, турпанов и других нырковых уток. Разжиревшие тяжелые птицы подпускали довольно близко, затем сразу бросались вперед, долго хлопали по воде крыльями, поднимая такой шум, что издали его можно было принять за раскаты грома. Наконец, оторвавшись от воды, утки тучей носились по всем направлениям и снова опускались на широкое озеро. Эта знакомая, полная кипучей жизни картина невольно развеселила угрюмых промышленников. Суровые черты их лиц постепенно разглаживались, глаза светились мягче, на углах губ появилась улыбка.

— Вот она, благодать-то Божья, где! — вздохнув широкой грудью, проронил Крохалев.

— Да милует нас еще Господь. Питает грешных людей Микола-Батюшка — всего вдоволь дал, и рыбы, и птицы, а людям все мало. Свое не соберут, а норовят друг у друга отнять, — поддержал товарища плывший рядом Максим.

— Это ты верно говоришь. Весь грех промеж людей оттого, что жадность их давит. Нужно

все больше да больше, а работать не хотят... Вот хотя бы Ваську взять — парень здоровый, уворотный и глаз острый, а ума не то чтобы на одного, на троих хватило бы. Примись как следует промышленлять — озолотился бы. Так нет, не хочет, «не свычен», говорит, к этому. Ведь всю деревню замаял, проклятый, и сам мается как волк. Что схватил — сожрал и опять ничего нет... И для чего только начальство таких варнаков к нам присылает, людей на грех наводит... Дали бы ему, по старине, хорошую вздувку либо в острог посадили, где никому вреда сделать не может, — и озорнику наука, и народу не тягостно. А про стрюцкого³⁷ слышал?..

— Это значит, который в Медведихе?

— Он самый. Тоже вот зря гибнет и деревню мает.

— А тот чего мает? Ведь он, говорят, смиренный, из господ, почему стрюцким и прозвали. За какую-то политику прислан.

— Вот в том-то и дело — за политику. А смиренством своим всех мужиков в Медведихе до того донял, что хоть в болото полезай. Всю душу из народа вымотал. Ходит из дома в дом и неиз-

³⁷ Стрюцкий (*народн.*) — человек ничтожный, дрянной, презренный, пустой, мелкий, но важничавший с простым человеком. — (*Прим. изд.*)

вестно за что всех срамит. Управятся крестьяне с работой, вздумают погулять, а он тут как тут, вы, говорит, гуляете, пьянствуете, деньги проматываете, а ребята у вас как собаки на улице бегают, ни один читать не умеет. Надо деньги на школу собирать, а вы их прогуливаете. И начнет, и начнет корить да конфузить... Ну, кому же это поглянется? Я вот сам не гуляю — мое дело, а зачем же людей корить? На свое ведь гуляют, сами заработали. И, к примеру опять, чужих детей к нам приравнивать разве можно? Мужиков это он доймает — они его срамить примутся. Мы, говорит, вино пьем, пиво пьем, да свое, заработанное, а ты хотя и хлеб ешь, да чужой. Свою глотку прокормить не можешь, а людей учишь. Тоже и это не похвалю — великий грех несчастного человека хлебом корить, особливо если он еще не в своем уме. Как попрекнуть стрюцкого тем, что милостыней кормится — тут и пойдет потеха.словно бешеный сделается, глаза как у ястреба заблестят, а сам лезет на народ да кричит: — Я за вас страдаю! Я для вас земли просил! Хлопотал, чтобы вас, темных людей, на свет вывели.

³⁸ Подзадоривать.

³⁹ Свободное слово. 1917. 25 нояб., № 157. — (Прим. изд.)

А мужикам чего и надо. Хохочут над стрюцким и подклинивают³⁸ его со всех сторон, говорят: «Мы тебя сами на чистую воду выведем... Сказывай, зачем землю просил, а не болото, не озеро какое-нибудь». «Дураки вы», — кричит стрюцкий. А они ему на это: у тебя бы ум был, так ты бы не жрал в пост скоромное, как собака. А он уж тут вовсе сдурит — до того договорится, что Бога нет и Царя не надо. Ну, мужики, конечно, осерчают и в шею его... Оно бы все ничего, да ребят портить начал. Нашлись такие, что ни уха ни рыла не понимают, а туда же тянутся. Говорят, чтобы была свобода, что податей платить не надо и в солдатах служить не следует. А стариков своих, которые век доживают, и их же, пострелов, выкормили, дураками чествуют... И такой грех пошел в Медведихе, что не дай Господи. Вся деревня замутилась.

— Это уже известное дело: «Посельщик в деревню — мир из деревни», — согласился Максим. — А промышлять то нынче где думаешь, Иван Афанасьевич? — на смелился он наконец задать давно интересовавший его вопрос.³⁹

— А вот привезу — увидишь, — уклончиво отвечал Крохалев, хранивший по обычаю старых промышленников свои намерения и расчеты в глубокой тайне.

— Сперва в Айныкуль сети да фитили на ночь поставим, утром высмотрим, высушим снасти и в кедровник пойдем шишковать. Кедровничек я хороший знаю, и ореха дивно было. Если птица не побила, хватит нам с тобой, да и ягодник рядом есть, онамеднись⁴⁰ брусники просто красно было.

Услышав такие благоприятные сведения, Максим успокоился и, боясь прогневить Лешака излишней болтливостью, умолк.

Мерно опускаются весла в сильных руках, от каждого толчка лодки, как пришпоренные кони, дружно бросаются вперед и, с веселым плеском рассекая мелкие волны, подбегают все ближе и ближе к желанному берегу. Уже вечерело, когда усталые промышленники, перерезав Айныкуль, подплыли к «пристани». Под таким громким названием подразумевалась узкая стлань из жердей, по которой можно было пробраться через зыбкое болото, отделявшее озеро от леса совершенно непроходимой полосой сажений в 50.

— Ну вот, слава те Господи, и доплыли, — сказал Крохалев, врезаясь разогнанной лодкой в качающийся моховой берег.

Соболько с радостным повизгиванием, забавно растопыривая лапы, побежал по скользким жердям, торопясь осмотреть знакомые места, а промышленники,

вытащив лодки, начали переносить имущество в избушку, построенную на высоком бугре под вековыми толстыми соснами.

Сразу было заметно, что здесь хозяйничал настоящий дельный промышленник. Хорошо срубленная просторная избушка с двумя маленькими стеклянными оконцами выглядела приветливо и уютно. Широкие нары были гладко выструганы, посредине стоял стол — большая редкость в промысловых избушках, а вместо обычного полуразвалившегося чувала⁴¹ красовался пузатый, обмазанный белой глиной кирпичный камин с железными проволочными крючками для навешивания чайников и котлов. По стенам были прилажены полки, а на одной из них лежали оставленные заботливым хозяином для «несчастливого» заблудившегося человека сухая краюшка хлеба, деревянная чашка с солью и коробка спичек. В углу на божничке стоял почерневший образ Николая Чудотворца.

Около избушки на высоких столбах стояла шомья⁴² для хра-

⁴⁰ (*Наречие*) ковадня, на днях, надьсь, намедни, намнясе, недавно. — (*Прим. изд.*)

⁴¹ Угол, обмазанный глиной, дым выходит через дыру в крыше.

⁴² Сруб в виде ящика на столбах, для хранения орехов.

нения кедровых шишек и тут же рядом была выкопана глубокая яма, покрытая толстым слоем ветвей, заменявшая погреб. Вдоль берега виднелся длинный ряд воткнутых в землю жердочек для просушки сетей. Одним словом, приплыл и принимайся за промысел — все готово, даром времени не потеряешь.

Через несколько минут все уже было разобрано и лежало на своем месте. В камине весело потрескивал огонь, закипавший чайник заодно поплеывал из носика, а Крохалев выкладывал из мешка на стол ржаной хлеб, яйца и прочую незатейливую снедь. Вдруг он что-то вспомнил, положил мешок на нары, вышел из избушки и с тревогой в голосе начал звать Максима.

— Товарищ! А, товарищ! Иди-ко скорей, дело есть!

— Сейчас иду! — откликнулся Максим, выступая из-за ближайших сосен с охапкой смолистых щеп. — Что случилось?

— Оказия брат, — знать-то кошки забыли...

— А ты, Афанасич, разве не взял?

⁴³ Длинная жердь с сучьями, заменяющая лестницу.

⁴⁴ В случае опасности промышленники сплываются рядом и забрасывают одну ногу в соседнюю лодку, тогда две лодочки превращаются в устойчивый плот.

— Вот то-то и есть, что забыл. Когда в избу пошел — нарочито об них думал, а тут как на грех баба прилипла. — Боюсь, говорит, одна оставаться, как бы Васька Черный чего не наблудил. Ну у меня, значит, в мыслях-то о другом пошло, кошки и из головы вон. Так под лавкой и остались...

— Плохо дело... Без кошек не много налазишь. Раз, два, да и одежду всю кончишь, — рассуждал Максим.

— Вот оказия-то! Сколько лет промышляю — не бывало такой притчи... Разве остров⁴³ срубить, да с ней таскаться? Нет, это тоже не промысел... Придется, видно, домой плыть.

— Ну что ж, утром сплаваю, — предложил Максим.

— Тоже придумал — утром. А птица ждать будет? Эта окаянная ореховка как напустится — в дватри дня все очистит... Приходится, видно, ночью плыть.

— Что ты, Иван Афанасьевич, али жить надоело? Вишь, ветер с супротивной стороны подул. Погода хочет быть.

— Нет, уж все равно поплыву. Ветер опять попутный будет, а валов я не боюсь, дело привычное, — настаивал на своем Крохалев.

— Ну, как знаешь. Вот чаю напьемся и поплывем вместе. Вдвоем-то надежнее. Если валом шибко одаливать станет, лодки рядом⁴⁴

сведем — тогда никакой погодой не навалит.

— Какой тут чай... Оставайся лучше здесь — фитили на ночь поставь, а я утром вернусь. Да собаку придержи, чтобы за мной не бросилась...

И Крохалев, даже не оглянувшись, пошел к пристани, столкнул лодку и смело поплыл туда, где, теряясь в вечернем сумраке, с глухим ворчанием, словно бесчисленное стадо седогривых чудовищ, вздымались высокие волны. Едва лишь лодка пересекла узкую полосу берегового затишья, как ее подхватило разбушевавшейся погодой и понесло к середине озера. Спина гребца заменила парус, легонькая долбленка, ныряя как гагара, перегоняя волны с размаха ударялась в кипящие гребни, разбрасывая в стороны пену и брызги.

— Ну, теперь только держи шапку, — проворчал Крохалев, крепче сжимая весло. Он сразу как-то выпрямился, повернулся правым плечом вперед и гордым вызывающим взглядом внимательно следил за каждым обгоняемым беляком. Неуклюжий угрюмый Лешак сделался неузнаваемым. Все движения его стали неуловимо быстрыми, механически отчетливыми. Он весь словно помолодел и в эти минуты был похож на уверенного в своей несокрушимой силе опыт-

ного бойца, который, ворвавшись на бешеном коне в самую кипень битвы, поражая врагов направо и налево, врзается все дальше и дальше...

Вдруг что-то хрустнуло, лодку моментально повернуло вдоль волн и до половины залило водой. Весло, не выдержав напора, переломилось пополам. Крохалев бросился на дно лодки, вытянулся во всю длину и, торопливо крестя лоб, бледными губами зашептал: — Святитель Отче Николае, помилуй мя... Батюшка Николай Чудотворец, спаси и помилуй...

А волны, словно радуясь своей победе, крутили беспомощную душегубку как волчок, перебрасывая с гребня на гребень. Но лодочка сделалась более устойчивой, груз неподвижно лежал на дне, ветер бессильно скользил по низким бортам, и она будто пробка упорно держалась на поверхности, то совершенно исчезая между волнами, то взлетая вверх. Понемногу успокоившись, Крохалев начал обдумывать свое положение.

— Вот ведь притча-то, — рассуждал он, — так, видно, одна напасть за другой так и пойдут. Ладно еще, что на дно успел упасть, а то бы погибель. Воды вот только дивно⁴⁵ захлестнуло... И он при-

⁴⁵ Много.

нялся ее осторожно вычерпывать шапкой.

Становилось все холоднее, небо покрылось тучами, начал пробрызгивать дождь, превратившийся скоро в настоящий ливень. Ветер с ревом срывал гребни волн, взметая брызги и пену, в этом крошечном аду, промокший до нитки, едва владея окостеневшими руками, погибающий человек упорно боролся за свою серую жизнь, час за часом безостановочно вычерпывал шапкой и пригоршнями холодную воду. Наконец послышалось легкое шипенье... Сильный толчок... И опрокинутая лодка, обдаваемая потоками воды, выкатилась на берег. Крохалев кое-как поднялся, сделал несколько шагов и в изнеможении упал на землю. Онемевшие конечности совершенно отказывались повиноваться, а лежать под проливным дождем при холодном ветре — смерть.

Напрягая силу воли, Крохалев пополз на четвереньках. Постепенно руки и ноги стали отходить, сделались более подвижными. Тогда он снова поднялся и, шатаясь из стороны в сторону, побрел к чуть заметно мерцающему огоньку. По мере того, как он шел,

ему становилось теплее, походка делалась более твердой.⁴⁶

— Слава тебе Господи! Сжалился надо мной Никола Милостивый... Теперь нужно только разогреться хорошенько, чтобы огневица не приключилась, — говорит Крохалев, стараясь идти возможно скорее. Когда он добрался до деревни, то чувствовал себя уже вполне бодрым, ему было даже жарко, так как мокрая одежда превратилась в сплошной согревающий компресс.

— Что это такое? Никак огонь-то в моем доме? — удивился Крохалев. — Да и Домка на кого-то больно злобно лает. Не Васька ли? — промелькнула у Крохалева тревожная мысль, и в то же время до него долетели обрывки пьяной песни. Он бросился к дому и припал к окну... За столом, уставленным чашками и тарелками с разной закуской, развалившись на стуле пьяный Орлов со стаканом водки в руке горланил какую-то песню, а по другую сторону стола, опираясь на палку стояла Арина, тоже видимому пьяная, и подпевала дребезжащим надтреснутым голосом.

— Чего плохо поешь!? — заорал вдруг Орлов, поднимаясь со стула. — На, пей, старая ведьма! Да смотри, пой хорошенько, а то я живо с тобой расправлюсь.

⁴⁶ Свободное слово. 1917. 28 нояб., № 159. — (Прим. изд.)

— Батюшка, Василий Николаевич, пожалей ты меня, старуху, ради Истинного Христа! Что хочешь отдам, только не неволь... Не могу я вино пить, — умоляла Арина, упав на колени перед своим мучителем.

— А, так ты не хочешь? Не хочешь? Врешь, заставлю... — И схватив Арину за волосы Орлов с диким хохотом начал насильно вливать ей в рот водку.

Но в эту минуту скрипнула дверь и у порога, словно из-под земли, вырос мертвенно-бледный, мокрый, всклокоченный Крохалев. Произошло это так неожиданно, вид его был настолько ужасен, что Орлов принял его сперва за приведение и, отскочив в угол, начал креститься, а Арина, упав на пол, забилась в истерике, выкрикивая бессвязные слова.

— Ну, Василий Николаевич, что теперь думаешь делать? — заговорил первым Крохалев. — Не бойся, выходи из-за угла-то, отвечай хозяину, зачем пожаловал? Весело ли гулял?

При этих словах Василий сразу опомнился, понял, что надо действовать решительно, и нагло ответил:

— У жены спрашивай, она меня зазвала, а я ни при чем... Да что с тобой разговаривать, надо домой идти. Спасибо за хлеб, за соль, — добавил он насмешливо.

— Отойди-ка лучше от дверей, а то не посмотрю, что ты Лешак, живо потроха выпущу.

— Нет, брат, поздно. Теперь не вырвешься, — заревел, подступая к нему, Крохалев. — Отвечай, Каин, долго ты будешь народ маять?.. Сперва лисиц из капканов воровал, потом скотину и людей портить зачал, деревню хвалишься сожегчи, а теперь чужих жен за волосы таскать принялся, да еще зарезать грозишься... Да ты умеешь ли резать-то?

— Не умел бы, так к вам не при-слали...

— Что ж, и ножик при тебе имеется?

— А сунься, так узнаешь, — ответил Орлов, выхватывая из-за голенища острый как бритва сапожный нож.

Но Крохалев, следивший за малейшим движением своего врага, моментально схватил его за кисть руки и, как мальчишку, швырнул на пол... Стол опрокинулся, свеча погасла и в темной маленькой комнате началась ожесточенная борьба на жизнь и на смерть...

— Иван Афанасьевич, отпусти!.. Не буду!.. — хрипел Васька, извиваясь на полу как уж.

— Нет, я тебя научу, как резать надо... я тебя научу... — ворчал Крохалев, сжимая противнику горло. Я медведя на нож брал...

Вот тебе! Вот тебе, варнаку! Не будешь мирскую кровь пить.

Раздался отчаянный хриплый вопль... и все стихло.

Когда Крохалев нашел спички и зажег свечу, то увидел лежавшую около кровати в глубоком обмороке Арину, а в углу под обрезами, широко раскрыв застывшие глаза, лежал Орлов с распоротым животом...

В изнеможении Иван сел на скамью и, низко опустив голову, закрыл лицо руками. От страшного напряжения все тело ослабло, в голове вертелись лишь обрывки бессвязных мыслей.

Догорающая сальная свеча начала потухать. Крохалев инстинктивно потянулся ее поправить и только тогда заметил, что все руки у него покрыты сгустившейся липкой кровью. Сразу сделался ему ясен весь ужас окружающей обстановки, снова заработала мысль, в руках и ногах появилась сила. Он торопливо вставил в подсвечник новую свечу и, захватив спички, вышел в сени, откуда вскоре вернулся с двумя новыми рогожками и связкой сетных веревок.

Через несколько минут Крохалев, опираясь на вилы, уже пробирался по кочкам к ближайшему болоту, неся на плече перегнув-

⁴⁷ Слой корней, травы и мха, покрывающий воду.

шийся, как плохо набитый мешок, длинный рогоженный тюк. Кочки скоро кончились, под ногами закачался зыбун, ежеминутно грозя проглотить Крохалева вместе с его страшной ношей. Осторожно пробуя вилами почву, Крохалев подвигался дальше уже ползком, волоча за собой труп. Наконец он остановился, проковырял в зыбком моховом помосте дыру и воткнул рогоженный сверток в черное грязное отверстие...

— Ну, Василий Николаевич, не умел на свете жить, так полезай в болото, — проговорил насмешливым тоном Крохалев, заталкивая мертвого врага возможно дальше под лабзу⁴⁷.

Затем, трижды перекрестив черное окно, он прошептал:

— С нами крестная сила, с нами крестная сила, сгинь-пропади, во веки веков аминь. — И, опираясь на вилы, начал осторожно выбираться из проклятого места, где в бездонной жидкой грязи за время существования Данилихи бесследно сгнили уже десятка полтора несчастных варнаков.

Вернувшись домой, Крохалев переложил все еще бесчувственную жену Арину на кровать, выскоблил ножом пол, привел комнату в порядок, тщательно умылся и, достав из-под лавки пару железных кошек, потушив свечу, вышел во двор. Там он разыскал

старое надколотое весло и, пошатываясь словно пьяный, побрел к озеру.

Непогода стихла. В безоблачном небе кротко мерцали мириады звезд, а на востоке уже появилась бледная полоска зарождающейся зари...

Две недели спустя в полицейское управление города Т. была доставлена «гумага».

«Его Высокоблагородию господину Т-кому уездному исправнику

.....волостного старшины

Рапорт

В дополнение к рапорту от 15 марта 19.. года за №238 имею честь донести Вашему высокоблагородию, что административный ссыльный Василей Никола-

ев Орлов, который согласуясь с распоряжением Вашего высокоблагородия воровал коней, за что и был сослан, был мною сдан для строгого наблюдения данилихофскому старосте, где и проживал в полном благонаравии, но по варнацкой своей привычке неизвестно куда убежал и несмотря на самые старательные розыски до сево времени пребывание конокрада Вашево высокоблагородия нигде обнаружено не было».

Внизу — печать старшины и подпись писаря.

Прочитав два раза рапорт, исправник улыбнулся и своим карандашом наложил резолюцию: «Циркулярно всем старшинам о производстве розысков. Рапорт губернатора»⁴⁸.

⁴⁸ Свободное слово. 1917. 29 нояб., № 160. — (Прим. изд.)

*Художник Владимир Эттель жил в Тюмени.
И даже был осужден — сенсация №3*

Искусство...

составления биографии художника

Владимир Эттель на детекторе лжи

Желание отыскать подтверждение мнению Л.Н. Мартынова¹, что сборник Антона Сорокина «Тююн-Бот» был отпечатан в Тюмени в 1914 г., сподвигло меня на подвиг. Оказавшись в Москве, я тут же засел за подшивки газет того времени. Пресса Тюмени выглядела роскошно. В небольшом городишке, насчитывавшем на то время чуть больше 35 тыс. чел., теснились три издания: «Ермак», «Сиб. торг. газ.» и большеформатный «Вестн. Зап. Сибири». Первое и последнее из этого ряда явно тяготели к литературности. В «Ермаке» ценителем русской словесности слыл Петр Рогозинский, а сотрудник «ВЗС» Иван Тихов, впоследствии ставший редактором так называемой «ванькиной литературы», еще и пугающе писал, называя свои горбато рифмованные строчки стихами. Один раз настроил даже драму в четырех действиях и пяти картинах

¹ Мартынов Л.Н. Дон-Кихот сибирской литературы // Антон Сорокин. Напевы ветра. Новосибирск, 1967. С. 43.

для своего издания — «Богатые наследники» с продолжением из номера в номер.

Просмотрев пожелтевшие почти за сто лет полосы, я пришел к выводу: скорее всего тогда Антон Сорокин еще не был культовой фигурой для тюменских литераторов. Правда, начали встречаться рассказы сибиряков Г. Вяткина (1914. 6 апр., № 76) и М. Плотникова (1914. 14 июня, № 137).

...Уже все подшивки вышеназванных газет были отправлены в хранилище, а я все искал сообщение о появлении «Тююн-Бот» на

Владимир Эттель

Багульник. Иркутск, 1916. № 3. С. 13.

свет. И вдруг на глаза попалась заметка, косвенно касающаяся А. Сорокина: «В Тюмени закончено слушание дела художника Эттеля, состоявшего во время советской власти на службе у большевиков. Суд приговорил его к лишению всех прав состояния и ссылке на каторжные работы на 6 лет» (Сиб. листок. 1919. 8 мая, № 90).

Раньше, в нескольких своих публикациях, я акцентировал внимание читателя, что Владимир Эттель приезжал в Тюмень для написания книги о немецких военнопленных. И вдруг такая задача, оказывается врал! Художник жил в Тюмени. Более того, его здесь судили, да еще за что!

Автор «БГ» Володя Темплинг, начитавшись моих мэйловских страданий, прислал ссылку² на статью искусствоведа И.Г. Девятяровой из энциклопедии, подготовленной к 300-летию основания Омска. Но, к моему удивлению, в биографии Вл. Эттеля тюменский период напрочь отсутствовал. Версий, объясняющих позицию автора новеллы, было не так уж много.

Вл. Эттель. *Сочельник*
Огни. 1912. 24 дек. № 51. С. 3

Или издателю надо было заплатить за упоминание в тексте города Тюмени (теперь так принято и называется — маркетинг), или, как я говорю, тема раскрыта в пределах существующего гранта: вот доседова дописал, а дальше деньги кончились... Такая практика является одно-

временно и трагедией, и концепцией развития современной русской гуманитарной науки...

Не верилось, что искусствоведу неизвестны детали жизни художника. Сам отправлял в музей изобразительных искусств им. М.А. Врубеля статью «Неохрущевским бульдозером по культуре» (БГ. № 1), в которой шла речь и о жизни Владимира Эттеля в Тюмени. Если я был в статье не прав, то заинтересованный в установлении истины, пусть и относительной, ученый должен был

² См.: http://www.admomsk.ru/c/document_library/et_file?p_l_id=284682&folderId=382266&name=DLFE-19302.pdf. С. 662

прислать возражения на мое раскатистое «фэ»...

При просмотре подшивки «Св. слова» периода Гражданской войны (1919), хранившейся долгие десятилетия в спецхране ГАРФа, обнаружили и материалы судебного процесса над художником (см. прил. к сенсации №3). Я готов был кричать: «Эврика! Нашел!». Лишь бы меня услышали...

Неожиданно быстро пришел ответ из Омска. Во вложении был скан статьи И. Девятьяровой «Два прошения к Колчаку», на которой были чьей-то рукой начертаны выходные данные: ВО. 1994. 17 нояб. Очевидно, «Вечерний Омск», решил я. Но проверить свою догадку не сумел. В газетном хранилище РГБ такое издание отсутствовало.

Оказалось, что омский искусствовед более двадцати лет назад уже знала о публикации в тюменском «Св. слове» и еще тогда цитировала финал судебного процесса: «Подавленная таким суровым приговором публика молча расходится...». Вывод от прочтения материалов дела, уже интерпретированных корреспондентом «Св. слова», искусствовед делала весь-

³ Девятьярова И.Г. Художественная жизнь Омска XIX — первой четверти XX века. Омск, 2000. С. 126–127.

Вл. Эттель. *Русская деревня*

Огни. 1912. 1 дек. № 48

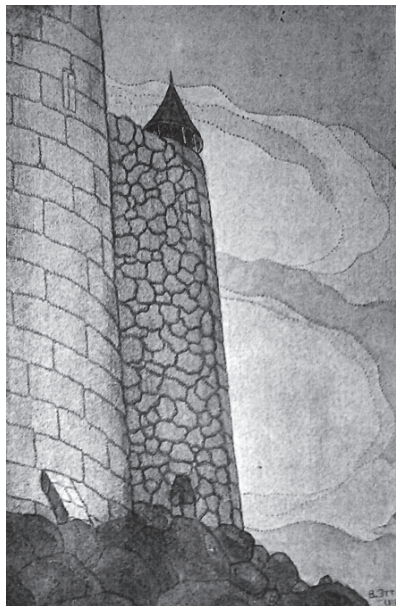
ма странный: «Эттель был арестован в сентябре 1918 г. за переход на сторону красных». Прочтите републикацию статьи того времени... Вроде бы в 1994 г. уже и с идеологическими шорами не было напряженки. И покойный явно не нуждался в лакировании своей личности...

Но еще большее недоумение вызвала биография художника В. Эттеля, составленная тем же искусствоведом. «В 1919-м содержится в Тюмени под стражей за содействие Советской власти, выразившееся в изготовлении рисунков для бумажных денег. Судебный процесс освещался в газете «Свободное слово»³. В библиографии к статье нет ни ссылки на тюменскую газету, ни на публикацию в «Вечернем Омске». И откуда взялись эти деньги для красных?.. Вроде бы в Тюмени власть и не пыталась таким

способом ставить заплату на свои финансовые дыры⁴.

Начинаешь ясно понимать, что омские публикации не имеют никакого отношения ни к краеведческим штудиям, ни к популяризации жизни людей, оставивших след в истории края, где ты живешь. Скорее всего, это нечто из бизнеса, пытающегося сделать Омск еще более привлекательным для туристов. Еще одна тропинка для экскурсовода, зарабатывающего словом у наивных посетителей музеев. И не больше.

Забавно же приобщить туриста к деталям жизни умеющего ри-

Вл. Эттель. *Старые стены*

Огни. 1912. 1 дек. № 48

совать еще и деньги. Вот вам, перед вами почти граф Монте-Кристо! Слушатель никогда и не узнает, что сюжет калькирован, проще — украден искусствоведом из другой жизни (во всяком случае, документального подтверждения о «денежном» следе я пока не нашел). За такое деяние когда-то сослали в Западную Сибирь Панкратия Сумарокова...

⁴ См. выдержку из телеграммы в Наркомвнутдел от 03.05.1918. из Тюмени: «Тюмени власть образована учреждена 28 февраля 1918 года тчк контрибуции собрано 2 миллиона руб тчк помощью были сводные отряды начальством закупа пермские и другие тчк на них израсходовано 100000 руб до настоящего времени центра денег не получали тчк указанной контрибуции также остатков денег в банках сделано подкрепление ялуторовскому казначейству 500000 руб ишимскому тчк Туринскому 100000 руб два месяца власти приближаемся к банкротству тчк красная армия содержится свой счет тчк кредитов нет тчк получено центрсибири подкрепления против Семенова тчк посылаем две роты более 300 чел включая эскадрон гусар остается одна рота спешно формируем резерв красной армии и советский отряд несения внутренней революционной службы деньги нужны тчк не угодно ли вам получить несколько перстней золотых блестящими камнями мы ни черта них не понимаем а блестят здорово тчк товар одного вымороченного имущества отвечайте пошлем... Николай Немцов». ГАРФ. Ф. 393. Оп. 1. Д. 143. Л. 2.

Вл. Эттель. *Смерть*

Огни. 1913. 22 июня, № 25. С. 7

О благополучном финале судебной истории с В. Эттелем искусствовед в газетной статье—94 пытается рассказать по одному из скандалов Колчаку (см. прил. к сенсации № 3), среди которых, как утверждал сам Антон Сорокин, «двадцать скандалов действительных, тринадцать выдуманных»⁵. Авторитетна ли в таком деле проза писателя, претендующая в некотором роде на мемуары?

Читатель часто проецирует детали жизни лирического героя на автора произведения (недавно произошел такой безобразный казус с А. Макаревичем, который

⁵ Никитин Мих. Дикий перец // Сорокин А.С. Напевы ветра. Новосибирск, 1967. С. 31.

⁶ Орфография газетной публикации. — Обри Бердслей — английский художник-график, иллюстратор, декоратор, поэт.

⁷ Сорокин Антон. Омская выставка // Св. слово. 1917. 10 окт., №130.

публично экстраполировал эпизод из книги «Это я — Эдичка» на ее автора; о, просвещенное невежество!). Всякое публичное творчество предполагает сотворчество читателя, зрителя. Хуже, когда это делает претендующий на роль исследователя, представителя бо-Ольшой науки.

Если прочесть материалы судебного процесса, не исключая, что они уже несколько «причесаны» (как-никак, а пишут о сотрудничавшем со «Св. словом» В.К. Эттеле), то все равно видна иная ситуация. Болтливый художник под дулом винтовки, образно говоря, наложил в штаны (думаю, с большинством из нас это бы случилось) и сдал белогвардейцам двух пацанов, которых тут же выпустили. А Сорокин говорит уже о большевизме Владимира Эттеля. Впрочем, как и автор информушки в «Сибирском листке». Может, что-то такое и было, но пока, кроме двух различных точек зрения в периодике, мы ничего не имеем...

Конечно, понять логику Сорокина можно. Как-никак, речь идет о человеке, которого он всегда возносил до небес. Посудите сами: «Эттель это русский Гойя с техникой Бердслея⁶, и работы Эттеля такая же школа, какую создал своей графикой Беркдыселей⁶»⁷.

Обозвать такого человека трусом — значит смешать высокий и низкий стили, получив в результате лишь комический эффект. И ниспровержение героя с пьедестала.

Хуже в этой истории другое. Сделанный «легкой» рукой И.Г. Девятьяровой «документ» привел в движение губернию, которая пошла писать... В комментариях к «Тридцати трем скандалам Колчаку»⁸ мы уже имеем «базар про деньги», хотя и со ссылкой на омского искусствоведа. Именно

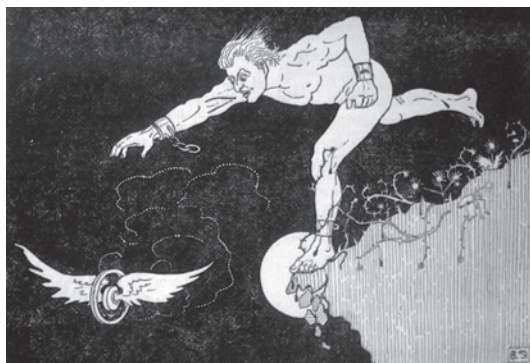
и с фактами. Вот только я в этом договоре не участвовал...

Искусство художника Владимира Эттеля на газетных полосах «Св. слова», может, когда-нибудь и найдет своего исследователя. Интересующиеся этим именем у нас еще не выросли. Хотя рисунков в тюменском издании много. От политической карикатуры до дружеских шаржей на местную элиту того времени.

Да и странная графика иногда появлялась в газете за подписью В. Эттеля, которая ассоциируется

у меня с тату, имеющими некую уголовную... стилистику. Все остальное опубликованное в периодическом издании, по моему мнению, не более чем поденщина газетного художника, направленная на создание темного пятна (черный квадрат) на поле.

Политика омичей, направленная на по-

Вл. Эттель. **Фортуна**

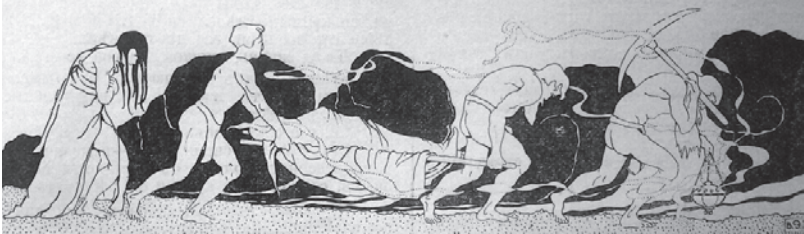
Огни. 1913. 29 июня, № 26. С. 1

такой комментарий говорит о том, что приговор не окончателен...

Однажды, когда я попробовал уточнить дату появления тюменского театра, краевед Валерий Чупин деликатно возразил мне: «Все даты условны. Историки сошлись и договорились». Мне кажется, что такое часто бывает

и повышение туристической привлекательности города, мне понятна и близка. Но здесь, на мой взгляд, важно равновесие между значимостью объекта и талантом экс-

⁸ Сорокин А.С. Тридцать три скандала Колчаку / подготовка текста, прим. и предисл. И.Е. Ложилова и А.Г. Раппопорта. Омск, 2014. С. 115.

Вл. Эттель. *Requiem*

Огни. 1913. 22 июня, № 25. С. 7

курсовода «навести тень на плетень».

Вспоминаю отдых в Биаррице (Франция). Экскурсовод водила нас по городу, показывая места, связанные с русской историей. Их было немного. Услышали мы рассказ и о творчестве Василия Аксенова, который жил там, но вот только где его дом, экскурсовод не знала. В общем — все хорошо, а с деталями — большая проблема (Ну, прямо как с Эттелем: великий художник, а вот где родился, учился — это лишь по шпаргалке, составленной искусствоведом.)...

Подожли мы и к уголку, носящему имя Антона Павловича, который одно время лечился в Биаррице на водах. Не улица, не площадь, а милый русскому сердцу скромный уголок великого писателя Чехова. И небольшая табличка на стене недавно построенного дома... В памяти сразу возник тюменский милитаризованный двор в Восточном микрорайоне. Затем какой-то памятник трудовому подвигу... Без вся-

ческих имен. Колесикам и винтикам нашей истории...

Может, мы и доживем до того времени, когда, гуляя по улицам Тюмени, будем то и дело наткаться не только на места, где лежали чьи-то гробы, пусть и знаменитых личностей, но и на таблички, что в этом провинциальном населенном пункте когда-то останавливался член Русского географического общества Александр Колчак, жил и писал свои пьесы военный фельдшер Георгий Кгаевский, сочинял эпиграммы Владимир Эттель, отрывок одной из них в этом месте будет очень кстати:

Чернушка-мышь

— Соседка, слышала ль ты добрую молву? —
Вбежавши крысы мышь
сказала:
— Ведь, говорят,
гора родила мышь —
на счастье нашего народа,
Не серую, простую мышь,
А черного какого-то уroda.
— Не радуйся, мой свет,
не надейся по-пустому, —
Ей крыса говорит:

Когда гора чернушку-мышь родит,
То по поверью по простому,
Народу счастья нет:
Земля на длинный свиток лет
Не будет хлеба нам родить.
Болезни, голод приносить,
И станет гибнуть наш народ.
И вскоре прекратит свой род...⁹

* * *

Фамилию Владимира Эттеля не пришлось долго искать в карточках архивных хранилищ...

28 июля 1909 г. директору Императорского Строгановского Центрального художественно-промышленного училища поступило прошение от мещанки Марии Ивановны Эттель, проживающей во втором квартале г. Поневежа Ковенской губернии (ныне — Паневежис; Литва). Она просила: «допустить сына моего Владимира Эттеля к испытанию в первый художественный и второй общеобразовательный класс с желанием изучать декоративно-живописную специальность»¹⁰. Были приложены документы: метрическая выпись о рождении за №63; свидетельство о звании за №796; свидетельство о привитии оспы.

Однако в приеме ребенка было отказано: «Вследствие прошения Вашего канцелярии Императорского Строгановского учили-

ща по распоряжению г. директора препровождаем Вам при сем обратно документы сына Вашего Владимира Эттеля, т.к. по существующим правилам приема в Строгановское училище производится исключительно в приготовительный класс в возрасте с 12 до 13 лет. В другие классы приема нет.

Ваш сын, по своему возрасту, мог бы поступить на вновь открывающиеся добавочные вечерние классы рисования. Программы следующие: творческое рисование, изучение стилей, черчение и работы в мастерских. Плата 30 р. в год. Прав никаких не дают»¹¹.

Вл. Эттель. *Без названия*

Огни. 1912. 29 дек., № 49. С. 1.

⁹ Заря. 1919. 9 апр., №75.

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 677. Оп. 1. Ед. хр. 10395. Л. 1.

¹¹ Там же. Л. 1 об.

Однако мама не хотела сдаваться. В начале августа она вновь обращается к директору Строгановки: «...Вы отказали в приеме моего сына Владимира Эттеля. Но позвольте мне высказать свое горе. Два года назад <...> в приготовительный класс, но по болезни не поступил. Я же, видя по старой программе, в которой сказано, что есть приемы во все классы, не спешила. Он же теперь занимался по рисованию у Грущинского, учащегося в Строгановском училище и по общеобразовательному у репетитора. Доказательства его бывшей болезни могу предоставить в виде свидетельств от докторов. Поступать на

добавочные классы не имеет смысла, потому что не дается никаких прав»¹².

Юный «учитель» Александр Грущинский стал учеником Строгановского Центрального художественно-промышленного училища в 1906 г. Его отец когда-то заканчивал это же заведение по курсу технического рисования со званием ученика рисовальщика, затем работал в нем заведующим художественно-промышленным музеем и преподавал¹³. А за год до поступления сына был учителем искусств Понежежского реального училища...

...Маме Владимира нужна была ясность. И она дает теле-

грамму с оплаченным ответом: «Возможен ли переход вечерних классов в штатные ученики когда прием». Стремление Марии Ивановны отправить сына учиться туда, где есть хотя бы кто-то знакомый, понятно. В Строгановке первое время морально поддержать Володю мог бы сын одного из учителей В. Эттеля... Хотя ему уже было лет 14–15, и он вряд ли нуждался в опеке... Ответ не оставлял выбора: «Переход невозможен. Прием первого сентября».

Вл. Эттель. *Сельский храм*

Огни. 1913. 6 апр., № 14. С. 1

¹² РГАЛИ. Ф. 677. Оп. 1. Ед. хр. 10395. Л. 2–2 об.

¹³ Там же. Л. 14–15, 18, 32 об.

оставлял выбора: «Переход невозможен. Прием первого сентября».

Учился ли Эттель в вечерних классах Строгановки? Найти списки учащихся таковых в описях не удалось... Пропустим в повествовании этот период жизни художника до появления подтверждающих документов...

Наступило время «Огней». Это еженедельный иллюстрированный журнал, выходивший в Киеве с сентября 1911 по август 1914 г. Всего увидело свет 97 номеров.

Впервые «засветился» Владимир Эттель в декабрьском номере 1912 г. с рисунком «Русская деревня». А через пару номеров — небольшим сообщением «Театр и искусство» (24 дек., № 51) за подписью В.Э. В нем идет речь, что в канун десятилетия театра Киево-Лукьяновского народного дома коллективу предложили сыграть «праздничный репертуар бесплатно». Только 12 чел. были обещаны «разовые» в размере трех рублей. Среди перечисленных актеров, задействованных в праздничном спектакле, фигурирует и Вл. Эттель.

Снимок любезно предоставлен И.Е. Лоциловым

Конфликт в театре привел к расколу.

Группа из пяти человек из числа покинувших труппу Лукьяновского народного дома была приглашена «на несколько гастролей в театр Дворянского собрания в г. Лубны (Полтав. губ.)». В ее составе оказались и Вл.К. Эттель (удивляет усечение имени, остальные не удостоены такой чести: может, существовал еще один актер с такими же инициалами?). В декларируемом журналом репертуаре вновь созданной труппы были пьесы, закомые разве что театроведам. «Режиссирует В.И. Снарский и В.К. Эттель»¹⁴. Отправиться на гастроли предполагалось уже в конце месяца.

Случилось ли такое событие в жизни Вл.К., проверить сложно. Газет в Лубнах не было, а где еще можно найти информацию об этих гастролях, наверное, лишь один Господь знает...

И.Г. Девятьярова утверждает, что Вл. Эттель «работал с театром».

¹⁴ В. Лукьяновский народный театр // Огни. 1912. 31 дек., № 52. С. 13.

ром в г. Стародубе Брянской губернии в качестве второго режиссера»¹⁵.

Во-первых, удивляет, что в городе-миллионнике с сильной исторической школой, на родине Анатолия Ремнева, не нашлось редактора, который бы подсказал, что Брянская губерния существовала в 1920–1929 гг., а до этого г. Стародуб относился к Черниговской губернии (не исключая, что это провинциальное проявление украинского синдрома: не будем напоминать, кому принадлежала эта территория ранее! Вдруг придут за ней?). А во-вторых, было бы интересно узнать источник, позволивший с помощью энциклопедии канонизировать факт биографии Вл. Эттеля.

Да, в киевских «Огнях» (1913. 25 мая, №21. С. 9–10) была опубликована заметка «Летний сезон в г. Стародубе» за подписью некоего В. под рубрикой «Театр и искусство». В ней шла речь о гастролях известного «своими турнэ по России артиста В.М. Полонского». Среди

На праздники депутата встречают

Вл. Эттель.

Огни. 1913. 14 апр., № 15. С. 15

имен приглашенных артистов киевских театров, едущих в составе труппы, значится и Вл.К. Эттель. А чуть ниже указаны имена режиссера и «очередного режиссера» (по версии И.Г. Девятьяровой, второго) Вл. Эттеля. Все верно, но надо перелистнуть несколько страничек подшивки и узнать, что В.М. Полонский попросил редакцию признать, что «неправильно указали очередного режиссера». В №24 (15 июня) сообщалось: «...спешим исправить ошибку». И названы другие имена: Л.И. Леонидов и А.Г. Жанина (с. 13).

Через несколько номеров «Огни» поместили письмо артиста Г.А. Рамирова, который согласился поехать в г. Стародуб. Он писал, что все, о чем рассказывал В.М. Полонский, было «сплошной выдумкой... не оказалось даже труппы». При этом «репетиции сопровождалась настолько резкими выражениями...», за ошибки режиссер «избивал артистов»

¹⁵ См.: http://www.admomsk.ru/c/document_library/et_file?p_l_id=284682&folderId=382266&name=DLFE-19302.pdf. С. 662.

(1913. 29 июня, №26. С. 11–12). Да еще и платил раз в полмесяца... Вот уж воистину известность...

Но автор этих строк честно пролистал подшивки трех черниговских газет того времени. Увы...

Больше «Огни» не публиковали заметок за подписью В. или В.Э. Вскоре исчезли и рисунки, а потом закончился (в 1914 г. увидел свет лишь один номер) и сам журнал. Хотя его редактор Ольга Прохаско еще успела опубликовать две рецензии на книги Антона Сорокина (1913. 20 июля, № 29; 27 июля, № 30) и его рассказ «Больно, Петрунька...» (3 авг., № 31. С. 2–4). Такая череда событий не удивительна. В «Свободном слове» так же: вначале появился Эттель, а вскоре началась экспансия газетных полос Антоном Сорокиным...

То., уже в 1913-м А.С. Сорокин и Вл. Эттель «плотно» общались. Хотя имеется информация в одном из омских альманахов¹⁶,

что сохранилось письмо Эттеля к Сорокину, датированное 1911 г. Почему вдруг в юбилейной энциклопедии эта цифра поплыла?

Есть еще одно подтверждение их более раннему знакомству, скорее всего, заочному. Автор обложки «Золота», увидевшего свет в г. Киеве в 1911 г., не указан. Но

этот рисунок повторил «Омский вестник» в «Хохоте желтого дьявола» с иллюстрациями Вл. Эттеля.

Его первые рисунки в «Огнях» — живопись: из цикла настроений «Ветрено» и «Сельский храм», «Лес у моря: из мотивов Курляндии», «Руины» (все 1913) и др. Но появляется и графика. Художник ищет себя. Более того, иллюстрациями Владимира Эттеля

*Издано: Киев, 1915.
Иллюстрации Вл. Эттеля*

иногда даже открывается номер. Вот читатель журнала видит их на первой странице, которая, по сути, заменяет обложку. Двадцатилетний с небольшим юноша и уже топ-художник, и режиссер театра, пусть пока передвижного. Прямо восходящая звезда...

¹⁶ Иртыш. Омск, 1995. Вып. II. С. 194.

В некоторых графических пятнах киевского издания можно узнать стиль иллюстраций к «Хохоту желтого дьявола» Антона Сорокина. Но если присмотреться, осмотреться, то мысль начинает буквально дребезжать...

Лет пятнадцать назад предпринимал попытку познакомить тюменского читателя моего малотиражного издания (Лукич. 2002. Дек., № 4. С. 121–123, 125) с графикой Владимира Эттеля. Некоторые из рисунков поместил и в нынешней публикации, но уже с другой целью: понять киевского пришельца в Сибирь.

У некоторых иллюстраций изменилось название, да возникло место републикации. Пройдя вслед путешествующей графике, понимаешь, что у нее ноги от «Огней». Дальше они направляются в «Омский вестник» в «Хохот желтого дьявола», правда, в несколько уменьшенном виде. А затем, и вовсе несколько не меняя размеров, графика пропутешествовала в иркутский «Багульник», затем — в тюменское «Св. слово» и отчасти даже в «Искусство»... Посмотрим, к примеру, рисунок «Танец огня». Размер картинка на странице издания одинаков в «Багульнике» и в «Св. слове»: 13,2 x 7,3 см. А «Крест» равновелик не только в двух названных выше изданиях, но и в

«Омском вестнике», и конволюте «Стоны последние»: 6,5 x 6,5 см.

Какое определение дать такому явлению — ума не приложу. Результат творческого акта художника стал не более чем заставкой. Какова функция блуждающих по страницам изданий одинаковых картинок? Реклама имени? Но это вроде пакета с какой-нибудь «Джокондой», превратившейся на целлофане из произведения искусства, по меткому определению классика советской эстетики Юрия Борева, в кич!

Очень точно можно обозначить такое явление строчками

Вл. Эттель.

Из альманаха «Отзвуки войны»

Николая Янкова из сборника «Накануне»: «Свободно-мощные штрихи — эскиз политипажа...». Хотя поэт и писал по другому поводу, но вполне имел право сказать так о художнике Вл. Эттеле, картинка которого перекочевала из «Омского вестника» 1914 г. на обложку его книги стихов, увидевшей свет лишь в 1915. Это уже не искусство, а залежалый товар, оскорбляющий достоинство даже среднего покупателя...

Да, тривиальное украшение полосы, требующей для облегчения восприятия текста темного пятна. Попросту: политипаж.

Если бы только речь шла об «Огнях»... Иллюстрации из литературно-художественного альманаха «Весенние сны» потом также переползли в сибирские издания. Исследователи пишут, что это Антон Сорокин так пропагандировал своего художника. Да, писатель любил упомянуть «наследника традиций Обри Бердслея» и подчеркнуть его талант... Так, даже герой рассказа «Собачий вальс» миллиардер Альфред Керн не мог себе позволить купить все рисунки художника «Огней». «Только один угол был украшен графиками Владимира Эттеля...»¹⁷.

Наверное, именно Сорокин не пожалел репутацию художника, пустив в обращение в качестве политипажей рисунки из лите-

ратурно-художественного альманаха «Отзвуки войны» (Киев, 1914). А ведь в последнем были напечатаны стихи С. Городецкого, В. Маяковского, Г. Иванова, А. Ахматовой, Ф. Сологуба¹⁸... Такое созвездие в соседстве... И разменять талант на публикации в малоизвестных изданиях Сибири...

Вдруг в одном из номеров «Багульника» под иллюстрацией «Крест» наткнулся на странноватую подпись: «Рисунок омского художника Вл. Эттель» (№ 1. С. 10). Начитавшись в РГАЛИ признаний самородка о том, что «напечатанные рассказы Всеволода Иванова под именем Антона Сорокина нельзя отличить от рассказов Антона Сорокина»¹⁹, захотелось раскрыть тайну этой подписи. А что, Эттелей было два? С одинаковыми инициалами? И их можно различить только по месту жительства каждого? Или в 1916 г. Владимир Константинович уже был жителем Омска?.. Риторические вопросы...

Как оказался художник в Тюмени? Когда?

¹⁷ РГАЛИ. Ф. 1433. Оп. 3. Ед. хр. 430. Л. 5.

¹⁸ Кстати, не знаю, насколько широко известен факт, что автор «Мелкого беса» читал в Тюмени в октябре 1916 г. лекции «В мечтах и ожиданиях».

¹⁹ РГАЛИ. Ф. 341. Оп. 1. Ед. хр. 288. Л. 20.

Столичные военные архивы пока на это ответа не дали. Поиск продолжается. Да, в картотеках имя Эттеля значится, а вот с делами — проблема. В московских и омских школах прапорщиков списков выпускников 1917 г. обнаружить не удалось. Архивисты постарались сделать работу поисковиков как можно интересней. В ГАРФе картотека белогвардейцев только хранится. А сами дела давно переданы в РГВА. И здесь, главное — суметь сделать перевод фондов одного архива на номера другого. Знающие представители военного архива утверждают, что это почти гиблое дело. Приводят пример: передана в РГВА только шестая часть дел из фондов армии А.И. Деникина, остальные — уничтожены в перестроечное время. Перенумеровать фонды может только одна сотрудница, да и та заболела. И когда выйдет на

²⁰ Работа всего лишь одного-двух человек над «БГ» удлинит производственный процесс. Если до завершения номера ситуация как-то прояснится, то об этом будет сообщено в разделе P.S.

²¹ Номер полка удалось узнать из заметки в «Сиб. торг. газ.» (1917. 11 авг., № 177), в которой шла речь о спектакле музыкально-драматического кружка «Кухня ведьмы» с участием Вл. Эттеля в летнем помещении приказчиьего клуба. «В саду играет оркестр...», далее следовало указание на его владельца.

работу, никто не знает²⁰. Так что участие Вл. Эттеля в Гражданской войне — это тот самый случай, о котором красиво сказал Ю. Тынянов: что начинается там, где кончается факт. Вот где простор для написания биографии любого формата.

Правда, местная пресса помогла кое в чем. Так, 4 июля 1917 г. под рубрикой «Театр и искусство» некто Вл. Э-ль сообщил о событии, происшедшем на театральных подмостках Тюмени (Св. слово. № 52). А в постановке музыкально-драматическим кружком пьесы «Мораль пани Дульской» играли «опытные работники сцены Лавровская и г. Эттель» (Там же. 1917. 18 июля, № 64).

Сотрудник «Св. слова» Ижица вообразил, как будет выглядеть Тюмень и редакционный коллектив газеты, когда миллионный номер увидит свет. По ходу повествования можно встретиться с многими участниками издательского процесса. И среди них можно заметить «любовника на сцене и прапорщика в жизни художника Владимира Эттеля» (Там же. 1917. 1 сент., № 100).

В этом же номере помещено сообщение о собрании в 35-м Сибирском стрелковом запасном полку²¹, секретарем его избран прапорщик Эттель.

Сентябрь. Пьеса «Частное дело»: «Очень хороши были экономка г-жа А.А. Лавровская и В.К. Эттель в роли сына Бориса» (Там же. 1917. 26 сент., № 119).

В сентябре прошел еще один спектакль с участием лучших сил. Названы три имени актеров, среди них и Эттель. Автор заметки уверена, что «и этого достаточно, в особенности, для кружка любителей». Шла пьеса «Месть судьбы» в зале приказчиьего клуба (СТГ. 1917. 19 сент., № 206).

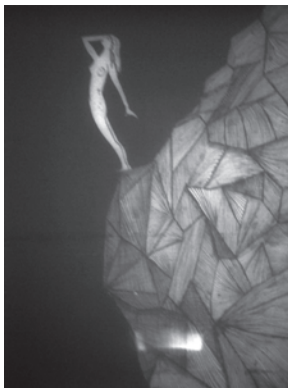
19 дек. 1917 г. состоялось собрание офицеров 35-го Сибирского стрелкового запасного полка. Заслушивали вопрос о нравственном поведении двух офицеров в сложное для России время. Секретарем на собрании, конечно же, был прапорщик Вл. Эттель (СТГ. 1917. 22 дек., № 276). Через десять дней снова собрание. На этот раз речь шла о создании «Трудовой артели офицеров». В организационное бюро вошел делопроизводитель полка прапорщик В. Эттель (Там же. 1917. 29 дек., № 279).

Несколькими днями раньше в

разделе «Библиография» «Св. слово» (1917. 25 дек., №17) сообщает, что в редакцию поступил труд младшего офицера Вл. Эттеля «В русском плену», в котором описываются условия «содержания военнопленных в концентрационном лагере и на работах в г. Тюмени и местностях уезда». Превратился ли он в книгу?

С июня до конца 1917 г. Вл. Эттель без сомнения жил в Тюмени. Творчество художника выплескивалось на страницы «Св. слова», в основном, политической карикатурой. Иногда установить авторство невозможно, если нет подписи. На политипажах все было монументально, имя художника указывалось обязательно и... на века.

Карикатуры Вл. Эттеля можно посмотреть в этом номере «БГ». Неизвестно, кто писал к ним тексты: о них особый разговор. Конечно, в карикатурах тюменского (как утверждал при встрече книговед А.Л. Посадсков, был и киевский) периода нет того изящества исполнения, что в политипажах. Но для этого были свои причины.

Антон Сорокин.

Самоубийство

РГАЛИ. Ф. 1987. Оп. 3.
Ед. хр. 47. Л. 4.

«Св. слово» откликнулось на выход в свет журнала «Ку-ка-реку» заметкой, в которой сообщалось: «Иллюстрации в журнале очень удачны. Особенно принимаемая во внимание кустарный способ их воспроизводства в печати за отсутствием цинкографии в городе» (1918. 17 нояб., № 124). Проблему пытались решить: «Св. слово» давало объявление, в котором приглашались специалисты по «приготовлению типографских клише» (1918. 13 сент., № 72)... Полиграфисты Омска испытывали те же трудности.

Сохранилась докладная начальнику главного штаба от редактора «Русской армии»: «Чертеж, необходимой для газеты карты, давно изготовлен силами вверенной мне редакции, но выполнить клише в Омске может только частный гравер, который назначает цену по 30 руб. с квадр. дюйма <...> Выполнение клише

²² РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 173. Л. 173.

²³ Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920 гг.: впечатления и мысли члена омского правительства. Т. II, ч. II и III: Верховный правитель; союзники; заговорщики; победители; неизбежный конец. Пекин: Типолитография Русской духовной миссии, 1921. С. 313.

²⁴ Ишимская жизнь. 1919. 24 янв., № 35.

для карты возможно или на цинке, или на пальмовом дереве, или для простых чертежей — на линолеуме. Материалов этих в Омске редакция отыскать не могла. Был найден небольшой кусок линолеума, но он оказался столь плохого качества, что начатое выполнение клише пришлось бросить»²².

Издательская деятельность была в таком загоне, что один из современников, анализируя диапазон, предлагаемых желающими заработать на войне, услуг писал: «У нас в Сибири не было ни одной типографии, где бы можно так удачно во многих красках, выполнить агитационные плакаты, не было художников, чтобы рисовать такие карикатуры, столько журналистов, чтобы выпускать такие газеты и книги. Еще серьезнее было то, что говорили диаграммы. Одна Кубань обладала такими человеческими и экономическими ресурсами как вся Сибирь»²³.

Пожалуй, автору этих строк надо не объяснять причину качества печати карикатур Вл. Эттеля, а восхищаться издателем газеты, который позволял рисункам местных художников попадать на полосы газет. Впрочем, в объявлении о подписке на 1919 г. «Св. слова» сообщалось, что «редакция имеет специальную мастерскую по изготовлению типографских клише»²⁴.

После Нового года жизнь в провинциальной Тюмени оказалась весьма непростой. В феврале к власти пришли красные, а к концу лета город был в руках белогвардейцев.

В последних числах февраля было закрыто «Св. слово», или, как выразился томский исследователь, произошло «в репрессивной политике местных большевиков: “перепрофилирование” тюменской буржуазно-кадетской прессы под претенциозным названием “Свободное слово”. С 1 марта 1918 г. вместе нее в той же типографии, при том же издательстве, при той же редакции, и, что самое курьезное, при том же редакторе, считавшемся кадетом, П.А. Рогозинском начинает выходить большевистская газета “Тюменский рабочий”.

Как говорится, комментарии излишни»²⁵.

Как утверждает «Св. слово», с новым изданием сотрудничать стали не все. А вот Вл. Эттель не изменил коллективу. На вопрос, что повлияло на его решение, он ответил: «Не все ли равно, кому служить, лишь бы деньги получать»²⁶.

«Тюменский рабочий» не протянул и двух месяцев. Обнаружить

Наимен. и № фонда -153.	Фамилия <u>Эттель</u> ЛЛФ
Опись № <u>3</u>	Имя и отчество <u>Владимир Константинович</u>
Лит. № <u>7</u>	Год рожд. _____ Место рожд. <u>Тюмень</u>
Л. А. <u>350, 353, 354, 355.</u>	Место службы и род занят. <u>Тюменский водопроводный в г. Тюмени под</u>
Составитель <u>Эттель</u>	Полит. прошлое <u>никогда</u>
	<u>19го Петроградского стр.</u>
	Соц. происхождение <u>полит. в Тюмени</u>
	Дата документа _____
	Род документа <u>1918</u>
	Дополнительн. сведения см. на обор.

Эта карточка утверждает, что документы на Эттеля сохранились... Так ли это?

рисунки Вл. Эттеля на страницах сохранившихся номеров не удалось. Будем надеяться, что до конца апреля 1918 г. пристань в Тюмени у него была. А вот что потом?

В августе 1918 г. был подписан декрет об учете всех бывших офицеров, проживающих в Москве. Надо было явиться в здание бывшего Алексеевского училища и зарегистрироваться. Список, отпечатанный на машинке, оказался длинным. За номером 9117 зна-

²⁵ Косых Е.Н. Периодическая печать Сибири (март 1917 – май 1918): из истории идейно-политической борьбы. Томск, 1994. — Последнее предложение неоправданно категорично. И газета вряд ли была кадетской, и редактором ее, скорее всего, был другой человек. Обо всем этом написано в нынешнем «БГ».

²⁶ S. Немного воспоминаний о прошлом // Св. сл. 1918. 5 окт., № 89.

чится некий Эттель В., на него почему-то не заведена учетная карточка, он не имеет ни возраста, ни места жительства, непонятна и судьба. Его фамилия дописана чернилами. И это как-то вселяет надежду, что писарь, совершавший акт учета, ошибся, поставив в качестве второго инициала букву «В» (ГАРФ. Ф. 1245. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 113).

В непродолжительной переписке с Занфирой Девятьяровой я выяснил, что «Эттель — фигура достойная, о нем можно написать книгу или основательную статью». Сегодня я в это верю.

В картотеке эмигрировавших из России его нет. Просмотр русскоязычных газет, издававшихся в Литве, и альбомов прибалтийского искусства не позволял мне верить утверждению, что В.К. Эттель «известный виленский журналист и художник» и автор книги «Сморгонь—Крево—Залесье»²⁷. Запросы в библиотеки Литвы, Польши, Германии не давали ответа: кто Вы, мистер Эттель? Куда Вы пропали после сотрудничества с журналом «Искусство»? Откуда появилось удвоение в фамилии: Динин-Эттель? Ответив на эти вопросы,

²⁷ См.: <http://oldarmy.ru/k-popov-lejb-erivancy-v-velikoj-vojne/ot-polkovoj-istoricheskoy-komissii.html>

" В "	
698.	EDELWEJN Zygmunt Teodora
699.	BYDRYGIEWICZ Ludwik Mieczyslawa
700.	EJMONT Wladyslaw Franciszka
701.	ETTEL Wladzimierz
702.	EJSMONT Wladyslaw Antoniego
703.	EJMONT Wladyslaw Franciszka
704.	EJSMONT Wladzimierz Wladyslawa
705.	ELJASZ Jozef Michala
706.	ETTEL Wladzimierz Konstantego
707.	EJSMONT Jozef Cezarego
708.	EJSMONT Gustaw Aleksandra
709.	EJCHLER Eustachy Daniela

действительно можно написать книгу. Тем более, что факт «закончился...»

...Вначале из Литвы, а затем из Польши пришла ссылка на фонд 1161 Государственного архива Литвы, в котором сохранился список работавших на железной дороге в 1919–1939 г. И там есть имя нашего общего знакомого, читатель. И даже не одного, а двух...

И еще. В.К. Эттель выступал иллюстратором книги С. Дзядулевича «Гербовник родов татарских в Польше», три издания. Не исключено, что даже восстанавливал эти самые гербы...

Как видим, с биографией художника, имевшего несчастье жить в Тюмени в годы Гражданской войны, не все уж так и энциклопедично. Но тема на роман тянет...

Хотелось бы верить, что продолжение следует...

Приложение

Дело прапорщика В.К. Эттель*

24 апреля в Тюменском военно-окружном суде под председательством дейст. ст. сов. №1 при членах суда полковнике N и подполк. N слушалось дело прапорщика Эттеля по обвинению его в сочувствии и активной деятельности при большевиках во время их властвования в Тюмени в феврале и марте месяцах прошлого года. Обвинял полковник N, защитником подсудимого выступал прапорщик N.

Дело возникло в конце прошлого года по донесению..., который сообщил военному начальству о том, что Эттель в бытность свою в Тюмени до переворота находился в непосредственной связи с большевиками и принимал активное участие в их деятельности.

На основании этого донесения Эттель был арестован на фронте, где он в то время находился в рядах действующей армии, и препровожден в Тюмень, где и находился под стражей до настоящего суда.

На основании данных предварительного следствия обвиняемому помимо причастности к

большевикам ставится в вину и еще одно преступление: выдача двух учеников коммерческого училища Кичигина и Варгунина большевикам, обвинявших этих юношей в контрреволюционном выступлении, в желании записаться в белую гвардию для борьбы с большевиками.

По указанию при очной ставке Эттеля с учениками в помещении коммерческого училища, ученики эти были арестованы большевиками.

Перед судом проходит целый ряд свидетелей, показаниями

* Печатается по: Свободное слово. Тюмень, 1919. 26 апр., № 83. — Стилетика публикации сохранена.

¹ Судя по отсутствию набора в нескольких строчках, в текст вмешивалась цензура. После этого фамилии членов суда исчезли со страницы издания, приобретая вид незамысловатого N. Такая же история произошла и с именем информатора. Очевидно, фамилию последнего убрали уже в то время, когда печатные формы стояли в машине. Две соседние предательски зияют дырой незапечатанной бумаги. — (Прим. изд.)

которых устанавливается следующее.

До появления большевиков в Тюмени после начавшегося развала армии Эттель, служивший в то время в местном 35 полку, при его распаде состоял сотрудником газеты «Свободное слово».

С появлением у власти большевиков вся местная пресса была взята в их ведение.

Были закрыты существовавшие в то время «Свободное слово» и «Сибирская торговая газета» и вместо них стали издаваться «Тюменский рабочий», затем «Известия» и, наконец, «К оружию».

Весь состав редакции «Свободного слова» не нашел для себя возможным продолжить работу в этих новых для них условиях и постепенно под различными благовидными предложениями ушли от своей работы. Эттель же почему то остался сотрудником новой газеты и в них появились одна или две карикатуры, могущие быть истолкованы как большевистского направления.

Когда действия большевиков начали принимать характер насилия над обывателями среди уче-

² Написание фамилий воспроизведено по публикации в газете. — (Прим. изд.)

³ В список советских деятелей, составленный в оперативном отделе центрального отделения военного контроля при штабе Верховного Главнокомандующего (РГВА. Ф.

ников коммерческого училища возникла идея об оказании сопротивления большевикам, выступив против них с оружием в руках.

Откуда-то появился слух о том, что прапорщик Эттель является главным организатором по формированию так называемой «белой гвардии» для борьбы с большевиками.

Двое из учеников, а именно: Кичугин и Вардугин² в один прекрасный день явились к Эттелю и предложили ему записать их в число белогвардейцев. Эттель им заявил, что никакой белой гвардии он не формирует, о существовании таковой не знает и советует им быть осторожней в дальнейшем.

Об этом инциденте Эттель имел неосторожность рассказать в кругу сослуживцев в канцелярии полка и это стало роковым как для самого обвиняемого, так и для двух юношей.

О происшедшем делается известным большевистской контрразведке в лице ее агента Мациевской «товарища Кати», как называли ее все окружающие. И вскоре Эттель был арестован и посажен в каталажные камеры.

Здесь с него снимает допрос эта самая разведчица Катя³, после чего арестованного Эттеля в присутствии «товарища Кати» и других вооруженных красногвар-

дейцев проводят в старший класс училища, где он и опознает в лице бывших у него на квартире учеников, и их красная гвардия арестовывает.

Юноши эти просидев некоторое время в тюрьме, были судимы в революционном трибунале, но дело не было доведено по некоторым причинам до конца. Они были отпущены на поруки, а затем большевики бежали сами, и юноши остались целы и невредимы.

Из дальнейших свидетельских показаний выясняется, что Эттель вслед после своего освобождения из-под ареста большевиками появляется на улице и в общественных местах в присутствии кого-либо из видных деятелей большевистской власти того времени. Так некоторые видели его ехавшим с Пермяковым в экипаже последнего, другие видели его в общественном собрании под руку с разведчицей Катей, у которой он даже бывал на ее квартире в номерах Лошковой, по ее личному приглашению, как показал один из свидетелей.

Одна из свидетельниц, состоявшая в то время секретарем следственной комиссии у большевиков, показывает, что Эттель очень часто бывал в комиссии и держал себя там, как она выражается «очень свободно».

Почти все показания свидетелей касаются таким образом чи-

сто внешнего образа жизни и поведения подсудимого и никто не дает каких-либо определенных указаний на какое-либо активное участие его в делах и действиях большевиков и общее мнение почти всех, что Эттель совсем не большевик, а просто человек очень неустойчив, трусливый и для собственного самосохранения вынужден был прилаживаться к образовавшемуся для него тяжелому положению.

Приблизительно такое же впечатление получалось из всех даваемых объяснений подсудимым на все показания свидетелей.

Представитель обвинительной власти в своей речи указывает, что он из данных по этому делу никаким образом не может ставить в вину обвиняемому его причастность к большевизму как истинного деятеля, но вся деятельность обвиняемого за этот период времени рисует его как человека без всяких принципов и нравственных устоев, для которого шкурный и личный интерес является главным стимулом и во имя этих чисто шкурных интересов забыва-

40218. Оп. 1. Д. 417), попали лишь трое тюменцев: студент Омского политехникума сотрудник большевистской газеты в Тюмени Илья Матлин, «комиссарша» Екатерина Мацневская, проживающая в Омске и Тюмени (л. 19 об.) и бывший офицер, редактор большевистской газеты в Тюмени Митяев (Л. 20).

ется всякое понятие о достоинстве и чести, тем более, что обвиняемый как офицер русской армии в особенности должен быть безупречен в этом отношении.

Здесь же перед судом из показания всех свидетелей рисуется самая яркая картина нравственно-го падения человека и поэтому такому человеку не место в рядах той новой армии, которая на полях сражения сейчас льет свою кровь для возрождения своей родины России. И обвиняемый не должен иметь место среди этой армии в близком уже торжестве победы, и поэтому он просит суд применить к обвиняемому высшую меру наказания, предусматриваемую статьей обвинения, — а именно восемь лет каторжных работ.

Защитник в своей речи очень подробно разбирается во всех показаниях свидетелей. Из этих показаний, говорит он, видно, что причастность его подзащитного к большевизму ничем не подтверждается и нет ни одного факта указывающего на это обстоятельство, от этого обвинения отказывается и сам представитель обвинительной власти.

Вся причастность Эттеля к большевикам выливается в форме чисто внешних признаков, основанных только на показаниях свидетелей, видевших его в обществе то комиссара Пермякова, то разведчицы Мациевской. В этом

деянии защитник ничего преступного не видит, это явилось для Эттеля печальной необходимостью в виду его зависимости от большевиков, арестовавших его по подозрению в контрреволюционном выступлении по формированию белой гвардии. Из под ареста Эттель был освобожден за поручительство контрразведчицы Кати, и последняя взяла на себя надзор за Эттелем.

По праву надзирателя она всюду сопровождала Эттеля. Несколько более серьезное обвинение его подзащитному, это выдача двух учеников коммерческого училища большевикам. Это обвинение вполне определенно выдвигается во всех показаниях свидетелей, и здесь, конечно, не может быть двух мнений.

Это преступление ложится черным пятном на нравственный облик подзащитного. Это несовместимо с достоинством не только офицера, но и человека вообще, но все же и здесь имеются оправдывающие вину обстоятельства.

События, предшествующие этой выдаче и самый факт, когда он происходит под направленным против него дулом ружья большевиков заставляет отнестись несколько снисходительнее к этому проступку.

Защитник находит, что 102 статья по которой привлекается его

подзащитный никоим образом не может быть к нему применена.

Ведь в этой статье говорится об участии в обществе, поставившем себе целью ниспровержение существующего строя и посягательство на верховную власть. Это обвинение в данном случае ничем не подтверждается, и от него отказался даже сам представитель обвинительной власти. И если прапорщик Эттель виноват перед обществом, перед армией в своем невольном нравственном падении, вызванном целым рядом несчастно сложившихся для него обстоятельств, то это преступление он уже искупил, поступил сейчас же при падении большевиков в ряды правительственных войск, где он сражался и в одном из боев был контужен...

Защитник полагает, что суд откажется от применения к Эттелю 102 ст. так сурово карающей и вынесет подзащитному справедливый приговор.

После коротких речей со стороны прокурора и защитника обвиняемый в своем последнем слове заявляет, что он виновным себя не признает уверен, что суд, в состав которого входят старые кадровые офицеры, вынесет ему справедливый приговор.

Суд удаляется на совещание.

Среди многочисленной публики бывшей на заседании суда царит полная уверенность в оправдательном приговоре. Есть конечно и скептики, но все же и они не допускают мысли о каторжных работах, самое суровое будет по их мнению — разжалование в рядовые и отсылка на фронт для искупления кровью своей вины.

Слушание суда заканчивается, и в седьмом часу вечера выносятся приговор, по которому прапорщик Эттель лишается всех прав состояния и ссылается на каторжные работы на шесть лет.

Подавленная таким суровым приговором публика молча расходится...

*К делу прапорщика Эттель**

В отчете о судебном заседании по делу прапорщика Эттель имеется некоторая неточность. Указание на то, что ученики Кичигин и Вардугин были после ареста заключены в тюрьму и пробыли в ней некоторый срок невер-

но: они были задержаны лишь на несколько часов при штабе красной гвардии и затем выпущены на свободу.

* Печатается по: Свободное слово. Тюмень, 1919. 27 апр., № 84. — Стихотворение публикации сохранена.

Антон Сорокин

Тридцать три скандала Колчаку

Скандал двадцать первый*

График Владимир Эттель был приговорен к расстрелу за большевизм. Получив телеграмму из Тюмени, Антон Семенович берет 10 график Эттеля из имеющихся пятидесяти и идет к Колчаку хлопотать за Эттеля.

— Уже имею прошение о помиловании. Не могу, опасный большевик, выдал двух офицеров, расстрел.

— Посмотрите на эти графики. Ваше Высочество (*так сказал Антон Сорокин*), ваше высочество. (*Китайская мудрость это дозволяет*).

— Ваше высочество, посмотрите на эти графики, разве их может сработать большевик? Как вам известно, большевики некультурные, не имеют художников, кроме плакатчиков, да вообще занимаются большими общими собраниями. Следовательно, Эттель не большевик, но если же он большевик, тогда значит — он не единственный, их, талантов, тогда много у большевиков, что, конечно, не может быть, ваше величество, и поэтому Эттель должен быть помилован.

Анна Тимирева¹ сказала:

— Ну да, мистика, конечно, не большевик. Помилуйте. (После

Эттель сидел вместе с Тимиревой в одном лагере, потом Тимирева жила на квартире Эттеля, но об этом после в книге «Анна Тимирева»).

— Хорошо, помиловать. Будет дано распоряжение по телеграфу.

— Я не верю и прошу написать помилование, а потом даю телеграмму, подписанную Колчаком, в Тюмень — Эттель спасен.

Я беру графики.

— Нет, вы их оставьте.

— Оставляю десять графиков за жизнь Эттеля. (После Эттель, когда был соредактором «Искусства», вторично избавленный от расстрела ЧК, выговаривал Антону Сорокину и упрекал — не нужно было отдавать мои графики, а потом взял у меня даже подаренные графики). Но все-таки я, Антон Сорокин, несколько графиков сохранил, а Эттелю подсунул свои копии. Не узнал, только сказал — да, тогда я рисовал хуже.

* Печатается по: Сорокин А.С. Тридцать три скандала Колчаку / сост., прим. и предисл. Е.И. Лощилова и А.Г. Раппопорта. СПб: Красный матрос, 2011. С. 75–76.

¹ Любовница А.В. Колчака

*Обнаружена автобиография
первого тюменского издателя — сенсация №4*

**«...С тюменцами сварить пива
оказывается сложно. Заелись уже очень»¹**

Материалы к биографии Андрея Арсеньевича Павлова

Прошло почти десять лет после публикации писем первого тюменского издателя Андрея Арсеньевича Павлова² (1850–1892). Обнаруженные в хранилищах Санкт-Петербурга (ИРЛИ. Ф.13. Ед. хр. 344; РНБ, ОР. Ф. 874. Оп. 1. Ед. хр. 52. Лл. 149–150) и Иркутска (ГА-ИркО. Ф. 162. Оп. 1. Д. 160), они помогли не только уточнить некоторые детали биографии ишимца, начинавшего свою карьеру учителем одной из школ Курганского уезда, но и позволили моему современнику посмотреть на несколько иной абрис города, в котором А.А. Павлов в типографии К.Н. Высоцкого напечатал «Русскую азбуку о том, как учить читать и писать» (Тюмень, 1873). Издатель из пока еще неуклюжего³ в культурном отношении западносибирского городишки переписывался с людьми, именами которых, особенно в постсоветское время, маркировали сибирские областнические тенденции конца XIX в. — с В.И. Вагиным и Г.Н. Потаниным.

Сегодня виден главный недостаток пятитомника писем последнего⁴. В него вошла далеко не вся корреспонденция идеолога сибирского областничества, и не всегда понятен принцип отбора писем. Но, тем не

¹ Из письма М.А. Рылова Григорию Николаевичу Потанину // Лук & Чок. 2008. Авг., вып. 2. С. 142.

² Материалы к биографии Андрея Арсеньевича Павлова / публ. и коммент. Ю.Л. Мандрики // Лук & Чок. 2008. Авг., вып. 2. С. 159–167.

³ Для лучшего понимания такого сравнения приведу пример. Томские историки сделали П.И. Макушина зачинателем сибирской книжной торговли. Хотя, уверен, знают, что в 1864 г. в Енисейске первый красноярский журналист Н.В. Скорняков уже продавал детскую книгу. Как историческому персонажу ему просто не повезло: ученых с реки Енисей не интересовала тема местной печати в таком гипертрофированно-диссертационном масштабе, как томичей. Есть подозрения, что эпигонами красноярцев на PR-поприще своих заслуженных земляков претендуют стать тюменцы.

⁴ Письма Г.Н. Потанина / сост. А.Г. Грумм-Гржимайло, С.Ф. Коваль и др. Иркутск, 1987–1992. Т. 1. 280 с; Т. 2. 344 с.; Т. 3. 286 с.; Т. 4. 428 с.; Т. 5. 272 с.

меее, имя нашего героя упоминается, согласно, именному указателю, дважды (середина мая 1876; февраль 1878), и оба раза Г.Н. Потанин сообщает об отъезде А.А. Павлова из Тюмени, как о факте из жизни, хорошо знакомой корреспонденту.

Третье упоминание⁵ принадлежит авторам комментариев. В них наш герой атрибутирован лишь как автор статей, помещенных в «Ирбитском ярмарочном листке»⁶ (1877. № 7) и «Сибири»⁷ (1878. № 37 и 51–52). Больше ничего о нем на момент издания третьего тома «Писем Потанина» не было известно⁸.

Опубликованные в стенгазете «Лук & Чок» пять писем открывают «тайну» отсутствия Андрея Павлова в Тюмени. В мае 1876 г. он

⁵ Письма Г.Н. Потанина / сост. А.Г. Грумм-Гржимайло, С.Ф. Коваль и др. Иркутск, 1989. Т. 3. С. 44, 121, 251.

⁶ Автору данных строчек не удалось обнаружить «Ирбитский ярмарочный листок» за 1876–1877 гг. ни в одном из крупных хранилищ страны. О других публикациях Андрея Павлова см. подробнее: Мандрика Ю.Л. Н.М. Чукмалдин в «Ирбитском ярмарочном листке» // Лукич. 2003. Ч. 3, дек. С. 41–42.

⁷ На страницах вымершей стенгазеты (Лук & Чок. 2008. Апр., вып. 1. С. 47–53) была не только продублирована эта информация, но и опубликовано несколько его корреспонденций из Тюмени. Автор данных строчек высказал предположение, что псевдоним *Нестор* вполне мог принадлежать Андрею Павлову. Учитывая, что в начале 1876 г. тот в одной из корреспонденций писал о Тюмени: «Из обыденных явлений нашей жизни заметно ожесточенное разыскивание газетного корреспондента, напечатывавшего статейку. В этом разыскивании принимает участие один деятельный офицер известного рода службы, что как будто ему вовсе не к лицу. Говорят, напал и на след. Мне кажется, такая система преследования газетных репортеров не сообразна со здравым смыслом и весьма неблагоприятна. Кто считает себя оскорбленным или оклеветанным в печати, тот должен обратиться в суд...» (Сибирь. 1876. № 8).

⁸ Попытка сделать наброски истории книгоиздательского дела в Тобольской губернии позволила имени автора «Русской азбуки о том, как учить читать и писать» вновь появиться в числе весьма заметных региональных деятелей культуры XIX в. И хотя писатель учебного пособия сильно страдала перед студентом-читателем, что сведений об Андрее Павлове почти никаких нет (См.: Коновалова Е.Н. Книгоиздание Тобольской губернии: вторая половина XIX— начало XX в.: учеб. пособие. Тюмень, 2002. С. 54, 56, 60), к своему фундаментально-большеформатно-коленкоровому изданию Елена Никифоровна подошла примерно с тем же результатом (Коновалова Е.Н. Книга Тобольской губернии: 1790–1917 гг. Сводный каталог местных изданий. Новосибирск, 2006. С. 32, 33, 37, 249), лишь добавив нашего героя в число корреспондентов «Сибирского

уходил в плавание по рекам Тобольской губернии, чтобы составить «статистическое и этнографическое описание на основании имеющихся данных и личного исследования» к карте-дорожнику по рекам от Тюмени до Томска. Результатом этого путешествия стали «Очерки и заметки из скитаний по берегам Туры, Тобола, Иртыша и Оби: 3.000 верст по рекам Западной Сибири», отпечатанные опять-таки в типографии К.Н. Высоцкого в 1878-м. А в одно из следующих посещений Тюмени Григорий Потанин не застал А.А. Павлова по совсем уж радикальной причине. Последний, скорее всего, уже перебрался в Екатеринбург. Письмо В.И. Вагину из Екатеринбурга (Лук & Чок. 2008. Авг., вып. 2. С. 161) датировано началом марта 1878 г.

листка объявлений» (1879), редактором-издателем которого значился К.Н. Высоцкий. Но уже после первой публикации писем А.А. Павлова факт его сотрудничества, уже екатеринбуржца, в момент появления в Тюмени первенца частной периодической печати Западной Сибири выглядел не более чем актуализацией темы наукообразом. Попросту — враньем.

Следующее по хронологии учебное пособие (Андреева А.А., Петрова О.А. История журналистики Тюменского региона: 1789–1929. Тюмень, 2013), написанное, как и предыдущее, скорее, в монографическом жанре, шеголяло обилием общесибирских имен, но имя А.А. Павлова его авторы связывали лишь с «Очерками и заметками из скитаний по берегам Туры, Тобола, Иртыша и Оби...». Творческая манера А.А. Андреевой, сотворившей главы о дореволюционной периодике региона по очень старому и известному принципу РеКле: «Режем старое, клеим существенное», — не добавляя никакого нового фактажа, присуща многим филологам, пытающимся ступить на историческую стезю. Но здесь особый разговор. Речь идет об учебном пособии, в которое должно войти только существенное, отстоявшееся, не подлежащее сомнению никому даже из краеведов... Опус А.А. Андреевой засвидетельствовал факт глубочайшей маргинализации научно-педагогической общественности.

К глубокому сожалению, «Очерки истории тюменской книжной культуры» (Тюмень, 2014) не расширили наши знания о первом издателе. Зато авторам вышеназванного учебного пособия талантливо удалась фигура умолчания: они попросту не заметили публикацию писем А.А. Павлова.

Реакция на поносную критику данного издания (См.: Мандрика Ю.Л. Рваная резина в технологии выхлопной трубы: теоретики тюменского книгоиздания в поисках идентичности // Большое городище. 2015. №2 (35). С. 211–213) была более чем оригинальной. По инициативе кафедры (уже, увы, покойной), сотворившей кучку очень местечковой истории, вряд ли удобоваримой даже студентом-издателем, в Интернете начался мониторинг мнений сообщества FaceBook: заслуживает ли К.Н. Высоцкий памятника в Тюмени на народные деньги? Речь, впрочем, не шла о детали-

Публикуемые ниже пять писем А.А. Павлова обнаружены в бумагах Николая Яковлевича Агафонова, хранящихся в отделе рукописей и редких книг научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета (далее — К(П)ФУ, научн. б-ка, ОРПК). Они позволяют нам ярче представить екатеринбургский период жизни А.А. Павлова.

Среди прочих бумаг казанского историка-краеведа оказались и странички автобиографии первого тюменского издателя, на которой обозначено: «Писал сам автор».

Сказать о Н.Я. Агафонове (1842–1908), что он остался в памяти казанцев лишь как краевед, библиограф, редактор-издатель «Камско-

зации биографии. Хотя так до сих пор никто из исследователей (да и сколько их было? Один? Два? Вряд ли три...) и не расшифровал, что делал чиновник, владелец типографии по совместительству, по ведомству императрицы Марии? И почему не сохранились следы его жизнедеятельности? Хотя бы в формулярных списках, а не в их копиях?

Или будем писать его биографию сразу под бронзового Константина Высоцкого? А если не повезет и хватит монеты только на изваяние из материала, растворяющегося и исчезающего со временем бесследно под воздействием дождя и солнца? И водрузят такой памятник где-нибудь в сорок шестом микрорайоне города, куда не доезжает никаким транспортом память коренного тюменца, хотя бы чуть-чуть усвоившего культурные имена? Чтобы такого не случилось, нужна биография, а не мифологические трели, которые едва слышны через полторы сотни лет бытия еще и не памятника, но уже и не исторического персонажа.

И об этом надо помнить, так как в газете «Тюменский курьер», возглавляемой одним из ведущих родоисследователей области, в отклике на публикацию об «Очерках истории тюменской книжной культуры» (Большое городище. №2) не менее знатный краевед А.С. Иваненко сделал экспертное заключение на критику учебного пособия: «Это текст для избранных, кто вникает в историю книгоиздания в Тюмени» (2016. 20 янв.). Я думаю, что сегодня с такой точки зрения можно смотреть на все краеведческие изыскания. Так внушают нам, что историческая правда — для избранных. А памятники — это массовая культура... Цену последней мы все хорошо знаем.

Морализаторствовать на эту тему вряд ли стоит. Одному — кактусы, другому — телескоп и звезды, третьему — где же на самом деле располагалось здание театра Андрея Текутьева? И очень редко бывает, чтобы все эти предположения сошлись в одном человеке... Становится обидно, когда ты пытаешься сделать все, чтобы докопаться до истины, но приходит какой-нибудь церетели со своими памятниками и дарит их нам. Безвозмездно. Некоторые из них — вроде названных учебных пособий...

Волжской газеты», журналист, один из основателей Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, писатель, значит, утаить нечто главное об этом человеке.

О том, какую роль он играл в жизни города, говорит сохранившаяся переписка, насчитывающая несколько тысяч страниц. Описи рукописного наследия назовут сотни имен, с которыми общался Николай Яковлевич. Он был в центре культурной жизни региона. К нему обращались и незнакомые люди с просьбой о помощи. И он откликнулся, помогал, чем мог. Ему верили. Об этом говорят, например, два письма религиозного оппозиционера конца XIX века, друга и корреспондента Л.Н. Толстого Петра Васильевича Веригина, сохранившиеся в фондах ОРПК. Последний оставлял у Н.Я. Агафонова пакет с документами для хранения на время своей архангельской ссылки...

Среди всего прочего собирательства краевед коллекционировал и биографии своих современников. Листочки об А.А. Павлове были доставлены почтой в Казань из Тюмени, скорее всего, в 1875 г., где в это время работал кожевенным мастером М.А. Рылов, товарищ Николая Чукмалдина. И хотя сам Михаил Анфимович считал, что «о живом человеке говорить неловко»⁹, просьбу именитого казанца выполнил, прислал сразу несколько биографий. Но об этом в другой раз... А. Павлов писал словно не о себе, а от имени некоего рассказчика. Явно видел в таком повествовании объективность истории:

«Павлов Андрей Арсеньевич родился 30 ноября 1850 г. в Ишиме Тобольской губернии. Отец — быв <испорчено место>¹⁰ торговец. От недостаточности средств А. Павлов не мог продолжить своего образования, даже уездного училища, а по смерти отца должен был приступить за работу для прокормления себя и своей матери¹¹.

16-ти лет он поступил сельским учителем в Курганском округе, где все свое свободное время тратил на подготовку за курс гимна-

⁹ Из письма М.А. Рылова Григорию Николаевичу Потанину // Лук & Чок. 2008. Авг., вып. 2. С. 133.

¹⁰ Печатается в авторской редакции; внутри знака <...> помещены здесь и далее комментарии публикатора.

¹¹ Начав сбор материалов для будущего словаря казанских писателей (далее — СКП), Н.Я. Агафонов разослал анкеты всем пишущим, не обязательно литераторам, казанского региона (куда вошли, например, и Вятка, и Самара и т.д.). Андрей Арсеньевич заполнил ее в 1880 г. В графе «Родители» вписал: ишимские мещане Арсений Федорович Павлов и Дарья Петровна Павлова. РГАЛИ. Ф. 1215. Оп. 1. Д. 15. Л. 88.

зии. Но сдать экзамен¹² ему не удалось, так как оставивши учительскую службу, ему предстояло пережить ряд житейских невзгод и неудач.

Он начал писать в 1868 г. в «Народной газете»¹³. С тех пор сотни мелких корреспонденций, статей и рассказов его рассеяно по разным периодическим изданиям. Корреспонденции помещены преимущественно в «Биржевых ведомостях», «Искре» и, наконец, в «Бирже».

Учительская деятельность позволила ему составить «Азбуку...» и руководство о том, как учить читать и писать, напечатать <ее> в Тюмени в 1873 году. Характер большинства корреспонденций — нужды Западной Сибири.

Нынче Павлов помещает свои статьи в иркутской газете «Сибирь» и предпринимает издание «Западно-Сибирского календаря»¹⁴, который предполагает обратиться в периодический сборник по экономическим вопросам, этнографии и статистике края...».

К(П)ФУ,
науч. б-ка, ОРПК.
Ед. хр. 216. Л. 49–51.

Пожалуй, в первой публикации в «Народной газете» (1868. 29 февр., № 9. С. 6), посвященной школе в селе Л. Тобольской губернии, автор назвал причины, почему талантливая молодежь уезжает из глубинки. 85 руб. в год жалованья, на квартиру с ото-

¹² В упомянутой выше анкете Андрей Павлов зафиксировал этот момент жизни следующим образом: «Окончил курс Ишимского уездного училища в 1863 г.». РГАЛИ. Ф. 1215. Оп. 1. Д. 15. Л. 88.

¹³ Издавалась с 1863 г. в Петербурге еженедельно, с 1868 — в Москве, с 1869 — два раза в неделю. С 4 июля 1869 г. — «Всеобщая газета». Аудитория — образованные землевладельцы, фабриканты, священники, учителя. Газета придерживалась официальной точки зрения на важнейшие вопросы политической жизни страны.

¹⁴ Календарь, о котором пишет А.А. Павлов, просто не был издан. Это подтверждает не только Б.А. Милютин, внимательно следивший за сибирской: «Изданного в Тюмени на 1876 год календаря мы не видали. Нам не случилось прочесть и отзывов о нем» (см.: Значение истекающего 1875 года для Сибири и сопредельных ей стран // Сборник историко-статис-

В этом номере дебютировал А. Павлов с заметкой «Сельский учитель»

плением выделяют 30, и пятнадцать руб. — на освещение. Из этой суммы «еще нужно отдавать священнику за обучение Закона Божия». Колонка о селе с зажиточными крестьянами, занимающимися хлебопашеством, сообщает читателю, что общество не прибавляет жалованье по одной причине: «Начальство их к этому не понуждает, стало быть и так ладно!». А вывод — уже скорее результат жизненного опыта самого Андрея Павлова, а не встречи корреспондента с сельским учителем: «Нужда, а может еще и желание принести пользу, нередко забрасывает его <человека молодого> в совершенную глушь, и тут то извольте пробавляться за 80 рублей в год, живя без книг и без общества!..».

Затем стали появляться сообщения из Ишима, корреспонденции из Тобольской губернии. Случалось, что в одном номере «Народной газеты» появлялось сразу несколько заметок ишимского корреспондента.

Пишет Андрей Павлов много и на разные темы. В «Письмах из Сибири»¹⁵ идет речь о географическом положении и народонаселении губернии, о земледелии и двух значительных общественных банках Тюменском и Курганском, ярких личностях, влиявших на становление «заУральской» культуры. Появляются новости об урожайности и ценах на хлеб, о криминальных происшествиях. В «Народной» в А. Павлове просыпается бытописатель: он дебютирует рассказом «Подкидьш», в котором царят «и грех, и бедность, и болезнь, и стыд»¹⁶. Иногда в его корреспонденциях возникают мотивы родного города, в котором пока насчитыва-

тических сведений Сибири и сопредельных ей странах. СПб., 1875–1876. Т. I, вып. I–III. [9 пагинация]. С. 134). Сам автор проектируемого издания в письме к А.С. Гацискому от 19 января 1876 г. писал: «Издание западносибирского календаря отклонено» (Центральный архив Нижегородской области. Ф. 765. Оп. 597. Ед. хр. 243. Л. 26. —Далее — ЦАНижегорО). Непонятно только, кем?

¹⁵ Народная газета. 1869. 2 янв., № 1. С. 5–6; 17 апр., № 29. С. 4–5.

¹⁶ Там же. 17 апр., № 29. С. 6–7.

лось «не более 3000» жителей. Конечно, по сегодняшним меркам, мало, но автор, как истый газетчик, был уверен, что Ишим «впоследствии будет одним из главных пунктов торговли, в которой и теперь уже занимает видное место ярмаркою 6 декабря»¹⁷. Товаров в этот день привозят на несколько миллионов. При этом купцы заключают сделки на крупные суммы... Тем не менее «в самом городе немало бедных: это ссыльные. Бедны они не потому, что не трудолюбивы, а потому, что не находят себе занятий». У домохозяйек развито «предубеждение против этих несчастных». Автор стал свидетелем такого случая: «В конце прошлого года при мне к здешнему городничему пришел один ссыльный и просил, чтобы его взяли в тюрьму, где бы он мог получить кусок хлеба и кров».

Провинциальные новости в газетах с различной аудиторией имели чаще всего вид хроник. Вот и в данной публикации автор остановился на событии 1863 г., когда «в Ишине было что-то вроде публичной библиотеки, составленной из книг, принадлежащих училищам. Давалась книга частным лицам, книги читались и возвращались без ущерба, но училищному начальству вздумалось выдачу книг прекратить...»¹⁷. Книги из отдельного помещения перенесли в чулан, где они находятся более пяти лет. Автор вопрошает, может это действие училищного начальства согласуется как то с программой «народного просвещения».

В одной колонке со всеми другими новостями читатель мог познакомиться и с клубным делом, и с ситуацией на театральных подмостках. Но, конечно, изюминкой в хронике — «романтическое покушение на убийство»¹⁷, которое в современной интерпретации звучит гораздо банальнее: муж заказал жену!

Событийные корреспонденции встречаются чаще, но выступал А. Павлов на страницах газеты, как мы сейчас формулируем, и с проблемными материалами. Речь пошла о ежегодных выборах людей для городской службы¹⁸. А.А. Павлов считает такую практику для небольшого города неприемлемой. И вот почему.

Некоторые мещане и «даже гильдейские купцы» уезжают на частную службу в отдаленную местность Российской империи, заключая при этом с хозяевами контракты на несколько лет. Ежегодно в определенный срок они уплачивают подать, что дает им возможность

¹⁷ Народная газета. 1868. 3 окт., № 39. С. 4.

¹⁸ Там же. 1869. 9 янв., № 2. С. 4.

получить новый паспорт. Но иногда вместо последнего приходит извещение, что он избран на какую-то городскую должность. Получатель его обязан явиться в город Ишим в определенный срок. Любимый человек, имеющий хорошее место, вынужден оставить его и ехать, иногда за несколько сот верст, в свой родной город, где ему и его семейству не на что жить. И в такой ситуации много теряет не только вызванный на выборную должность, но сам город...

Трудно сказать, кормила ли корреспондента почтовая оплата за публикации в разных изданиях? В той же анкете, составленной для СКП, Арсений Павлов указывал, что «в 1864, 68 и 69 был сельским учителем в Курганском округе Тобольской губернии»¹⁹. Т.е., выходит, что газетному делу он не изменял. Но в письмах своим корреспондентам всегда сквозила безысходная тоска по регулярному заработку... Так в некрологе Петру Петровичу Васильеву, казанскому библиографу и краеведу, автору «Показатель псевдонимов» (Список соврем. рус. писателей, носящих псевдонимы. Казань, 1868 [4] 6 с.), Андрей Павлов писал: «Особый склад нашей провинциальной жизни рано отозвался на покойном, и он не избег участи многих др. наших писателей, обессиленных в борьбе с исключительными условиями обстановки. Холостая. Почти одинокая жизнь молодого человека²⁰ требовала доброго влияния, хорошего товарищества или семьи...»²¹...

Просмотр «Искры»²² ничего не дал, т.к. в журнале не очень-то любили подписывать публикации фамилиями их авторов. Правда, несколько сибирских материалов удалось встретить без указания конкретного места действия. В одном идет речь о классической гим-

¹⁹ РГАЛИ. Ф. 1215. Оп. 1. Д. 15. Л. 88 об.

²⁰ В августе 1878 г. в письме к В.И. Вагину уже из Екатеринбурга Андрей Павлов писал: «Жена уехала в Казань, где собирается слушать кроме акушерства женские болезни» (Лук & Чок. 2008. Авг., №2. С. 162). А в анкете для СКП, к тому времени уже казанский журналист писал: «Женат на домашней учительнице Анастасии Ильиничне Суворцевой». РГАЛИ. Ф. 1215. Оп. 1. Д. 15. Л. 88.

²¹ РГАЛИ. Ф. 1215. Оп. 1. Д. 15. Л. 212.

²² Из анекдоты, заполненной А.А. Павловым в 1880 г. для СКП, он указывал наименование изданий, с которыми приходилось сотрудничать: «Мелкие статьи и корреспонденции с 1866 г.: Азиатский вестник, Биржа, Биржевые ведомости, Будильник, Всеобщая газета, Друг народа, Екатеринбургская неделя, Иллюстрированная газета, Ирбитский ярмарочный ли-

назии, в которой очень плохо даются «мертвые языки» сибирскому юношеству (1870. № 17). Способности притупляются от долбления латыни. И если в первых классах гимназии обучаются 50–60 учеников, то в университет идут лишь 2–3. В том же году «Искра» рассказала о сборнике постановлений совета старшин одного из городского клубов в Западной Сибири (1870. 22 мая, № 20). К этой теме (очевидно, речь о тюменском приказчиьем клубе, автор еще вернется (1872. 2 апр., № 13). Приказчик, побывав на маскараде, запретил его.

Да, нравы провинции суровы.

Библиограф И. Ф. Масанов, составив список авторов сатирических журналов России, человека с фамилией Павлов не выявил...

Остальная часть биографии Андрея Арсеньевича изложена в комментариях к его письмам, уже опубликованным в стенгазете «Лук & Чок». Какие-то эпизоды его непродолжительной жизни раскрывает эпистолярный, появившийся в данном номере.

В собрании бумаг Н. Я. Агафонова отыскался и некролог, написанный краеведом. Временами очень жесткий, со словами, которые не всегда говорят в лицо даже и живым.

Два слова о покойном А. А. Павлове

В половине текущего декабря схоронили Андрея Андреевича Павлова, сотрудника местных газет, родом сибиряка, умершего 11 декабря.

Вероятно, случалось встречать этого человека в земских собраниях во время сессий, в думских заседаниях и публичных заседаниях ученых обществ в качестве репортера казанской прессы. Это был высокого роста мужчина с небольшой жиденькой бородкой, красным угрястым лицом. Он всегда старался быть серьезным, любил говорить с весом и знанием, он был человеком от природы очень способным, но знания его не были обширны и не простирались далее изучения географии Западной Сибири. Несчастное пристрастие Павлова к спиртным напиткам уничтожило в этом человеке и тот небольшой запас важности, которому он старался нередко украсить свой вид. Писал покойный много.

сток, Искра, Казанский биржевой листок, Маляр, Молва, Московская биржевая газета, Народная газета, Неделя, Новое время, Петербургская газета, Русская правда, Русские ведомости, Русская старина, Русский мир, Русский курьер, Сибирь, Сияние, Стрекоза, С.-Петербургские ведомости, Тобольские губернские ведомости». РГАЛИ. Ф. 1215. Оп. 1. Д. 15. Л. 89.

А.А. Павлов родился в Ишиме, уездном городе Тобольской губернии? 30 ноября 1850 г. Отец его Арсений Федорович Павлов был мелкий торговец. Он поместил сына в Ишимское уездное училище, в котором Андрей Арсеньевич кончил курс в 1863 г. Далее этого ученье Павлова не шло, не по недостатку средств отца, а по убеждению последнего, желавшего видеть в сыне не ученого мужа, а помощника в своем торговом деле.

Однако, захолустное уездное училище как далеко ни отстояло от цивилизованного мира, успело все-таки поселить в своем питомце любовь к науке, чтению и образованию, что и было ближайшей причиной того, что сын не оправдал надежды отца, выказав полную антипатию к карьере торгаша. Благодаря общему духу времени начала шестидесятых годов, проникшего в далекий уголок России, педагоги Ишимского училища успели заронить в душу мальчика смертную идею стремления к лучшей жизни.

Но, выйдя из училища, Андрей Арсеньевич стал готовить себя к экзамену на звание сельского учителя, чтобы обучая деревенских ребятишек грамоте, он мог в то же время заняться собиранием среди народа русских песен, сказок, былин и преданий, на каковой материал в то время был большой спрос в нашей литературе и журналистике, обратившей тогда все мысли и силы на течение жизни, быта и мировоззрения нашего простонародья, на судьбу которого в предшествующие времена мало кто обращал внимание.

Сколько времени находился Павлов сельским учителем нам неизвестно. Что памятников народного творчества им не записано ни одной строчки²³, а известна привязанность...

К(П)ФУ, научн. б-ка, ОРПК. Ед. хр. 226. Л. 1466–1468.

Еще во время заполнения анкеты для СКП он ясно понимал, что жизнь застопорилась в своем движении вверх, что его положение в обществе не определено. И сформулировал его односложно: «никакое»²⁴, хотя жизнь, казалось, только начиналась...

²³ Уже перед самой смертью (датировано 11 мая 1892) А.А. Павлов отправил в «Исторический вестник» две миниатюры под общим названием «Крылатые слова». Он считал, что «с течением исторической жизни народа вырабатываются и новые формулы как продукт наблюдательности и остроумных заключений».

Рукопись сохранилась в архиве редактора издания С.Н. Шубинского. (РНБ, ОР. Ф. 874. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 149–150). Опубликовано в: Лук & Чок. 2008. Авг., вып. 2. С. 163–164.

²⁴ РГАЛИ. Ф. 1215. Оп. 1. Д. 15. Л. 88.

Письма Андрея Павлова Н.Я. Агафонову

I

Екатеринбург. 1 июня 1878 г.

Милостивый государь, Николай Яковлевич.

На днях уехала в Казань моя жена, которая по приезде обратилась к Вам по совету А.Ф. Ядринцевой¹. У моей жены нет знакомых в Казани. Пожалуйста, поруководите ею на первых порах.

Прилагаемое письмо прошу передать.

Уважающий Вас А. Павлов.

Мой адрес: Екатеринбург, Усольцовская, д. Смирнова Андрею Арсеньевичу Павлову.

II

Екатеринбург, 9 сентября 1878 г.

Прилагаю при этом первое письмо о книжном деле в провинции. Прочтите. Затем, желали пропечатать в «Бирж. листке»². Если найдете возможным, передайте Миропольскому³. Потом я pošлю следующие письма.

Ваш А. Павлов.

P.S. Если Миропольский примет, то гонорар, какой мне полагается, попросите выдать моей жене.

III

Екатеринбург, 15 июня 1880 г.

Милостивый государь Николай Яковлевич.

Моя жена, проезжавшая через Екатеринбург, говорила мне, что Вы в скором времени ожидаете разрешения издавать газету⁴. Душевно радуюсь тому, что Ваше желание осуществляется. Вместе с тем я решил просить Вас дать мне участие в делах Вашего издания насколько Вы сочтете возможным и насколько я окажусь для этого годным.

Нужно сознаться, что в Екатеринбурге мне очень не везет⁵, и если я зазимую здесь, т.е. не воспользуюсь нынешней навигацией для переезда из Екатеринбурга, то мое положение будет безвыходно. Я рад получить в Казани место хоть переписчика, лишь бы нанимать угол и не умереть с голода. Кроме того екатеринбургские условия чуть не совершенно прекратили и мои домашние работы.

Дело в том, что мне хотелось к будущему году окончить историческо-статистический словарь поселений в Сибири⁶. Скучные источники, какие я нашел здесь, исчерпаны. Все, что в Казани, я уверен, было бы у меня под руками.

Итак, обращаюсь к Вашему содействию. Если разрешения газеты и ее начала еще не видно, то не найдете ли возможным пристроить меня хотя бы на какую-нибудь канцелярскую работу?

Напишите мне. Я со своей стороны усиленно хлопочу и буду хлопотать о ресурсах на переезд, что для меня составляет, однако ж немалый камень преткновения.

Примите уверения в совершенном почтении А. Павлов

Адрес Екатеринбург Андрею Арсеньевичу Павлову

В благоприятном для меня случае не откажитесь известить заказным письмом.

IV

Екатеринбург, 15 июля 1880 г.

Милостивый государь Николай Яковлевич.

С нетерпением жду Вашего извещения на мое июньское письмо, которое, надеюсь, Вы получили. Ответ Ваш должен решить, ехать ли мне в Казань или бросить все попытки выбраться из Екатеринбурга. Здесь, положим, я могу пропитьваться, но беда в том, что нет возможности продолжать начатые работы о Сибири.

Если бы Вы могли что-нибудь устроить для меня в Казани, тогда как более удобным временем для перехода я считаю конец этого месяца или начало августа. Посоветуйте, что делать? Ваш покорный слуга А. Павлов. Адрес — просто, но если представится надобность не упустить вакансию, то не откажитесь телеграфировать в мой счет по следующему адресу: Екатеринбург, Павлову, в библиотеку Наумову⁷.

V

Милостивый государь, Николай Яковлевич.

В прошлый раз Вы временно отклонили мое предложениекупить у меня книги. Если теперь Вы можете это сделать, то я немедленно пришлю их к Вам.

Не стал бы Вас беспокоить без особенно важной прчины.

Вот список книг:

Уложение из Алексея⁸;

Покорение Сибири, Небольсина (библ. р[аритет].)⁹;

Река времен, ист. Карта 1805 (б. р.)¹⁰;
 Очерк 25-ти летия Сиб. отд. Геогр. общ. с карт.¹¹;
 150-ти ление Екатеринбург, Чупина¹²;
 Татищев, Чупина¹³;
 Географ. Словарь Чупина, буква К¹⁴;
 Программа для исследов. Позем. Общ.¹⁵
 За все 5 руб.¹⁶ и удержанием Вашего рубля, т.е. за 4 руб. налично-
 стью.

Душевно рад буду, если Вы извините мою вынужденную обстоя-
 тельствами, навязчивость.

Ваш покорный слуга А. Павлов

Казань, 9 ноября 1880 г.

Комментарии

Письма обнаружены в фонде Н.Я. Агафонова, который хранится в отделе рукописей и редких книг научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета.

¹ Ядринцева (Баркова) Аделаида Федоровна (1954–1888) — жена одного из идеологов сибирского областничества Н.М. Ядринцева. Сотрудник «Камско-Волжской газеты» и «Восточного обозрения».

² Речь идет о «Казанском биржевом листке» (1869–1892), выходил два раза в неделю. С 1882 по 1885 — три раза, затем — ежедневно. Несколько раз меняла подзаголовки. Основатель А. Чугунов. Редакторами в разное время были А. Мировольский, Д. Соколовский, В. Ключников, С. Гисси, П. Порецкий, И. Знаменский и др. «Книжное дело в провинции. Письмо I» опубликовано 12 окт. 1878 г. Продолжение обнаружить не удалось.

³ Мировольский Александр Иванович, на момент написания письма — редактор «Казанского биржево-

го листка», автор книги «Обзор развития народного образования в Оханском уезде Пермской губернии за последнее 20-летие и настоящее состояние» (Казань, 1890).

⁴ После решения о переводе «Камско-Волжской газеты» на предварительную цензуру в Москву Н.Я. Агафонов приостановил издание, не рассчитавшись полностью с подписчиками. Типографщик из Саратова К.Н. Ищенко попытался подать руку помощи Н.Я. Агафонову для выхода из создавшейся ситуации. В отделе рукописей и редкой книги библиотеки Казанского университета сохранились три саратовских письма (К(П)ФУ. Научн. б-ка им. Н.И. Лобачевского. ОРРК. № 213. Т. 3), которые позволяют несколько иначе посмотреть на ситуацию с «Камско-Вол-

жской газетой». Привожу выдержки из них.

I

20 авг. 1874 г.

Не зная хорошо (слухи весьма противоречивы) истинных причин прекращения «Камско-Волжской газеты» я всегда имел основание предполагать, что она всегда при всех своих достоинствах не имела прочного материального положения, — и потому позволю себе предложить Вам, не сочтете ли Вы удобным перенести свое издание в Саратов? — Здесь положительная потребность в дельном органе. Имеющийся «Справочный листок», достоинство которого Вам, вероятно, известно, имеет 2000 подписчиков и около 12000 сбора с объявлений... выпуск «Камско-Волжской газеты» в Саратове (непременное условие), да, на первое время цена на подписку и объявления будет ниже «Справ. листка», то за успех дела можно ручаться. У меня в Саратове типография, сам я хорошо знаком с ... потребностями местного общества и потому мы с Вами сойдемся на обоюдно выгодных условиях (Л. 218–219).

II

11 сент. 1874 г.

В письме своем Вы не сообщили очень важный пункт: сохранилось ли у Вас право на издание Камско-Волжской газеты, т.е. прекращение ее последовало по Вашему личному соображению или по распоряжению правительства? Так как, конечно, только в первом случае можно рассчитывать на ее возобновление.

Затем я не понимая, почему вы не могли позволить выходить газете за

вашим подписом не иначе как под местной цензурой. Цензура провинциальная (в городах как Саратов, где нет отдельных цензоров, а имеются чиновники цензурующие известные издания) более удовлетворяет правительству, нежели цензурные комитеты (Л. 222–223).

III

17 сент. 1874 г.

Я обратился к г. Юреневу, который как я недавно узнал намерен ходатайствовать о разрешении ему ежедневной газеты. Юренев — это бывший прокурор окружного суда, лицо очень влиятельное и с большими средствами. Я думаю придти к соглашению между нами троими: у меня типография, у Вас — право на издание, у Юренева — протекция и имя солидное в глазах правительства. Л. 220 об. Из телеграммы же Вашей на мое имя я вижу, что Вы намереваетесь вести издание от себя. Конечно, это лучше, если бы можно было в этом успеть. Попробуйте. Если разрешение получите, то за успех я ручаюсь. Издательское дело я знаю как свои пять пальцев и хорошо знаком с потребностями местного читающего люда. Прежде всего надо заметить, что в Саратове положительная потребность в ежедневном издании. Это доказывается успехом справочного листка, который имеет до 2000 подписчиков, несмотря на крайнюю бессодержательность и отсутствие всякого литературного факта. Публика им недовольна и при появлении издания более компетентного, этот жалкий листок должен рухнуть. Для этого нужно чтобы «Камско-Волжская газета» выходила ежедневно. Как Вам известно наибольшим успехом

у нас в России пользуются издания ежедневные. Издания, выходящие по 2–3 раза в неделю — положительно ошибка. Ежедневное издание подерживает в подписчике постоянный, непрерывающийся интерес. Он привыкает к ежедневному изданию как к стакану чаю. Сделайте перерыв — и он охлаждается к ней.

...провинциальное издание держится не столько подписчиками, так как подписная цена не может быть высока — по непривычке провинциальной публики на подобные затраты, но объявлениями, которыми Саратов богат, как редкий город... Надо раз навсегда задаться мыслью, что провинциальное издание должно рассчитывать не на круг людей образованных, но на массу читателей, для которых одна газета заменяет все (Л. 220–221об.).

А.А. Павлов говоря об ожидаемой Н.Я. Агафоновым газете, рассчитывает, по-видимому, что тот возьмет его к себе на работу.

Брошенное издание никак не добавило репутации Н.Я. Агафонову. Всякая попытка открыть газету встречала сопротивление в ГУДП. В октябре 1875 г. он обращался с прошением об издании «Провинциальной газеты» (РГАЛИ. Ф. 1212. Оп. 1. Д. 15. Л. 1098); в 1876 г. ему отказали издавать «Казанский вестник» (РГИА. Ф. 776. Оп. 6: 1876. Д. 36), в 1877 — «Казань» (РГИА. Ф. 776. Оп. 6: 1877. Д. 198), в 1880 — газеты под тем же названием (РГИА. Ф. 776. Оп. 11: 1880. Д. 11). Осталась неудачной попытка казанцев в том же году получить разрешение на издание газет «Починок» (РГИА. Ф. 776. Оп. 11: 1880. Д. 20) и «Восточные ведомости» (РГИА. Ф. 776. Оп. 11: 1880. Д. 103).

⁵ Неудачи в Екатеринбурге постигали одна за другой. Вначале он поступил на работу в публичную библиотеку, но ее владелица оказалась не способной к предпринимательскому делу. И предприятие оказалось на грани катастрофы. В «Екатеринбургской неделе» редактор принял А.А. Павлова весьма неприветливо, и он понял, что дорога ему заказана (см. подробнее: Материалы к биографии Андрея Арсеньевича Павлова // Лук & Чок. 2008. Авг., вып. 2. С. 159–167). Да ко всему прочему его деятельность как учителя педагогических курсов для учителей и учительниц была раскритикована уже названной выше газетой (№1880. 16 июля, №28). Андрею Арсеньевичу публично пришлось оправдываться о своих педагогических приемах (1880. 6 авг., № 31).

⁶ Очевидно, упоминание о такой рукописи, не более чем попытка выдавать желаемое за действительное. В недавно обнаруженной анкете для СКП, книги с таким названием нет, но упомянуты другие: Каталог Тюменской выставки произведений и изделий Западной Сибири; Календарь-указатель г. Казани на 1882 г. (совместно с П.П. Васильевым) (РГАЛИ. Ф. 1212. Оп. 1. Д. 15. Л. 89, 212).

⁷ Наумов Павел Александрович, чиновник и книготорговец. Открыл первую частную библиотеку в Екатеринбурге в 1858 г., в помещении которой велась торговля. После 1885 г. материальное положение ухудшилось. Очевидно, библиотека была продана.

⁸ Сокращения в названии предлагаемых к продаже книг вызвали неко-

торые затруднения в установлении их библиографического описания. Для этих целей были использованы издания:

* Третье прибавление к систематической росписи книгам, продающимся в книжном магазине Ивана Ильича Глазунова, комиссионера хозяйственного управления при святейшем синоде, Императорской академии наук, департамента народного просвещения и министерства государственных имуществ. Составлено за период с 1873 по январь 1881 года В.И. Межовым. СПб., 1882. 93б., [252].

** Систематический каталог русских книгам, продающимся в книжном магазине Александра Федоровича Базунова, комиссионера Императорской Академии наук, морского учебного комитета, Министерства юстиции и финансов. СПб., 1869. 998 с.

Уложение царя и великого князя Алексея Михайловича и земский собор 1648–1649 года, речь 5 ноября 1879 г. / сост. Загоскин Н.П. Казань, 1879. 80 с. — 50 коп. *

⁹ Небольсин П. Покорение Сибири: историческое исследование. СПб., 1840. — 2 руб. **

¹⁰ Страсс Фридерик. Река времени или Эмблематическое изображение Всемирной истории от древнейших времен по конец осьмого надешать столетия. СПб., 1805.

¹¹ Очерк двадцатипятилетней деятельности сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Иркутск, 1876. 24 [10], [10]. + Карта.

¹² Очевидно, речь идет об издании, которое вышло под маркой отдельного оттиска из Пермских губер-

ских ведомостей, неоф. ч. 1873. №53–60, 63, 64, 79–86. — Чупин Н. Полуторастолетие Екатеринбург: 1723–1873 гг. Позднее эта статья была включена в: сб. статей, касающихся Пермской губернии и помещенных в неоф. ч. губ. вед. За период 1842–1881. Пермь, 1882. С. 1–47 [2-я пагинация].

¹³ Такая же история с двумя другими статьями пермского краеведа. Чупин Н. Василий Татищев и первое его управление Уральскими заводами // Неоф. ч. Перм. губ. вед. 1876. 1867. №13, 14, 16, 17, 21, 22, 25 и 26; Он же. Василий Николаевич Татищев, жизнь его с 1722 до 1734 г. // Неоф. ч. Перм. губ. вед. 1876. 1867. №61–63, 65, 68, 69, 73, 74, 77–81, 83 и 88. О какой из этих статей идет речь, непонятно. Не исключено, что были изданы отдельной брошюрой под маркой отдельного оттиска. В «Сб. статей, касающихся Пермской губернии и помещенных в неоф. ч. губ. вед....» обе публикации помещены рядом, С. 47–98 [2-я пагинация].

¹⁴ Географический и статистический словарь Пермской губернии / сост. Н.К. Чупин. Т. 1 и II. Пермь, 1873–1877. *

¹⁵ Программа для собирания сведений о сельской поземельной общине. СПб., 1879. 60 стр. — 40 коп. *

¹⁶ Судя по каталожным ценам только трех книг, запрашиваемая цена весьма невысока.

*Подготовка текста, прим.
Ю. Мандрики*

Андрей Павлов

Она приходила*

Поздно. В лампе догорал керосин; свет слабеет, едва приближаясь сквозь матовый стеклянный абажур. Я спешил окончить свою срочно бессрочную работу, сизифов труд, для того, чтобы приняться за нее на следующий день снова. Написанные строки рябили в глазах; фитили лампы горели неровно, бросая из-под абажура на бумагу перебегающие полоски света. Я положил перо и откинулся на спинку стула в полном утомлении и так просидел с закрытыми глазами несколько минут. Я забыл все, мысль замерла; казалось, и она погрузилась в ночную тишину, которая чуть-чуть нарушалась слабым звуком маятника стенных часов, — тик-так! Тик-так! — да шорохом мыши под стеной моей убогой квартиры. Но вот где-то раздался протяжный унылый фабричный свисток. «Что, рано?» — мелькнуло в усталом мозгу. С эгоизмом обеспокоенного человека я раскрыл отяжелевшие веки и посмотрел на часы. «Одиннадцать! — только... что же так рано?» — вертелся бес-

смысленный вопрос. Но взгляд случайно упал на календарь, висевший над письменным столом.

— А, вот почему! — завтра Новый год...

Тут мне что-то вспомнилось. Я вскочил со стула и быстро заходил по комнате. Это что-то было рядом светлых и темных, горьких и сладких воспоминаний пережитой жизни. Но утомленный мозг не находил в них последовательной связи. Проносились какие-то отрывки беспричинных бед и радостей, глубокого горя и белых светлых надежд. Темнее и темнее делалось в комнате, слышался тихий рокот догоравшего керосина. Нужно было зажечь свечу. Я почти ощупью отыскал спички на подзеркальнике, спичка вспыхнула, и я увидел свое отражение в амальгамированном стекле. С трепетом я зажег свечу, не отрывая глаз от своего двойника, смотревшего на меня из темной ореховой рамы. Как он постарел? — седина, глубокие морщины, сгорбленный стан! Казалось, он с укоризной смотрел на меня. — «Нет, двойник, этой новой глубокой морщины у меня не было!»

* Печатается по: Казанский биржевой листок. 1890. 1 янв., № 1.

— и я недовольным движением поднял руку ко лбу. Двойник сделал то же самое... «Прочь наваждение!»... Я переставил свечу на место потухшей лампы и опрокинулся на стул.

— Тик-так, тик-так! — мерно раздавались в комнате звуки маятника. Я снова закрыл глаза, но вскоре послышался шелест, шелест не платья, не поступи осторожно приближающегося человека, а как бы тихий шепот ветерка среди густой листвы дубравы. Я взглянул. За грудой книг, лежавших на письменном столе, сидела против меня пришелица невидимого мира. Выразительное, доброе, с любящими и прощающими глазами, лицо пришелицы, обрамленное седыми локонами, было обращено ко мне.

— Это вы, мать! — вскрикнул я и хотел протянуть руку, но она оцепенела.

— Да. Я знаю, что ты не забыл меня. Но где твоя елка? Ты помнишь свое обещание: «Мама! Когда я буду большой, я устрою Вам прекрасную роскошную елку и подарю вам много-много игрушек и книжек с картинками...

Я помнил, как был лучший праздник моего детства. Толпа ребятшек — товарищей и подруг шумно разбирали рождественские подарки. Старые клавикорды неумоимо под пальцами взрос-

* Южнославянский и венгерский народный хороводный танец. — (Прим. изд.)

лых барышень отрабатывали вальсы и мазурки, и даже наша мелочь, схватившись за ручки, отплясывала коло*.

— Давно это было, — только и мог я промолвить.

— Давно. Но все же ты обещал... не для меня, конечно, а для внуков... Где эта блестящая, обещанная елка?

— Тебе известно, мать...

— Знаю, что ты хочешь сказать... Ты был где-то далеко среди непроходимых тундр и почти нетающей снежной пустыни. Там была твоя одинокая елка, но я сердцем приходила к тебе на праздник, большая и убитая горем, как и ты сам был убит в то же время. А затем, что ты сделал, как оправдал мои надежды и свои обещания?

Я, смущенно, молчал.

— Посмотри на себя, — продолжала она, — ты преждевременно состарился, покрыт морщинами и сед. На что ты потратил свои силы?

Я крепко сжал руками свою голову. Предо мной пронеслась вереница бесплодно и неразумно потраченных лет и сил.

— Прости! — вырвался стон.

— Да разве я тебя виню, разве я не знаю, как дорого стоило тебе все пережитое; и как видишь, я пришла к тебе еще раз на твою одинокую елку...

Я ринулся обнять дорогой призраком, но он исчез бесследно.

А. Ишимов.

Федор Филимонов —

газетчик и литератор

Рубрика «Работа над ошибками» просто необходима любому краеведческому изданию. Хотя в таком названии и зашита какая-то неточность. Биографии «неустановившихся имен» длительное время требуют доработки. Помню, при подготовке комментариев к письмам Н.М. Ядринцева к А.С. Гацискому возникали трудности. И когда публикация все-таки появилась в «Известиях Омского государственного историко-краеведческого музея» (2012. Вып. 17. С. 6–22), захотелось кое-что изменить, где-то дополнить...

Например, читатель мог счесть интересным, почему А.П. Нестеров всегда был рядом с Г.Н. Потаниным? В «Камско-Волжской газете», в «Сибири»? Они были двоюродными братьями (Каз. гос. ун-т. Науч. б-ка. ОРРК. Ед. хр. 216. Л. 209). А сын политического ссыльного Петра Толвинского Иван Петрович занимался статистикой ссылки и разными экономическими вопросами в Омске (Сибирь. 1876. № 13). Но догнать ушедший поезд... сами знаете. А установившийся в «Известиях...» канон не позволил «поставить под сомнение» опубликованное...

В первом номере «БГ» я позволил себе вольность. Предположил, что «Свободная Сибирь» прекратила существование в 1918 г. Очевидно, это случилось после взятия Красноярска красными. Но, когда вернулись белые, газета возобновила свое издание. Последний номер в подшивке отдела русского зарубежья РГБ датирован 1 ноября 1919 г. (№ 242). Вместе с вышеизложенным помещаю характерные для Дедушки Фаддея творения времен белой Сибири.

Ю. Мандрика

*Среди обывателей*¹

Мы тихо бродим
Подобно мухам:
Развеса уши,
Внимаем слухам;
Такой скиталец

Лишь жаждет рая,
О палец палец не ударяя.
О прежних ценах
Справляем гризну.
И проклиная
Дороговизну.
Весь день толкуем
О днях печальных,
О ближних фронтах,

¹ Свободная Сибирь. Красноярск, 1919. 19 февр., № 37.

О фронтах дальних.
И каждый нытик
Теперь политик.
Настанет вечер —
Мы без заминки
Играем в карты,
Глядим в картинки.
И все мечтаем
О счастье рая,
О палец палец
Не ударяя.

Сказка и не сказка ²

I

А вот еще одна сказка...

На берегу моря жило сорок рыбаков. Рыбаки ловили рыбу и продавали ее в ближнем городе. Жили они припеваючи. И все были довольны.

И вдруг на берег, где сорок рыбаков ловили рыбу, явился разбойник. Явился и говорит:

«Довольно попили вы моей кровушки, пора и честь знать».

Сорок рыбаков слушали речи разбойниковы и ничего не понимали:

— Мы рыбу ловили и ею питались. Что же касается твоей кровушки, то мы ее никогда пить и не думали.

Но разбойник стоял на своем и кинулся на рыбаков...

— Ну, и что же сделали рыбаки..? — спросила слушавшая эту сказку маленькая девочка...

— Рыбаки, конечно, схватили разбойника и утопили его в море.

— Еще бы! Один с сорока рыбаками сражаться вздумал... Разбойник, должно быть, был глупый,
— сказала девочка.

II

Девочка ушла спать, а когда проснулась, то папа с мамой уже встали и читали агентскую телеграмму. Читали, волновались и возмущались.

Телеграмма же была такая:

«Вчера город был взят большевиками. Десятитысячное население в панике разбегается... Ограблены банк, казначейство и многие состоятельные люди. Большевицкая банда состоит не меньше как из пятидесяти человек...»

Папа с мамой продолжали возмущаться. Пришли тетя с дядей и тоже стали возмущаться.

Маленькая же девочка взяла карандаш и стала решать задачу:

— В городе было десять тысяч граждан, пришли пятьдесят разбойников и взяли всех граждан. Вопрос: сколько граждан взял в плен каждый разбойник?

По вычислению оказалось, что каждый разбойник взял в плен по 200 граждан.

Маленькая девочка свернула бумажку. А потом подумала: «Прежний разбойник был глупый. Один сорок человек взять не мог. А теперь разбойники стали умнее. По двести человек в плен каждый забирает».

А папа, мама, тетя и дядя вот уже несколько часов сидели за самоваром и все еще продолжали возмущаться.

Действительно возмутительно, читатель.

Как вы думаете?

² Свободная Сибирь. 1919. 21 февр., № 39.

В наши дни³

Обличитель-поэт,
 чьи слова горячи,
 Приходи к нам скорей
 и толпу обличи:
 Обличи, Ювенал, наших
 пасмурных дней.
 Нашу праздность и лень,
 равнодушие людей.
 Ты скажи, что не время
 сейчас для потех,
 Что забава сейчас —
 преступленье и грех;
 Что бравурный мотив
 пусть теперь не звучит.
 Что, где кровь и где смерть —
 там пусть песня молчит.
 Ты скажи, что больна
 наша Родина мать,
 Что уметь умирать и уметь
 побеждать
 Вот и все, — что себя
 не умея жалеть,
 Мы должны в наши дни
 и желать, и уметь.

У изголовья⁴

Измученная мать...
 Услышь мои слова.
 И от меня отчет
 во всем потребуй властно.
 Ты умерла? «Нет я еще жива!
 Но скоро я умру
 печальна и несчастна.
 Я все прощу
 безумным сыновьям.
 Измену и вражду,
 насмешку и презренье...

³ Свободная Сибирь. 1919. 14 сент., № 203.

⁴ Там же. 1918. 31 янв., № 24. — *Отрывок.*

⁵ Там же. 1919. 27 сент., № 214.

Но я боюсь за вас,
 боюсь, простят ли вам...
 Грядущие за вами поколения...
 За все, за все
 они потребуют ответ...
 И что посмеете сказать вы
 им — не знаю...
 И страшно, страшно мне;
 предела муки нет...
 Я умираю...»

Песни народные⁵

О Родина моя,
 о Родина герзаний.
Н. Минский
 Опомнись и проснись —
 скорей оставь раздоры!
 Ты все поймешь,
 ты мощен и велик.
 Народ! К тебе я обращаю
 взоры.
 Народ! Задумайся на миг!
 Останови всех тех
 своим вельнем гневным,
 Кому святая Русь чужда,
 не дорога.
 Освободи Москву
 с ее Кремлем священным
 От ужасов бездушного врага.
 Тогда России крепкой,
 величавой
 Вновь будут
 силы мощные даны.
 Мы вновь тогда
 над Волгой и над Камой
 Услышим песни старины.
 Нельзя их забывать...
 И в соре, и в веселье...
 Они служили нам
 в дни осени глухой,
 Их пела мать
 над нашей колыбелью,
 Их наши деды пели за сохой.

Мы с ними в битву шли,
 с врагом боролись смело...
 И смолкли вдруг они
 во дни години злой.
 ...Кто песню позабыл —
 в том сердце очерствело.
 Проснись, народ!
 И песню вновь запой.

Письмо из деревни⁶

Здесь у нас свобода.
 Радостные лица...
 Навсегда закрылась
 местная больница;
 Похворал и можешь
 на дому скончаться.
 Нечего к буржуйству, братец,
 приучаться.
 Весело живем мы
 во селеньи нашем;
 Самогонку гонем, да поем,
 да пляшем;
 Кренками всяк
 завален здесь до крыши:
 Керенок здесь, братец,
 не едят и мыши.
 (У сего творенья
 есть свои законы...)
 Им теперь скорее
 подавай купоны...
 А вчера на сходе
 разговоры были...
 После разговоров —
 школу мы закрыли...
 Податей не платим
 вот уже два года...
 Потому...
 В России полная свобода!..

В 2519 году⁷

Ученые в две тысячи пятьсот
 девятнадцатом году производили
 раскопки одного здания.

При раскопках были найдены
 древние рукописи.

В рукописях говорилось о Зем-
 союзе и Сибземгоре.

О Согоре и Комбеде.

О Лензото и Вопроме.

О Центросоюзе и Пролет-
 культе.

О Вопроме и Наркоме.

О Совдепе и Совнархозе.

Ученые глубоко задумались и
 долго терли свои умные лбы.

Терли и ничего не понимали.

Наконец один из ученых ска-
 зал:

— Это из записок сумасшедше-
 го...

— Может быть, — сказал дру-
 гой ученый, — но необходимо оп-
 ределить: к какой национальности
 этот несчастный принадлежал...

И ученые опять задумались и
 опять стали тереть свои умные
 лбы.

«Пролеткульт, Совнархоз».

«Комбед, Вопром, Совдеп,
 Нарком...»

Ученые долго повторяли эти
 слова.

Повторяли и в конце концов их
 разум помутился.

— И не мудрено, — сказал пси-
 хиатр, ощупывая пульс у несчаст-
 ных.

⁶ Утро Сибири. Челябинск, 1918.
 9 дек., № 131. — *Отрывок.*

⁷ Свободная Сибирь. 1919. 14 сент.,
 № 203.

Нина Лискевич

«Жизнь, права и обычаи остяков по реке Сосьве Березовского района»

Об одном отчете по сбору оперативной информации
Ханты-Мансийским окружкомом ВКП(б)
после Казымского восстания 1933–1934 годов*

Преобразования советской власти 1920–1930-х гг. сопровождались кардинальной ломкой традиционных устоев, насаждением новой идеологии, жестокими репрессиями в отношении реальных и потенциальных врагов диктатуры. Массовые репрессии 1930-х гг. среди крестьян выражались в ущемлении гражданских прав (лишение избирательных прав), имущественных прав («раскулачивание»), права на досуг (в результате обложения

индивидуальным налогом или дачей твердого задания), ссылкой, ограничением передвижения. Среди коренных народов Сибири острой дискриминации подвергались не только «кулаки», но и шаманы, искоренению подлежало любое проявление религиозности. По мнению Е.М. Главацкой, «...шаманы традиционно обладали высоким религиозным авторитетом, который в условиях смены власти особенно возрос, они зачастую являлись выразителями и защитниками интересов соплеменников, что зачастую не совпадало с интересами советской власти»¹.

Новая власть организовывала на Севере культбазы, которые должны были стать центрами вовлечения коренных народов в социалистическое строительство, фокусом социально-культурных преобразований, средоточием развития образования, здравоохранения, культуры². Это, по сути, представляло собой крупномас-

*Работа выполнена при поддержке комплексной программы фундаментальных исследований Сибирского отделения РАН «Интеграция и развитие»: Постколониальность Сибири: пространственная схема и социокультурная динамика» (№ 0372-2015-0007).

¹ Главацкая Е.М. Религиозные традиции хантов. XVII–XX вв. Екатеринбург; Салехард, 2005. С. 290.

² Ерныхова О.Д. Казымская культурная база как социальный эксперимент Советского государства // Вестн. Тюм. гос. у-та: Гуманит. исслед. 2010. № 1. С. 10–108.

штабные инвестиции центра в расширение общей культуры, образа жизни, идеологии, что давало возможность тотального контроля над периферийными территориями³. Сопrotивляясь угнетению, коренные жители проявляли неповиновение и, в ряде случаев, открыто выступали против действий новой власти. Такие выступления трактовались как «мятеж», «восстание» и жестоко подавлялись. Одним из наиболее крупномасштабных стал Казымский мятеж, развернувшийся в 1933–1934 гг., и ставший первым примером организованного сопротивления коренных народов Ханты-Мансийского автономного округа против проводимой политики советской власти⁴.

Последовательное изложение событий, связанных с Казымским мятежом, приводится в работе А.В. Головнева «Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров»⁵. При этом автор делает акценты на этнографических особенностях действий инсургентов, показывает, каким образом проводилось оповещение «туземцев» о сборах туземного схода, объединении «казымского мира» и выработке общей стратегии действий с предъявлением своих требований русским. А.В. Головнев подчеркивает ритуализованность действий мятежни-

ков — принесение жертвоприношений во время сборов, проведение обрядов камлания для получения совета от духов, в т.ч. о необходимости убийства русских. По мнению А.В. Головнева, для «туземцев это была война за традиции, и потому оказались в ходу жестокие средства из арсенала, казалось, давно ушедших в прошлое “богатырских войн”»⁶. События на Казымской культбазе освещаются в статье А.С. Пиманова и А.Н. Пилюкова «Волнения коренного населения на Казыме в 1930–1933 годах»⁷. Авторы по-

³ Агапов М.Г. Постколониальность Сибири: региональный синдром / Агапов М.Г., Адаев В.Н., Ганопольский М.Г., Клюева В.П., Лискевич Н.А., Поплавский Р.О. // Филос. науки. 2015. № 8. С. 69–70.

⁴ Ерныхова О.Д. Казымский мятеж: Об истории Казымского восстания 1933–1934 гг. Новосибирск, 2003. С. 88–92.

⁵ Головнев А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995. С. 165–178. В этой же работе рассматриваются подобные возмущения коренных народов начала 1930-х гг. в Ларьякском районе и на Ямале («Смута на Тольке». С. 178–183; «Ямальская мандалада». С. 183–194).

⁶ Там же. С. 178.

⁷ Пиманов А.С. Волнения коренного населения на Казыме в 1930–1933 годах / Пиманов А.С., Пилюков А.Н. // Ежегодник Тюм. обл. краеведческого музея: 1998. Тюмень, 1999. С. 75–90.

казывают роли, деятельность, личностные особенности участников восстания, обращают внимание на «перегибы» в разделении общества коренного населения по имущественному признаку, политические и экономические нюансы термина «кулак» и значение реципрокного (возвращающегося, взаимного) обмена для казымских оленеводов.

Монография О.Д. Ерныховой «Казымский мятеж: Об истории Казымского восстания 1933–1934 гг.»⁸ стала развернутым исследованием, посвященным анализу событий, связанных с организованным сопротивлением коренных народов социалистическим преобразованиям. Работа базируется на многочисленных архивных источниках, в том числе рассекреченных в начале 2000-х годов. О.Д. Ерныхова показывает, как менялся уклад коренных жителей Севера в связи с мероприятиями советской власти на Обь-Иртышском Севере по созданию системы административного управления и решению вопросов социально-экономического развития, проведения коллективиза-

ции, строительства культбаз. В качестве основных факторов, спровоцировавших Казымское восстание, автором выделены изменение размеров налогообложения, насильственное привлечение детей коренных народов к обучению в школе-интернате, игнорирование религиозных особенностей местного населения, и в первую очередь ненецкого. В монографии восстанавливается общая картина постепенного нарастания напряжения среди казымского общества и смещения события с территории Казымской культбазы в район озера Нумто, где развернулась «самоедская война с русскими», произошло убийство представителей советской власти, подавление восстания опергруппой ОГПУ и задержание мятежников. Исследование О.Д. Ерныховой дополняется приложением текстов архивных документов и фотографий из истории Казымской культбазы.

Арт Леэте, профессор этнологии Тартуского университета, специалист по финно-угорским народам, представил общую картину Казымских событий в широком историческом и антропологическом контексте, показал параллели с другими вооруженными выступлениями в Западной Сибири, направленными против советской власти в 1920–1930-х

⁸ Ерныхова О.Д. Казымский мятеж: Об истории Казымского восстания 1933–1934 гг. Новосибирск, 2003. 160 с.; Ерныхова О.Д. Казымский мятеж: Об истории Казымского восстания 1933–1934 гг. 2-е изд., доп. Ханты-Мансийск, 2010. 212 с.

гг., критически проанализировал источники, выявив противоречия в описании событий очевидцами и материалах дознания⁹. Сохраняя объективность в определении исторической правды, А. Леэте обращает внимание на этические проблемы: «В случае Казымской войны мы имеем дело с превосходящим насилием колониальной власти в отношении к коренному народу»; «...Казымская война является в известной степени реакцией на быстрое и обширное наступление другой культуры»¹⁰. Наряду с социально-экономическими факторами он подчеркивает значимость национальных и культурных барьеров, которые помогают раскрыть многие психологические механизмы, приведшие в действие восстание. Эти проблемы не были специфическими для казымских хантов, а являлись универсальными для всей Западной Сибири, и в первую очередь, по мнению А. Леэте, они проявлялись в отношении местных представителей власти к верованиям и понятиям о святых местах коренного населения¹¹. Кроме того, навязываемое советской властью структурирование общества по имущественному и религиозному признакам и карательные меры против определенных категорий населения вступали в

противоречие традициям сложившейся социальной структуры и обычного права, вызывали отторжение и активный протест¹². Е.В. Перевалова, анализируя протестные выступления в Сибири в 1920–1930-х гг., приходит к выводу о резкой смене в этот период основных колониационных принципов, по сравнению с российским освоением XVI — начала XX в., более интенсивной эксплуатации природных ресурсов и экономическо-идеологическом порабощении коренных народов¹³.

Казымские события получили отражение в мемуаристике, художественных произведениях, кинематографе. В 2002 г. вышел роман Е.Д. Айпина «Божья Матерь в кровавых снегах» с иллюстрациями Г.С. Райшева¹⁴, в котором драма Казыма показана через призму трагедии одной семьи, ее

⁹ Леэте А. Казымская война: восстание хантов и лесных ненцев против советской власти. Тарту, 2004. 286 с.

¹⁰ Там же. С. 13.

¹¹ Там же. С. 198–201.

¹² Там же. С. 209.

¹³ Перевалова Е.В. «Красная» колонизация Обского Севера: революционные преобразования и этничность (1917–1930-е гг.) // Уральский ист. вестн. 2009. №2 (23). С. 125–133.

¹⁴ Айпин Е.Д. Божья Матерь в кровавых снегах. Екатеринбург, 2002. 304 с.

переживаний и представлений о добре и зле. И это позволяет автору, в отличие от историков и этнографов, делать оценочные утверждения о правильности и этичности действий как коренного населения, защищавшего свою землю, так и их противников, покусившихся на самые основы их жизни. По роману Е. Айпина в 2009 г. был снят художественный фильм, получивший название «Красный лед. Сага о хантах» (режиссер О. Фесенко). В 2014 г. появился фильм «Ангелы рево-

¹⁵ «Империя обязана насаждать свой язык»: Темные страницы истории советской Югры в фильме «Ангелы революции». [Электрон. ресурс]. URL: <http://ura.ru/news/1052229119> (дата обращения 25.07.2016).

¹⁶ Наварская С. Б. Жизнь одной советской семьи в 30-е и 40-е годы XX века: Родословная одной ветви семейств Наварских, Вайсов, Запорожцев: документальная повесть. [Электрон. ресурс]. URL: <http://ru.calameo.com/books/0022066590bc0d68273cc> (дата обращения 24.07.2016). Подробнее об этой работе можно посмотреть: Граматчикова Н.Б. Книга о любви и верности: реконструкция образа отца-коммуниста в воспоминаниях дочери / Н.Б. Граматчикова, Л.В. Енина // *Quaestio Rossica*. 2015. № 4. С. 109–129.

¹⁷ Ерныхова О.Д. Казымский мятеж: Об истории Казымского восстания 1933–1934 гг. Новосибирск, 2003. С. 77.

люции» (режиссер А. Федорченко), в котором приемы художественного вымысла и опора на достоверные исторические факты позволили очень емко и эмоционально показать конфликт базовых ценностей и картины мира представителей новой власти и коренных жителей. Режиссер очень тонко осветил, что у каждой стороны конфликта была своя правда и своя вера, дающая им право на дальнейшие действия по защите ожидаемого будущего. По мнению А. Федорченко, «непонимание, неприятие, несогласие с другим, иным и незнакомым (не важно, идеология это или искусство) — причина конфликтов и обязательных потерь при попытке навязать свое»¹⁵.

Отдельные аспекты влияния Казымского мятежа на выработку внутренней политики в округе, эмоциональное состояние представителей власти и «проводников» в новую жизнь можно увидеть в документальной повести С.Б. Наварской «Жизнь одной советской семьи в 30-е и 40-е годы XX века»¹⁶.

По данным О.Д. Ерныховой, казымские события получили широкую огласку; местное население других территорий, в том числе и манси, поддерживало казымских хантов и ненцев¹⁷. Известие о подавлении восстания широко

разошлось по всему округу, усиливая недовольство действиями советской власти, которое было общим для коренных народов на разных территориях. Кроме того, власти опасались, что повстанцев могут поддержать другие группы, обиженные и возмущенные властью. Наварская С.Б. так описывает сложившуюся ситуацию: «Когда мы в марте прибыли в Березов, повстанцы были подавлены и рассеяны по тундре. Но опасность еще присутствовала. С запада, из Коми-Пермяцкого округа восставшим могли оказать помощь многочисленные репрессированные и раскулаченные, сосланные в лагерь. Обстановка готова была взорваться в любой момент!»¹⁸.

В отчете о работе окружкома ВКП(б) за 1931–1933 годы в разделе «Ограничение и вытеснение эксплуататорских элементов и работа с беднотой и батрачеством» подчеркивалось, что «Социалистическое строительство колхозов, реконструкция рыбного и пушного хозяйства, развертывание культурной революции в округе проходит в условиях бешеного сопротивления классовых врагов — кулаков, шаманов и других антисоветских элементов. Эти классовые враги пытаются использовать в своих целях специфические условия Севера, в частности низкий культурно-

политический уровень туземного населения, неграмотность его, суеверие, консерватизм и остатки родовых традиций, также наличие в округе значительного процента бывших торговцев, скупщиков пушнины, бывших подручных купцов и т.п. среди русского и зырянского населения, наличие в округе громадного числа пришлого населения (около 28000 чел.) и кулацкой ссылки (около 32000 чел.). Кулачество из русского и зырянского населения, в условиях роста коллективизации, применения к ним твердых заданий и налоговых репрессий, пытаются надеть на себя маску бедняка или середняка, оказывают отчаянное сопротивление проведению мероприятий партии и правительства, действуя “тихой сапой”. [...] В этих условиях классовая борьба и эксплуатация бедноты и батрачества со стороны кулаков и шаманов, выливается в самых разнообразных формах...»¹⁹.

¹⁸ Наварская С. Б. Жизнь одной советской семьи в 30-е и 40-е годы XX века: Родословная одной ветви семейств Наварских, Вайсов, Запорожцев: документальная повесть. [Электрон. ресурс]. URL: <http://ru.calameo.com/books/0022066590bc0d68273cc> (дата обращения 24.07.2016). — С. 20.

¹⁹ ГАСПИТО. Ф. 107: Ханты-Мансийский окружком ВКП (б); с 1953 г. —

В документе приводятся примеры такой классовой борьбы по линии советов, коллективизации, школы, кооперации и снабжения, в проведении хозяйственно-политических кампаний среди кочевого и полукочевого населения. Так, указывалось, что «по линии советов имелись попытки кулачества переизбрать советы, ввести сюда своих ставленников кулаков и шаманов. В Ломбовожском тузсовете Березовского района, в конце 1932 г. кулаки-шаманы Х...вы [фамилия написана неразборчиво — Н.Л.] и Шубины организовали шаманские праздники, на 4 дня оторвали 120 рыбаков от лова, избрали на этом празднике нелегально новый состав тузсовета из шаманов и подкулачников. По возвращении с праздника туземцы потребовали переизбрания тузсовета, выдвигая

этот новый состав. Благодаря своевременно принятым мерам со стороны партячейки и развертывание работы среди бедноты перевыборы не состоялись. Подобный же факт имел место в 1932 г. на р. Казым»²⁰. В отчете подчеркивалось, что к одной из форм классовой борьбы приравнивается шаманство, которое в некоторых районах недооценено, «особенно в Шурьшкарском и Сургутском районах, где влияние шаманов особенно сильное»²¹.

В докладных записках Остяковогульского окротдела ОГПУ 1933 г. описывалась борьба с шаманством и действиями шаманов — Кунина Ефима Ивановича (Шаты), «проживающего в Ларьякской тундре», Николки Неттина, Васьки Сорума, «проживающих между рекой Казымом Березовского района и рекой Тазовкой»²², шаманов «Айпина Ефремки, ...Николки, по прозвищу “Белая голова”», живших в Сургутском районе в бассейне Агана²³. В 1936 г. проводились мероприятия по ликвидации шаманско-кулацкой группировки в Сургутском районе²⁴.

Для выявления «контрреволюционных» настроений на местах и предотвращения протестных действий в районы компактного проживания коренных жи-

Ханты-Мансийский окружком КПСС, Тюменская область. 1931–1991 гг. Оп. 1. Д. 111. Л. 21.

²⁰ ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 111. Л. 22.

²¹ Там же. Л. 32.

²² ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 116. Л. 510, 61. Подробнее о репрессиях в отношении Кунина Е.И. см.: Голловнев А.В. Говорящие культуры... С. 178–183.

²³ ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 116. Л. 57–58.

²⁴ Там же. Д. 332.

телей в 1934 г. отправлялись специальные агенты ОГПУ, которыми часто являлись завербованные представители местного населения²⁵.

Одним из примеров проводимых «исследований» может стать отчет о поездке по реке Сосьве, в котором описываются жизнь, права и обычаи остяков Березовского района (Прил.)²⁶. Документ хранится в Государственном бюджетном учреждении Тюменской области Государственном архиве социально-политической истории Тюменской области в деле №199, где собрана «информация окружка ВКП(б) об экономическом состоянии округа, искажении национальной политики работниками Казымской культбазы на озере Нум-то». В деле хранятся документы на 30 листах, относящиеся к 1934 г. На обложке дела имеется помета «РАССЕКРЕЧЕНО. Акт № 2 от 13.02.04». Документ, представляющий собой отчет о поездке по реке Сосьве неизвестного автора, состоит из трех листов машинописных копий, отпечатан черной краской с одним интервалом, через копирку (?), бумага форма-

та А4, пожелтевшая, подписей нет. На первой странице в левом верхнем углу рукописная помета, сделанная красными чернилами «Секр. К делам». Текст отчета написан со стилистическими и пунктуационными ошибками, искажениями географических названий, разным написанием одних и тех же фамилий. Публикуемый документ приводится в современной орфографии с сохранением стилистических особенностей оригинала; топонимы и антропонимы оставлены без исправлений. Отчет представляет собой логичное повествование, с акцентом на информацию, связанную с проявлением религиозности местных жителей и отношением к Казымскому восстанию, содержит критичные высказывания автора к собственным наблюдениям и завершается рекомендациями о проверке выявленных фактов. Особая ценность этого документа заключается в этнографических описаниях образа жизни, жилищ, одежды, бытовых особенностей, домашних святилищ и культовой атрибутики, медвежьем празднике, родильной порядности.

²⁵ Леэте А. Казымская война... С. 189.

²⁶ ГАСПИТО Ф. 107. Оп. 1. Д. 199. Л. 27–29.

*Приложение***Жизнь, права и обычаи остяков
по реке Сосьве Березовского района**

Л. 27. От Березова вверх по реке Сосьве расположены юрты остяков и дальше вверх по реке Ляпино.

Образ жизни ведут полuosедлый, имея летние и зимние юрты, есть также большая часть оленеводов, кочующих со своими чумами. Наибольшее количество кочевников оленеводов по Ломбовожскому тузсовету. Некоторые имеют стада оленей по 100 голов со слов их самих. Населенные пункты имеют юрт (домов) в большинстве от 10 до 30 юрт за исключением центров тузсоветов Сарампауля и Сыртыньи²⁷, первая больше 100 юрт, вторая около 50. В центрах тузсоветов преобладающее большинство зыряне. Юрты зимние имеют вид постройки, похожей на дом, юрты, не имеющие окон и полов, по Сосьве и Ляпино не встречаются. Характерно бросаются в глаза шикарные олени изделия верхней одежды, в особенности у женщин и девиц. Мужчины и женщины носят косы с навитыми шкурами почти до самого пола. У девиц и молодых женщин косы разукрашены всевозможными кольцами из железа и меди. Обувь почти у всех это кисы, тобоки, одежда — малицы короткие и длинные, все разукрашены и отделаны цветными сукнами, а у женщин разными причудливыми рисунками из разных цветов шкур и отделка набором бисера стеклянного разных цветов.

Внутри юрт наблюдается чистота, часто встречаешь хорошо вымытые полы, а изредка даже окрашенные на один ряд краской. По юртам есть умывальники, правда, в своем большинстве примитивные, вместо полотенец в большинстве употребляется тонкая сосновая стружка для вытирания рук и лица.

Наблюдается большой спрос на умывальники и полотенца, которых по торговым организациям почти нет.

В каждой юрте в углу сделан к крышке настил, на котором стоит ящик, который называется «шайтаном», куда кладутся ценные добываемые шкурки и шкурки, имеющие случайную разноцветную окраску. Иногда они берут несколько шкурок для сдачи, но считают,

²⁷ Искаженные названия населенных пунктов Березовского района: Сарампауль и Сартынья.

что берут взаимобразно и перед тем как взять, долго молятся перед этим шайтаном. Лучшим подарком для шайтана это считается шкурка рассомахи и, несмотря на изобилие этого зверя, сдается заготовителям очень мало. В своем большинстве оседает по шайтанам. Остяки страшно не любят, когда русские, бывая в юртах, рассматривают эти ящики даже издали, также не любят, когда в юрте разговаривают про их шайтана, по их закону этого делать нельзя. В юртах Ачевых Сыртыннинского с/с при разговоре с одним активистом бедняком выяснилось, что если он возьмет хоть одну шкурку из шайтана без согласия на это жены и других взрослых членов семьи, то за это они могут его убить, и это у них не считается преступлением.

При разговоре в юртах Межи Сарампаульского тузсовета с девицами последние говорят, что раньше им говорили, что русские — это враги туземцев и с ними нельзя говорить, но сейчас они считают, что все люди одинаковы: что русские, что остяки, самоеды и туземцы.

По всей реке Сосьве страшно еще развиты пляски около убитого медведя, не проходит ни одного случая при добыче медведя, чтобы остяки не съезжались с окружающих юрт для производства пляски и поедания этого мяса. В период пляски у медведя вынимаются все зубы, и по одному зубу дается остякам, и почти у каждого остяка по Сосьве наблюдается повешенный зуб на цепочке и привязанный к поясу на спине, это они считают, что при наличии этого зуба никогда не будет болеть и уставать спина.

Л. 28. Сосьвинские остяки страшно самостоятельны, если он что сказал или пообещал, то обязательно выполнит, и страшно не любят, если русские что обещают и не выполняют, даже самые мелочи, тот, кто им пообещал и не сделал, теряет навсегда их авторитет. Зыряне, живущие в некоторых юртах с ними, частенько их надувают. В юртах Тим-Кисуп²⁸ наблюдаются такие случаи: сами остяки, вернее, их жены не умеют выпекать хлеб, зыряне берут у них муку, пекут им хлеб и отдают им печеным хлебом по количеству взятой у них муки, а бывают даже такие случаи — за мешок муки дают им мешок сухарей, да еще за выпечку с них плату белками. Правда, этот вопрос я крепко ставлю в райсоюзе об изжитии этого момента и организации выпечки хлеба кооперативами с выдачей полностью всего припека за плату, покрывающую расход кооператива по организации этого дела.

В юртах Нильдино Сартыннинского тузсовета наблюдается вот такой обычай: женщины во время родов были изолированы в отдельный чум, и после пробывания там двух месяцев ее вводили в юрту к мужу, шагах в пяти перед входом бросается до красна накаленный

²⁸ Возможно, это название д. Кимкъясуй, входящей в современное сельское поселение Саранпауль.

топор, и она держит ребенка на руках, проходит через него три раза. При самом входе ставится два котла, в которых разводятся огни, в этот огонь бросают части мелких тряпок, и она, держа ребенка в руках, перепрыгивает через котлы с горящим огнем, после чего входит в юрту, считается, что она очистилась от злого духа и сразу же всех присутствующих угощает сваренным мясом, и подают чай. В юртах Шом наблюдался такой случай: у одного остяка все детишки заболели корью и благодаря тому, что их застудили, двое из них умерло, так эту юрту бросили совсем и никто в ней не живет, и считали ее не нравящуюся ихнему богу.

В Сарампаульском сельсовете 27 марта мною производилась приемка пушнины, найденная участковым инспектором в шайтане в количестве 4-х мешков, примерно по стандартным ценам всей пушнины на 7.000 руб., но благодаря того, что эта пушнина лежала от 2-х и до 10 лет, то большинство ее погибло, и принято по стандартным ценам на 615 руб. Характерно, что к мордочкам каждой шкурки привязан уголком кусок шелкового материала с величину носового платка, в противоположном уголке каждого куска материала завязаны деньги, в своем большинстве серебряные монеты времен царя, есть советские монеты, есть николаевские достоинством в 1025 и бумажные и есть кредитки колчаковские, но обязательно в каждой тряпочке какая-нибудь монета или бумажная кредитка.

Основные занятия сосьвинских и ляпинских остяков — это пушной промысел и рыбная ловля, на охоту они уходят в большинстве на оленях на склоны Урала, добывают в основном белку. Рыбой занимаются слабее и ловят ее только весной, т.е. в тот период, когда этот лов не требует большой затраты физического труда. Зимой рыбным промыслом почти совсем не занимаются, [...] это связано с затратой физического труда.

При проведении бесед с туземцами по заготовкам все время наталкивались на разговор о казымских событиях, беднота и активисты возмущаются этим и недовольны тем, что их увезли куда-то и не кончили на месте, шаманство и кулачество притихло и стало приторно любезным и услужливым, но невольно чувствуется, что маскирует себя наружно.

В юртах Ветках Сартыньинского тузсовета один пошел к члену тузсовета для получения подводы, то последний подумал, что я совсем не знаю по-туземному, а я кое-что знаю, выразил [Л. 29] так: «жаль, что на Казыме дело плохо вышло».

В Ломбовожском тузсовете, по-моему, дело неблагополучно с самим председателем тузсовета Таратыным.

Когда в Сарампауле проходил съезд кооператива, то он был делегатом, выступая в прениях, приторно юлил, что он за советские ме-

роприятия, когда стали проводить выборы и партгруппы, предложили в члены правления туземца Лоншакова, который до 1921 г. занимался шаманством, но по приходу советской власти бросил все и все время был коммунистом и комиссией по чистке проверен. Несмотря на все эти объяснения, все же Таратов выступил в последний раз перед голосованием его кандидатуры и с пафосом сказал: «Учтите, товарищи, до чего нас довели шаманы в Казыме, и мы их хотим выбрать в члены правления — кооператива, Ланшаков же лучший охотник и рыбак с 1923 г. по выполнению планов пушнины и рыбы».

На первый взгляд кажется, что оно так и должно бы быть, что надо гнать шаманов, но когда разговорившись с бедняками, так они говорят, что Таратов имеет связь с шаманами и кулачеством, и что последние ненавидят Ланшакова за то, что он бросил шаманство и стал активно работать в кооперативе.

В момент казымских событий этот Таратов тоже вел себя под шаманскую и кулацкую песенку, некоторые районные работники говорят, что он растерялся в то время.

Но, проезжая через Ломбовож, 14 и здесь три дня танцевали около медведя, где принимал участие и Таратов, ходил по гостям, и по заявлению туземцев было проведено секретное сообщение шаманов и кулаков, на котором решили послать Таратова в Березов и узнать подробно, как обстоит дело с Казымом, и правда ли, что все конечно. При проверке оказалось, что действительно Таратов на второй день взял у одного кулака оленей и поехал в Березов и сказал секретарю, что он едет в Березов по своим делам.

Возможно, что мои эти наблюдения и ошибочны, но мне кажется по своим наблюдениям, что как бы этот Таратов не оказался вроде казымского председателя тузсовета, считаю, что его надо крепко проверить, ибо многие туземцы говорят, что Таратов всегда громит шаманов и кулаков в глазах работников района и других, а как никого нет, так он все время шушукается с кулаками и шаманами.

7 марта 1934 года.

ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 199. Л. 2729.

Наталья Моторина

Полустертый иероглиф

Город Албазин — «Карфаген» русского Приамурья

История этого маленького города-крепости на левом берегу Амура сыграла большую роль в отношениях России и Китая. Его недолгая жизнь и трудная судьба схожа со знаменитым Карфагеном. «Карфаген должен быть разрушен», Албазин — тоже.

Город был основан, а вернее, захвачен, в 1650 г. Ерофеем Павловичем. Тем самым, чье имя носит ныне железнодорожная станция Транссиба и город на Дальнем Востоке, Хабаровым. Захвачен или занят — не важно, важно то, что возник не на пустом месте, а были здесь владения даурского князя Албазы, некое укрепление, известное с 1645 г.

Уже в 1651 г. в Москву было сообщено, что «Ярофей Хабаров со служимыми и охочими промышленными людьми живут в

Албазине городе, в самом крепком месте»¹.

В том же 1651 году маньчжурский правитель, которому не давало покоя присутствие русских казаков, подошел к Албазину, но не занял его.

Уже был основан на даурской земле Нерчинск в 1653 г. — экспансия русских на восток продолжалась, — и новые города-крепости требовали новых сил. Можно предположить, что именно поэтому в 1655–58 годах город все-таки был оставлен русскими.

Вспомнили об Албазине в 1661 году. Город вновь отстроен, укреплен пятидесятником Никифором Черниговским, за что ему прощено было Москвою убийство илимского воеводы и даровано 2000 рублей².

В 1684 г. в Албазин назначен Алексей Толбузин, а в Китае вошел в силу молодой, амбициозный, талантливый полководец император Канси. Взять Албазин было для него и делом политики,

¹ Адоратский Н. Православная миссия в Китае за 200 лет ее существования. Казань: Тип. Имп. Унив., 1887. С. 24.

² Там же. С. 26.

и делом чести. Взять и «выкурить проклятых Лоча (бранное слово — черти, обозначающее Албазинцев)»³. Войско в 15000 чел., 100 пушек и 50 осадных орудий двинулось на Албазин, где всего-то было 450 казаков да пашенные люди, да жены их и дети. А орудия — 3 пушки. 2 июля 1685 г., потеряв треть своих защитников, после месячного сопротивления, без помощи извне, Албазин пал. Был разорен и разграблен. Оставшимся в живых Канси предложил вернуться в Россию или поступить на службу китайскому императору. Последних оказалось то ли 50, то ли 150 чел. Были ли они «буйные люди», которых по возвращении в Россию могло ждать

наказание, или их прельстила возможность занять высокостоящее в китайской «табели о рангах» положение военных?

Так или иначе, в 1685 г. «насилъно» уведя с собой священника, иерея Максима⁴, русские казаки оказались в Пекине. На месте буддийского храма (отчего было выбрано это место — неизвестно) срубили церковь, и началась история Албазинцев в Китае.

Неутомимый Толбузин вернулся в Албазин в 1686 г. и вновь укрепил его, два года отбивая атаки китайцев. И только после подписания нерчинского трактата 27 августа 1689 г. Албазин был разрушен окончательно. Теперь уже по букве закона.

«Наши люди» в Пекине

Задолго до пекинских миссий, организуемых в Тобольске, большей частью местными силами, наши земляки уже были в Китае. Так, в 1616 г. до монгольско-китайской границы дошел поставленный во главе русского посольства казачий атаман Василий с говорящей фамилией (или прозвищем) Тюменец⁵.

С посольством Ф.И. Байкова⁶ в 1655 г. в Китай направились бухарец Ирки-мулла, переводивший с китайского на монгольский, а с монгольского на русский переводил тобольский конный

казак Петр Малинин⁷. Байков же для извещения императора о своем приезде отправил тобольского бухарина Сеиткула Аблина (он

³ Адоратский Н. Указ. соч. С. 30.

⁴ Там же. С. 33.

⁵ Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. М.: Наука, 1977. С. 16.

⁶ Байков Федор Исакович (ок.1612–1663), русский государственный деятель, путешественник, воевода в Мангазее. По итогам поездки в Китай в 1654–1657 г. во главе русского посольства составил «Статейный список».

⁷ Скачков П.Е. Указ. соч. С. 20.

был в Китае и позже, в 1654, 1658, 1668 гг.)⁸ и тобольского татарского голову Петра Ярышкина.

В экспедиции 1675 г. Николая Гавриловича Милеску-Сапфария⁹ ехал переводчик с калмыцкого и татарского языков Спиридон Безрядов из Тобольска¹⁰. Этому же посольству в Тобольске были приданы «6 детей боярских, 6 человек для обслуживания кречетов, которых везли в подарок, и 41 провожатый казак»¹¹.

Россия была заинтересована в расширении связей с Поднебесной. В июне 1700 г. Петр I издал указ «киевскому митрополиту <...>, чтобы он искал <...> доброго и ученого человека, которому бы в Тобольску быть митрополитом мог бы <...> в Китае приводить к познанию живого Бога и привел бы с собою двух или трех человек, которые бы могли китайскому и мунгальскому языку и грамоте научиться»¹². Как видим, предполагалась и чисто миссионерская деятельность в Китае, подобно той, что прово-

дил Филофей Лещинский среди вогулов и остяков. В дальнейшем русские отказались от идеи массового крещения иноверцев, что было правильно и позволило нашим миссиям долгие годы присутствовать в Китае. Необходимость их была подвигнута живущими в Пекине защитниками павшего Албазина.

К тому времени Албазинцы от безделья, от излишнего питья и еды, от влияния своих языческих жен-китаянок ослабли в православной вере и нуждались в пастырском наставлении. Церковь их и церковная утварь обвешали; отец Максим, прибывший в Пекин уже немолодым, скончался в 1711/12 гг. О бедственном положении Албазинцев сообщали русские купцы, возвращающиеся из Китая (наша торговля во все времена шла бесперебойно). Митрополит Филофей (Лещинский) пытался увещевать Албазинцев, наставить их на путь православный, слал им грамоту в 1711 г.¹³, но все тщетно.

Да и китайские министры вначале противились расширению присутствия русских в Пекине; положение казалось безвыходным. Но вдруг все тот же Канси дал согласие на присылку миссии из России. Просил он и о докторе, способном лечить кожные болезни. Петром I был послан хи-

⁸ Скачков П.Е. Указ. соч. С. 21.

⁹ Милеску-Сапфарию Николай Гаврилович (1636–1708), русский дипломат, переводчик, географ. В 1675–1678 г. возглавлял русское посольство в Пекине.

¹⁰ Скачков П.Е. Указ. соч. С. 23.

¹¹ Там же.

¹² Адоратский Н. Указ. соч. С. 57

¹³ Там же. С. 60.

руг англичанин Томас Гарфин — Фома Гарфин, который вылечил императора и в феврале 1717 г. вернулся в Россию¹⁴.

Князь Гагарин, сибирский губернатор, доложил о разрешении императора Петру I, а тот дал предписание Иоанну Максимовичу, тобольскому митрополиту, об организации духовной миссии. Главой первой миссии был избран архиепископ Илларион Лежайский, приехавший с Иоанном Максимовичем из Чернигова и служивший в Архирейском доме. Кроме него, в Пекин направлялись и ученики Тобольской славяно-русской школы, открытой Филофеем в 1704 г.: Иосиф Дьяконов, Никанор Ключов, Петр Максимов Якутов, Григорий Смагин, Федор Колесников, Андрей Попов, Иосиф Афанасьев. Первая миссия была снаряжена достойно: сам губернатор Гагарин вложил в нее личные средства, правда, небескорыстно.

Возникла непредвиденная задержка с отправкой: пришлось ждать возвращения китайских послов, следовавших из Китая через Тобольск—Тюмень к Аюк-Хану в Калмыкию, и лишь на обратном пути их — вновь в Тобольске — миссионеры присоединились и отправились в Пекин.

В начале 1716 г. первая духовная миссия прибыла в Пекин.

Встречена и принята была превосходно. Император зачислил ее членов в высшие сословия государства: архимандрит пожалован мандарином 5-й степени, священник с диаконом — мандаринами 7-й степени, а учеников причислил к сословию солдат. Все члены миссии получили казенное жилье и денежное пособие¹⁵. Но климат китайский был непривычен и тягостен для русских. Архимандрит Илларион скончался в 1718 г., трое учеников: Дьяконов, Ключов, Якутов, — тоже умерли в Китае¹⁶.

В Пекин снаряжались позже вторая, третья, четвертая миссии.

И во всех встречались уроженцы Сибири, тоболяки. Так, во II миссии был Михаил Афонасьев Пономарев (скончался в Пекине 18.10.1738 г.), сын священника из Ялуторовского Рогатовского посада¹⁷.

С караваном графа Саввы Лукича Владиславовича-Рагузинского¹⁸ послан Лука Воейков, сын тобольского воеводы, обучавшийся к тому времени в Москве

¹⁴ Скачков П.Е. Указ. соч. С. 302.

¹⁵ Там же. С. 37.

¹⁶ Адоратский Н. Указ. соч. С. 63–64.

¹⁷ Там же. С. 113.

¹⁸ Рагузинский-Владиславович Савва Лукич (1665–1738), граф, возглавлял русское посольство в Китай в 1725–1728 гг.

в Славяно-греко-латинской академии (1714–1725). В последние годы своей жизни Воейков состоял при ханском толмаче Якове Савине для помощи ему в переводах. Умер в Пекине в 1734 г.¹⁹

И в других миссиях встречались священники и ученики с урало-тобольскими фамилиями, но происхождение их и место жительства не указаны в документах. Это — Созонт Карпов, Илларион Трусов, Петр Иевлев. О последнем есть сведения в Тобольском архиве: «Дело об определении бывшего причетчика Пекинской православной миссии Китайского государства Петра Иевлева в Нарым дьячком с посвящением в стихарь»²⁰.

В шестой пекинской духовной миссии, руководимой учителем немецкого и русского языков Троице-Сергиевой Лавры Николаем Цветом, отправились еще трое учеников Тобольской семинарии: Алексей Агафонов, Алексей Парышев, Федор Бакшеев. Четвертым учеником был Яков Коркин —

ученик Александро-Невской школы. Миссия собиралась неспешно: 18 июня 1769 г. Вышел указ Св. Синода, и только 8 ноября 1771 г. она прибыла в Пекин.

В Тобольском архиве есть несколько дел об учениках — участниках VI миссии.

Федор Иванович Бакшеев — сын священника Белозерской слободы Барнаульского заказа, ученик школы поэтики²¹, «памяти доброй, разсудлив, надежен и постоянен». Есть дело о посвящении его в стихарь²².

Алексей Парышев и Яков Парышев — два сына священника Красногорской слободы Рафайловского заказа Никиты Парышева, учились в 1764 г.: в школе синтаксиса — Алексей, 15 лет, и школе риторики — Яков, 18 лет²³.

По окончании службы в миссии Федор Бакшеев был взят в Петербургскую коллегию иностранных дел на место умершего переводчика Леонтьева в 1786 году. Бакшеев составил большой маньчжурско-русский словарь, окончив свой труд в 1776 г., на беловом экземпляре рукописи есть посвящение Екатерине II²⁴. Но уже через год, 18 мая 1787 г. умирает и он, и на его место отправляют из Иркутска Алексея Агафопова.

Алексей Парышев состоял на службе Сибирского генерал-гу-

¹⁹ Скачков П.Е. Указ. соч. С. 40.

²⁰ ГАТоб. Ф. 156. Оп. 1. Д. 1714; Д. 1913.

²¹ Там же. Ф.156. Оп. 1. Д. 2890. Л. 36 об.

²² Там же. Ф. 156. Оп. 2. Д. 1665.

²³ Там же. Ф. 156. Оп. 1. Д. 2890. Лл. 34 об., 38.

²⁴ Скачков П.Е. Указ. соч. С. 78.

бернатора до 5 апреля 1809 г., после чего отправлен в отставку. Не опубликовано ни одного его труда, но известны 12 его рукописей (маньчжурско-русский словарь,

разговорники)²⁵. Его вдова пыталась продать библиотеку Парышева и его рукописи иркутской гимназии²⁶. Об Алексее Агафонове речь впереди.

Агафонов: штрихи к биографии

Алексей Семенович происходил из священнического рода. Точную дату рождения его установить не удалось, но упоминание об отце его — Семене Агафонове, священнике Христорождественской церкви, в 1750 году есть²⁷. Встречается имя отца и в делах о его сыновьях, где указано, что в 1755 г. Семен Агафонов был священником Софийского собора г. Тобольска²⁸. В 1767 г. он священник той же тобольской Христорождественской церкви²⁹, и в 1774 г. служит там же, ему 57 лет (следовательно, год его рождения 1717) вместе с Александром Слопцовым³⁰, дядей Петра Андреевича Словцова, будущим автором «Исторического обозрения Сибири».

В 1763 г. в Тобольской семинарии учатся Агафоновы: Иван, 19 лет, Алексей, 16 лет, Василий, 15 лет, Яков 12 лет³¹. У них были еще братья: Петр, 1751 г.р.³², и Сергей, 1760 г.р.³³, который пошел по стопам четырех старших, но позже.

Алексей, вероятно, второй сын Симеона Агафопова. Родился ок. 1747 г. В ведомости об учениках

семинарии, хранящейся в Тобольском архиве, есть запись о нем и краткая характеристика: «Алексей Агафонов, ученик школы грамматики и инфимы с 1762 г., города Тобольска Христорождественской церкви священника Симеона Агафопова сын, 15 лет (на 1762 г.), в школе с 1761 г.»³⁴, «памяти и разсуждения доброго, смирен и постоянен»³⁵. Есть дело о посвящении Алексея Агафопова в стихарь и утверждении его, ученика духовной семинарии, к Николаевской церкви пономарем в 1767 году³⁶.

²⁵ Скачков П.Е. Указ. соч. С. 79.

²⁶ Там же.

²⁷ ГАТоб. Ф. 156. Оп. 1. Д. 829. Л. 1; Ф. 156. Оп. 15. Д. 296. Л. 3.

²⁸ Там же. Ф. 156. Оп. 2. Д. 1660. Л. 2об.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. Ф. 156. Оп. 3. Д. 749. Л. 4об.

³¹ Там же. Ф. 156. Оп. 1. Д. 2890. Лл. 4, 24, 28, 29.

³² Там же. Ф. 156. Оп. 2. Д. 1525.

³³ Там же. Ф. 156. Оп. 3. Д. 985.

³⁴ Там же. Ф. 156. Оп. 1. Д. 2890. Л. 102 об.

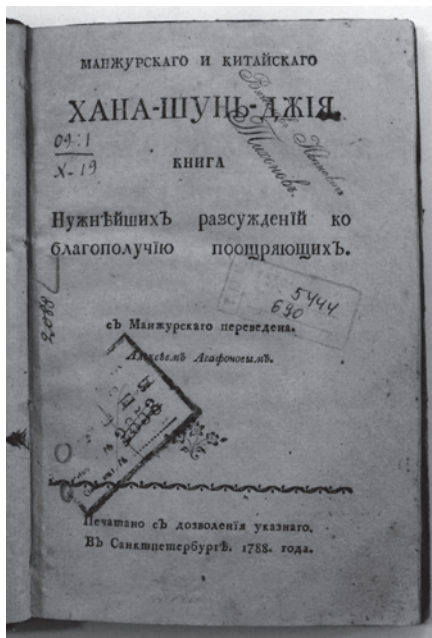
³⁵ Там же. Л. 34.

³⁶ Там же. Ф. 156. Оп. 1. Д. 1660.

Так и служил бы Алексей, как его братья и их потомки, в разных церквах Тобольской епархии, но ему была уготовлена другая судьба. Уехав в далекий Китай учеником VI

³⁷ Из Иркутского архива пришел ответ: «По Вашему запросу об Агафонове Алексее Семеновиче в ГАИрО был просмотрен научно-справочный аппарат к фонду № 50: Иркутская духовная консистория, научно-справочная литература (список). Сведения об Агафонове А.С. по документам ГАИрО не выявлены».

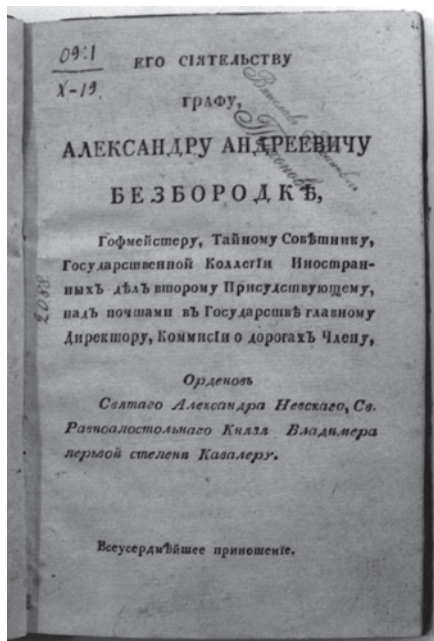
³⁸ http://www.synologia.ru/a/%D0%A0%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5_%D0%BA%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B5%D0%B2%D0%B5%D0%B4%D1%8B_XVIII_%E2%80%93%D0%BD%D0%B0%D1%87%D0%B0%D0%BB%D0%B0_%D0%A5%D0%A5_%D0%B2%D0%B2.:_%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%BF%D0%BE%D0%B4%D0%B0%D0%B2%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D0%B8_%D0%B8_%D1%81%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D0%B8_%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D0%B5%D0%B9 — «Словарь манджурско-русский, сочиненный и написанный в Пекине трудами переводчиков коллегии иностранных дел Ф. Ив. Бакшеева и А. Сем. Агафонова», 1781.

Из фондов ТОКМ (Музейный комплекс им. И. Я. Словоцова)

пекинской миссии в 1769 г., он в совершенстве овладел маньчжурским и китайским языками, через 10 лет вернулся в Россию, служил с 1782 по 1786 г. у Якоби в Иркутске в коллегии иностранных дел переводчиком. Жаль, в Иркутском архиве нет ни одного упоминания о нем³⁷.

В соавторстве с Федором Бакшеевым составил маньчжурско-русский словарь³⁸. Предполагаю, что Агафонов, Парышев и третий ученик VI пекинской миссии — Федор Бакшеев были дружны.

Приклеянный лист с посвящением

Вместе учились в Тобольске, вместе уехали в Китай. Там два года изучали языки, затем занимались переводами и служили переводчиками.

Есть упоминание и о разведывательной деятельности их, что было ново. Итогом послужил «Журнал секретных действий, намерений, случаев и перемен, бывших в Тайцзинском государстве с 1772 по 1782 г.»³⁹ «По приезде нашем в Пекин сперва не слышно было никаких перемен во всем Государстве»⁴⁰. «В разные времена имеем мы к Манчжурии так и с

Книга из личной библиотеки В. И. Тихонова

Тихонов Вячеслав Иванович (1885–1952) — тюменский коллекционер, в 1920-е — член Тюменского общества изучения местного края. В последние годы в одиночестве проживал в частном доме по ул. Казанской, 37. Скончался 6 мая 1952 г. в Тюмени. В декабре 1952 г. предметы из коллекции Тихонова были переданы из райфо Кировского района г. Тюмени в фонды Тюменского областного краеведческого музея.

Китайцами дружелюбно обращение. И в тех дружелюбных многократных обращениях, свидаяся часто, как ласкою, так и подарками, приобрели многих друзей, из которых некоторые весьма открыто дружились с нами, и многие открывали таинства, которые касаются особенно до Государства»⁴¹.

«Приезжали к нам (2 февраля 1780 г.) в Российский Посольский двор два офицера и спрашивали о коже, которую не берет пуля <...> им ответили, что живет этот зверь в Северном море и

³⁹ Институт восточных рукописей РАН (далее — ИВР РАН). Р. 1. Оп. 1. Д. 6/2. Л. 220–257.

⁴⁰ Там же. Л. 220 об.

⁴¹ Там же. Л. 222.

его шкуру выделывают и шьют на всю армию военные кафтаны»⁴².

Интересно описание падения метеорита на Пекин в 1779 г.⁴³

На последнем листе журнала есть подписи Алексея Агафоно-

⁴² ИВР РАН. Р. 1. Оп. 1. Д. 6/2. Л. 228.

⁴³ Там же. Л. 247 об.–248.

⁴⁴ Там же. Л. 257 об. (писарским почерком).

⁴⁵ РГАДА. Ф. 286. Оп. 2, кн. 48. Д. 25. Л. 297.

⁴⁶ Там же. Л. 298 об. «В ответ на сей запрос <...> сообщается, что Алексей Агафонов, Федор Бакшеев и Алексей Парышев взяты в 1769 г. из учеников Тобольской семинарии и отправлены были в 1771 г. в Пекин для обучения китайского и манчжурского языков; а сего 1783 г. возвращены они оттуда и в разсуждение приобретенного ими в помянутых языков хорошаго успеха, имянным Ея Императорско-го Величества указом, объявленным в коллегии иностранных дел его сиятельством графом Иваном Андреевичем Остерманом в 12 минушаго марта всемиловитейше положены в переводчики оной коллегии, и двое из них, а имянно Агафонов и Парышев отосланы к находящемуся здесь Господину генерал-порутчику правящему должность Колыванского и Иркутскаго генерал-губернатора Ивану Вчу Якобию для употребления их к делам в губерниях ему вверенных, а третий Федор Бакшеев оставлен при коллгегии иностранных дел и помещен в штаб оной мая 15 дня 1783 г.»

⁴⁷ Адоратский Н. Указ. соч. С. 279.

ва, Алексея Парышева, Федора Бакшеева⁴⁴.

В большинстве документов, как и в книгах Н. Адоратского и П.Е. Скачкова, все ученики упоминаются непременно вместе: Агафонов, Бакшеев, Парышев. Так и в просмотренном мною документе РГАДА, где они выступают просителями патентов на чин переводчика⁴⁵.

Патенты им были выданы, Агафонов и Парышев отосланы к И.В. Якобию, а Бакшеев оставлен в Санкт-Петербурге⁴⁶. Но вскоре, уже через год, в 1784-м, Агафонов приедет в столицу и займет место умершего Бакшеева.

Мои попытки найти Алексея Агафонова и его возможную семью в исповедных росписях по Петербургу не увенчались успехом. Многое в его жизни загадочно, неясно. Где и когда умер — неизвестно. В Санкт-Петербурге 22 апреля (5 мая) 1792 г., как пишет Половцов, или в Кяхте в 1794 г.⁴⁷

Русский взгляд на китайский иероглиф

Когда мы читаем книгу в переводе, то видим не только и не столько мастерство автора, сколько мастерство переводчика. Те несколько известных прижизненных изданий переводов Алексея Агафонова позволяют это мастерство оценить. «Джунгин или кни-

га о верности»⁴⁸, посвященная Якобию⁴⁹, две книги маньчжурского и китайского хана Шун Джия: «...о достижении благополучия»⁵⁰, посвященная Безбородко⁵¹, и «...нужный и полезный образ к правлению»⁵², посвященная Остерману⁵³. А также книга «Государь—друг своих подданных»⁵⁴ — наставления императора Канси, записанные его сыном — ханом Юн-Джином. Вот, собственно говоря, и все, что оставил нам Агафонов. Есть еще «Хронология китайских императоров», посвященная М.М. Арсеневу, и словарь, составленный совместно с Федором Бакшеевым. Но это не переводы художественных произведений. Переводов всего четыре.

Работая над ними, Агафонов пытался найти в русском языке точные соответствия иероглифам. Думаю, что как православный человек он искал и соответствия своим христианским ценностям. И находил.

Известны семь христианских добродетелей, противоположных семи смертным грехам: любовь, нестяжание, целомудрие, смирение, воздержание, кротость, трезвение. Современному человеку, если он далек от церкви, трудно понять глубинный смысл их. Что такое любовь — понятно. Это и любовь к ближнему, и сыновняя, родительская, и любовь к Богу, и

милосердие. Нестяжание — это отрицание гордыни, неприятие лести, поиск и накопление духовных ценностей — не материальных. Каждая из добродетелей имеет много граней и уровней.

Наиболее трудным для понимания среди известных переводов

⁴⁸ Джунгин или книга о верности... / пер. с кит. и маньчжурск. А. Агафопова. М., 1788.

⁴⁹ Якоби, Иван Варфоломеевич (1726–1803), русский военачальник и государственный деятель, генерал-губернатор Астраханский, Саратовский, Уфимский и Симбирский, Иркутский и Колыванский.

⁵⁰ Маньчжурского и китайского хана Шун-Джия книга нужнейших разсуждений ко благополучию поощряющих / пер. с маньчжурск. Алексея Агафопова. СПб., 1788.

⁵¹ Безбородко, Александр Андреевич (1747–1799), граф, затем светлейший князь, русский государственный деятель.

⁵² Маньчжурского и китайского Шун-Джи-хана книга. Полезный и нужный образ к правлению / пер. с маньчжурск. Алексея Агафопова. СПб., 1788.

⁵³ Остерман, Иван Алексеевич (1725–1811), русский дипломат, канцлер Российской империи.

⁵⁴ Государь — друг своих подданных, или придворныя политическия поучения и нравоучительныя разсуждения маньчжурскаго и китайскаго хана Кан-сия, собранные сыном его ханом Юн-джином / пер. с маньчжурск. Алексея Агафопова, СПб.: Тип. Вильковского, 1788.

Агафонова является «Джунгин или книга о верности». Начинается она статьей о небе и земле и о святых, настраивая читателя на разговор о вечном и высоком. «Небо, что бы ни покрывало, и Земля, что бы ни содержала, и человек, чего бы ни делал, во всем от Верности нет величайшего»⁵⁵. Нет ничего более великого, чем Верность. Она у Агафонова имеет несколько значений. Это твердость и порядок, законность и постоянство. «Корень правления государственного всегда происходит от Верности. Потерявши Верность, дела совершать не можно»⁵⁶. Далее идут статьи «о Святейшем Государе», «о начальном министре» и, спускаясь по иерархии, — «о всех людях». Рассматривается положительное влияние законности на все сферы жизни государства, и заканчивается книга статьей «о наблюдении Верности». В одном ряду стоят главы о семье и государстве, которое представляется как расширенный вариант семьи: статья 10 — «о защищении родителепочитания», статья 11 —

⁵⁵ Джунгин или книга о верности... Л. А4.

⁵⁶ Там же. Л. А5

⁵⁷ Там же. С. 23.

⁵⁸ Там же. Л. А4 об.

⁵⁹ Государь — друг своих подданных, или придворныя политическия... С. II.

⁶⁰ Там же. С. 5.

«о распространении правления государственного».

Верность — и это близко Агафонову — не только порядок, но и — Вера. Вера в Бога. «...Добродетель все царства милует, а все царства с Верою и Верностию того превозносят»⁵⁷.

Конечно же, «красной нитью» проходит сквозь повествование столь близкая русскому человеку идея хорошего правителя. Да, к нему требования высоки, но они одинаковы и для него, и для его подданных. «Верность начинается от себя, в доме объявляется, в Государстве совершается, но действии едино»⁵⁸.

То, что начинать нужно с себя, считал император Канси. В его книге «Государь — друг своих подданных» содержатся поучения, как надо поступать в тех или иных случаях и как он, император, поступает. В предисловии сын его, Юн-Джен, подтверждает истинность высказываний отца. «Его учение весьма светло, весьма великолепно, вправду честно, подлинно велико»⁵⁹. Канси приводит себя в пример, не преувеличивая, но и не преуменьшая своих достоинств.

Об учении. «Я на осьмом году от рождения своего <...> познал, что рачительное тщание необходимо в учении»⁶⁰.

О трудолюбии. «Во всем свете ни на какое дело слегка смот-

реть не должно, хотя бы весьма малое и легкое дело было»⁶¹.

О милости. «Милостивой человек о всех сожаление имеет, всякого человека милует и о всех тварях жалеет»⁶².

О трезвости. «Я с малых лет не охотник был пить вина, а нынче, хоть и умею пить, однако не пью <...>, когда случаются праздники, по одной маленькой чарке выпиваю»⁶³.

О воздержании бранных слов. «...людей бранят, но нам, государям, сие никак не возможное и неприличное дело»⁶⁴.

О закаливании тела. «Вы сами видите, что летом я <...> не очень прохладжаюсь, всему я смолоду привык»⁶⁵.

Есть в книге указание на Единого Бога, что Агафонову как противнику язычества близко, и упоминание об ангелах, не духах, а ангелах, в размышлении автора о чистоте внешней и внутренней. «Чистое платье надевши, когда жертву приносят, чтобы думали, что Ангели (именно так) над ними распростершись присудствуют и по правую и левую стороны предстоят»⁶⁶.

Две книги хана Шун Джия написаны более простым и понятным языком. В книге «...к благополучию...» содержатся указания императору, министру, отцу, мужу, сыновьям. Она полна крат-

ких наставлений, напоминающих пословицы и поговорки.

«Послушный Богу востекает, а противный Богу погибает»⁶⁷. Аналог: любят боги послушного, ненавидят непокорного.

«Люди, которые добраго человека поносят и ругают, подобно как на небо плюют, пущенная слина ... к небу не прилетает, и назад самим на лице упадет»⁶⁸. Не рой яму другому — сам в нее упадешь; не плюй против ветра; не плюй в колодец, пригодится воды напиться.

«О чужих недостатках не говори, а на свои избытки не надейся»⁶⁹. Ничтожен тот, кто говорит о чужих недостатках и своих достоинствах.

«Хотя и убог, однако не ласкательствуй, хотя и богат, однако не гордися»⁷⁰. Богат — не хвались, беден — не отчаивайся.

«Небо, хотя и высоко, но слышит весьма низко, солнце, хотя и весьма далеко, но видит весь-

⁶¹ Государь — друг своих подданных, или придворных политических... С. 3.

⁶² Там же. С. 15.

⁶³ Там же. С. 53.

⁶⁴ Там же. С. 58.

⁶⁵ Там же. С. 7.

⁶⁶ Там же. С. 12.

⁶⁷ Манчжурского и китайского хана Шун-Джия книга нужнейших разсуждений к благополучию... С. 10.

⁶⁸ Там же. С. 35.

⁶⁹ Там же. С. 36.

⁷⁰ Там же. С. 37.

ма близко»⁷¹. Бог ведает, кто как обедает.

Есть в книге наставление, почти дословно повторяющее первый псалом Давида: «Блажен муж, иже не иде на совет нечистивых, и на пути грешных не ста и на седалище губителей не седе...»⁷². У Шун Джи в переводе Агафонова: «Что не политично, на то не смотри, и что не благочинно, того не слушай, и что от благочиния отменно, о том не говори, и что благочинию противно, того не шевели»⁷³.

Вторая книга Шун Джи хана «Полезный образ к правлению» тоже полна ярких и точных выражений.

В ней вновь рассматриваются права и обязанности различных социальных слоев. О законе министра, о законе отца. О праве мужа, о праве сына. Есть яркая и запоминающаяся глава о поведе-

нии жены. «И <... >, когда выйдет замуж, тогда может стать покорною <> встает она и умывает лице, убравши волосы, привязывает ножик, платок и наигольник, потом подходит к свекру и свекрови и томным духом, тихим гласом вопрошает о тепле и холоде одежд их.<...> Когда помогает мужу, тогда с постоянным лицом и искренним сердцем произнося речи умеренно, исправляя дела опасно не превозносится, небесчинствует, не имеет порока, гневом и злобою искренность неопорочивает. Ежели муж ея имеет добродетель, то она тщательно повелениям его покоряется, а ежели у мужа ея есть какой грех, то она утрату того искусно поправляет. Сие есть нежности и покорности право»⁷⁴. Как близок этот образ молодой жены образу христианки, для которой «любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует <...> не превозносится, не гордится, не бесчинствует...»⁷⁵.

Предполагаю, что Алексей Агафонов намеренно использовал при переводе измененные цитаты из Писания, пословицы и поговорки, понятные русским православным людям. Он хотел вначале приблизить китайские (маньчжурские) слова к себе, а через себя донести до читателя.

⁷¹ Манчжурского и китайского хана Шун-Джия книга нужнейших разсуждений к благополучию... С. 43.

⁷² Пс. 1.1.

⁷³ Манчжурского и китайского хана Шун-Джия книга нужнейших разсуждений к благополучию... С. 34.

⁷⁴ Манчжурского и китайского Шун-Джи хана книга. Полезный и нужный образ к правлению. С. 17.

⁷⁵ Первое послание святого Апостола Павла коринфянам — 1 Кор.13: 4–8.

«Записки китайские», но не Агафонова

Архив Института восточных рукописей, что в Петербурге на Дворцовой набережной, приготовил для меня несколько сюрпризов. С трепетом и благоговением открывала я тяжелую дверь дворца великого князя Николая Михайловича — именно там находится архив и еще три госучреждения. Поразило и впечатлило все: зеркала в старинных рамах, парадная лестница, тисненные кожаные обои и, особенно, сам читальный зал архива, представляющий одну комнату. Но какую! Кабинет великого князя, окна на Неву и Петропавловскую крепость на противоположной стороне; камин за моей спиной, деревянная резьба на стенах. Говорят, прохожие отдавали честь стоявшему у окна великому князю — таким было уважение к нему, историку, археологу и архивисту.

Я же, глядя на шпиль Петропавловской крепости и ледоход на Неве, ждала заказанные дела. Вот, наконец, одно из них: «Левшин Александр. Записные книги — выписки из китайских классиков на различные темы о религии, законодательстве, быте и т.д. По запискам китайским Агафонова 1788–1795 гг., 335 л., 1811–1816 г.»⁷⁶.

Чудесная рукопись в кожаном переплете, два тома. Раскрыв наугад второй том, я увидела чертежи философского учения Ицзин, схему-хронологию китайских императоров, — все выполнено пером и от руки. Кто же такой Александр Левшин? И как могли попасть к нему записки китайские, предположительно Агафонова, которые он тщательно переписал?

В первом же томе рукописи ответ нашелся: автор перекопировал и документы, касающиеся истории семьи. Вот копия Высочайшего рескрипта Князю Волковскому Михаилу Никитичу: «Посылаю Вам крест с красными камнями и бриллиантами на голубой ленте с тем, чтобы Вы надели <...> на того протопопа Успенского Собора, который во время язвы, <...> столь полезным своим примером в здравительной комиссии зделал услуги. Он же брат Преосвященному Платону. Екатерина 15.04.1774»⁷⁷. Далее императрица просит узнать: не нуждается ли он в чем, не назначить ли ему пенсию. В том же деле уже Павел жалуется и «нашего Синода члену Московского

⁷⁶ ИВР РАН. Р. 1. Оп. 1. Д. 38/1, 38/2.

⁷⁷ Там же. Р. 1. Оп. 1. Д. 38/1. Л. 122.

Большого Успенского собора «протоиерею Александру <...> Командора и две деревни впридачу по случаю указа на Орден Св. Анны I ст., 30.04.1793 г.»⁷⁸. Есть и копия паспорта и аттестата Владимира Левшина, титулярного советника с 31.12.1813 года, что он покойного Синода члена Большого Успенского собора протоиерея Левшина сын⁷⁹.

Вот еще один документ от 2 июля 1814 г. «Мы, Марфа и Мария, дочери покойного титулярного советника Василия Ивановича сына Крылова, продали титулярному советнику Андрею Александрову сыну Левшину дом»⁸⁰. Итак, видим, что Александр Левшин, протоиерей, имеет брата Платона — Митрополита Московского и сыновей Андрея и Владимира.

Александр Левшин слыл собирателем древностей, историком. Был он современником Агафонова, так что записки вполне могли оказаться у него. Но тщательное изучение документа привело меня к другому заключению.

Кроме жизнеописания Конфуция, хронологии китайских им-

ператоров, в первом томе есть общеисторические сведения, а также значение гадальных карт: король, краля, — сравнение китайских иероглифов с египетскими, толкование тайных знаков. Все это никак не вязалось с благочестивым обликом протоиерея.

На листе 130 об. первого тома рукописи — «все взято из первого тома книги под заглавием “китайские записки”», первый том без конца, оборван. Второй том рукописи, лист первый. «Куплена сия книга в одном переплете, дано 10 руб.» и далее зачеркнуто очень плотно, но можно прочесть: «Из книг титулярного советника Андрея Левшина. 1815 год, ноября 4-го дня».

Во втором томе рукописная пометка «конец 2 тома китайских записок надлежащих до истории, жизни, художеств, нравов, обычаев и проч., сочиненные проповедниками веры христианской в Пекине. Издан в Париже с Воли и одобрения короля в 1776 г., на российский же язык переложен в 1786 г. губернии Московской, Клинской округи, в сельце Михалева, Москва, в упив. Тип. у Н. Новикова, 1786»⁸¹. Все записано наимельчайшим почерком. То есть оригиналом для автора рукописи явилась книга, изданная у Новикова, переведенная с французского.

⁷⁸ ИВР РАН. Р. 1. Оп. 1. Д. 38/1. Л. 117 об.

⁷⁹ Там же. Л. 93 об.

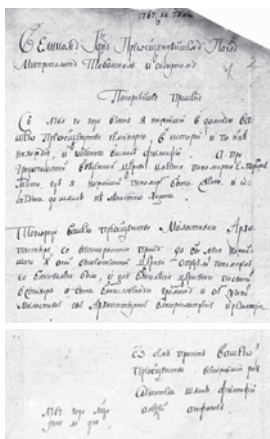
⁸⁰ Там же. Л. 122 об.

⁸¹ ИВР РАН. Р. 1. Оп. 1. Д. 38/2. Л. 9 об.

Да, нашлась такая книга, есть в РГБ, написана французскими проповедниками Sibot, Bour-geois, Amio⁸², переведена Веревкиным Михаилом Ивановичем⁸³.

Можно было предположить, что Сибо, Амю и Буржуа встречались в Китае с Агафоновым, но и перевод и выводы сделали сами. Для уточнения я сравнила три документа: хронология китайских императоров в рукописи «Александр Левшин»; хронология, изданная в Москве⁸⁴, авторство Агафонова определено совершенно точно, и еще один — хронология китайских императоров Антона Владыкина, участника VII пекинской миссии⁸⁵.

Первоисточник один — «Всеобщее зеркало», и выяснить: заимствовали ли проповедники у Агафонова, а Владыкин у проповедников и Агафонова, — невозможно. Скорее всего, каждый шел своим путем. В рукописи Владыкина есть авторские правки, его хронология длиннее на несколько пунктов, так как он был в Китае позже проповедников и Агафонова.

Документ, составленный А. Агафоновым
ГАТоб. И156. Ф. 1.
Он. 2. Д. 1660. Л. 2

Итак, был ли документ под названием «Записки китайские» у Агафонова, на который ссылается Н. Адоратский и студент XII миссии Гошкевич⁸⁶, — неизвестно.

Я же составила и оставила сотрудникам читального зала института письмо, в котором изложила свои мысли по поводу «неагафоновских» китайских записок.

⁸² Сибо Пьер Марсель (1727–1781), Амю Жозеф Мари (1718–1794), Буржуа Франсуа (1723–1792).

⁸³ Веревкин, Михаил Николаевич (1732–1795), русский поэт, прозаик, драматург, переводчик.

⁸⁴ Краткое хронологическое росписание китайских ханов: из книги Всеобщаго Зерцала, с показанием летоисчисления Китайского и Римскаго от начала Китайской Империи по 1786 год переведенные коллежским переводчиком Алексеем Агафоновым в Иркутске, 1786 г. М., 1789.

⁸⁵ ИВР РАН. Ф. 88. Д. 7. Краткий летописец китайских царей. От древних до ныне царствующаго, выбранный из достоверных китайских историй Антоном Владыкиным. 1805 год.

⁸⁶ Адоратский Н. Православные миссии в Китае за 200 лет ее суще-

Эпилог

Китайские иероглифы — об-
разное письмо. Особенно оно
пришлось ко двору в наше ком-
пьютерное, «знаковое» время.

Многовариантность толкова-
ния их и определенность, конк-
ретность, графичность начертан-
ия — это как Инь и Ян, на кото-
рых построена китайская фило-
софия; как единица и ноль — дво-
ичный код — основа современ-
ных информационных техноло-
гий. Обо всем этом не знал уче-
ник класса философии Тобольс-
кой духовной семинарии Алек-

сей Агафонов, без малого 250 лет
тому назад уехавший навсегда из
родного дома в далекий Китай,
чтобы не только изучать язык, не
быть толмачем, а постигать новое.
Понять непонятное, узнать неиз-
вестное, сопоставить свое виде-
ние мира с чужим — это нужно и
в наше время, и в нашем остро
требующем толерантности мире.

И сама жизнь его, как полу-
стертый иероглиф на манускрип-
те истории: негромкая и неяркая,
но очень нужная. Сделавшая Ки-
тай ближе к нам и понятнее.

Приложения

Краткое хронологическое росписание китайских ханов из книги
Всеобщего Зеркала, с показанием летоисчисления Китайского
и Римского, от начала Китайской империи по 1786 год.
Переведенное коллежским переводчиком Алексеем Агафоновым,
в Иркутске, 1787.

Москва: Типография Компании Типографической, 1789.

*Его Превосходительству Михаилу Михайловичу
Арсеньеву, господину генерал-майору,
ордена св. Владимира второй степени
Кавалеру и Иркутского наместничества
правителю, Милостивому Государю*

Ваше Превосходительство! Милостивый Государь!

Глубокое почтение и истиннейшее усердие, каковым я имею явить
счастье к Вашему Превосходительству при вступлении Вашем в но-
вое хозяйство, были причинами побудившими меня посвятить но-

ствования. Казань: Тип. Имп. Унив., 1887. С. 279. «Может быть Агафо-
нову же принадлежит следующие произведения, внесенные в каталоги
пекинской миссии <...> а) описание происхождения и состояния манч-
журского народа; б) **записки китайския**; в) опыт древней философии
китайцев; г) жизнь Конфуция и др.

вый сей перевод имени Вашего Превосходительства; а милостивое принятие онаго будет воображением к чувствованию благодеяния и возжет в сердце моем жар быть ему как и ныне есмь Вашего Превосходительства

*покорнейший Слуга
коллежский переводчик Алексей Агафонов.*

Предуведомление к читателю

Прежде вступления в подробное описание хронологического порядка Китайской Истории надлежит предуведомить читателя, почему Китайская История только начинается от Фухи Хана. Причины я иной не полагаю, как только то, что прежде Фухия в Китае грамоты не было; почему древность времени все закрыла. А в книге Раи Ги упоминается так, что были и прежде Фухия владетели, но в память бытие их предать и через Истории в будущие веки явить не возможно было; потому что тогда еще в народе не было такого просвещения, и учение на свете еще не сияло, но везде простота только царствовала. А как от сего Фухи Хана издана грамота, то все китайские Истории единогласно начинают хронологию от Фухия. А происхождение сего народа, вероятно, кажется быть от Ассирийского рода; ибо в сем языке находящееся некие речи, от Ассирийского происхождения, и что по времени окажется начало оной Империи с Ассирийскою согласно.

Я ж перевел и выбрал с точной Китайской и Манчжурской истории, которая на их языке названа Тунь Дзянь, то есть Всеобщее зеркало, а по краю положил число Римское из Дюгалдовой Истории для согласования времени; а ежели что вам, благословенный читатель, покажется сомнительным, то сие прошу приписать неописанной древности, которая была закрыта невежества тьмою.

Джунгин или книга о верности переведенная с Манчжурского и Китайского языков на Российский Государственной Коллегии Иностранных дел переводчиком Алексеем Агафоновым в Иркутске, 1784, по открытии того Наместничества.

Москва: Типография Компании Типографической, 1788.

**Высокопревосходительному Господину генерал-порутчику,
орденов Святаго Александра Невского,
Святыя Анны и Святаго великомученика и победоносца Георгия,
и Святаго равноапостольного князя Владимира Кавалеру
и правящему должность генерала-губернатора Иркутского
и Колыванского, Ивану Варфоломеевичу Якобию,**

Всеусерднейшее приношение

Ваше Высокопревосходительство, Милостивый Государь!

Давно имея желание изъявить к Вашему Высокопревосходительству глубочайшую мою преданность, осмеливаюсь посвятить Вашему имени переведенную мною малую книжицу о Верности, и открыть мою давно к Отечеству воспламененную верность и усердие.

По открытии новаго сего Иркутскаго наместничества, которое поручено Вашему Высокопревосходительству, по благоволению Высшей власти, от нашей Всемилостивейшей Монархии, от Ея Императорского Величества, осмеливаюсь открыть знак моея верности, благодарности и усердия моего к Отечеству, и первейше принести плоды, о возвращении которых чрез столь долгое время имея признание бывше в Манчжурско-Китайском государстве; осмеливался, яко истинных сын Отечеств, первые плоды трудов моих посвятить Вашему Высокопревосходительству.

Яко первейшему Благодетелю; льстя себя надеждою, что малых, но усердных трудов моих первый начаток удостоен будет принятия от Вашего Высокопревосходительства.

Вашего Высокопревосходительства

Всенижайший слуга Алексей Агафонов.

Манчжурскаго и китайскаго Шун-Джи-Хана книга.

Полезный и нужный образ к правлению.

С Манчжурскаго переведена Алексеем Агафоновым.

Печатано с дозволения указного в Санкт-Петербурге 1788 год.

*Его Сиятельству графу, Ивану Алексеевичу Остерману
Вицеканцлеру, Действительному Тайному Советнику,
сенатору и Ордене Святаго Апостола Андрея,
Св. Александра Невскаго. св. равноапостольнаго
Князя Владимира первой степени, св. Анны Кавалеру*

Всеусерднейшее прошение, Ваше Сиятельство Милостивейший Государь!

Под сень покровительства Вашего прибегнувший из отдаленнейших краев столь чувствительно имея сердце обогрето великия милости лучею, его от всего желания побуждаюся жертвовать посвящением трудов моих имени Вашего Сиятельства, которые да удостоятся милостиваго принятия всеусердно желаю,

Вашего Сиятельства

Всенижайший слуга Алексей Агафонов

Журнал секретных действий, намерений, случаев и перемен, бывших в Тайцзинском Государстве с 1772 по 1782 г. (Л. 220)

«По приезде нашем в пекин сперва не слышно было никаких перемен во всем Государстве (Л. 220 об).

В разные времена имеем мы к Манчжурии так с Китайцами дружелюбно обращение. И в тех дружелюбных многократных обращениях, свидаяся часто, как ласкою, так и подарками, приобрели многих друзей, из которых некоторые весьма открыто дружились с нами, и многие нам открывали таинства, которые касаются особливо до Государства». (Л. 222).

«1780 февраля 2го; приезжали к нам в Российский Посольский двор два офицера, и спрашивали о коже, которую не берет пуля < > им ответили, что живет этот зверь в Северном море и его шкуру выделывают и шьют на всю армию военные кафтаны». (Л. 228).

Параграф 14 журнала.

Л. 247об. «В 1779 г. в Китайском Государстве с западно-северной стороны весьма издали летел метеор и через самый столичный город Пекин.

От летящего метеора искры сыпались преужасной гущины, а от ононого изливался (Л. 248) как от пламени горящего, и видящих людей привел в великий ужас, метеор величиной был с превеликий шар или бомбу. Пролетел он на востоко-полуденную сторону и сколь далеко пал от Пекина, о том нет известия. Когда он пал, то есть падения его такой произошел треск, как от выпала из превеликой пушки, или иное, как от великого, вдруг ударившего грома, и треск оный раздался в Западную сторону.

Китайцы толкуют, что сей метеор был пред несчастьем Государства. В том же году вскоре учинился пожар в полуденной части Пекина; погорело домов и лавок до 30000. Начался тот пожар от лавок, в коих продавалась собираемая бумага, подрванная и черная разного сорта. Загорелось после полудня в 3 часу осенних дней; и пожар продолжался далее полуночи. От пламени загорелась на городской предвратной огады башня, через которую только государь один проезжал в небесное капище. Когда она башня сторела, то искры метало верст за 5, а дым весь несея от всего пожара не высоко по воздуху полосой прямо на востоко-север. По окончании поджога Государю доложено было от надзирателя и правителя сего места Министра что несколько сот домов сгорело».

(Л. 257об.) Подпись писарским почерком Алексей Агафонов.

Прибытия в Сибирь и отъезды из Сибири

1870-е годы в путевых описаниях

Продолжение антологии

1.

1870, июль. Путевые записки епископа Никодима. 1870 // Русский архив. 1903. Т. 4. С. 595–604.

Никодим (1803–1874, в миру Никита Иванович Казанцев) в 1862–1870 гг. служил епископом Енисейской епархии. В дневнике 1870 г. описывается обратное путешествие Н. в Европейскую Россию по окончании срока восьмилетней службы. 19 июня Н. выехал из Томска, 25 июня прибыл в Омск, 1 июля – в Тобольск, 4 июля – в Тюмень, 8 июля – в Екатеринбург, 14 июля – в Пермь (все по тракту), 19 июля на пароходе братьев Каменских достиг Казани, 21 июля – Нижнего Новгорода. Весь путь от Красноярска до Москвы и Перервы занял у Н. 45 дней.

Покровское село — 5 станция, Покровское село. Церковь каменная, большая, новая, двухэтажная. Обводится пространно хорошею каменною оградой, с железными решетками. За две версты до села нас застигла гроза с крупным дождем: были удара два грозные. Мы остановились ночевать в 7 1/2 часов (следующая станция — переезд 32 версты; опасались запоздать). Прекраснейшая радуга, полная, сияющая, на закате солнца, которое нам тоже было видно. Дом крестьянский, но, по-сибирски, весьма опрятный. Нам отдано целое отделение, половина дома, лучшая. Дом против церкви. Я в приятном расположении духа. Дан порядочный сибирского вкуса ужин с рыбкою. Дева зрелая, приятной наружности, живая, пылающая, быстрый взгляд, пришла к нам и села. Спрашиваю: «Ты хозяйка?» — «Нет, работница». — «Ты женщина или девица?» — «Девица». Двусмысленное посещение. Однако, я не смею мыслить дурное. Полнота и цветущее здравие делают ее живою и нежною. Лицо ее приятное, даже очень, но и непорочное. Она еще входила несколько раз по надобностям. (Тут сундуки, постеля хозяйская и, может быть, ее), но ни малейшего слова, движения, даже взгляда скандального. Дитя природы, само собой любующеся и благоухающее нежностью души.

4 июля. Созионовская — 1 станция, Созионовская — село. Церковь хорошая, кажется, каменная. Есть река большая, но мы не переезжа-

ли ее. Переезд 32 версты. Закусили, пьем чай. Видели дорогою два озера. Одно с версту, а другое большое, верст семь. Вчера на этих местах был обильный дождь (вчерашняя туча). Пыли нет. Есть лужицы. Воздух свежий; глотаем его с наслаждением.

2 станция, *Вилижанская* — село. Переправлялись через реку Тура. Будет 100 сажен. Вода красная, мутная, течет тихо. Красный лес, строевой. Болотисто. Настилки на дороге мучают. Жнут хлеб. Старуха накормила клубникою (мелка и незрела).

3 станция, *город Тюмень*. Не доезжая до него верст за десять, мы выехали на Сибирский тракт, который вел до Тобольска, остановились в селе Абацком 28-го июня.

Мы сделали лишних около 200 верст.

Город Тюмень. Он Тобольской губернии. Город большой. Семь церквей и монастырь. Расположен по реке Туре, по обоим берегам. Главное же жительство на правом высоком берегу.

Поперек город не широк, а в длину около четырех верст. Конец его, к Москве, самый высокий; на вершине его монастырь, отделяющийся от города глубоким оврагом.

Сюда недавно переведено главное управление ссыльными. Их здесь сортируют и приурочивают по губерниям сибирским.

Город купеческий, богатый, но мужицкий и грязный. Переполнен свирепым расколом. Монастырь окружен одними раскольниками.

Тюмень, и по-прежнему, место остановок и перегрузки товаров, идущих из России в Сибирь и обратно в Россию из Сибири. Но с недавнего времени, когда заведено пароходное плавание отсюда до Томска (чрез реки Туру, Тобол, Иртыш, Обь и Томь), на пространстве более 1500 верст, Тюмень делается важною пристанью.

Я попросил дозволения остановиться в монастыре и ночевать здесь ради Воскресения Христова и памяти преподобного Сергия Радонежского. Меня приняли вежливо. Дали для помещения хорошие комнаты казначая, который на это время перешел в другие келии.

Был у всенощного. Пение и служба приличные, степенные, неспешные. Служил, однако, один иеромонах с диаконом, оба старцы.

Немного грустно было, что служба была просто воскресная, и святой вспоминался Афанасий Афонский, о преподобном же Сергии не было воспоминания. Тут, однако же, не то чтоб было намеренное неуважение, невнимание, а просто невежество: служба преподобному Афанасию в Минее впереди, ее и пропели. Так монастыри наши переполнены крестьянским невежеством. Храм во имя Пресвятыя Троицы высокий, обширный, светлый. Иконостас многоярусный, тоже большой. Храм возобновлен недавно.

Здесь, в паперти, почивает митрополит Тобольский Филофей, а в схиме Феодор, современник Петра Великого, бывший в Туруханске

и потрогавший мощи блаженного Василия Мангазейского, за что едва не потонул, но раскаялся и ублажил святого.

Есть и другая церковь теплая. Монастырь обстроен хорошо, прекрасный, весь каменный. Ночевал покойно, хотя пугали клопами.

2.

1873, январь. *Meignan V. De Paris a Peking par terre. Siberie — Mongolie.* Paris. 1877. P. 116–119.

Меньян, Виктор (Victor-Edmond Meignan, 1846 — ?), французский путешественник и писатель, совершивший зимнее путешествие через Сибирь в Монголию. 25 октября 1873 г. М. выехал из Парижа и поездом, через Санкт-Петербург и Москву, 15 декабря достиг Нижнего Новгорода. В Пермь М. прибыл 26 декабря, 30 декабря проехал мимо обелиска на границе Европы и Азии, 31 декабря был в Екатеринбургe, 6 января встретил православное Рождество в Камышлове, на следующий день был в Тюмени, 17 октября отправился из Омска в Томск. Урги М. достиг 8 апреля, Китайской стены и Калгана (Чжанцзякоу) — 29 апреля, выехал из Пекина 18 мая 1874 г. Здесь и далее все переводы выполнены автором публикации.

На следующее утро мы прибыли в Тюмень.

Этот город, как и почти все остальные города империи, выстроен на высоком берегу реки. Она называется Тура. В этом он отличается от всех других, пожалуй, только тем, что построен на впадении в Туру маленькой реки, которую здесь считают за ручей, и существование которой неведомо географам. Меж тем последняя не менее широка, чем Сена в Париже, и, чтобы достичь Туры, в которую впадает, проделала в тюменском холме глубокую яму.

Через эту реку выстроен мост, но он находится на самом дне оврага. Никто и не пытался смягчить крутизну обрыва, так что для того, чтобы вскарабкаться на другой берег, вы должны стремительно съехать с высоты другого, стараясь не утратить набранной скорости на протяжении всей длины моста.

Выполняя эту двойную задачу, сани несутся галопом. Что же касается прохожих, то они спускаются с высоты обрыва на своих двоих, и

Мои сани

Илл. из книги В. Меньяна

Рынок в Томске

Илл. из книги В. Меньяна

слишком быстро для того, чтобы можно было находить в этом какое-то удовольствие. Скотина, обычно очень неспешная, кубарем слетает вниз за несколько секунд, как на русских горках. Все обрабатывается в го-

ловокружительный аллюр. В остальном город представляет мало интереса. Здесь еще только узнается соседство Востока: базары, расположенные, несмотря на суровость климата, на открытом воздухе, издалика напоминают базары Сирии или Африки.

Иногда в кафе разодетые в шелк женщины, невзирая на грязные свои нижние юбки, поют и пляшут для удовольствия посетителей. В Африке нас примиряет с завываниями арабских альмей любовью к местному колориту, а также тот факт, что выбирать не из чего; но я решительно не понимаю, как эти цыганки осмеливаются драть свои голоса в России, стране нежных и возвышенных мелодий. Я почти согласен с мнением тех, кто превозносит цыган Петербурга и Москвы: там они цивилизованны, образованны и, так сказать, утратили почти свою национальность. Но в Тюмени они пребывают доселе в своей истинной стихии. Я имел несчастье заглянуть в одно из этих заведений, но поспешил его покинуть, не без удовольствия воротясь к своим компаньонам.

В окончание нашего ужина мы отведали превосходных фруктов, хранившихся в замороженном виде. Этот способ консервации обычен для Сибири. С началом холодов плоды выносят наружу, помещая с северной стороны, чтобы солнце не могло их достигнуть: они полностью замерзают и хранятся точно так же, как мясо и все другие сибирские продукты. Фрукты сохраняют свой вкус, несмотря на твердое состояние, в которое они обратились. Когда их подают на стол, они твердые, как дерево; их падение на землю производит звук падения твердого тела. Мало-помалу они оттаивают и принимают первоначальную форму. Я ел в Тюмени грушу, которая во время консервации была уже слегка перезрелой. В замороженном виде она, однако, была ничего.

Летом в Тюмени останавливаются пароходы, следующие из Томска по Томи, Оби, Тоболу и Туре. По этой причине город представляет собой большой склад. Это, как мне кажется, и есть причина его существования, так в нем нет ни очарования, ни промышленности.

3.

1873, июнь. Коваленко С.А. Разбитая жизнь. Рассказ ссыльного. (К истории бродяжничества на Руси) // Русская Старина. 1900. Т. 102. № 6. С. 550–551.

Коваленко, С.А. (? – ?) — ссыльный бродяга. 12 сентября 1872 г. по приговору Херсонского окружного суда был присужден на водворение в Восточную Сибирь. Перезимовав в Московской пересыльной тюрьме, 30 апреля 1873 г. К. в составе партии ссыльных отправился на поезде в Нижний Новгород. Мемуары К. содержат немного точных дат. В Нижегородскую пересыльную тюрьму партия прибыла 1 мая и провела там две недели. Затем последовало путешествие на пароходе в Пермь, там — пересадка на шестиместные телеги и стремительное путешествие в ручных кандалах по ужасной дороге до Тюмени, продолжившееся девять дней. В Тюмени К. получил назначение в Енисейскую губернию. Партия была посажена на тюремную баржу. Путешествие баржи до Томска длилось десять дней, на одиннадцатый она прибыла в Томск. После двухнедельного пребывания в Томске партия пешим порядком отправилась в Восточную Сибирь. Путь до границы Восточной Сибири, располагавшейся в 18 верстах от Ачинска, продолжался 21 день. 26 июня 1873 г. К. прибыл на место своего назначения, в деревню Д. одной из волостей Ачинского округа Енисейской губернии.

В то время из Перми до Тюмени арестантские партии в летнее время отправлялись ежедневно по 90 человек на лошадях, размещаясь по 6-ти человек в телеге, седьмой конвоир и восьмой ящик. На всех арестантов налагались ручные оковы, даже и на тех, которые были в кандалах. Ехали по три станции в день, сломя голову. Путешествие это, продолжавшееся девять дней, было настоящим наказанием для арестантов. Телеги были тряские, маленькие, ничего не подстилалось; хорошо, если у кого был какой-нибудь багаж, который допускался не более 30 фунтов на человека, то все-таки несколько удобнее было сидеть, но и багаж имели право иметь только административно ссылаемые и лица привилегированного сословия; вообще же лишенным всех прав состояния и бродягам, кроме казенного, не позволялось ничего иметь. Свешивать ноги с телеги строжайше воспрещалось, даже не дозволялось ворочаться в телеге, а как сел на станции, в таком положении должен ехать до следующей. Следовательно, нужно было сидеть скорчившись всю дорогу. Руки каждого должны быть на виду конвоира, сидевшего лицом к арестантам; это ввиду того, что некоторые наручники снимались с рук.

Дорога между Пермью и Тюменью в то время была самая убийственная, даже и едущие в хороших экипажах проклинали ее на чем свет стоит. От ежедневной нестерпимой тряски каждый испытывал колотье

внутри, все члены были разбиты, а тут, в довершение всего, расстраивались желудки. Кормовые деньги выдавались на руки по 10 коп. в сутки. На каждом этапе продавалась пища женами конвойных солдат.

Пища большей частью была недоброкачественная, дурно действовавшая на желудок. Расстройство его у одного из арестантов было тяжело для остальных пяти, ибо во время путешествия они были соединены одной цепью, от которой освобождались лишь на ночь.

По прибытии в Тюмень я назначен был в Енисейскую губернию. Настал день отправки, и партия, состоявшая из 400 человек, отправилась на пристань. Здесь вошли на баржу, устроенную специально для арестантов, и потянулись за пароходом до Томска. Пища на барже была прекрасная, которая там же и готовилась. Плыли мы всего десять дней, а на одиннадцатый прибыли в Томск.

4.

1873, летний сезон. *Суворов П.П.* Записки о прошлом. Москва, 1898. Т. 1. С. 139–143.

Суворов, Петр Павлович (1839–1901) — офицер, писатель, журналист. В июне 1873 г. отправился в Иркутск для работы в сибирской прессе. Мемуары С. были впервые опубликованы в 1893–1894 гг. в журнале «Русское обозрение». Его рассказ о путешествии к месту службы не содержит точной хронологии.

За Екатеринбургом, недалеко от него, начинается равнина. Кажется, между первой и второю станциями, на самом выдающемся месте хребта, стоит близ дороги каменный столб. На нем по одну сторону значится: «Европа», по другую «Азия». Не знаю почему, но эта надпись навела на меня грусть. Все милое и дорогое далеко осталось за мною; за мною остался и цивилизованный мир с его манящей внешностью и радостями. Но что впереди меня?

Неприветливо и холодно взглянула на нас Западная Сибирь. Небо облачно, по сторонам тощие березовые леса с искривленными стволами. Они скорей напоминают поросль, нежели то, что мы подразумеваем под именем леса. Точно Бог истощил здесь запас творческих сил: так все голо и грустно. Безотрадная равнина тянется долго, точно ей и конца нет. Но вот первая сибирская почтовая станция. Большое село с богатою церковью посредине. Мужики выглядывают бойко, даже вызывающе. Дома крепкие, в несколько разрисованных окон, с тесовыми крышами. Попадают строения и двухэтажные. Тарантас наш подъехал к станционному крыльцу, и чей-то голос спросил ямщика:

- Откуда везешь?
- Расейские, — был ответ.

Это слово — «расейские», как я узнал после, имеет глубокий, даже политический смысл. В нем заключается представление о России,

как о чем-то отдаленном, не имеющем родственного, близкого соотношения ее к стране, завоеванной истым русаком. В Иркутской губернии мне даже приходилось слышать слово «Метрополия» вместо Россия. Странно, что некоторые наши ученые, вроде покойного Дмитрия Иринарховича Завалишина, поддерживали мнения, подобные вышеизложенным. Я лично слышал от него сепаративные выходки. Он был тех убеждений, что Сибирь должна существовать для сибиряков, как Америка для американцев, а не наводняема чуждым ей пришлым элементом. Что бы Завалишин сказал теперь, когда его вторая родина скоро соединится неразрывным железным путем с Европейской Русью? Он искренно пожалел бы об этом.

Мы в Тюмени, в первом сибирском городе по Великому тракту. Тюмень красуется на берегу судоходной Туры, на которой начинается пароходное сообщение с Томском, на протяжении трех тысяч пяти сот верст. Мы искали в Тюмени что-нибудь замечательное выделяющееся, и ничего не нашли. Нам показали лишь один развалившийся дом, в котором, по верованиям туземцев, обитали черти. В Тюмени обрабатывается большое количество кож, а теперь, благодаря Уральской железной дороге, производится и хлебная торговля. В мое время хлеб в Западной Сибири продавался невероятно дешево: десять копеек за пуд; цена на овес была еще ниже, а на сено не имелось никакого спроса. Поистине, тогда существовала золотая эра для обитателей южной части Тобольской губернии и Акмолинской области. Приятно проезжалось и по деревням названных местностей. Дома, их обстановка и самый мужик дышали довольством и сытостью. Теперь все изменилось. Говорят, в Тюмени цены на хлеб стоят почти такие же, как и по эту сторону Урала. Часть сибирского хлеба в голодный год достигла даже до Казани...

Чтобы добраться водою до Томска, нужно пройти несколько больших рек: Туру, Иртыш, Обь и Томь. Все они не изобилуют привлекательными картинами. Лишь Иртыш имеет в некоторых местах грозные, высокие берега и напоминает собою нечто могущественное и величавое. Город Тобольск, мимо которого приходится плыть, может похвалиться любовью к старине. Он издревле сохранил до моего времени бревенчатые мостовые, которых не выдержит ни одна цивилизованная душа. Не имея горя на сердце, она будет потрясена до самой своей глубины. Пароход запасался в Тобольске дровами; пользуясь этим, мне вздумалось познакомиться с городом. Поместившись на дроги, местный экипаж, я не проехал версты по улицам бывшей сибирской столицы и просил извозчика вернуться на берег. Меня трясло, как в лихорадке, а лошадь попадала беспрестанно в расщелины сгнивших бревен. Видно, что в описываемом городе царит дух Ермака, с его памятником, и не хочет поддаваться никаким новшествам.

5.

1874, март-апрель. *Пясецкий П.Я.* Путешествие по Китаю в 1874–1875 гг. Через Сибирь, Монголию, Восточный, Средний и Северо-Западный Китай. В 2 т. Т. I. СПб., 1880. С. 8–10.

Пясецкий, Павел Яковлевич (1843–1919) — врач, художник, участник экспедиции полковника Ю. А. Сосновского в Китай. П. выехал из Санкт-Петербурга 14 марта 1874 года, соединился в Москве со своими спутниками и отправился по железной дороге в Нижний Новгород, откуда начались шесть тысяч верст езды на почтовых. Эта часть книги П. не содержит точных дат. Участники экспедиции ехали через Волгу, Казань, Пермь. На Урале их застала распутица, за Уралом сани сменил колесный экипаж. Проведя в Тюмени девять дней, экспедиция отправилась в Омск, а затем, после недели пребывания в последнем, в Семипалатинск, где провела весь май (23 дня). Кяхты на границе с Китаем экспедиция достигла в июле.

Вот мы и в границах Сибири; вот ее первый город на этом тракте — Тюмень, в котором мы пробыли целых девять дней. Сосновский остановился здесь по делам экспедиции, которой он на отпечатанных бланках дал название «учено-торговой»; так, по торговым делам считал он нужным переговорить с представителями тюменского купечества. Мои обязанности входили в первую часть титула экспедиции, и потому я считал лишним заглядывать в сферу ее торговых задач; но пока моя деятельность не началась, я интересовался ими как общим делом и потому присутствовал при его беседах с тюменцами, которые, как он говорил, имели целью «поучение купечества общегосударственным пользам». Тюменцы слушали очень внимательно, соглашались, по-видимому, с тем, что новый путь в Западный Китай, который мы откроем, окажет весьма большие услуги нашей торговле вообще и западносибирской в особенности; но когда пришлось доказать, что они «научились несколько общегосударственным пользам», т.е. сделать денежное пожертвование в пользу экспедиции, в размере тысяч 15 или 20, как допускал Сосновский, они под разными благовидными предложениями отказались.

Поучения производились снова, усиленно, с неоднократными посещениями некоторых¹ на дому, с поездкой его даже в деревню к одному из тюменских капиталистов², но все было напрасно. Они не только ничего не пожертвовали, но даже кто-то распустил слух, что мы вовсе не лица, командированные правительством, а странствующие артисты и т.д. Сосновского это сердило, а меня только забавляло. Да и стоило ли сердиться; ведь у нас были доказательства тому, кто мы; ведь правительством были даны средства на все расходы по

¹ Г. Холмогоров, Подаруев (прим. авт.).

² Г. Козелло-Поклевский (прим. авт.).

экспедиции: зачем же, думалось мне, еще частные пожертвования? Положим, что не мешает иметь большие средства, но они не были необходимы; а все нужное мы имели... Отчего же раздражаться и даже как будто отчаиваться? Такими словами старался я успокаивать своего спутника, но не скоро мог его утешить.

— Хорошо, — говорил он нам в раздумье, — что хоть от Губкина, в Кунгуре, я получил две тысячи рублей, а то с этими, как с москвичами, ничего не сделаешь. Впрочем, перед нами еще Томск, Иркутск, Кяхта, — теперь как будто утешал он нас.

Впрочем, мы должны помянуть Тюмень добром: там были изготовлены для экспедиционной фотографии до пятнадцати ящиков превосходной работы, со всевозможными удобствами и приспособлениями. Труды по этому взяли на себя И.В. Канонников и К.Н. Высоцкий, а на кого пали расходы, вероятно не малые, мне неизвестно. Эта услуга тюменцев была очень большая, потому что, если бы фотографические принадлежности мы повезли в петербургских ящиках, упаковки Ширла, от всего остались бы только щепки да толченное стекло. Все эти ящики были высланы нам в Томск, и когда их раскрыли, мы долго просто любовались ими; кроме того, оказалось, что все пустые места были наполнены разного рода необходимыми или полезными в дороге вещами, а бутылки для будущих химических растворов оказались наполненными разноцветными жидкостями с надписями: коньяк, ром, наливка и проч. Все дорогие вещи в дороге, но всего дороже, конечно, были любезность и предупредительное внимание к нам, за которые и говорим самое большое спасибо.

Из Тюмени путь лежит на Омск...

6.

1875, октябрь. *Dr. Lundstrom. Expedition polaire suedoise, sous la direction de M. le Professeur A.E. Nordenskiöld. 3e partie. De Dicksons — Hamn a Stockholm a travers la Siberie // Le Tour du Monde. 1877. Vol. XXXIII. P. 222.*

Лундстрем, Аксель (Lundstrom, Axel Nicolaus, 1847–1905) — шведский ботаник, член экспедиций 1875 и 1876 гг. к устью Енисея под руководством А.Э. Норденшельда. Успешно пройдя северным морским путем из Норвегии к устью Енисея и вверх по его руслу до Енисейска (22 сентября), путешественники предприняли осенью 1875 г. триумфальное сухопутное возвращение в Европу, кроме всего прочего, имевшее целью пропаганду достижений экспедиции среди промышленников сибирских городов. Оставив Енисейск 10 октября, 12 октября путешественники прибыли в Красноярск, откуда отправились по почтовому тракту в Стокгольм. См.: Норденшельд, А.Е. Экспедиции к устьям Енисея 1875 и 1876 гг. СПб., 1880.

[21 октября]... оставляем Омск.

Мы следуем на запад, по-прежнему одной степью. Снег выпал в таком изобилии, что можно было бы ехать на санях, но в нашем распоряжении только повозка, которая ужасно трясется, катясь по обледеневшей почве. Помногу часов просиживаем на станциях, поскольку в этот же день, для перевозки серебра, отправленного с Алтая, были реквизированы сто пятьдесят лошадей. Однако же едем весьма скоро, обычно делаем двести сорок километров в сутки.

26 октября прибываем в Тюмень, который расположен на притоке Тобола. Это город изрядный в округности, но большинство домов в нем маленькие и убогие. Нам все же удалось обнаружить гостиницу вполне европейскую и лучшую из всех, что видели в Сибири.

Приближаемся к Уралу. Местность понемногу становится холмистой, сосновый лес свидетельствует о том, что мы покинули зону степей. Удивительно! На этих деревьях, как и на тех, что растут в степи, нигде не увидишь лишайников. Это, очевидно, следствие невеликой влажности воздуха в этой стране. С другой стороны границы, напротив, лишайники на деревьях — не редкость.

Двигаясь с великим проворством, ночью с 28 на 29 октября прибываем, наконец, в Екатеринбург.

7.

1876, апрель; 1876, октябрь. *Finsch O. Reise nach West-Sibirien im Jahre 1876.* Berlin, 1879. Цит. по переводу: Путешествие в Западную Сибирь д-ра О. Финша и А. Брэма. Москва: Тип. М.Н. Лаврова и К°, 1882. С. 36–45, 560–562.

Путешествие немецких зоологов Альфреда Брема (Brehm, Alfred Edmund, 1829–1884) и Отто Финша (Finsch, Otto, 1839–1917) в Западную Сибирь, предпринятое по поручению Бременского географического общества в 1876 г., после успеха первой экспедиции А.Э. Норденшельда (см. выше), и начавшееся 18 марта 1876 г. в Москве, хорошо известно. Тексты даются в сокращении.

За Камышловом дорога пошла, большей частью, запущенными березовыми лесами. Образовавшиеся в них, от таяния снега, глубокие лужи затрудняли наше движение на каждом шагу. За 9-й станцией, у деревни Марковской, мы переехали политическую границу Сибири, обозначенную круглым кирпичным столбом, на котором красуются гербы Пермской и Тобольской губерний. Вступление наше в первую сибирскую деревню, Тугулымскую, последовало весьма скромно, именно пешком, так как с нашим собственным экипажем случилось то же самое, что ранее с багажным; по счастью, это произошло лишь в нескольких шагах от деревни. У станции мы встретили большую толпу народа, почтительно нас приветствовавшую, — внимание, которое

для нас было совершенно неожиданно. Но мы удивились еще более, когда, едва успев снять шубы и валенки, мы получили визит представительного господина в полной форме, в эполетах, орденах и при шпаге, который поздравил нас с приездом в Сибирь и предложил проводить до Тюмени, где нас уже ожидали. Это был Василий Константинович Игумнов, тюменский исправник, следовательно, весьма важное официальное лицо, в руках которого находится главное управление округом.

<Оставшиеся до Тюмени 54 версты, метель, описание необходимой сибирской одежды, недостатки немецких шуб>

Хотя у городских ворот нас и ожидал верховой провожатый с фонарем, наши ямщики проплутали более часа по пустынным улицам и площадям незнакомого города, пока, наконец, часам к 9 вечера не отыскали дом гостеприимного хозяина. Здесь уже с пяти часов ожидал нас сытный обед, но что касается меня, я так прозяб и утомился, что прежде всего нуждался в отдыхе и был очень рад, когда получил возможность броситься на постель.

<Описание сибирского гостеприимства, оказанного путешественникам в доме И.И. Игнатова. Меню. Сведения о фирме «Колчин и Игнатов», «которой принадлежит большая часть пароходов, плавающих на Оби и ее притоках». Карьера миллионера Игнатова>

Достопримечательностей в городе никаких нет, но наши любезные хозяева показали нам все, что хотя несколько могло заинтересовать нас по своей оригинальности. На следующий день (10 апреля н.с.) утром поехали мы, в сопровождении исправника и предшествуемые верховым казаком, в острог, т.е. — тюрьму, которая служит зимним приютом несколько сотням и даже тысячам ссыльных, так как в Тюмени находится в настоящее время «приказ о ссыльных», т.е. судебное учреждение, заведующее распределением ссыльных.

<Антропологическое разнообразие ссыльных. Вольные ссыльные. Каторжники. Бродяги. Дети. Занятия ссыльных. Поделки и сувениры. Женщины. Мужеубийцы. Полезна ли или вредна такая система наказания? Сиротский дом как человеколюбивое заведение. Скромная управляющая. Машинная фабрика Вардропта. Кожевенный завод Ф.С. Колмогорова. Тюменские ковры.>

Из всех широко раскинувшихся городов Сибири Тюмень, со своими 18000 жителей, может, по занимаемому им пространству, считаться самым обширным, хотя и правильно расположенным. Улицы широки, не мощены, дома, по большей части, деревянные. Впрочем, есть и несколько красивых каменных зданий, в том числе одна типография, работающая очень недурно.

Мы купили здесь небольшой юмористический альбом, изображающий весьма удачно, пером и карандашом, сибирские города и нравы. Так, напр., в сатире на предприимчивость тоболяков последние обвиня-

ются в том, что они даже сами готовят себе папиросы и нисколько не совестятся сами ходить за своей ежедневной порцией водки.

Тюмень лежит на Туре, довольно большой реке, в которую в этом месте впадает Тюменка. Через последнюю перекинут мост, у которого прежде была крепость, очень подробно описанная Гmeliном, но которая, как совершенно ненужная, давно уже уничтожена. Во времена Гмелина еще можно было видеть остатки укрепления, так как Тюмень некогда был значительным городом в древнем сибирско-татарском царстве. Он уже находится на карте Герберштейна 1549 года, хотя только в 1584 году попал под власть России. Тюмень может считаться значительным торговым пунктом. В январе месяце в нем бывает ярмарка, одна из значительнейших во всей Сибири, с оборотом более миллиона рублей. Но особенное значение представляет Тюмень как центральный пункт торговых путей Сибири, как караванных, так и речных. Половина всех обских пароходов имеет здесь свое пребывание, хотя р. Тура и представляет то неудобство, что суда по ней только ранней весной, в половодье, могут подходить к городу, в остальное же время года принуждены останавливаться у деревни Артамоновской, лежащей в 275 вер. вниз по Тоболу. Но это неудобство не особенно вредит городу, потому что, с одной стороны, через него идут из Томска большие транспорты чая и других товаров на Ирбитскую ярмарку, а с другой стороны, по окончании последней, идут многие товары тем же путем через него обратно. Что касается Ирбита...

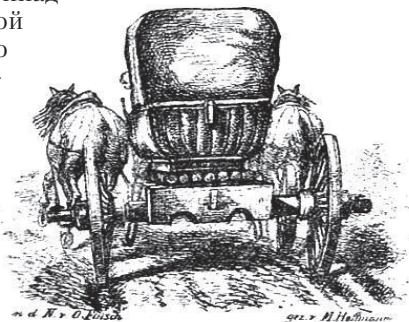
<Описание Ирбита>

Я осмотрел все достопримечательности Тюмени и мог следующий день вылежать спокойно в постели. Впрочем, это случилось не добровольно, а вследствие схваченной мною на последних двух станциях сильной простуды, которая выразилась в лихорадке и приковала меня на целый день к кровати.

Спутники мои воспользовались этим временем для осмотра вышеупомянутой типографии, принадлежащей Высоцкому, машинной фабрики Вардропера, рыбного рынка и этнографическо-естественно-исторической коллекции г-на Канонникова. По видимому, господин Канонников во время своих долгих поездок по Сибири успел собрать богатые материалы.

Тарантас

Илл. из книги О. Финша и А. Брема

Граф Вальдбург-Цейль особенно хвалит в этой коллекции искусные работы чукчей из мамонтовой кости. Г. Канонников подарил экспедиции два черепа из могил в окрестностях Тюмени, принадлежавших, по всей вероятности, вогулам. На следующий день, несмотря на увещания пользовавшего меня врача, я встал с постели и в 9 ч. утра (13 апреля н. ст.) мы тронулись в путь, предварительно отослав в Томск часть нашей поклажи (патроны и консервы)...

2) *«Обратный путь, 10–12 октября. Изготовление ящичков. Исправник был так добр, что прислал нам плотника, так как мне нужно было заказать ящички для упаковки остальной этнографической коллекции. О каторжниках.»*

Тюмень я уже описывал выше; прибавлю здесь еще, что он, как и большая часть или почти все большие города Сибири, имеет «городской парк», т.е. место для прогулки, засаженное деревьями. Несколько южнее Тобольска, под 57° 10' северной широты, в защищенных садах растут яблоки, груши и вишни, как показали это удавшиеся опыты г. Колмогорова, с успехом занимавшегося ввозом фруктовых деревьев. В первый раз в Сибири видели мы в Тюмени речных раков (вероятно, волжской породы: *Astacus leptodactylus*). Они были привезены из Туры, где их разводят искусственно...

Охотно посетил бы я могилу высокозаслуженного Стеллера, о которой упоминает Паллас (II, стр. 366), однако никто не мог указать мне ее места.

8.

1876, май. *Поляков И.С.* Письма и отчеты о путешествии в долину р. Оби, исполненном по поручению Императорской Академии наук. СПб., 1877. С. 3–4.

Поляков, Иван Семенович (1845–1887) — зоолог, этнограф, хранитель Зоологического музея при Академии наук. Экспедиция П. началась в Санкт-Петербурге 19 апреля 1876 г. 22 апреля П. прибыл в Казань, 14 мая был в Тобольске. 27 мая П. оставил Тобольск для плавания вверх по Иртышу и Оби.

С перевалом через Урал, начиная от Екатеринбурга, потянулись к востоку чисто аллювиальные отложения из песков и глин; местность сделалась однообразно равнинною, изредка холмистою, болотистою, до самой Тюмени. В первых числах мая были ничтожны здесь и следы весны; на Урале я наблюдал еще на перелете, около Златоустовских ключей, береговых ласточек, чайку-рыболова; пигалица (*Vanellus cristatus*) была здесь парочками; рано утром первого мая, которое я встретил как раз около пограничного столба между Европою и Азией, я слышал голос водяной курочки (*Gallinula porzana*); рано по утрам, в

лесах и болотах, около дорог, токовали тетерева, бекасы, напевали овсянки (*Emberiza citrinella*) — она преобладает; вида близкого к ней, *E. pithyornus*, свойственного Уралу и Сибири, я еще нигде не встречал; около Тюмени можно было слышать голоса других певунов, вроде пюночек, зарянки (*Sylvia rubecula*), варакушки (*S. suesica*) и пр.

Подъезжая к Тюмени, я узнал, что только 2-го мая оказалась небольшая возможность переехать через Иртыш, по Омскому тракту, несколькими тройкам почты; следовательно, по Иртышу еще в начале мая был сильный ледоход. Первый пароход в Иртыш из Тюмени вышел 5-го мая, срочный же пароход из Тюмени в Томск должен был выйти только 12-го мая; в ожидании этого парохода я и прожил в Тюмени около недели. Принятый весьма радушно представителями города, я, в сообществе с бывальными около берегов Ледовитого моря и в низовьях Оби людьми, вырабатывал план для своей дальнейшей поездки и делал необходимые заготовки. 14-го мая я был уже в Тобольске...

9.

1876, май. *Даль К.* Описание двух экспедиций в реку Обь, снаряженных членами Императорского Общества для содействия русскому торговому мореходству, в 1876 и 1877 гг. Москва, 1877. С. 10–17.

Даль, Кристиан Йохан (Dals, Kristians Johans, 1839–1904) — латвыш, капитан дальнего плавания. Вечером 6 мая 1876 г. отправился из Москвы в Сибирь для того, чтобы возглавить плавание на шхуне «Москва», имевшее целью отыскание торгового пути через Карское море в Европу. 8 мая Д. был в Казани, 12 мая — в Перми, в Тюмени Д. оставался с 17 мая по 2 июня, дня начала плавания.

15 мая мы очутились уже на ровной местности. В то же время мимо нас, с быстротою стрелы, промчался генерал-губернатор Западной Сибири. Мы, правда, с нашим нагруженным тарантасом не могли поспеть за ним, но все-таки уезжали никак не менее 12 верст в час, и только при такой езде нам удалось с 15 по 16 мая проехать 200 верст. В 5 час. вечера мы из Пермской губернии очутились в Тобольской и могли считать себя уже почти в Тюмени. Здесь горная страна уже вполне сменилась равниной. Хвойные деревья, господствующие в Пермской губернии, уступают место березе и осине. Чернозем, в смеси с глиной и песком, производит здесь богатую зелень и образует великолепные поля, небрежная обработка которых ослабляет, впрочем, приятное впечатление. Хороши также избы, почти сплошь покрытые резьбой и по большей части выкрашенные. Один только недостаток бросается в глаза: почти все они стоят прямо на земле, без фундамента. Вследствие этого старые избы более или менее пошатнулись набок. Население здесь опрятнее, одевается с большим вкусом и гораздо обходительнее, чем в Пермской губернии. Промыслы здесь также значительно более развиты. Мужчи-

ны занимаются выделкою упряжи, туязов и пр. Женщины особенно искусно выделывают ковры. Почти в каждой избе на ослепительно белом полу я видел разостланный ковер. Правда, относительно подбора красок и рисунка их никак нельзя назвать красивыми, но выделка очень искусна. Цены таких ковров и половиков весьма умеренные.

Прибывши рано утром 17 мая в Тюмень, я тотчас, в сопровождении моего помощника, отправился к тем лицам, к которым у меня были рекомендательные письма. Как часто случается, я искал одного из этих лиц, г. Игнатова, по всему городу более половины дня, а оказалось, что его контора помещается на паровой пристани, почти у самой гостиницы, в которой мы остановились. Но, к несчастью, я узнал, что И.И. Игнатов уехал в Томск и возвратится едва ли ранее половины июня. Тогда я вручил свое рекомендательное письмо Г. И. Игнатову, который любезно сообщил мне необходимые сведения...

<Обстоятельства строительства шхуны>

Ко всем прочим работам прибавилась еще необходимая выверка хронометров, которую опять-таки часто задерживали то облачная погода, то другие причины. Итак, пока у нас не было ни журавля в небе, ни синицы в руках. Кстати, астрономические наблюдения послужили поводом к одному эпизоду, который рассказать здесь будет небезынтересно.

Наблюдения мои, по причине скудного времени, должны были ограничиваться измерением высот солнца вблизи 1-го вертикала. Так как долгота и широта колокольни Тюменского монастыря была определена еще до меня, то мне оставалось избрать колокольню своею обсерваторией. Позволение на это я получил от монаха — первого человека, встретившегося мне на монастырском дворе. Но вскоре я узнал, что если не желаю быть прерванным во время самого наблюдения, то должен заручиться разрешением архимандрита. Отправившись к нему, я увидел перед собою 70-летнего старца с длинными седыми волосами; я передал ему свою просьбу — позволить мне свободно делать наблюдения на монастырской колокольне. Не успел я еще кончить, как архимандрит прервал меня словами: «Почему вам хочется делать наблюдения непременно здесь? То же самое вы можете сделать, например, в думе». Я объяснил ему, что монастырская колокольня есть единственное место в Тюмени, долгота и широта которого известна, а самому заняться определением широты и долготы какого-нибудь другого пункта мне невозможно за множеством других работ. В ответ на это я должен был выслушать длинную историю о том, что и прежде здесь что-то меряли, а потом и отняли часть монастырской земли, так что он, очень мало понимая пользу моих измерений, принужден решительно отказать мне. Он прибавил, что если уже делались астрономические наблюдения, то, значит, зачем их повторять, а широту и долготу я могу найти на всякой хорошей

карте. Я старался, как умел, в возможно понятной форме объяснить ему цель моих наблюдений, но о. архимандрит остался глух ко всем объяснениям. Делать было нечего, пришлось телеграфировать в Тобольск к архиепископу, от которого я получил полное разрешение.

<...> Итак, последние дни наши в Тюмени были посвящены исключительно «Москве», кроме немногих необходимых для астрономических наблюдений часов. И все-таки мы не были уверены, что поспеем ко 2 июня — дню отплытия парохода: так много еще оставалось работы и на судне и на суше...

<...> Незадолго до отплытия наше судно посетил Г.И. Игнатов в сообществе незнакомых мне лиц. Загроможденная блоками и разными другими деревянными вещами палуба едва ли произвела на гостей приятное впечатление, да у нас самих пока не было где преклонить голову; каюта была еще далеко не готова...

Наконец, после 7 часов отплыли мы на буксире парохода г. Игнатова. Кроме меня и моего помощника, на судне было еще два плотника и в должности повара поляк, сосланный за политическое преступление.

10.

1877, март; 1877, август. *Seebohm H.* The Birds of Siberia. A Record of the Naturalist's Visits to the Valleys of the Petchora and Yenesei. London. 1901. P. 262–263, 471–475.

Сибом, Генри (Seebohm, Henry, 1832–1895) — британский промышленник, зоолог и орнитолог. Летом 1877 г. присоединился к очередной экспедиции капитана Джозефа Виггинса на Енисей. Оставив Лондон 1 марта 1877 г., путешественники приехали в Нижний Новгород утром 10 марта, 15 марта проехали Пермь, 18 марта достигли Екатеринбурга. 5 апреля экспедиция была уже в Енисейске. Обратный путь начался 20 августа в Енисейске, 30 августа путешественники оставили Томск, 15 сентября достигли Перми, 20 сентября — Нижнего Новгорода, 21 сентября — Москвы. 10 октября С. был в Шеффилде.

<Екатеринбург>

Впрочем, свободного времени совсем не осталось. За то время, пока продержатся морозы, надо было преодолеть возможно большее расстояние. Второпях попрощавшись с друзьями и получив подорожную до Тюмени, мы за тридцать девять часов и двенадцать этапов проделали 306 верст, или 204 мили. Это была слегка холмистая, поросшая лесом местность со многими деревнями.

Пару дней провели в Тюмени, наслаждаясь гостеприимством г-на Вардропшера, шотландского инженера; с ним вместе посетили г-на Игнатьева и обедали у него дома, в компании купцов, проживающих в этом преуспевающем городе. Река вся была забита вмержшими в лед пароходами, которые оставлены здесь на зимние квартиры. Все свидетельствовало о коммерции и процветании. Дом Ивана Иванов-

вича Игнатьева — милый особняк, красиво обставленный в германском духе, такой мог вполне бы служить обиталищем некоторого северо-германского семейства с годовым доходом в 600 или 700 ф. ст. Ждал нас ланч, скромный, но сытный, ростбиф и кларет, жареная куропатка и херес, мороженое и шампанское. Один из гостей, представивший собою великолепный образец русского человека, рост имел 6 футов 8 дюймов, а весил, как нам сказали, 22 стоуна.

637 верст, отделяющие Тюмень от Омска, мы преодолели за 62 часа, 27 раз сменив лошадей. Получилась этакая воскресная прогулка: на добрых лошадях и по хорошей дороге. Вид местности совершенно изменился, теперь уже мы ехали великой Западно-Сибирской степью. Холмы Дербишира остались позади нас, и путь наш лежал по почти бескрайней Солсберийской равнине. На тысячу миль вокруг не было вокруг ничего, кроме чистого белого снега, лазурный небосвод сиял над нами, и лишь одна линия столбов телеграфных, проносящихся мимо, соединяла две стороны горизонта. Иногда только встречалась на пути небольшая рощица чахлах березок, да каждые пятнадцать-двадцать миль меняли мы лошадей в какой-нибудь деревеньке, выстроенной на берегах замерзшей речки, чьи воды, под толстым панцирем льда, стремились добраться до великой Оби...

...До Тюмени наша тройка обходила нас в шестипенсовик за милью. В степи плата вдруг снизилась до трех полпенни, то есть в полпенни за лошадь...

<Обратный путь. Отъезд из Томска 30 августа>

На следующий день мы пошли на буксире по Тоболу: до Тюмени нас тащил маленький пароходик, так как река уже была слишком мелкой для нашего судна. Местность оставалась неизменно плоской; редко что можно было увидеть с палубы, кроме беспрерывных ивовых зарослей по каждому борту. Где бы мы ни останавливались загрузиться дровами, из соседней деревни приходили крестьяне, нанося на продажу молока, масла, яиц, малины и клюквы. Хижины их производили, как водится, впечатление бедности и грязи; многие

BOUNDARY BETWEEN EUROPE AND ASIA

*Граница между Европой
и Азией*

Илл. из книги Г. Сибома

дома стояли в руинах. Татарские деревни, напротив, были чисты и аккуратны.

Из Томска до Тюмени пароход доставил нас за девять дней и ночей, и хотя местность была в всех своих чертах весьма однообразна — все низкий песчаный берег, да непрерывные заболоченные ивняки, куда ни кинь взгляд, — все равно мы с радостью замечали перемены. Всякий раз это было нечто вроде сытного пиршества. Порой удавалось сойти на берег во время стоянки, когда на борт принимали пассажиров или пополняли запасы дров. Последних на некоторых станциях мы видели преогромнейшие штабеля. Нашей машине требовалось до сорока саженой в день, то есть более двухсот кубических ярдов. Пока шли в Тюмень, дважды приходилось меняться на меньшие пароходы, которые одни только и способны в этот поздний период пробраться по обмелевшему лабиринту Туры. Эта река извивается как змея; мы постоянно описывали круги; обычно плыли вокруг ивовых зарослей, окруженных узкой полосой зеленой травки, постепенно переходящей в желтый песок. Однообразие путешествия, впрочем, оживлялось удивительным разнообразием птиц. Что за чудесное было время — сидеть на палубе с биноклем в руках, готовясь направить его на какую-нибудь интересную птичку или целую их стаю...

<...> На закате достигнув Тюмени, отправились в лучшую гостиницу. Город — одна сплошная куча грязи, на улицах — глубокие ямы; никаких мер не принято по освещению, и, когда темнеет, улицы становятся совершенно безлюдными. Без сомнения, меры по разрешению этого вопроса есть обязанность некоего чиновника. Без сомнения, жители города каждый год платят ему жалованье, вполне достаточное для того, чтобы ничего не делать, и, без сомнения, будут платить до тех пор, пока его карманы не вполне насытятся, а улицы тем временем все больше приходят в запустение. Гостиничная «экономика» (Wirtschaft) оказалась не лучше; очевидно, считается, что если предоставить гостю просторную комнату с несколькими окнами и широкими дверями, то их и будет достаточно для полного его удовольствия. Мебели было преизобильно: ломберный столик, диван и пара стульев. Ежели вы не привезли постель с собою, то лучше всего будет вам повалиться на диван, не раздеваясь, и заснуть поскорее самым глубоким сном. Вообще, хозяева гостиниц в России обыкновенно уверены в том, что путешественники все страдают водобоязнью, и вследствие этого их заблуждения вы никогда не получите за раз более одной пинты. Захотелось смыть дорожную пыль: в ответ на эту просьбу указали на аппарат желтой меди, который, ежели полон, вмещает в себя около кварты воды. Тайственный этот резервуар был укреплен на стене. При нажатии вниз на клапан, выливался на руки примерно бокал воды, не мытье — одно название! Устройство

достаточное, чтобы пыль в грязь обратить, но не для всего остального. В других случаях, когда изъявлял кто-нибудь из нас желание свершить омовение, то приносили в его номер грязный медный плоскодонный тазик и ставили на пол; над ним предполагалось стоять и мыться, а слуга время от времени лил на руки воду из древнего, тоже медного, сосуда, чьим украшением служил длиннейший тоненький носик, как у большого кофейника. Мыло и полотенце, конечно, тоже обязаны были вы привезти с собою.

Единственным объяснением происхождения этих любопытных обычаев, как можно предположить, явилось стремление избежать инфекционных болезней, ведь, как верят на Востоке, медь способна предотвратить заражение. Вот, например, в Афинах, Константинополе и Смирне чубук кальяна, предназначенного для домашнего употребления, делают из янтаря, но в ресторанах, куда отправляются покурить кальян, мундштуки эти всегда делаются из меди; ежели спросить, что же он не янтарный, ответят, скорее всего, что янтарь опасен, переносит заразу.

Выехали из Тюмени на закате, вечером в субботу; и четыре часа добирались до первой станции по дороге, этот город позорящей. По обочинам ее отсутствуют канавы, дождем ее заливают, и вода стоит, пока солнце или ветер не высушат. Нигде мы не смогли увидеть и малейшего следа ремонта. На первой станции спали часа четыре, чтобы чуть оправиться от последствий ужасного путешествия, а дальше ехали, и на протяжении всего последующего дня путь не улучшился.

На следующее утро, после шестичасового ночлега, все же выехали на хорошую дорогу и к восьми часам вечера достигли Екатеринбурга.

11.

1877, летний сезон. Тюремные воспоминания / Публ. А. Ковнера // Истор. вестн. 1897. Т. 68. № 4. С. 118–128.

Ковнер, Аркадий Григорьевич (1842–1909) — ссыльный, литератор. Во второй декаде июля К. был отправлен в составе партии ссыльных по железной дороге в Нижний Новгород. Проведя, по меньшей мере, половину недели в Нижегородской пересыльной тюрьме, К. отправился в шестидневное путешествие на арестантской барже до Перми, где пробыл также шесть дней. Из Перми начался тяжелый путь арестантов на шестиместных тройках. После недели пребывания в Тюмени К., снова на тюремной барже, достиг Тобольска. При правильной организации процесса путь от Москвы до Тобольска, по утверждению К., мог бы занять 17 дней, но фактически продлился вдвое больше — 34 дня.

Перед вечером памятного мне утра я увидел конец мучительной езды на тройках; издала открылась панорама Тюмени, раскинутой на громадном пространстве; на горизонте пестрели каменные дома и главы нескольких церквей. Несмотря на то, что кругом зеленел лес, на

окрестностях Тюмени, впрочем, как и на всей Сибири, лежал какой-то угрюмый, дикий отпечаток. Ни горы, ни обилие рек, ни гигантские леса, ни цветы даже не смягчают угрюмого, унылого вида сибирской природы. Мне, по крайней мере, казалось, что в Сибири сама природа не такая, как везде; трава не сочная, цветы не пахучие, деревья печальные, реки плачущие, небо грустное, воздух пропитан каким-то особым, может быть, и здоровым, но неприятным ароматом. Впрочем, я высказываю только субъективные впечатления; для коренного сибиряка нет ничего краше его страны...

<...> В Тюмени мне пришлось пробыть ровно неделю. За это время я успел познакомиться с устройством центральной пересыльной тюрьмы и со всеми ее порядками и должен сознаться, что, не считая обычной во всех наших тюрьмах тесноты, нигде не встречал таких хороших порядков, как здесь. Прежде всего, арестантам отпускалась обильная и питательная пища; чистота, по возможности, соблюдалась самими арестантами; режим был очень строгий, но без придирок и безцельных стеснений; семейные беспрепятственно могли видаться с женами и детьми, хотя помещались отдельно; ни пьянства, ни драк не заметно было, несмотря на то, что в тюрьме к концу недели, то есть ко дню отправки баржи, накоплялось до 2 000 ссыльных всех категорий. Здесь же, на тюремном дворе, была образцовая больница, где действительно больные арестанты пользовались прекрасным уходом. Недалеко от больницы стояла красивая каменная церковь...

<...> Вскоре партия выстроилась и по команде партионного офицера тронулась в путь. Дорога шла не через город, а по окрестностям его, почему встречалось мало любопытных. Впрочем, картина эта слишком обычная для Тюмени. Подойдя к реке Туре, мы увидели у пристани пароход с арестантской баржей такого же устройства и такой же величины, как в Нижнем. Партионный офицер скомандовал: «стой!». Затем стали пускать арестантов по категориям, но дворян вперед.

Полагая, что и на этой барже имеется отдельная каюта для дворян и рассчитывая, что партионный начальник не станет теперь снова верить статейные списки, я также вышел вперед и присоединился к кучке привилегированных. Офицер приказал отвести нас в первый номер. Этот последний оказался обыкновенной арестантской каютой под палубой, с маленькими окошечками. Он отличался от других номеров только тем, что был меньших размеров и рассчитан на 100 человек. Вскоре в наш номер стали пускать и других арестантов, и он быстро наполнился. Вся привилегия дворян заключалась, таким образом, в том, что их пустили в этот номер раньше, так что они могли выбрать места посвободнее.

Все порядки на этой барже были такие же, как на барже, отплывшей из Нижнего, поэтому я их описывать не стану. Была, впрочем, на

этой барже одна особенность. На ней находилась лавочка, содержащая конвойным унтер-офицером, в которой арестанты обязательно должны были покупать все то, что им необходимо было в дороге, сверх положенного от казны, причем на пристанях торговки с припасами на баржу не пускали. Эта монополия, вероятно, была весьма выгодна унтер-офицеру, но вряд ли это было удобно для арестантов, которые в продолжение девяти суток обязаны были покупать только то, что продавалось в лавочке.

12.

1878, лето. *Чудновский С.Л.* Из дальних лет (Отрывки из воспоминаний 1878-1879 гг.) // Минувшие годы. 1908. Т. 7. С. 164–170.

Чудновский, Соломон Лазаревич (1849–1912) — ссыльный революционер, этнограф. Осужденный за антиправительственную пропаганду, Ч. был приговорен в январе 1878 г. к ссылке на поселение в Тобольскую губернию. Путешествие Ч. началось 18 июля в Петропавловской крепости, а закончилось 6 августа 1878 г. в Ялуторовске.

Так мы добрались до красивого Екатеринбурга, этого прославленного центра уральских горнопромышленников. Отсюда, после короткой передышки, нас отправили дальше уже новым способом передвижения — на почтовых лошадях: каждого из нас отправляли в сопровождении двух жандармов на отдельной «тройке», причем тройка следовала за тройкой, а на последней тройке помещался обыкновенно ради экономии прогонных (в собственную свою, разумеется, пользу) жандармский офицер, замыкавший наш своеобразный поезд.

Тогда, во 2-й половине 70-х годов пр. столетия «Великого сибирского пути» еще не существовало, Екатеринбург не был еще соединен с Тюменью железнодорожной линией, так что на этом участке сообщение производилось исключительно на лошадях, причем «тракт» содержался в образцовом порядке.

Ехали мы днем и ночью, с самыми короткими остановками на станциях, на которых — по телеграфному распоряжению нашего жандармского офицера — для нас заранее заготавливались лошади. Раза два-три в день мы останавливались в прекрасных станционных помещениях на более продолжительное время для обеда и чаепития, причем начальник нашего конvoja заказывал для нас одновременно в определенных пунктах по телеграфу обед, меню которого разрабатывал по соглашению с нами.

Впервые я теперь познакомился с удивительно приятной — можно даже сказать, поэтической — «сибирской гоньбой», которая в то время (отчасти и теперь) пользовалась широкой славой. Правда, географически Екатеринбург еще, собственно говоря, не Сибирь, а зна-

менитый пограничный столб, отделяющий Европейскую Россию от Сибири, находился значительно дальше. Но население с «географией» не считается; оно уже этот край признает Сибирью, а себя — сибиряками, что имеет за себя (или, по крайней мере, тогда имело) немало оснований, так как уральцы в значительной степени заселяли Сибирь и с очень давнего времени между этим районом и районами смежных сибирских губерний, особенно Тобольской, существовали беспрерывные сношения...

Лошади в этом крае крепкие, здоровые, выносливые. Мчатся они во весь дух, делая часто по 15–20 верст в час без особого утомления. Сибиряки — большие любители лошадей, умеют их выхаживать и за ними ухаживать. Корма они им не жалеют, отпускают им вдоволь хороший овес, но зато и требуют от них отличной, исправной «работы». Когда сибирский ямщик возьмет в свои руки возжи, крепко натянет их и изо всей мочи крикнет: «нн-у-у, голубчики, ррр-а-б-отай!» — тройка его ринется изо всех сил вперед и мчится, как угорелая, без оглядки-без передышки, пока этого сам ямщик не потребует. Особенно поразил меня подъем тройки на гору: не доезжая сажень 10–20 до подошвы горы, ямщик со всех сил разгонит свою тройку, выпустит возжи, — и тройка вихрем, напрягая все силы, подымется на гору и лишь на вершине задержится на минуту для передышки.

При такой езде, сопровождающейся каждые 2–3 часа перепряжкой и переменной почтовой кибитки, спать очень мудрено. Возможно, это еще, пожалуй, когда едешь в собственном «тарантасе», когда экипаж по дороге не меняется и на станциях перепрягают лишь лошадей. Но когда едешь в открытых или полукрытых почтовых кибитках, которые на каждой станции также сменяются вместе с лошадьми, причем приходится каждый раз перекладывать и укладывать багаж, то спать (в кибитке) почти невозможно.

Беспрерывная быстрая езда в тряских кибитках до того утомляет, что я, напр., уже на 3-й день постоянно впадал в дремотное состояние; и в последнюю ночь жандармам моим приходилось вносить меня на станцию на руках, там я моментально на диванчике на 10–15 минут засыпал мгновенно, как мертвый, и им приходилось опять на руках меня выносить и усаживать в кибитку.

Возле исторического «пограничного столба» мы на несколько минут остановились с разрешения начальника нашего конвоя. Это — большая каменная вертикальная колонна на широком каменном пьедестале, на которой имеется соответствующая официальная надпись, гласящая, что здесь, мол, конец Европы, начинается Азия — Сибирь. «Столб» испещрен был массой неофициальных частных надписей, которыми разные «помнящие» и «непомнящие» пожелали увековечить для потомства присутствие свое в этом историческом пункте или давали те

или другие указания приятелям, следующим за ними в других партиях. Память моя надписей этих не сохранила, но помню, что некоторые из них своим лаконически юмористическим характером и чрезвычайной меткостью вызвали с нашей стороны гомерический хохот.

Не у одного из нас екнуло сердце при созерцании этой эмблемы предстоящей нам очень продолжительной (а, может быть, и вечной) подневольной жизни.

Что-то ждет нас впереди, за этим столбом, — невольно думалось каждому из нас!...

И вот мы в самом первом заселенном пункте Сибири — в основанной царскими воеводами Василием Сукиным и Иваном Мясным еще в 1586 году (вскоре после смерти Ермака Тимофеевича) богатой и торгово-промышленной Тюмени в первом на пути нашем сибирском городе.

Тюмень — один из самых «крупных» окружных³ городов Тобольской губернии, в которой должна была осесть половина нашей партии: Волховской, Осташкин, Стопоне, Чернявский и я. Выражение: «самый крупный» не должно, впрочем, вводить в заблуждение читателя. Оно может быть употреблено здесь лишь сравнительно, ибо этот промышленный и торговый пункт Тобольской губернии, славившийся своими коврами и своим гончарным производством, насчитывал в то время всего около 14000 жителей обоего пола. Однако после Тобольска (с населением в то время около 170000 ж.) Тюмень был самый населенный город в губернии.

Тройки наши остановились возле одного своеобразного архаического учреждения, специально ведавшего ссылаемых в Сибирь на житье и поселение и в каторжные работы, — возле Приказа о ссыльных, помещавшегося в одном из лучших тюменских зданий.

Во главе Приказа стоял советник, в распоряжении которого находился целый штат служащих, влачивших самое жалкое существование, так как крайне мизерные оклады давали возможность кое-как, с грехом пополам сводить концы с концами, перебивались, что называется, с хлеба на квас, — и то благодаря лишь тому, что жизнь в Тобольской губернии отличалась тогда необыкновенной дешевизной.

Приказ представлял из себя учетное и распорядительное учреждение. При помощи и содействии тобольской, томской, красноярской и иркутской экспедиций о ссыльных учреждение это принимало, распределяло и наблюдало за всеми ссыльными, разбросанными по всей обширной Сибири и представлявшими, по выражению Пушкина, смесь одежд и лиц, племен, наречий, состояний, из хат, из келий, из темниц. — В этом Приказе, при всей ограниченности его штата, велась обширнейшая переписка и фабриковались целые тысячи дел. Он получал

³ В Сибири уезды назывались «округами», а администр. центры — «окружными городами» (*прим. авт.*).

уведомления от всех судебных мест нашей обширной родины о преступниках, приговаривавшихся ими к ссылке в Сибирь. Имена ссыльных, на основании этих сведений, вносились Приказом в предварительный алфавит. Затем, по прибытии в Тюмень лиц, занесенных в этот алфавит, Приказ, тщательно проверив их приметы, заносил их уже в другой список — распорядительный алфавит, в котором отмечались и те сибирские губернии, в которые они назначались Приказом, руководствовавшимся при этом особо преподанными ему правилами и соображениями. Прodelав эту процедуру, Приказ пересылал преступников при особых, так называемых, статейных списках⁴ в соответствующие экспедиции. Последние назначали уже присланных к ним ссыльных в соответствующие округа, волости или города своих губерний, уведомляя об этом Приказ, который уже тогда полученные новые сведения вносил в алфавит окончательный.

Из изложенного очевидно, что на обязанности Приказа лежало вести учет ссыльных и распределять их при содействии экспедиций по разным районам Сибири в пределах, конечно, приговоров соответствующих судебных мест. При этом предполагалось, что как Приказ, так и экспедиции руководствуются при распределении ссыльных не одними лишь соображениями о степени населенности того или другого пункта, но и субъективными свойствами ссыльных — их пригодностью для того или другого рода занятий, образа жизни и т.п. Получалось, однако, на деле совсем не то. Эти архаические учреждения распределяли (и ныне, кажется, распределяют) своих опекаемых чисто механическим путем. Ссыльные направлялись ими просто наугад, куда попало. Сплошь и рядом наблюдалась такая картина: прислуга — повара, кухарки, горничные, лакеи и т.п. попадали в глухие волости или в несчастные захолустные городишки вроде Березова, Сургута или Обдорска, где на их профессии решительно никакого спроса не существовало, а между тем в Томске, Иркутске, Енисейске или Чите на них был бы спрос и они могли бы приложить к чему-либо свою профессию; землеробы попадали в разные глухие городки, где еще с грехом пополам могли бы найти себе занятие слуги, но пахарю буквально нечего было делать, или их водворяли в таких пунктах, где требовались скотоводы и охотники, но отнюдь не земледельцы. Какой-нибудь одесский или таганрогский матрос попал не на Байкал, или на Ангару, или на Обь, где он все-таки мог бы найти для себя какое-либо подходящее занятие, а в города Туринск, Тару или Курган, где ему решительно нечего было делать при всем его желании; степняка-херсонца водворяли в дремучей пельмской тайге, а какого-нибудь лесного вятича

⁴ В статейном списке обозначалось преступление, за которое судился ссылаемый, указывались его приметы, лета, место родины, звание и приговоренное ему наказание.

или костромича назначали в район Барабинской степи, и т.д., и т.д. В результате и получалось столь обычное в Сибири явление, что ссыльных очень редко ожидали в пунктах, куда водворяли Приказ и экспедиции⁵, а в громадном большинстве случаев они пускались в бега, образуя особый своеобразный класс беглых и бродяг, причем, как выразился один официальный документ, в Сибири не бегают только те, кто на это не согласны.

С этим явлением я в деталях ознакомился, конечно, лишь впоследствии, когда я занялся изучением Сибири, но я не мог не остановиться на нем хоть вскользь здесь, говоря об историческом Приказе, ведавшем судьбы несчастных.

Политические ссыльные состояли в непосредственном заведывании шефа жандармов, который или распределял их непосредственно сам, или предоставлял это распределение сибирским генерал-губернаторам. Шеф же жандармов или, правильнее говоря, III Отделение, во главе которого он стоял, имело непрерывное и недреманное наблюдение за пребывающими в Сибири политическими ссыльными. Учет же политических ссыльных, как и учет всех вообще ссыльных, сосредоточивался в том же Приказе, почему нас, по прибытии в Тюмень, прямо туда и доставили.

Получив от начальника нашего конвоя соответствующие сведения и делав в своих «алфавитах» соответствующие отметки, Приказ направил нас в Тюменскую пересыльную тюрьму. Шишко и Союзов через 2–3 дня в тех же кандалах отправлены были дальше — на Кару под конвоем того же жандармского офицера. Вскоре после них отправлены были в Иркутск, в распоряжение генерал-губернатора Восточной Сибири, Лукашевич и Рабинович. Нам же всем остальным пришлось погостить в Тюменской тюрьме впредь до распределения по Тобольской губернии.

Тюменская пересыльная тюрьма принадлежала в то время (вероятно, она и теперь такой же осталась) к самым скверным по своим санитарно-гигиеническим условиям. — Находясь в пункте, через который беспрерывно двигались с Запада на Восток всякие арестантские «партии», тюрьма эта всегда бывала чрезмерно переполнена и вмещала в несколько раз больше народа, чем сколько она могла бы вместить по своему кубическому объему, — и в тесных камерах на, так называемых, нарах (кровати составляли здесь чрезвычайно редкую роскошь) приходилось спать почти вповалку. Всегда битком набитые камеры содержались грязно и крайне неопрятно; вентиляция была первобытная, а воздух стоял всегда спертый и удушливый. Кормили здесь из рук вон плохо.

⁵ Оседало обыкновенно, по официальным данным, не более пятой или шестой части.

Так как мы были «политические», то тюремная администрация считала, уже по раз заведенному порядку, необходимым всячески изолировать нас от «уголовных». Ввиду же того, что последних было слишком много и они в тесных переполненных камерах своих почти задыхались от духоты, им разрешалось оставаться на дворе — на прогулках — в течение целого дня, и мы лишились тем самым возможности пользоваться прогулками, так как — в противном случае — по мнению тюремной администрации, она должна бы была уголовных на время наших прогулок держать под замком в камерах, на что мы сами не нашли возможным согласиться, когда нам предоставлено было решить эту проблему. Волей-неволей пришлось мириться с этим положением, довольствоваться прогулками по тесному и мрачному своему коридорчику и... ждать.

Наконец, в один прекрасный день нам объявили, что я и Чернявский назначены на житье в г. Ялуторовск....

13.

1878, август. *Синегуб С.С.* Воспоминания чайковца // Русская мысль. 1907. Кн. 9. С. 88–89, 90–91, 93.

Синегуб, Сергей Сильч (1851–1907) — поэт, революционер-чайковец, осужденный по «процессу 193-х». Ссылное путешествие С. из Санкт-Петербурга на Нижнекарыйскую каторгу началось 22 июля, а закончилось 12 сентября 1878 г. и включало в себя следующие элементы — путешествие в арестантском вагоне до Нижнего Новгорода, арестантскую баржу до Перми, скорое путешествие на кибитках до Тюмени, арестантскую баржу до Томска и снова путешествие на тройках до места назначения.

По проезде через каждый губернский город, в котором был губернатор, наш поручик Петров обязан был являться к губернатору с докладом и, совершив эту формальность, немедленно следовать дальше. Поэтаму и в Перми он, оставив нас под надзором наших жандармов, отправился в город с докладом к губернатору. По его возвращении мы на почтовых тройках отправились из Перми на Екатеринбург в Тюмень.

В кибитку нас помещали так: я садился посредине, с одной стороны меня помещалась жена, с другой — жандарм, на козлах вместе с ямщиком помещался еще жандарм; таким образом в нашу кибитку помещались не все 4 жандарма, назначенные для нас с женой, а они чередовались от станка до станка. Так же рассаживались по кибиткам и другие женатые ссыльные. Брешковская же ехала в одной кибитке с поручиком, а Стаховский с тремя жандармами в отдельной кибитке. Но и после такого размещения оставались еще в запасе жандармы, для которых требовалась тоже отдельная кибитка. В каждую кибитку запрягалось по тройке лошадей, так что наш поезд до Тюмени состоял никак не меньше, как из шести троек. Весьма естественно, что такой удиви-

тельный проезд, проносясь по улицам встречных сел и деревень, вызывал волнение в их обитателях, которые и выскакивали со дворов, с любопытством и удивлением глаза на несущиеся почтовые тройки.

<...> Справедливость требует сказать, что в продолжение нашего путешествия, от 22 июля по 12 сентября, он (жандарм, начальник партии. — Ф.К.) все-таки разрешил нам два раза выйти из кибиток и пройти близ дороги по лесу, в то время как кибитки наши шагом ехали по дороге. В первый раз мы совершили прогулку в Уральских горах и в этот раз подходили даже к тому столбу, на котором с одной стороны написано «Европа», а с другой — «Азия», рассматривали надписи (преимущественно имена и фамилии), которые оставались на нем проезжающими вольными и невольными, и наслаждались чудным горным воздухом и очаровательной красотой места. В другой раз нам была разрешена прогулка в лесу вскоре после выезда из Екатеринбургa. Помнится, что было тогда хорошее, уже не раннее, утро, и мы, в растянувшемся полукруге жандармов, шли по лесу, срывали попадавшиеся и давно не виденные нами лесные цветы; но прогулка эта была непродолжительна. Вдруг почему-то поручик П. встревожился и торопливо начал усаживать нас в кибитки, и затем кибитки понеслись.

Приятель жандармы потом пояснили нам, что поручик, увидя нагонявшую нас сзади тройку, испугался — не погоня ли это с целью освободить кого-либо из нас...

<...> Из Перми до Тюмени мы ехали на тройках, а из Тюмени на арестантской барже, на буксире парохода, по р. Туре, Иртышу, Оби и Томи ехали до Томска. На этой барже носовая часть палубы была в виде огромной клетки, в которую выпускали на прогулку уголовных ссыльных, ехавших на этой же барже. Так как среди людной партии уголовных оказались певцы, то иногда во время прогулок в этой клетке они составляли очень недурной хор и распевали популярные между арестантами песни. Припевы к некоторым песням они сопровождали своеобразным аккомпанементом оков. Это выходило очень эффектно и очень трогательно. Я был как-то особенно поражен, когда в первый раз услышал этот аккомпанемент оков...

14.

1878, сентябрь. *Rejchman B. Z Dalekiego Wschodu: wrazenia, obrazki, opisy z dobrowolnej podrozy po Syberyi. Warszawa. 1881. S. 56–58.*

Райхман, Бронислав (Rajchman, Bronislaw, 1848–1836) — польский публицист, натуралист и промышленник. 30 августа 1878 г. Р., пожелавший увидеть Азиатскую Россию, выехал в Восточную Сибирь. Хронология его маршрута ясна приблизительно до Тюмени. 5 сентября он достиг Москвы, 7 — Нижнего, там 11 сентября Р. сел на пароход «Самолет», 12 был в Казани, 15 — в Перми. Пермско-Екатеринбург-

ская железная дорога еще не работала в полную силу, но Р. добрался по ней до Кушвы (16 сентября). 17 сентября Р. был в Екатеринбурге, 18 на тарантасе прибыл в Тюмень. Отъезд Р. из Тюмени на восток состоялся 21 сентября 1878 г. Далее он поехал через Ишимскую степь, Барabu и далее по тракту в Иркутск.

Два дня и две ночи спустя мы достигли Тобольской губернии. На границе ее — столб, знаменующий собой административную границу Азии. Мы говорим — административную, поскольку географическая начинается уже на Урале. Здесь всего лишь заканчивается Пермская губерния, принадлежащая Европейской России. На столбе — множество надписей на разных языках. Дорога на последней станции стала такой плохой, что 30 верст мы ехали семь часов. О подобной плохой езде я не имел раньше ни малейшего понятия, а товарищ мой исчерпал на ней весь запас своих обычных ругательств и начал вынимать из своей сокровищницы перлы, настолько раздражавшие мой слух, что мне пришлось поставить на повестку дня вопрос о моей отставке из его товарищества. Он не смеялся тогда над моей изнеженностью, ибо был в ярости.

Под вечер мы дотащились, наконец, до Тюмени. Этот город стоит на реке Туре. В нем есть базар, деревянные и каменные дома, усаженные в море грязи. Тюмень даже в Сибири славится своей грязью — *c'est beaucoup et c'est assez*. При этом он имеет большое значение не только для своих окрестностей, но и для всей Сибири по причине значительной промышленности солдатского сукна, дешевых ковров, кож, торговли хлебом, топленым маслом и т.д. Представляя собой «ворота в Сибирь», Тюмень является транзитным пунктом для всех почти товаров, идущих и на запад, и на восток, и таким образом через него ежегодно проходит свыше 1 1/2 миллиона пудов.

С административной точки зрения, значение этого города заключается в том, что в нем находится Приказ о ссыльных, где ссыльным преступникам назначают подробный маршрут их следования — поскольку в суде приговор о ссылке выносится в самых общих выражениях — к местам не столь или столь отдаленным.

Несмотря на суровый климат, земля здесь очень плодородна, чем объясняется сильная дешевизна продуктов в Западной Сибири. Состязаться с ней в этом отношении может только Минусинский край, в верхнем течении Енисея. Поэтому легко понять причины значительной промышленности, торговли и зажиточности жителей Тюмени, которая еще до прихода россиян в эту страну была значительным татарским городом, резиденцией «великих ханов», пока Кучум, позднее разбитый Ермаком, не перенес свою столицу в Искер. Но и до сей поры татары, в значительном числе здесь проживающие, называют Тюмень Чинги-Турю (Тура — город).

В Тюмени я встретил пример чрезвычайной откровенности, какой, пожалуй, не встречал ни один из путешественников. К тарантасу подошел нищий и прямо, безо всякого притворства, попросил, чтобы я дал ему на водку. Эта искренность настолько меня поразила, что я пустился с ним в разговоры.

— Вот, держи, — сказал я, показывая ему монету, — и я дам в два раза больше, если только ты мне честью пообещаешь, что купишь на них хлеба, а не водки.

— Батюшка мой, — сказал нищий, — да наградит Бог твое благородство; хорошего ты советуешь, ваше высокоблагородие, но я лгать тебе не буду и того не пообещаю. Знаю, что сгубил жизнь свою и душу, что из порядочного ремесленника стал достойным презрения нищим; пробовал я бороться с дьяволом, что меня попутал, да мочи нету. Знать, на роду мне это написано. Дай мне, батюшка, больше или меньше, по твоей доброте и желанию, но врать я не стану, что не потрачу того на водку.

Воистину, необычный нищий. При всем его падении осталось в нем какое-то доброе зерно. Не следует приписывать ему всей вины — виноват кто-то еще.

От Тюмени огромная Западно-Сибирская низменность тянется на восток до Енисея, на юг — до гор Алтайских, на север — до границ не строго определенных, но, как говорят обычно, до Тобольска. Часть той низменности, к востоку, до Иртыша, называется Ишимской степью, а далее, до Колывани — тянется степь Барабинская, где почвы становятся все более плодородными по сравнению с Западной Сибирью. Обычно путешественники называют Барабой всю равнину от Тюмени до Томска.

Пароход из Тюмени уже ушел днем ранее. Не желая терять неделю времени, мы должны были решиться на поездку степью. Сожалел я безмерно, и не только оттого, что надеялся избавиться от восьмидневной, не прекращавшейся ни днем ни ночью, езды на тарантасе, но также и потому, что потерял не только удобства, но и надежду увидеть такую любопытную реку, как Обь, такой необыкновенный народ, как остяки, а также и Тобольск — старинную административную столицу всей Сибири. Про него говорят, что город это совсем убогий, но хранящий некоторые исторические реликвии, такие как колокол, посланный из Углича в 1583 году за то, что ударом в него было объявлено о смерти несовершеннолетнего царевича Дмитрия; кроме того, в нескольких десятах верст от Тобольска есть следы Искера. Но что делать? Зато я увижу сибирские степи.

15.

1879, январь. *Dykowski B.* O Syberyi i Kamczatce. Cz. I. Podroz z Warszawy na Kamczatke. Warszawa, Krakow, 1912. S. 114–117.

Дыбовский, Бенедикт Иванович (Dybowski, Benedykt Tadeusz, 1833–1830) — польский зоолог. Один из руководителей польского восстания 1863 г. Был приговорен к повешению, замененному двенадцатилетней ссылкой в Сибирь. В 1879 г. вернулся в Сибирь добровольно, в качестве исследователя Камчатки. В книге 1912 г. описывается его путешествие к месту службы в Петропавловск-Камчатский. Проведя начало года в Санкт-Петербурге, 10 января Д. выехал в Москву, оставался там с 11 по 12 января, 13 января прибыл на поезде в Нижний Новгород, откуда 15 января отправился на почтовых санях. 22 января Д. прибыл в Пермь, 23 — в Кунгур, 24 — в Екатеринбург, где оставался до 26 января. 31 января Д. достиг Тюкалинска, 6 февраля был в Томске, 11 — в Красноярске, 19 — в Иркутске. В Петропавловск Д. прибыл в самом начале июля 1879 г.

28 января 1879 г. Чтобы достичь Тюмени, где мы должны получить подорожную, нужно проехать еще станции Тугулымскую и Успенскую. Мы торопим ямщиков, но только в первом часу прибываем на место. В тот раз, когда я прежде был в Тюмени проездом, я попробовал разузнать о том месте, где упокоились останки несчастного российского академика Стеллера, загнанного в гроб сибирской бюрократией. Здесь он замерз в дороге, когда везли его под конвоем в Иркутск. Доктор Романовский, врач из города Томска, обещал мне заняться этим делом, но после сообщил, что «не смог найти в церковных книгах никаких следов». На этот раз у меня также не было никакого времени, чтобы предпринять новые шаги для решения этого вопроса, однако я решил удовлетворить свой интерес розысками на православном кладбище, поблизости от которого должен был быть похоронен Стеллер.

Прежде всего я поспешил в «казначейство» за подорожной. Там мне ответили, что за подорожной «по казенной надобности» нужно ехать в Омск, здесь же мне могут выдать только подорожную до Омска. Я заметил, что в Омск на санях не проехать, на что чиновник отвечал: «Мы в том не виноваты». Но и я ж не виноват в том, что проезжим велят накинуть столько ненужного пути, отправляя их в Омск. Впрочем, прошу выдать мне «подорожную» до Омска. Я с ней попробую доехать до Томска. Получив подорожную, я тотчас по ее получении пошел на кладбище и нашел его полностью заваленным снегом. Мне оставалось только вздохнуть с сожалением в почтении памяти несчастного натуралиста, открывателя морской коровы (*Rhytina Stelleri*) и других камчатских видов, а затем я вернулся на станцию, где обратился к смотрителю по поводу подорожной.

Не нужно беспокоиться, господин, подорожная не требуется, ведь все едут отсюда до Томска на так называемых «дружках» — отвечал смотритель и пообещал дать мне адрес первого «дружка» за Тюменью. — Но можно ли доверять этим «дружкам», — спросил я, — не обдерут ли? На этот вопрос он отвечал, что у «дружков» я буду в безопасности большей, чем на почтовых станциях, и что все они име-

ют постоянную цену, а везут не по тракту, но сокращая дорогу, окольными путями. Одобрив предложение зрителя, я пригласил его выпить чаю с лимоном, объявив при этом, что мы не употребляем ни водки, ни пива, ни араку, ни рому. Лимоны мы везли из Нижнего в подарок иркутским знакомым. Когда сели пить чай, явился со своим делом крестьянин Алексей Васильевич Кардаев из Ромашовой. Завидев его, начальник станции сказал, а вот у нас и дружка, и, обратясь к Кардашеву, спросил, не довезет ли он нас до (Заводо)Уковска. Алексей Васильевич принял это предложение. Я тоже пригласил его выпить чаю, сказав, что праздную сегодня месяц с момента отъезда из Варшавы. — А как далеко до Варшавы? — В три раза дальше, чем до Томска, а до Томска считают около 1500 верст. — Из Тюмени до Томска, — промолвил он, — мы едем с грузом 50 дней, то есть по тридцати верст в сутки. — А мы скоро доберемся до Томска? — спросил я. — Это зависит от того, как вы поедете. За десять дней доберетесь, если будете ночевать по дороге, но хорошо едучи, не жалея пристяжных, можно одолеть всю дорогу за 5 дней.

В ответ на его подсчеты я рассказал анекдот об англичанине, который, приехав на станцию, спросил зрителя, сколько времени ему понадобится, чтобы достичь следующей станции. — Это зависит от того, сколько лошадей вы запряжете, — отвечал зритель. — Запряжете два коня, будете ехать два часа, запряжете четыре — будете ехать час. — Запрягите мне столько лошадей, — сказал англичанин, — чтобы я доехал до следующей станции за одну минуту. Алексею Васильевичу понравился этот анекдот. — Вишь, какой умный англичанин, — сказал он, — не хуже, пожалуй, немца.

Затем я спросил нашего «дружка», что нужно взять с собою из еды. — Возьми только чаю и сахара, потому что пицци христианской везде найдешь, и хлеба, и булок, и мяса, чего Бог пошлет, ничего для тебя не пожалеют. — А сколько нужно будет платить за угощение? — спросил я потом. — По двадцать копеек с рыла, то есть с человека, и после этого будет и самовар и съестное, сколько душе угодно. «Дружок» объяснил, что в городе он случайно, привезя сюда знакомого кушца, что живет отсюда в нескольких станциях, что всех в округе знает. Я спросил, как его зовут и как называется его деревня. Когда он увидел, что я записываю в блокнот, то спросил, чего я пишу? Я ответил, что хочу опубликовать его имя, чтобы те, кто поедет после меня, знали к кому обратиться. — Если так, то пиши, — сказал он, — пусть знают, что мы честные люди.

Выпив чаю и многократно поклонясь образам, А.В. вышел. Этот человек, искренний и простой, мне очень понравился. Одна только вещь в нем огорчала меня — от него пахло алкоголем. Вскоре привели коня. Нашим ямщиком будет работник А.В. Однако и он сам прибыл на

станцию, чтобы проследить за отправлением. Перекрестив нас, он посоветовал нам переночевать в (Заводо)Уковске у Егора Алексеевича. — Там ваши вещи будут в сохранности и вы получите хорошую постель и чистое белье. — До свидания. И вот уже тройка резвых коней скоро понесла нас по хорошей дороге. Мы выехали поздно вечером и по совету А.В. ночевали в опрятном доме Егора Васильевича.

16.

1879, июнь. *Дебогорий-Мокриевич В.* Воспоминания. СПб. 1906. С. 438–444.

Дебогорий-Мокриевич, Владимир Карпович (1848–1926) — революционер. Арестован в Киеве в феврале 1879 г. Путешествие Д.-М. в ссылку началось в мае в Киеве. После двух недель, проведенных в Мценской тюрьме, в середине июня 1879 г. Д.-М. был посажен в тюремный вагон и через Москву достиг Нижнего Новгорода. После пятидневного плавания по Волге и Каме на тюремной барже Д.-М. провел некоторое время в Пермской пересыльной тюрьме. После десятидневного пребывания в томской пересылке партия дня за три на тройках достигла Красноярска, где Д.-М. оставался до «двадцатых дней августа». Из Красноярска Д.-М. впервые отправился пешим этапом в Иркутск. По его словам, вся пешая дорога от Красноярска до Иркутска обычно занимала два месяца. За две недели до конца этого срока Д.-М. «поменялся» с одним из ссыльных и, после непродолжительного пребывания в Иркутске, совершил, в начале ноября 1879 г., успешный побег.

От Перми до Екатеринбурга нас провезли по железной дороге в одни сутки. Дорога перерезает хребет Уральских гор, и я никогда не забуду впечатлений, вызванных во мне этим переездом. Был месяц июнь; но в горах на той широте (58–59 гр.) было, как весною...

<...> Из Екатеринбурга дальше нас повезли уже на лошадях. Мы ехали в открытых кибитках, или, как их называют сибиряки, возках (на всякого из нас отдельный возок), запряженных тройками почтовых лошадей, под конвоем одного жандарма с револьвером и шашкою и солдата, вооруженного ружьем. Жандарм сидел сбоку; солдат — на передке с ямщиком. Уральские горы остались позади; дорога шла на восток по ровной местности. Это была та самая дорога, которая носит название Сибирского тракта, и по которой проходят все ссыльные. Глядя на эту низменность, стлавшуюся впереди и становившуюся как будто со всяким шагом ниже и ниже, мне припоминались всевозможные описания сибирских тундр, суровой снежной зимы, снежных заметов и тому подобных ужасов, и я невольно задумывался над тем, что меня ожидает там, за видневшейся впереди ровной линией горизонта, и куда так быстро катился мой «возок». Сибирь, о которой я мечтал, сидя в тюрьме, как о чем-то желанном,

теперь как будто стала даже пугать меня. Преувеличенные рассказы, ходившие об этом, как называли у нас, «негостеприимном» крае, оказывали свое действие. Впрочем, в главном мое отношение не изменилось, и я ни на мгновение не колебался бы в выборе между централью и каким угодно самым неприютным уголком Сибири.

Итак, наши тройки бежали одна за другой на восток, звеня колокольчиками, а мы, сидя на возках, смотрели по сторонам дороги... Путешествие на лошадях мало-помалу раздражило мое воображение, и я опять замечтался о побеге...

<...> В Тюмени, куда нас довели на тройках, мы просидели в тюрьме до отхода первого парохода; затем посажены были на арестантскую баржу, подобную той, на какой плыли по реке Каме, и отправлены дальше на восток. Поместили нас в каюте на корме судна, в том отделении, где помещался офицер с конвойными солдатами. Таким образом, и тут мы были отделены от уголовных, но только мы не стесняли их здесь, как это было при переезде до г. Перми. Мы сидели в каюте, устроенной собственно для аптеки и, кажется, фельдшера, но на этот раз предоставленной нам. Гулять нас выпускали на заднюю палубу. Это была небольшая площадка, находившаяся на самом конце (заднем) баржи, без бортов, без железной клетки сверху, так что всякий раз во время нашего гулянья конвойные солдаты в предупреждение того, чтобы кому-нибудь из нас не явилась охота попытать счастья и броситься в воду, становились вдоль краев судна и стерегли нас.

17.

1879, июнь. *Lansdell H. Through Siberia. London. 1882. P. 26–29, 53–62.*

Лансделл, Генри (Lansdell, Henry, 1841–1919) — англиканский священник, миссионер, путешественник, тюрьмовед, член Британского Королевского географического общества, активист Британского и Международного библейского общества (British and Foreign Bible Society) впервые оказался в Сибири в 1879 г. Задачей экспедиции, которую Л. предпринял как частное лицо при поддержке протестантских обществ и благотворителей, был объезд сибирских тюрем и исправительных учреждений, которые интересовали Л. с религиозной и филантропической точки зрения. Благотворительный проект Л. представлял собой, прежде всего, кампанию по распространению среди ссыльных и арестантов христианской литературы: за время своего путешествия 1879 г. он распространил по тюрьмам Сибири свыше 50 000 экземпляров христианской литературы. Л. выехал из Лондона 30 апреля 1879 г. Дальнейшая хронология его путешествия (нужно учитывать, что Л. ехал не скоро и совершал продолжительные экскурсии вокруг губернских центров): Санкт-Петербург (3 мая),

Москва (13 мая), Нижний Новгород (15 мая), Казань (17 мая), путешествие по Волге и Каме на пароходе (19–22 мая), Пермь (23 мая), железнодорожное путешествие и прибытие в Екатеринбург (24 мая), Тобольск (2 июня), Томск (9 июня), Барнаул (14 июня), Красноярск (24 июня), Иркутск (6 июля), Чита (21 июля), Хабаровск (4 сентября). Во Владивосток Л. прибыл 15 сентября 1879 г.

Мы оставались в Екатеринбурге три дня, запасаясь провизией и собираясь с силами перед поездкой на лошадях. Большую часть моего тяжелого багажа отправили медленным поездом в Екатеринбург за месяц до моего прибытия, но груз доставили только на следующий день после того, как я приехал. Приказчик сказал, что, должно быть, груз ожидал в дороге догрузки других товаров. Тарантас был любезно предоставлен в мое распоряжение мистером Освальдом Кэттли (Oswald Cattley), чье имя, спустя некоторое время, стало известно широкой публике в связи с открытием новой обской торговли; мы сели в тарантас сами, погрузили в него некоторые личные вещи, а остальное, вместе с несколькими ящиками, оставили на следующий раз. Почти треть ящиков была отправлена вперед как багаж. Таким вот образом, после того как наши английские друзья оказали нам все возможные милости и все возможное гостеприимство, вечером во вторник, 27 мая, мы отправились в Тюмень, город, лежачий в 204 милях от Екатеринбурга, и дорога эта заняла у нас 43 часа.

Тюмень стоит на реке Туре, население города — 15–20 тысяч человек. С коммерческой точки зрения, это наиболее важный город в Западной Сибири. Через него следуют водным путем грузы с Оби и караваны, идущие из Китая и с Востока. Здесь мы обнаружили английскую фирму, возглавляемую господами Вардроперами. Эти последние были по отношению к нам весьма любезны. В Тюмень приводятся все сыльные из европейской части России, а затем распределяются отсюда по всей Сибири. Имея целью распространение книг по стране, я, конечно, не мог упустить такого важного обстоятельства. Поэтому мне было весьма желательно увидеться с первыми людьми города, которые были членами тюремного комитета, и, по возможности, заручиться их симпатией и поддержкой. В связи с этим я нанес визит городскому мэру, выстроившему на благо города большую коммерческую школу, стоившую более 20 тыс. фунтов, которая по завершении строительства была передана государству. Это был купец, выдвинувшийся в самый первый ряд и устраивавший торжества в честь генерал-губернатора, когда тот проезжал через город, но в остальном живший довольно скромно. Когда мы нанесли ему визит, весь дом был погружен в приготовления к приему генерал-губернатора. Пока все остальные вели беседу по-русски, я, зная, что его милость весьма богат, развлекал себя тем, что обзирал обстановку дома, которая, вероятно, отвечала всем представлениям о том,

как должен выглядеть приличный дом богатого сибиряка. Мэр, как я слышал, был большим любителем хороших лошадей. Это подтверждали развешанные по стенам гравюры, изображавшие победителей дерби. В Лондоне такие, все скопом, можно было бы приобрести, я думаю, шиллингов за двадцать. В комнате, по местному обычаю, не было ковров. Вся обстановка состояла из голых полированных скамей с высверленными отверстиями, которые были раскрашены как американская конка (in patterns after the fashion of American street cars). Стулья тоже были деревянные и так же украшены. Стол был резной, на нем лежали письменные принадлежности, и даже с некоторым изяществом. Я мысленно оценил всю обстановку фунтов в двадцать и восхитился простоте человека, который удовлетворялся таким скромным кабинетом, жертвуя при этом на других суммы в тысячи раз большие. В связи с этим я вспомнил, что именно эта черта северян особенно поразила меня в Швеции и Норвегии. Люди этих народов относятся к обстановке своих жилищ куда проще, чем мы, англичане, и ведь не скажешь, что им при этом хуже живется. После того как мы вышли, я беседовал об этом с моим товарищем. Оказалось, что я несколько недооценил стоимость мебели — она была американской, и таких вещей в городе больше нет.

Я также повстречался с видным представителем тюремного комитета господином Игнатовым из фирмы «Курбатов и Игнатов». Эта фирма владеет пароходами на Каме и Оби. Ей также принадлежит государственный контракт на перевозку ссыльных на тюремных баржах. Игнатова очень заинтересовал мой план посещения тюрем, а когда я сказал, что являюсь членом Лондонской ассоциации Говарда (Howard Association in London), учрежденной с целью предотвращения преступности и разработки лучших методов исправления заключенных, он был в таком восторге, что выразил желание однажды вступить в это общество⁶. Игнатов любезно согласился принять на себя труды по распространению книг, которые я пообещал ему прислать. Я был рад нашей встрече не только потому, что получил полез-

⁶ Ему принадлежат заметки о ссыльных, из которых явствует, что за последние десять лет через его руки прошло от 9500 до 10500 чел. Из них 9000 чел. были взрослые, 1500 чел. — возрастом до 15 лет, и 150 чел. — возрастом до двух лет. Около 3000 ссыльных умели читать. В религиозном отношении эта масса представляла собой (в убывающем порядке): (1) православные христиане, (2) магометане, (3) иудеи, (4) католики, (5) протестанты. Игнатов уверен, что причиной, прямой или косвенной, примерно половины преступлений, наказываемых ссылкой в Сибирь, является пьянство, и что именно к числу таких ссыльных относятся самые худшие и неисправимые из них. Поэтому он смотрит в будущее с надеждой на долгожданные тюремные реформы, одной из которых, по его словам, должна стать отмена ссылки в западную часть Сибири.

*Летний костюм
и кандалы ссыльного*

Илл. из книги Г. Ланселла

ные сведения, но также и потому, что возбудил интерес настолько сильный, что даже оказался не вполне готов к его практическим и весьма великодушным последствиям, о которых будет сказано ниже.

Впоследствии мы также посетили с визитом исправника, то есть главу уезда, и вручили ему мое письмо с прошением о посещении тюрьмы. Мне было сказано, что в уезде двадцать четыре школы, и, если я пообещаю обеспечить их своими книжками, то могу посетить тюрьму. Из прошлогодней статистики ясно, что в 1878 году через руки местных начальников прошло 20711 заключенных⁷. Вопрос о тюрьме и ссылке является самой важной темой этой книги. Я лучше дам общее описание двух этих явлений дальше, в отдельных главах. Это поможет нам избежать повторений, а кроме того, объяснит глубинную суть некоторых вещей, с которыми нам время от времени приходилось сталкиваться в ходе нашего путешествия и визитов в исправительные учреждения на пространстве от Урала до Тихого океана.

Мы прибыли в Тюмень во вторник, 29 мая, с двумя партиями багажа, доверив все остальное грузовому транспорту. Тюмень и Тобольск связаны между собой пароходом, который ходит дважды в неделю. Такое путешествие занимает всего день с половиной, но томский пароход откладывался до следующего понедельника, и к этому времени остальной багаж мог еще не прибыть. Поэтому возникал вопрос, должны ли мы ждать его или ехать раньше в надежде на то, что, пока мы ездим кружными дорогами, наши книги нас обгонят. Моя финская знакомая мисс Альба Хеллман прислала мне кое-какие брошюры с тем, чтобы я распространил их в финско-балтийской колонии числом в 1800 человек, которая проживала в деревне Рыжково неподалеку от Омска. Поэтому сначала мы думали съездить туда, а затем, не возвращаясь в Тюмень, проехать напрямик в Тобольск, посмотреть там тюрьму и дождаться следующего парохода, на котором, как мы надеялись, уже будет ехать наш багаж. Но наши тюменс-

<...>

⁷ Четверть из них (4995) составляли женщины, а 215 человек, в том числе 10 женщин и 3 детей, были местными преступниками. В течение года в городскую тюрьму были помещены 157 мужчин и 5 женщин; в полицейскую тюрьму – 4 мужчины, а в центральную пересыльную – 15 111 мужчин и 4985 женщин.

кие друзья отвергли этот план. Как же нам увидеть Тобольск? Проходящий пароход останавливается там на час или на два, а следующего ждать неделю. Единственная альтернатива пароходу — поехать на тарантасе. Однако о дорогах, которые еще не высохли от весенней распутицы, рассказывали ужасные вещи. Тем не менее вопрос о том, чтобы оставить Тобольск в стороне и не посмотреть его, даже не обсуждался. Следовательно, мы должны были попробовать съездить туда на лошадях, попытаться достичь города к субботе, посмотреть тюрьмы, а на следующий день занять места на пароходе.

Итак, поздно вечером в пятницу мы оставили Тюмень, выехав на двух тарантасах, каждый из которых был запряжен тройкой лошадей. Смотритель первой станции предупредил нас, что дороги очень плохие и что с тех пор, как вода пошла на убыль, по этой дороге проехала только пара путешественников. Когда мы подъехали к первой речке, то даже не смогли подобраться к месту обычной паромной переправы...

18.

1879, август. *Серошевский В.* Против волны / Пер. с польского. М.; Л., 1929. С. 27–38.

Серошевский, Вацлав Леопольдович (Sieroszewski, Wacław, 1858–1945) — польский писатель, публицист, этнограф. В двадцатилетнем возрасте был арестован за участие в рабочем кружке и сопротивление полиции, приговорен к восьми годам тюрьмы, которые были заменены ссылкой в Якутию. В мемуарной книге С. («Z falu na fall», 1910) описывается, почти без указаний на точную хронологию, сыльное путешествие из Варшавы в Верхоянск.

Два дня совещались о том, как переправить (из Перми. — Ф.К.) нас дальше, до Тюмени, сухопутным способом, ибо другого не было.

Много телеграмм было отправлено в Петербург и обратно, как нам передавали впоследствии, пока решили в конце концов взять нас на тройках...

<...> В течение двух дней до нас доходили всевозможные сведения, большей частью через посредство уголовных. То сообщали, что нас погонят пешком, а так как мы — «государские преступники» (так изменил народ по-своему официальное название политических: «государственные преступники»), то нас прикуют, как когда-то поляков, по десять человек к одному железному стержню, чтоб мы не убежали!.. То передавали, что мы останемся здесь до весны, и после ледохода нас спустят на «каюках» к Обдорску на берегу Ледовитого океана... В конце концов нас повезли на тройках, на «перекладных». Подводы должно было дать население.

Это было второе увлекательное путешествие. Правда, оно не было так удобно, как на барже, но зато гораздо разнообразнее. В удобные тарантасы посадили по три человека арестантов в каждый и двоих солдат. Ямщик, прижавшись в угол облучка, лихо покрикивал, размахивая беспрестанно кнутом и подгоняя трех коренастых полудиких лошадок, бежавших и без того быстрой рысью. Лошадки пускались вскачь, особенно при подъемах в гору и спусках. Порою казалось, что и тарантас, и лошади, и мы, и даже «государские» жандармы разобьемся в пух и в прах от этой скачки о растущие на дне пропасти деревья или сверзимся в озеро, показавшееся вдруг неожиданно за поворотом дороги. Какое! Ямщик как раз вовремя стягивал вожжи, делая крутой поворот, так что колеса только успевали сверкнуть над обрывом.

Так как гор на дороге попадалось все больше и больше, то нам пришлось испытать немало сильных ощущений. Через каждые двадцать пять, тридцать километров мы останавливались, чтоб сменить лошадей и «выпить чайку».

На этапных пунктах — у деревянных, окруженных частоколом зданий, предназначенных для ночлега идущих пешком партий — нас поджидали уже целые шеренги деревенских девушек и баб, сбегавшихся туда из окрестных селений с калачами и булками, молочными продуктами, огурцами, пирогами, утками и курами, вареным и жареным мясом, сибирской яичницей, с мукой и молоком, с ветчиной, с копченой, вареной и жареной рыбой... — вообще со всякими сокровищами этого богатого края. И дешевизна была неслыханная: за несколько копеек можно было купить жирную курицу и даже гуся, целого судака; три яйца стоили полкопейки и т.п. Никогда мы не кормились так вкусно и обильно.

Мучила нас только пыль, ужасная, невероятная пыль, поднимаемая пятьюдесятью нашими повозками, мчащимися одна за другой галопом. Поэтому первым делом на этапных пунктах для всех было умывание. Дни были теплые, солнечные, сухие, и мы устраивали себе форменные души у колодцев, окатывая друг друга по очереди из ведра холодной водой.

Чудно спалось после целого дня такой езды, во время которой мы отмахивали по сто, иногда даже по полтораста километров. Местность была чрезвычайно живописная — поросшие лесами склоны Урала поднимались все выше и выше, пока наконец в один прекрасный день мы не достигли перевала, на котором красовался огромный столб с двухглавым орлом. На прибитой у его верхушки доске было написано с одной стороны «Европа», с другой — «Азия». С любопытством и щемящей тоской в душе читали мы эти надписи. Ни у кого не являлось охоты петь, хотя конвоировавший нас жандармский офицер усиленно просил об этом.

Восточные склоны Урала круты, и виды, открывавшиеся на поворотах дороги на долины, поросшие непроходимыми лесами, на серебристые ленты рек, извиляющихся в ущельях, на зеркальную гладь сверкающих вдали озер, на цепи синих вершин, бледнеющих и исчезающих на горизонте бирюзового неба, представляли для нас неописуемое очарование. Не знаю, это ли очарование или надежда на конституцию Лорис-Меликова были причиной тому, что в этот период ни у кого не возникла мысль о побеге...

Наконец после нескольких дней путешествия мы увидели в долине белые здания и дым многочисленных заводов и вскоре очутились в Екатеринбурге, первом сибирском городе. Я совсем не помню Екатеринбургской тюрьмы, в которой мы, правда, провели всего один день. Помню только, что там нам кто-то прислал обильную «передачу», состоявшую из провизии и денег. Там в первый раз после Москвы интересовались, нет ли в партии ссыльных поляков и сколько их.

По пути меня поразило то обстоятельство, что в некоторых крупных селах — а села в Сибири большие, некоторые насчитывают по две тысячи жителей и больше — всю нашу партию принимали за поляков, грозили нам кулаками, когда мы проносились вскачь, и кричали нам вслед: «Паны, бунтовщики!»... Было ли это отголоском прежнего времени, когда этим путем гнали польских повстанцев, или это была искусная пропаганда полиции, чтоб возбудить к нам неприязненные чувства у населения и затруднить нам на всякий случай побег, — не знаю...

<...> Тюрьмы в Сибири, как католические церкви в средневековой Франции, представляют собой наиболее величественные, наиболее бросающиеся в глаза здания в небольших уездных и даже в губернских городах. Их именуют там «тюремный замок» или «острог». По всем вероятностям, в наследие от той эпохи, когда в крепостцах (острогах) завоевателей-казаков самым крупным и важным строением была тюрьма, где держали заложников из туземцев, понуждая их этим выплачивать положенный «ясак» (дань мехами, по преимуществу лисьими и соболями).

Тюремный замок в Тюмени произвел на нас сильное впечатление своими размерами и величественным видом.

После Бутырки это была самая крупная из всех попадавшихся нам на пути тюрем. Здесь скоплялись, иногда даже зимовали, партии ссыльных, направляемых в глубь Сибири. Летом их сажали на баржи и отправляли вниз по рекам Туре, Тоболу, Иртышу до впадения в Обь, а потом по Оби вверх до Томска, самого крупного города этой части края, резиденции генерал-губернатора Западной Сибири.

В Тюмени мы провели три дня. Пребывание там было довольно неприятно. Мы успели уже отвыкнуть от тюремного режима, тесно-

ты, насекомых, заключения в камерах. Вдобавок к этому жандармы распростились с нами, и сразу же стало оправдываться их пророчество — начались мелочные преследования, бессмысленные придирки на почве соблюдения мелочных требований устава, которые до сих пор устранялись одним словом жандармов. Мы поняли, что отныне нам придется иметь дело с людьми, перед которыми даже жандармы оказывались образцами «версальской» вежливости.

Уже во время приема партии мы почувствовали «новое веяние». Утомленных дорогой, голодных продержали нас на ногах в течение нескольких часов на тюремном дворе, где специальная «тройка» тщательно проверяла, расспрашивая каждого подробно, наши «статейные списки»⁸, внимательно рассматривала наши фотографии, проверяла прочность кандалов, перетряхивала наши вещи.

— Здесь Сибирь! — назидательно указывали нам, когда мы пробовали протестовать...

<...> Баржа, на которой мы поплыли из Тюмени, была похожа на прежнюю, может быть, немного поменьше, немного грязнее той. На ней вернулся прежний распорядок жизни, но не вернулось уже прежнее настроение.

Не помогли ни песни, ни чудные ландшафты гористых и лесистых берегов, развертывавшиеся перед нашими глазами вдоль рек, по которым плыла наша баржа. Прежде всего ограничили время нашего пребывания на палубе; как только наступали сумерки, нас безжалостно гнали в каюту, а сумерки наступали все раньше и раньше по мере того, как мы продвигались к северу.

Наступал октябрь...

⁸ На каждого арестанта имелась особая выписка с наклеенной фотографической карточкой, где были перечислены все касающиеся его личности «статьи», а также приговор суда, по которому он был сослан.

Лев Боярский

Первые годы кинематографа в Тюмени

В этом году жители Тюмени смогут отметить две знаменательные даты — 430-летие города и 120-летие первого кинопоказа в Сибири, который состоялся в конце 1896-го.

«Кинематограф первых 5–7 лет его жизни называют по-разному: “бродячий”, “балаганный”, “ярмарочный”... Нет, “бродячим” или “балаганным” период первого десятилетия кинематографа в Сибири не назовешь. Скорее он гастрольно-железнодорожный...», — пишет киновед Виктор Ватолин в своей книге «Синема в Сибири: Очерки истории раннего сибирского кино (1896–1917)» (Новосибирск, 2003. 176 с.).

Как предположил В. Ватолин, тюменцы узнали о существовании кинематографа буквально через год после первой демонстрации нового изобретения во Франции. С новинкой сибиряков познакомил путешествующий демонстратор Станислав Осипович Маржецкий.

О нем мы знаем мало. После киноваяжа по Уралу и Сибири он

основал собственную фирму в Москве. Известно, что с 1897 по 1903 годы С.О. Маржецкий производил записи на фоноваликах, а с 1904 года стал одним из торговых агентов французской компании “Pathe” («Братья Пате» — филиал, который занимался производством собственных и распространением зарубежных кинофильмов в России).

5 октября 1896 года в «Пермских новостях» появилось объявление: «Новость! “Синематограф” — живая движущаяся фотография. Ежедневно демонстрируются от 4 до 11 вечера. Сеанс каждый час. За вход 50 копеек, дети — 30 копеек, нижние чины — 20 копеек». Согласно рекламе «Екатеринбургской недели», с 7 ноября С.О. Маржецкий начал работать уже в Екатеринбурге. Проведя несколько показов в уральском городе, он отправился по железной дороге дальше на восток.

Автор книги «Синема в Сибири» пишет: «Трудно представить, чтобы Маржецкий отказался от

почти гарантированно щедрых сборов в старинном богатом городе с тридцатитысячным населением, до которого езды меньше суток. Так что именно Тюмень, скорее всего, следует считать местом, где в самом начале декабря 1896 года состоялся самый первый в Сибири киносеанс».

К сожалению, городской газеты тюменцы в том году еще не имели, поэтому достоверных сведений о том, где, когда и как прошел киносеанс, пока получить не удалось. Но упоминание о С. Маржецком в местном издании нашлось. О приезде «г. Моржецкого» из Тюмени в Тобольск с целью проведения синемаграфического сеанса сообщал «Сибирский листок» в номере от 1 декабря 1896 г. Благодаря этой публикации версия автора книги «Синема в Сибири» о времени появления кино в сибирском городе можно считать плодотворной.

Более того, изучение номеров местного издания подсказывает, что в конце XIX века кинопоказы в Тюмени стали явлением нередким. Так, «Сибирская торговая газета» в № 55 за 1897 г. рассказывала, что на ярмарочной площади в особом балагане показывается «синеграфоскоп» братьев Пипон, подражателей Люмьеров. Увы, желающих посмотреть

новинку было немного из-за высокой цены входных билетов.

22 октября 1897 г. в здании Тюменского реального училища также состоялся еще один синемаграфический сеанс специально для учащихся. 4 июня 1898 г. «настоящий синемаграф Люьера» показывали в Загородном саду после концерта «на электро-микрофонах» (тоже новинка). Фотограф С.Н. Щербаков (совместно с А.Г. Сысковым) в августе 1900 г. провел в Тюмени сеанс «фонарь-синемаграфа». Возможно, это было первое коммерческое предприятие, организованное не гастролерами, а местными владельцами кинематографического аппарата.

С 22 сентября 1902 г. кинопоказы стали регулярными в здании драматического театра А.И. Текутьева. В 1906–1908 годах сезонные представления («электро-биографы», «электро-театры») проводились каждое лето в павильонах на городском ипподроме, на базарной площади, в домах известных горожан.

Так, по сообщениям «Сибирской торговой газеты» (все ссылки, за исключением оговоренных, делаются на это издание), в 1906 г. на Ярмарочной площади «напротив места Ведунова» работал «театр оживленной фотографии», а с 26 декабря 1907 по 21

января 1908 г. на Царской улице в каменном доме Макария Шмырова (современный адрес: Республика, 5, — здание с барельефами на боковом фасаде) располагался кинотеатр «Электро-биограф Патэ». Позднее в этом же помещении работал временно «Фотоскоп-Синематограф» варшавского мещанина Франца Юзефовича Мачуского, владельца тюменского магазина «Взаимная польза».

Сведения В.Е. Копылова о том, что стационарные кинотеатры появились в Тюмени в 1910 г., нуждаются в уточнении. Страницы «Сибирской торговой газеты» сообщают, что это произошло на год раньше. Автору этих строк также не удалось найти документального подтверждения мнению краеведа А.С. Иваненко, что первым кинотеатром в Тюмени был «Вольдемар». Газеты того времени называют другие имена: «Рояль-Вю», «Фурор» и «Прогресс».

«Рояль-Вю»

Постоянно действующий кинотеатр в Тюмени открылся 3 мая 1909 г. в доме Брюхановой (вероятно, на углу Подаруевской и Царской, там, где позже был кинематограф «Палас»). «Вю» (видимо, сокращение от электро-

Первый в Тюмени Петербургский электро-театр
„РОЯЛЬ-ВЮ“ на 2-е, 3-е, и 4-е июня 1910 года
 Новая серия картин. Исключительно новинка.
 (отделение 1-е: 1) **Призрак блылого** (сказка драма),
 2) Царство дивовов. (Действие, комедия, картина) отделение 11-е: 3) **Цыганка Аза** (драма), 4) Ферма страусов (пастушья). отделение 11-е: 5) Бербоно гуаини вь Москив (на итальянском языке).
 На 1-й апрель 1910 года (св. картина), 6) Беркс честности (бондарная комедия).
 Цены понижены: 1-е место 25 коп., 2-е—20 коп. и 3-е 15 коп., галерея (на барьерках) 8 коп., ученики и взрослые чины 5 коп. Дети на 4 персона 1 руб. 20 коп. Бюветы ложа 30 коп.

БИОграф) рекламировал себя как «первый в Тюмени... электрифицированный кинематограф», а также как «Петербургский электро-театр». Владельцем был А.Ф. Лукин.

3 мая 1909 г. «Сибирская торговая газета» сообщила своим читателям: «Сегодня начало сеансов во вновь устроенном синематографе “Рояль-Вю” в доме Брюхановой на Царской улице». В хронике отмечалось большое количество посетителей электро-театра, особенно «учеников приходских училищ и других мальчишек». Первая реклама электро-театра в газете появилась только через год — 30 мая 1910 г. и зазывает зрителя практически до рождественских праздников. Не позднее марта 1911 г. «Вю» был закрыт по противопожарным причинам (с какого времени, выяснить пока не удалось).

«Фурор» («Модерн»)

На углу улиц Спасской и Войновской (в районе Спасского сквера, за нынешним Дворцом «Пионер») с конца апреля 1909 г. началось строительство одно-

этажного деревянного здания (сборно-разборного балагана, вероятно, круглой формы). И уже 7 июля 1909 г. в нем открылся «электрический театр “Фурор” на 300 посадочных мест, экран 40 квадратных аршин» (1909. 6 июня, № 119). Владельцем его был Юлиан Иванович Буяльский, уже известный тюменцам кинодемонстратор — с середины мая он проводил сеансы в павильоне на ипподроме (1909. 12 мая, № 100). Реклама зазывала посетителей: «Электрический театр “Фурор” в сквере. С 7 июня 1909 г. будут показаны последние новинки Парижа за 1908–09 гг.

Аппараты без всякого мигания.

Цены местам: 1-й ряд — 50 коп., 2 ряд — 40 коп., 3 ряд — 30 коп., галерея и ученические — 20 коп.

Состоя агентом парижских синематографов, получаю картины непосредственно, что дает почтенной публике самые интересные сюжеты.

С почтением, владелец театра Ю. Буяльский.

Внимание родителей и воспитателей — картины все приличного содержания». (1909. 6 июня, № 119).

В конце ноября 1909 г. вновь построенное здание в сквере приобретает компания «Модерн» (1909. 21 нояб., № 248). Такое событие не стало новостью для тюменцев. Десятью днями ранее в единственной местной газете сообщалось, что «компания “Модерн”, собирается открыть в Тюмени совершенно новый электро-театр... Картины будут получаться непосредственно с фабрики Патэ в Париже». Новым хозяевам больше нравилось другое имя — «Модерн», первый сеанс в котором прошел в воскресенье, 29 ноября 1909 г. Рекламировать себя новое предприятие начало лишь с 5 декабря 1909 г.

Согласно акту противопожарного осмотра от 4 марта 1911 года владельцем электротeatра значится И.С. Шустер. Согласно Журналу тюменской городской управы (03.04.1913) договор

аренды «Модерна» с 29 февраля 1912 г. заключил на трехлетний срок тюменский фотограф и кинооператор Иосиф Савельевич Шустер.

Для него деревянное здание элек-

ЭЛЕКТРО-ТЕАТРЪ

„МОДЕРНЪ“

(бывшій «Фуроръ.»)

съ 6-го декабря новыя картины

цвѣтной фотографіи

«**ЧЕРНАЯ РУКА**» и другія.

Извѣстная популярная картина

УХАРЬ - КУЩЕЦЪ.

Подробности въ программахъ.

(338)

тротеатра могло считаться своим домом еще в 1910 г., когда здесь начали демонстрировать киноленты, снятые И.С. Шустером в Тюмени. Анонс «картин из тюменской жизни» см.: 1910. 30 мая, № 115; «Детские гуляния в Спасском саду 7 июня 1910 года» (1910. 16 июня); «Бега на ипподроме» (1910. 14 июля). Последующая демонстрация собственных картин шла уже в арендованном кинооператором помещении. «Полет авиатора А.В. Васильева» (1912. 21 июня), «Празднование 300-летия дома Романовых в Тюмени» (1913. 21 февр.) и др.

В акте осмотра пожарной безопасности «Модерна» от 4 марта 1911 г. написано, что электротeatр находится «в специальном одноэтажном деревянном здании, на углу Спасской и Войновской улиц, зрительный зал с двумя выходами, первый главный (в сад), второй непосредственно на улицу». После открытия новых, более комфортабельных кинотеатров «Модерн» стал убыточным. Городская управа разрешила разобрать здание (решение от 3 апр. 1913). С 26 апреля реклама «Модерна» исчезает из «Сибирской торговой газеты». И уже в мае 1913 г. ис-

чезает и само здание, которое И.С. Шустер перевез вместе с проекционной аппаратурой в Ишим, где «Модерн» расположился на Никольской улице (Савченкова Т. Первые кинотеатры // Ишимская правда. 1992. 15 авг.). Но владельцем электротeatра вскоре стал, по мнению ишимского краеведа, Осипов. Первый сеанс в «Модерне» на новом месте состоялся 15 июня 1913 г. (газ. «Вестник Западной Сибири». 1913. 12 июня).

«Прогресс»
(«Вольдемар», «Ореол»)

Электротeatр «Прогресс» открылся в доме Гилева на Царской улице, напротив магазина Агафу-

КИНО-ОРЕОЛ
СЕГОДНЯ

Мировой боевик
в двух сериях

С участием известных артистов: Лиль-Дагер, Нильса Хризандер и Бернгарда Гетцке,
в 9 больших частях

Грандиозная
постановка.

Свыше 10 тыс. чел. участвовали

ПОД СТРАХОМ СМЕРТИ

Действие происходит
в ИНДИИ и ТИБЕТЕ

Художественная постановка
праздника поворота солнца в
заповедном городе Тибетского
ДАЛАЙ-ЛАМЫ. Суд Далай-Ламы
над иностранцем.

Цены местам обыкновенные.

Картина сопровождается специальной музыкой.

У разл. — Блюштейн М. Скрипка Кротов Б.
Директор театр и кино Сабуров-Должини С. П. Акт. кино Мокин Н. И.

ровых (в советское время там находился ресторан «Сибирь»), 2 сентября 1909 г. Первый владе-

лец его — Александр Николаевич Ильинский. В ноябрьской газетной рекламе сообщалось, что собственником для электротeatра строится новое обширное здание против магазина Воробейчиковой, а прежний кинозал будет сдан в аренду (предполагалось, компании «Модерн»). Однако последняя приобрела помещение кинотеатра «Фурор» у Ю. Буяльского. Когда 15 декабря 1909 г. старое здание перестали использовать по назначению и оно опустело, арендовать его никто не стал.

Деревянное здание «Прогресса» расположилось на улице Царской, рядом с булочной Бентхена (напротив здания по ул. Республики, 15). С началом 1910 г. в здании стали показывать фильмы. Владельцем «Прогресса» по-прежнему значился А.Н. Ильинский. Но в середине июня электротeatр приобрел пермский мещанин Антоний Иванович Ромашов (1910. 18 июня, № 130). Информацию о новом владельце можно найти в справочной книжке «Вся Тюмень» (изд. А. Афромеева, июль 1910).

Въ Среду 2-го Января въ Электро-Тeatръ „ВОЛЬДЕМАРЪ“
 Будетъ поставлена небывалая программа.
 ПОЙДЕТЬ
 ЗНАМЕНИТАЯ
 КАРТИНА. **Звѣрства въ Испаніи.**
 Сильно потрясающая драма. Въ 2-хъ частяхъ.
 Слабонервныхъ просятъ не приходиться.

Уже в сентябре А.И. Ромашов переименовал предприятие. Теперь тюменцы посещали уже не «Прогресс», а «Гранд-электротeatр “Вольдемар”» (реклама нового имени появилась 8 сентября, в № 195). Его зал считался самым большим в городе, имел 500 мест. «Вольдемар» был оснащен двумя киноаппаратами, в зале стояло пианино с канделябрами, фойе освещалось люстрами. Газетные рекламы сообщали, что картины в театре шли под музыку тапера, а иногда под струнный оркестр.

По воспоминаниям тюменского рабочего Алексея Улыбина, в «Вольдемаре» играл известный всему городу слепой скрипач Родионов. Выступали в электротeatре и приглашенные артисты, в том числе синхронно озвучивавшие немые фильмы. «Сибирская торговая газета» в 1910 г. сообщала, что в гранд-электротeatре «Вольдемар» «идут говорящие картины, в исполнении известного артиста Фильгабера (идеальное совпадение голоса)».

В 1918 году «Вольдемар» был взят в аренду М.А. Брюхановым

у тогдашнего владельца М.Е. Ефимова. В советское время кинотеатр еще раз менял имя. В 1929 г. «ветхое деревянное здание», теперь уже «Ореола», было снесено, а на следующий год на этом месте началась постройка жилого дома кооператива «Реконструктор» — «дома-гиганта на 240 человек».

«Луч»

19 декабря 1910 г. комиссия городской управы с участием архитектора К.П. Чакина дала разрешение открыть на втором этаже деревянного дома Панкратьева на углу Царской и Садовой в зале на 250 человек электротеатр «Луч». Совладельцами предприятия стали держатель гостиницы «Эрмитаж» на Потаскуе Иоганн Генрихович Шварцберг (Шварц-Бергун) и А.Ф. Лукин. Как писала пресса, открытие электротеатра прошло с большой помпой при большом стечении народа.

В начале марта 1911 года «Луч» был закрыт «как не имеющий должного разрешения от губернатора» (СТГ. 1911. 6 марта, № 52).

Как предположила губернская газета «Сибирский листок», причиной закрытия мог стать показ картин непристойного содержания. «По слухам, один кинематограф Тюмени закрыт не только потому, что оказался небезопасным в пожарном отношении...» (Сибирский листок. 1911. 17 апр., № 45).

«Весь мир»

Был открыт в декабре 1911 г. на втором этаже дома Воробейчиковых. Устройство и оборудование зала произведено владельцем кинотеатра И.С. Шустером в сентябре 1911 г. 10 декабря 1911 г. комиссией городской управы во главе с архитектором К.П. Чакиным дано разрешение на открытие помещения для сеансов (Коньков Н. У истоков сибирского документального кино // Большое городище. 2014. №1. С. 9). В 1914 г. «Весь мир» рекламируется как «общедоступный театр», цены на фильмы, демонстрировавшиеся в нем, были ниже, нежели в иных аналогичных заведениях города. В этом электротеатре впервые были

<p>Электро-театръ</p> <p>ВСЕЪ МИРЪ</p> <p>Жюжень, Царская улица.</p>	<p>Съ 11-го Юня демонстрируется картина съ участ. любимицы известн. артист</p> <p>ДЕТЫ НИЛЬСЕЕНЪ</p> <p>драма въ 3-хъ частяхъ</p> <p>ЗАЛЕТНАЯ ПТИЦА</p> <p>и другія интересныя картины.</p> <p>Съ 14-го Юня ставится интересная картина драма въ 2-хъ большиыхъ частяхъ</p> <p>ЖРВІЙ ВРОШЕНЪ.</p> <p>Эта картина недавно въ Москвѣ прошла съ большиимъ успѣхомъ.</p> <p>Въ скоромъ времени поставлена будетъ картина НАМО ГРЯДЕШИ.</p>
---	--

показаны тюменские фильмы Шустера «Закладка придела Спасской церкви», «Крестный ход в часовню на базарной площади по случаю переименования Знаменской церкви в соборную» (1913. 17 сент.), «Молебствие о даровании русской армии победы над врагами» (состоялся в шесть утра 23 июля на Привокзальной площади) (1914. 24 июля) и ряд других.

В 1916 г. Шустер закрывает «Весь мир» и перевозит всю аппаратуру (как писала газета, «анвентарь») в Тобольск (1916. 21 мая). Дом, в котором находился электротeatр «Весь мир», сохранился (Республики, 30, правая часть комплекса зданий), и это единственное сохранившееся в Тюмени здание дореволюционного кинотеатра (не считая дома М.А. Шмырова, в котором в разное время размещались временные кинотеатры).

9 октября 1916 г. в доме Воробейчиковой (на месте закрытого электротeatра «Весь мир») братья Шустеры открывают театр-миниатюр «БИО». В нем ставились спектакли силами собственной труппы, проводились гастроли (например, столичного кабаре «Летучая мышь»), а также показывались кинофильмы. С начала октября 1918 г. «Био» был переименован в театр «Миниатюр»

— «по улице Республики в доме Шустера» (Свободное слово. 1918. 26 сент., № 82).

«Гигант» («Художественный»)

Третье заведение владельца сети тюменских электротeatров Иосифа Шустера было открыто 29 декабря 1913 г. Про постройку будущего «Гиганта» писала «Сибирская торговая газета»: «Шустер вошел в соглашение с г. Воробейчиковым о постройке каменного здания нового электро-театра на 600 мест» (1913. 17 сент.). Находился кинотеатр в квартале за Спасской церковью, в бывшей усадьбе Воробейчиковых, за тем местом, где в настоящее время находится пельменная.

В декабре 1922 г. после ремонта здания в нем открывается кинотеатр «Художественный» (в 1923 г. — в аренде у братьев Шустеров, в 1925 г., согласно справочнику «Вся Сибирь», у частного арендатора А. Шустера). В 1930 г. в связи с аварийным состоянием здания «Художественный» был переведен в здание Камерного театра (бывший магазин Агафуровых).

«Протокол № 2 Президиума тюменского городского совета РК и КД состоявшегося 1/9 — 1930 г. Постановили для овощехранения ЦРК отвести помещение кино

«Художественный», как непригодное для кино ввиду ветхости. Предложить отделу народного образования в 3-хдневный срок кино «Художественный» закрыть и оборудовать таковое в помещении Камерного театра». По сведениям В.А. Чупина, ветхое здание «Художественного» зафиксировала инвентаризация 1928 г., в БТИ сохранился план здания, на плане показан балкон, сцена, кассы, указано, что кладка первого этажа кинотеатра «производилась зимой при морозе до 20 градусов», а 2-й этаж был «срублен из стычных старых бревен», в 1936 г. в служебной записке было сказано, что «в данном доме вываливается стена и потолок имеет осадку». Видимо, все это и стало причиной сноса здания в конце 1930-х.

«Палас»

12 ноября 1914 года на углу улиц Царской и Подаруевской в двухэтажном доме П.А. Брюханова открылся кинемо-театр «Палас». Арендован Владимиром Александровичем Гирманом, зятем А.Ф. Брюхановой. Зрительный зал вмещал 300 человек. Задние ряды мест были приподняты, имелась сцена с фортепиано и буфет в фойе. Помещение освещалось восемью люстрами, вывеска с названием также подсвечивалась. Был закуплен киноаппарат

системы «Патэ-2». По некоторым сведениям, в 1916 г. Гирман передал аренду А.Д. Ерофеевой, и открыл собственный кинотеатр, который расположился в его усадьбе по ул. Иркутской, 31.

* * *

К сожалению, практически невозможно установить, какую именно киноленту увидели тюменцы в 1896 году, и какой фильм открыл первый сезон в самом первом местном кинотеатре. В. Ватолин приводит примеры названий нескольких картин, которые были показаны С.О. Маржецким в Омске и других городах Сибири в начале 1897 года: «Морское купание», «Мастерские в Ла-Сьота», «Прибытие поезда на вокзал Ла-Сьота». Видимо, в Тюмени и Тобольске, так же, как и во Франции и во многих других странах мира, первыми были продемонстрированы фильмы братьев Люмьер.

Репертуар первых тюменских кинотеатров — тема для отдельного рассказа. В иллюстративном блоке читатели могут увидеть несколько рекламных объявлений из тюменских газет и, по крайней мере по названиям, получить некоторое представление о фильмах, которые смотрели наши предки более ста лет назад. Это не только разного рода «боеви-

Театры на карте г. Тюмени

1. «Фотоскоп-синематограф» Франца Мачусского
2. «Рояль-Био» / «Палас»
3. «Прогресс» / «Вольдемар» / «Ореол»
4. «Весь мир» / «БИО»
5. «Гигант» / «Художественный»
6. «Фурор» / «Модерн»
7. Театр А.И. Текутьева
8. «Луч»

Улицы: Иркутская — ныне Челюскинцев; Садовая — ныне Дзержинского; Царская — ныне Республики; Спасская — ныне Ленина.

ки» вроде «Черной руки» или «Фантомаса», но и такие серьезные постановки, как «Камо грядеши», «Нерон» и другие.

Рассказывая о кинематографе в Тюмени, нельзя обойти без истории о «распутинском фильме». 3 мая 1914 г. Иосиф Шустер выпустил первый и, видимо, единственный российский документальный фильм, в котором снялся Григорий Распутин. «Старец» дал личное соизволение на демонстрацию фильма с его участием специальной телеграммой на имя И.С. Шустера (1914. 24 мая). Российский журнал «Сине-фоно», посвященный «синематографам, говорящим машинам и фотографии», в № 19 в мае 1914 года сообщал своим читателям, что «тюменский кинолюбитель Шустер» снял фильм «о пребывании Распутина в Покровс-

ком», но фильм «так и не вышел на экраны». На самом деле фильм снимался в Тюмени — на вокзале и в Затюменке, в доме друга Распутина Д.Д. Стряпчева.

К величайшему сожалению, ни одна из снятых Шустером в Тюмени в 1910-е годы кинолент, в том числе и «распутинская», пока не обнаружены и, вероятно, не сохранились.

Из фильмов, снятых в Тюмени в те годы, в Интернете доступен американский фильм «Госпиталь Красного Креста в г. Тюмень» (1918). Но практически все съемки проходили внутри здания госпиталя, расположившегося в здании Коммерческого училища Колокольниковых, и жизнь самого города в фильме увидеть невозможно.

Юрий Мандрика

Национализация

как показатель приближающегося банкротства

Иногда приходится перечитывать свои опусы, но никогда я над ними не плачу, как Александр Дюма. Хотя, может быть, и следовало — оттого что всегда обнаруживаешь неизбежную торопливость, которая со временем всегда вылезает обилием уточняющих обстоятельств. Так случилось и со статьей о «Ермаке»¹, который вдруг стал «Св. словом». В финале я резвился, сам не зная ответа на вопрос, который ставлю: «И пусть спорят теперь теоретики, “Св. слово” — это следующая жизнь “Ермака” или все-таки новое издание. Пусть даже с П. Рогозинским в той и другой газете в качестве не последнего человека. В одной — за редактора, в другой — редактора... Но пусть теоретики не забывают, что и “Св. слова” было два...» (с. 339).

¹ См.: Ю. Мандрика. Газета как игра // Российская провинциальная частная газета / сост. Л.Е. Кройчик. Тюмень, 2004. С. 294–340.

² Национализация кооператива «Свободное слово» // Тюм. рабочий. 1918. 11 (24) апр., № 43.

Газету «Тюменский рабочий», которая начала выходить сразу после закрытия «Св. слова» вошедшими в город «красными», очень быстро постигла участь своей якобы предшественницы. И тогда на страницы издания, которому едва-едва исполнился месяц, выплеснулась газетная история. Несмотря на ее пугающий объем, помещаю ее целиком².

«В субботу 20 с. апреля, в помещении конторы кооперативного т-ва “Св. сл.” и редакции газеты “Тюменский рабочий” явился некто Матлин и предъявил мандат местного исполкома, в котором изложено, что исп. комитет совета именем Российской федеративной советской республики, на основании постановления Совета от 19 апреля объявляет собственностью государства типографию кооперативного т-ва “Св. сл.” со всем имуществом, капиталом и т.д., словом мандат, имеющий форму декрета о национализации предприятия обыкновенно объявляемой по постановлению Совета народных комиссаров, с тем, однако, отличием, которое заключается в указании совнар-

Обывательские мысли³

Газетчик: Вот газета «Свободное слово»!
Оч.чч..чинь антиресна!!!

Обыватель: Я думаю, что тебе 15 копеек «ан-
тиресна», а мне-то какво????

Шарж Вл. Э-ль

комом повода, послужившего для такой чрезвычайной меры, какого указания наш совет не нашел нужным сделать.

Не уклоняясь от подчинения органам Советской власти правление т-ва все же не могло признать данное распоряжение юридически обоснованным и соответствующим указаниям центральной Советской власти, точно так же, как не согласно с ее указаниями было предшествующее сему закрытие газеты «Св. слово».

Декретом о печати, опубликованным в № 1-м газ. «Вр. Р. и Кр. Пр. и в № 1-ом же Собр. Узак. Совета Нар. Ком.», считаясь с тем, что стеснение печати даже в критические моменты допустимо только в пределах абсолютно необходимых, постановил, что закрытию подлежат лишь органы печати: 1) призывающие к откры-

тому сопротивлению или неповиновению Раб. и Кр. Пр-ству; 2) сеющие смуту путем явно клеветнического извращения фактов и 3) призывающие к деяниям явно преступного, т.е., уголовно-наказуемого характера и что мера эта проводится *лишь по постановлению Совета народных Комиссаров.*

Ни одного из указанных в декрете обвинений к редакции «Св. сл.» предъявлено не было; не было, конечно,

и постановления Сов. нар. ком. по этому поводу, а газета закрыта ни за что, ни про что, а как говорится, «за здорово живешь».

Затем имеется в виду распоряжение Высш. Совета Н.Х. от 12 с. апреля за № 88, разосланное всем совдепам такого содержания: «Именем Совнаркома немедленно прикажите уездным совдепам, всем органам Советской власти, прекратить преследование кооперативов. Восстановите распущенные или национализированные, освободите арестованных».

Основываясь на приведенных указаниях центральной власти правление товарищества послало в Сов. Нар. Ком. по телеграфу такое заявление: «Местный совдеп неожиданно национализировал типографию «Св. сл.». Кооператив состоит из рабочих и служа-

³ Св. слово. 1917. 23 нояб., №155.

ших предприятия при поддержке частных лиц. По уставу — не преследует капиталистических целей, имеет культурный характер. Национализация грозит разрушением дела и безработицей. Считаю совдеп превышающим полномочия...”

Само собой разумеется, что в Сов. Нар. Ком., занятом делами общегосударственного масштаба, наш бесконечно мелкий, хотя принципиально и важный вопрос, не может получить скорого разрешения и прежде чем взойдет солнышко права и истины, роса очи выест. Местные органы советской власти, местные олимпийцы, не считающиеся ни с каким правопорядком, ни с распоряжениями центрального советского правительства, успеют причинить непоправимый вред не только частным интересам — не в них еще дело — а, что важнее, самому делу социального строительства и, во всяком случае, культурно-трудовому.

Это положение возбуждает нас осветить историю возникновения товарищества и его характеристику.

Товарищество “Св. сл.” возникло в апреле 1917 г. по инициативе и старанием тогдашнего председателя исполнит. комитета

общественных организаций (ныне председателя правления самого т-ва) с целью дать местному населению печатный орган, наиболее отвечающий требованиям момента, и в то же время сохранить для Тюмени типографию, которая могла уплыть отсюда (как уплыла потом типография Житкова) за прекращением газеты “Ермак”, предположенным владельцем вследствие конфликта с союзом рабочих печатного дела.

Инициатору новой газеты, благодаря его обществ. положению, удалось склонить некоторых состоятельных лиц дать на это дело материальные средства. Для того

Свобода печати и слова⁴

Другие малютки на 10-м месяце ползать начинают, а нашего все еще пеленают.

Кар-ра Вл. Э-ль

⁴ Св. слово. 1917. 6 дек., №166.

же, чтобы ограничить влияние крупных вкладчиков на характер издания и сделать его органом не капиталистов, а демократическим органом трудящихся в предприятии прогрессивных литературных сил и рабочих печатного дела и создано кооперативное товарищество с установлением весьма скромного паевого взноса в 100 руб., чтобы дать возможность вступить в товарищество трудящимся элементам в преобладающем числе с одинаковым правом голоса, независимо от размера внесенных паев.

Мысль эта, правда, не сразу, была понята рабочими, и до последнего времени их в составе товарищества было немного, но надо отдать справедливость и крупным вкладчикам — они вовсе не вмешивались в работу кооператива, которая фактически направлялась пролетарским составом редакции и конторы. Газета держалась беспартийного направления и подвергалась нападкам и справа и слева — одни обвинялись в излишней новизне, другие склонны были видеть в ней скрытый кадетизм.

Предупреждение против т-ва объяснилось и объясняется участием в числе пайщиков буржуазных элементов и, быть может, предположением, что кооператив является тайником для помещения буржуазного капитала. Против этого надо сказать, что кооператив создавался не в период обострившейся классовой борьбы, а значительно раньше, когда все

классы, по крайней мере здесь, одинаково и дружно праздновали победу над старым политическим строем, и, когда капиталисты не имели повода прятать капиталы и не могли предвидеть ужасов грядущей гражданской войны, с другой стороны, трудно представить возникновение в то время достаточно сильного трудового кооператива без поддержки со стороны самостоятельных лиц, когда профессиональные рабочие союзы находились в зачаточном состоянии.

Надо еще понять, какого труда стоило вовлечение людей капитала в культурное дело, не сулившее им никаких выгод, и вот теперь люди, бескорыстно организовавшие дело, — люди труда, хотя не чисто физического, зачисляются в буржуи, дело их разрушается, от рабочих отнимается духовный интерес в культурном деле, и оно передается в безучастные казенные руки, где пока что не видно богатства дельными работниками, а расчеты на работников из-под палки не обещают продуктивности. В конечном счете получается большой минус и в материальном, и в моральном отношении.

Закрытие независимой газеты и национализация типографии, может быть и не без основания, объяснена желанием представителей местных органов Советской власти устранить всякую возможность свободного освещения их деятельности с теневых сторон.

Учредитель товарищества».

Но вернемся к последним дням «Ермака». Просмотрим происходящее в освещении «Сибирской торговой газеты».

«Нам сообщают, что типография и газета “Ермак” куплена местной партией народной свободы; во главе стоят гг. Беседных, Копытов (упр. Внешнего банка), Колмаков, Аверкиев и др. коммерсанты города. Говорят, что типография и газета будут переданы в распоряжение Тюменского исполнительного комитета. Штат редакции остается пока прежний, но название газеты будет изменено» (1917. 23 апр., № 88).

«Представители кадетской партии, купившей газету и типографию “Ермак”, усиленно обезбжают крупные фирмы и конторы заводов и фабрик, собирая пожертвования на покупку типографии и газеты» (1917. 26 апр., № 90).

«Нам передают, что газета “Ермак” новой колонией переименовывается в “Сибирский день”» (1917. 28 апр., № 92).

«Вместо газеты “Ермак” будет с сегодняшнего дня выходить “Свободное слово”; ответственным редактором приглашен П.А. Рогозинский, бывший редактором и “Ермака”» (1917. 30 апр., № 94).

«От издателя газеты “Ермак”.

Все подписчики газеты “Ермак”, за исключением тех, которым уже возвращены через почту деньги, по соглашению с издательством “Сибирской торговой газеты”, будут удовлетворены высыл-

кою им взамен прекратившейся газеты “Ермак” “Сибирской торговой газеты”. Последняя высылается гг. подписчикам с настоящего номера и высылка будет продолжена до окончания сроков подписки.

Лица, не желающие получать “Сиб. тор. газ.”, благоволят сообщить о том по почте конторе “Ермак”, по возможности в скором времени, для возвращения им подписных сумм и прекращения высылки “Сиб. тор. газ.”

Издатель “Ермака” Афромеев» (1917. 9 мая, № 10).

Последнее объявление достаточно красноречиво говорит о том, что покупалась только типография. Подписчики «Ермака» достались совершенно другому изданию. Да и логика законодательства, позволяющего, начиная с 1905 г., легко с согласия лишь местной власти начать новую газету, сопоставляется покупке того, что можно взять даром.

А теперь хроника «Св. слова» о первых днях своей жизни.

«От издателя газеты “Ермак”. Настоящий № газеты “Свободное слово” рассылается всем подписчикам “Ермака”. С 1 мая новая газета высылаться им не будет. О способе дальнейшего удовлетворения подписчики “Ермака” будут уведомлены. А. Афромеев» (1917. 30 апр., № 1).

Несмотря на то что большинство исследователей причисляет

«Св. слово» к кадетским изданиям, редактор томской «Сиб. жизни» А.В. Адрианов⁵ (Томск, 1919) считал газету беспартийной. Да и в самой «Св. слове» с первых дней решили расставить все точки над «і». На общем собрании партии народной свободы, которое состоялось в конце апреля 1917 г., «член комитета М.В. Полуботко указал на необходимость, на желательность своего партийного органа. П.А. Рогозинский объяснил, что газета будет внепартийным общественно-политическим органом. Цель ее: сглаживать рознь, разделяющую демократические партии и содействовать их объединению и сближению на почве общих интересов широких слоев трудящегося»⁶.

Очевидно, самоидентификация настолько заботила издателей, что ей посвящали даже стихи. И в зависимости от власти в Тюмени, менялась и партийная принадлежность «Св. слова». Вот как выглядел диалог между г. А. и г. Б. под «белыми»:

г. А.

Кто-то «свободу»
затеял худую
И замутил целый свет.
Митинги, пренья,
эс-деки бастуют,
Нет и приличных газет.
Вот, вы, взгляните
на сей заголовок
Будто «вне партий» листок.

Знаем мы, как же...

Не очень ты ловок,
Хоть и седой мужичок.
Красный — Быстрицкий,
красный — Тепикин,
Все вы крамолой больны.
Сам-то редактор,
будто бы «дикий»⁷...

г. Б.

— Что вы, помилуйте.
Вы в заблужденье.
Все вам подробно скажу...
Орган кадетский.
И, без сомненья,
Факты сейчас приведу:
Средства — кадетов.
Редактор — кадетский,
Нет большевистских статей.
Мыслит иначе, —
значит, по-детски...
Орган кадетов, ей-ей!

Автор фельетона пытается
вникнуть в причины такого непонимания между собеседниками:

Старые мерки теперь
не годятся,
К новым же навыка, опыта нет,
И подозренья
как пчелы роятся,
Жалят, жужжат,
вымогают ответ...⁸

⁵ Свою газету он также считал независимой, хотя у современников было совсем иное мнение: «Сиб. жизнь» — кадетский орган (РГА-ЛИ. Ф. 1785. Оп. 1. Д. 171. Л. 4).

⁶ Св. слово. 1917. 2 мая, №2.

⁷ Беспартийный. — Прим. «Св. слова».

⁸ Руж С. «Право, не клуб-ли вороньего рода около нашего нынче прихода?» // Св. слово. 1917. 20 июня, № 41.

Феномен такой «хамелионности» объяснялся тогда очень просто. «Все кадеты по существу беспартийны... <...> “беспартийность” — превосходное средство и, вместе с тем, защитное от политической борьбы... <...> Я называюсь беспартийным, пишу в кадетскую газету и сквозь зубы поплеываю на политических противников... <...> Кадеты в стороне, а политический противник задет, и мне, как беспартийному, веры больше...»⁹

...Уже в первом номере, говоря о задачах, которые стоят перед новорожденным, Николай Тепикин писал:

«...внедрение чувств гражданственности в народных массах, развитие в них самосознания, самостоятельности является также одной из главных задач нового органа печати в Тюмени.

С этой целью “Свободное слово” имеет в виду проводить идеи организованной самопомощи края в виде насаждения организаций потребительных, производительных и т.д.

Так как Сибирь как окраина по своему культурному уровню, экономическим и этнографическим условиям имеет свои особенности, то и введение земства, городского и сельского самоуправления

⁹ Лоцилов Влад. Лекция о преимуществах «беспартийности» // Дело Сибири. Омск, 1918. 31 июля, № 59. — Маленький фельетон.

и других реформ должно в некоторых случаях различаться от остальной России. Разработке этих важных вопросов будет отведено подобающее почетное место на столбцах молодой газеты.

Не упуская из виду характера переживаемого момента, когда, с одной стороны, заметно расчленение общественного целого на ряд социальных групп, иной раз отличающихся друг от друга лишь небольшими оттенками и вследствие того, что еще идет процесс дифференциации при отсутствии у нас навыков общественности, гражданственности — все это создается не по мановению какой-нибудь волшебной палочки, а самой жизнью, политической школой, когда необходима мобилизация всех культурных сознательных сил: некоторые резкие углы социальных групп до известной степени должны быть сглажены и потому в газете могут найти место все течения общественной и политической мысли, если это не роняет достоинства святого звания “человек”, всякий будет желанным сотрудником...»

При этом редактор пытался сразу провести демаркационную линию между ушедшей в небытие и новорожденной газетами.

«Все подписчики бывшей газеты “Ермак”, согласно сделанного заявления г. Афромеевым, будут удовлетворены лично им.

Подписка на новую газету “Свободное слово” принимается на условиях, указанных в заголовке

газеты, и редакция просит бывших подписчиков “Ермака” по всем вопросам о подписной плате на эту газету обращаться непосредственно к г. Афромееву по адресу: 1-я Монастырская д. №6» (1917. 2 мая, № 2).

Не исключено, что при продаже типографии А.М. Афромеев ставил условие, что один номер новой газеты для его подписчика — этакий бонус для продавца. В письме в редакцию газеты Николай Беседных сообщал категорично следующее:

«Я был только организатором издательского товарищества “Свободное слово” и хотя типография газеты “Ермак” и была приобретена мною от г. А.М. Афромеева на мое имя, в действительности же я хозяином издательства не был ни минуты. В настоящее время состоя пайщиком в товариществе я непосредственного участия ни в издательской, ни в редакционной работе по газете “Свободное слово” не принимаю»¹⁰.

А вот с какого времени в издании работал Георгий Беседных^{Р.С.} — пока нам неизвестно¹¹...

Учредитель товарищества, рассказывавший в «Тюменском рабочем» историю национализации типографии, был не прав в одном, что новая московская власть не обратила внимание на их обращение. В ГАРФе сохранился ответ на запрос из Наркомвнуддел:

«30 мая 1918 г. Согласно Вашей телеграмме от 27-го сего мая за № 2898/2679 Тюменский исполнительный комитет сообщает: «Редакция и типография “Свободного слова” нами закрыта за свое контрреволюционное направление особенно усиливающее за период последнего времени.

Не имея советской типографии для издания своего органа печати и необходимых срочных работ мы вынуждены были национализировать все имеемые в Тюмени типографии и соединить их в одну.

Деятельность типографий не уменьшилась и идет превосходно, о чем и ставим в известность комиссариат по внутренним делам.

Председатель...Секретарь...»¹².

Хотя еще совсем недавно «Сиб. торг. газ.» сообщала:

«Из шести типографий, имеющих в Тюмени, владельцы четырех готовы их продать. Охотников купить типографии немало, но все более в кредит, на что продавцы не согласны» (1917. 22 апр., № 87).

...Новая власть была явно на грани банкротства...

¹⁰ Св. слово. 1917. 16 июля, № 63.

¹¹ Затеявая газету «Степной листок» в Омске, К.М. Голодников заботился о своем непутевом сыне, которого надо было трудоустроить...

¹² ГАРФ. Ф. 393. Оп. 1. Д. 143. Л. II–IV.

Юрий Зотин

Биографические очерки врачевателей Тюмени

Век XIX*

В 1864 г. городским врачом в Тюмени служил надворный советник **Пиотровский Иосиф Викентьевич** (1, 2). Задал он мне работы над справочниками.

Родился Иосиф Викентьевич в 1829 г. (2), получил медицинское образование (звание лекаря) в 1853 (3), а в 1854–1858 гг. числился по военному министерству (2). К 1859 он награжден орденом Св. Станислава 3-й ст. и бронзовой медалью в память войны 1853–1856 гг. (2). В 1859–1861 числился по МВД (2) и служил городским ишимским врачом (4, 5).

Все бы хорошо, но по медицинским спискам и памятным книгам 1854–1860 гг. он значится Викентием Иосифовичем, а в 1864–1889 годах — Иосифом Викентьевичем. Это один и тот же человек, сомнений нет, год рождения, награды идентичны. Более того, в конце своей медицинской карье-

ры, в 1890 г., будучи луцким уездным врачом Вольнской губернии и получив чин коллежского советника, он вновь становится Викентием Иосифовичем (3).

Возможно, имя его было, на католический манер, Викентий Иосиф. Но тогда отчего в официальных документах была произведена двойная перестановка с подменой отчества вторым именем? Для меня это осталось загадкой.

Благодаря метрической книге тюремной церкви можно узнать, что в 1864 г. **Нечаев Константин Николаевич** служил тюменским городским фельдшером (6). К сожалению, кроме этой информации, о нем мне пока ничего не известно.

В 1865-м в Тюмени начал частную практику лекарь (фигурирует в медицинских списках с 1858, числился по министерству народного просвещения (далее — МНП) с 1863 г. **Пуцато Станислав Иосифович** (около 1840–1883) (2).

Дворянин Минской губернии, он был сослан в Сибирь без лишения прав на жительство. Видимо,

* Представлены биографии врачей и фельдшеров Тюмени, появившихся в нашем городе с 1864 по 1880 год. См. также: БГ. 2014. № 1. С. 66–72.; БГ. 2015. № 2. С. 95–101.

он был первым из врачей, появившихся в нашем городе вследствие польского восстания 1863–1864 гг. Пуцато практиковал в Тюмени с 1865 по 1883 г. (7, 8, 9). Но в поисках средств на жизнь Станислав Иосифович не ограничивал свою практику нашим городом. Известно, что в 1866 г. он выезжал для оказания медицинских услуг в Кокчетавский округ.

После 1868 г. он женился на сестре своего собрата по несчастью, роду и профессии Миссуно Франца Аполлинарьевича (9).

Время шло, и бывшие ссыльные, подозреваемые в противоправительственной деятельности, заново встраивались в гражданское общество. В 1871 г. Пуцато стал первым врачом Владимирского сиропитательного заведения, где прослужил около года (10). А в 1881-м бывший ссыльный переходит из МНП в МВД и становится врачом Тюменской пересыльной тюрьмы (1881–1883) (2, 9).

Станислав Иосифович умер от туберкулеза (которым болел, по воспоминаниям его родственников, с раннего возраста) в декабре 1883 г., оставив после себя вдову с тремя малолетними детьми (9).

Доктор Пуцато пользовался авторитетом среди жителей. Однако единственное доступное мне описание его деятельности — это

пример врачебной ошибки (думаю, одной из нечастых в его практике). Рассказывает пациент: «...за компанию налил и мне рюмку (водки). Я водку совсем не пил, но он меня приневолил выпить, я выпил и вторую, после которой у меня в голове зашумело. Посидев немного я пошел домой. Назавтра я почувствовал какое-то недомогание, сердцебиение и потерю аппетита. Конечно, сначала я не обратил на это внимания, думая, что все это от тяжелой работы на сенокосе... Прошло несколько дней, мне стало хуже: аппетит совсем пропал, есть ничего не хочу, не могу, чувствую какое-то бессилие и усталость так, что приходится лежать. Пошел к доктору С. О. Пуцато. Было известно, что он поляк, доктор хороший, в городе имеет большую практику. Он меня осмотрел, выслушал и как-то неуверенно проговорил, что сердцебиение неправильное и, вероятно, катар желудка. Прописал для начала очистить желудок большим приемом глауберовой соли и строгую диету, хотя я и так почти ничего не ел.

Часа через два после приема соли у меня сделалось сильное сердцебиение, головокружение, зрябило в глазах, я повалился с ног — упал почти без сознания... Назавтра рано утром пошла к

Пуцато Лиза, так как сам я идти не мог. Она попросила его приехать к нам. У него была своя лошадь, он ездил целые дни по городу. Около обеда он приехал к нам, я ему все рассказал, что было. Он опять выслушал меня и сказал, что вероятно, у меня порок сердца. Прописал какие-то капли и уехал... Дня через два я попробовал встать на ноги, хотя чувствовал большую слабость, но походил немного и решил сходить к доктору сам. Пришел, а мне сказали, что он захворал сам и никого не принимает». Далее следует рассказ о том, как фельдшер Карнацевич и доктор Миссуно (приехавший лечить брата жены) исключили диагноз порока сердца у пациента и удачно излечили у него катар желудка, а «...доктор Пуцато, прохворав с неделю, скончался» (9).

В 1866 году старший лекарь Тобольского военного училища, военный штаб-лекарь, коллежский советник **Черемшанский Евграф Макарович** вышел в отставку и переехал на жительство в Тюмень. По данным исследователя истории местного здравоохранения тюменского врача Николая Григорьевича Дубовика, Евграф Макарович ранее служил в Тюмени. К сожалению, точных дат его первого пребывания в нашем городе у меня нет (11). Но

он упоминается как местный военный штаб-лекарь в документах городской Думы (12,13).

Евграф Макарович окончил Оренбургскую духовную семинарию в 1829 г. и сразу поступил на медицинский факультет Казанского университета. Был выпущен в июне 1833 лекарем 1-го отделения в Кайдановский лазарет (близ Минска). В 1838 г. он уже служил в Тобольской губернии, его сын Александр, родившийся в этом году, — уроженец Тобольска (14).

Ну, а с 1854 по 1866 год он явно проживал в столице губернии, числясь, кроме военного министерства, еще и по духовному ведомству (он преподавал медицину — скорее, гигиену — и врачевал студентов духовной семинарии) (1, 2, 15).

С 1866 по 1871 г. Евграф Макарович заведовал в Тюмени больницей для приходящих больных. Пациенты больницы принимались без различия их социального положения (11,16).

Увы, данное учреждение в Тюмени не прижилось. В 1871–1872 годах доктор Черемшанский уже числится служащим Екатеринбургского земства. В 1872–1882 годах он работал врачом городской больницы в Ирбите.

Что было с ним после 1882 года? Бог весть. Может, его талантливые сыновья, о коих речь

еще впереди, обеспечили ему достойную старость.

С 1867 по 1878 год в архивных документах упоминается городской врач Тюмени **Петр Михайлович Кочерга** (11, 17).

Получив звание лекаря в 1863 (2), он изначально служил городским врачом в Ялуторовске (1864) (1). Дата его перевода в Тюмень мне пока не известна, но в 1867 г. он фигурирует как тюменский городской врач в метрической книге тюремной церкви (17). Известно его донесение в городскую управу от 7 марта 1878 г. Фрагмент этого донесения цитируется в статье Николая Дубовика «Врачи Черемшанские»: «...Со времени закрытия лечебницы (для бесплатного лечения больных) в городскую больницу каждодневно являются лица бедного сословия за медицинским пособием, и потому покорнейше прошу уведомить меня, удовлетворять ли этих лиц медикаментами из аптеки городской бедноты» (11)*.

За время пребывания в Тюмени с чина титулярного советника Кочерга вырос до надворного советника (1878). В 1879 он получил чин коллежского советника (2).

Служил ли он в Тюмени в 1879–1883 гг.? В медицинских списках Российской Империи Петр Михайлович числился по

1883 г. Известно, что **Александр Семенович Гасилов**, следующий тюменский городской врач (из известных мне), заступил на эту должность 30 мая 1883 года.

Интересно, что с 15.09.1882 по 1890 г. после окончания курса тобольской Мариинской женской школы преподавателем истории и географии Тюменской женской прогимназии служила Екатерина Петровна Кочерга (между 1884 и 1888 годами она вышла замуж за офицера РИА и носила фамилию Кондратович) (18, 19, 20). Учитывая сходство достаточно редкой фамилии, а также отчество преподавательницы, можно полагать, что она являлась дочерью коллежского советника. Возможно, Петр Михайлович Кочерга проработал в нашем городе именно до 1883 г., без малого 20 лет. Надеюсь, что при дальнейшем поиске приведенная цитата не останется единственным обнаруженным свидетельством деятельности городского врача.

Врач **Франц Аполлинарьевич Миссуно** (1834–1892) впервые появляется во фрагментах воспо-

* Для лиц интересующихся добавлю, что управа изначально запретила отпуск бесплатных медикаментов, но затем разрешила с условием выдавать их, но не иначе как из остатка, после удовлетворения нужд платных пациентов городской больницы.

минаний тюменцев С.И. Карнацевича и П.Ф. Кочнева, повествующих о 1868–1870 гг. (7, 9). Оба мемуариста относят его к ссыльным полякам, однако документальных свидетельств того, что Миссуно был сослан в Сибирь, у меня нет. Известно, что он окончил Московский университет в 1855 г. С 1856 по 1892 — присутствует в медицинских списках империи в звании лекаря. Ни чина, ни причисления его к какому-либо ведомству за все это время не упоминается (2). П.Ф. Кочнев по сути описывает его деятельность в 1870 году как частную практику.

«Меня отвезли к родителям и в тот же день послали к нам домой доктора, который обслуживал Тюфиных, посещая их, кажется, раза два в неделю, несмотря даже на то, что все бывали здоровы. Доктор Миссуно (имя и отчество не помню) был из ссыльных поляков. Это была знаменитость в то время, известная, по крайней мере, во всей Западной Сибири. Впоследствии он уехал жить в Успенский завод, в имение тогдашнего богача, тоже поляка, — Поклевского-Козелло, расположенное от Тюмени верстах в 40. В Тюмень он приезжал изредка, больные же, кто мог, ехали к нему со всей Сибири и даже из России. В год, как он мне по-

том лично говорил, бывало таких до 1200 человек.

...Миссуно сразу определил, что у меня брюшной тиф, и наказал моим родителям, как за мной ухаживать».

Из тюменского периода жизни Франца Аполлинарьевича следует упомянуть тот факт, что в 1871 г. он пытался основать фабрику по производству питательных бульонов. Свой продукт он презентовал на проходившей в сентябре этого года в Тюмени выставке промышленных товаров и изделий кустарных промыслов. Видимо, производство не имело особого успеха, кроме участия в выставке, иных сведений о бульонах Миссуно нет.

Так или иначе, но в середине 1870-х доктор Миссуно предпринял шаг, который частично увел его как от частной практики, так и послужил переезду из Тюмени. Про переезд Франца Аполлинарьевича на Успенский винокуренный завод, выкупленный к тому времени из казны Альфонсом Козьмичом Поклевским-Козелло, ранее было сказано в цитате из мемуаров Кочнева. Только мемуарист, в данном случае, слегка путает читателя. Успенский винокуренный завод находился действительно близ Тюмени, в 52-х верстах. Но вот имение Поклевских было при Талицком винокуренном заводе, распо-

ложенном гораздо далее, в Камышловском уезде. Альфонс Козьмич Поклевский-Козелло обосновался со своим семейством в Талице в 1869, распродав свой паровой флот и став, как говорили, «винокурным генералом», владельцем Падунского, Тющевского, Демаринского, Талицкого и Ертарского винокурных заводов. Возможно, Миссуно работал и проживал последовательно на том и другом заводе.

Так или иначе, Франц Аполлинарьевич появляется на Талицком заводе Поклевского. Из некролога, где сказано о 17 годах пребывания Миссуно на заводе, можно вычислить приблизительную дату переезда — 1875 год. Но Миссуно проживал в имении Поклевских уже не только в качестве врача, но и как член семьи. Он женился на сестре Альфонса Козьмича, Адели Фоминичне. Когда? Что было вначале, переход на службу к Поклевским или брак? Точных сведений у меня на этот момент нет.

До своей смерти в 1892 г. Франц Аполлинарьевич служил земским и заводским врачом Талицкого завода, что нашло отражение и в медицинских списках империи, где наконец-то появилась какая-то информация, кроме повторяющегося из года в год одинокого звания «лекарь».

Следует вспомнить приведенную цитату из воспоминаний Кочнева — Миссуно, став земским и заводским врачом, не совсем забросил и частную практику. К нему по-прежнему стремились пациенты со всей Западной Сибири. Привожу еще один отрывок воспоминаний Кочнева, описывающий события 1882 г.:

«Миссуно был хороший доктор и человек... Когда я ему подробно описал свою болезнь... то он мне сказал, что у меня нет никакой болезни, а есть только катар желудка, который пройдет, надо только выдержать диету. Затем он прописал мне лекарство: пить вместо чая какой-то сбор горьких трав, а также пилюли, мелкие, как дробь, по одной пилюле в день, причем употреблять все это надо месяца два. Диета была строгая: не позволялось ни пить, ни есть ничего кислого, соленого, жареного, свиного мяса и т.п. Доктор объяснил мне также, что в этом случае на желудок влияют и психические причины: излишняя мнительность, боязнь болезни, разные домашние неудобства, заботы и т.д... Миссуно был такой добрый человек, что никогда не просил деньги за визит, я ему давал только по 1 рублю, тогда как другие давали по три, по пять, по десять рублей. С бедных он ничего не брал. На этот

раз я вышел от Миссуно с таким ощущением, что я как будто уже здоров, так повлиял на меня его диагноз. Я стал строго исполнять все советы Миссуно и вскоре почувствовал себя лучше, сердцебиения не стало, появился аппетит. Месяца через два я стал совсем здоров».

Франц Аполлинарьевич, видимо, серьезно, с душой относился к своей земской и заводской работе. Иначе не появилось бы официального выражения уважения ему от гласных Камышловского уезда в 1890 г., где, между прочим, указывалось, что он неоднократно отказывался от денежных наград общества, но, все-таки, приняв в 1889 от думы 300 руб., пожертвовал их заводской больнице.

В 1892 году Миссуно заразился тифом, который осложнился «другими его хроническими заболеваниями», и скончался 1 апреля 1892 года «после непродолжительной, но тяжелой болезни».

Из некролога в «Екатеринбургской неделе»: «1 апреля в Талицком заводе, Камышловского уезда, после непродолжительной, но тяжелой болезни скончался земский и вместе заводской врач Франц Аполлинарьевич Миссуно, пользовавшийся широкими симпатиями и любовью среди местного населения. Покойный Миссуно был по преимуществу

врач-практик, сила которого не столько в знаниях, сколько в умении обращаться с больными... Нам редко приходилось встречать врачей, которые с таким искусством и мастерством умели бы утешить больного и поселить в нем веру в свое выздоровление...».

Александр Иванович Малиновский, уроженец Гродненской губернии (06.03.1836), сын крестьянина (21, 22, 23), был сослан в Тобольскую губернию после польского восстания 1863–1864. Кем он был среди восставших, неизвестно. Еще до восстания, в июне 1861 г., он успел окончить фельдшерскую школу в Варшаве (22, 24). Изначально Александр Иванович был поселен в д. Завальную Тобольского уезда (22), но уже в 1867-м он фигурирует как фельдшер больницы Тобольского тюремного замка (23), а 12 ноября допущен к работе фельдшером при тобольском окружном враче (21).

В 1868 Малиновский переселяется в Тюмень. 17 ноября 1868 он женится на потомственной дворянке, вдове повстанца, умершего в ссылке от туберкулеза, Схолястике Юлиановне Плоньской (в девичестве — Бабиньской) (1847–1925) (23).

В 1870 г. у Малиновских родилась дочь Елена (1870–1943). Окончив Тюменскую женскую

прогимназию в 1887 г., она вышла замуж за мещанина Казимира Антоновича Кульвеца, служащего торгового дома Поклевских-Козелло (26.09.1889), и после свадьбы переехала вслед за мужем на место его новой службы в Нижний Тагил (21, 23, 25).

Более полувека (с 1868 по 1921) Александр Иванович служил фельдшером в деревнях Тюменского уезда и в самом городе (21, 22). По воспоминаниям старожилов, любил охоту. Принимал активное участие в строительстве тюменского костела в 1903–1906 гг. (21). В 1910–1918 годах в документах значится как тюменский мещанин, а также как чиновник (класс не определен) (23).

Работая в окрестных деревнях, Александр Иванович проживал в городе по улице Спасской. В его доме в 1912–1913 располагалась корсетная мастерская (26). В 1915 г. он был избран участковым попечителем по санитарному надзору квартала Спасская улица—Иркутская улица—Садовая улица—Архангельская улица (27).

Фельдшер Малиновский похоронен на одном из кладбищ Тюмени в 1921 году (24).

Если о работе фельдшера Малиновского известно немного (крестьяне почему-то не оставляли обширных мемуаров), то о фельдшере Иосифе Васильевиче

Карнацевиче, проживавшем в Тюмени с 1869 г., материала более чем достаточно. Но информация эта более личного свойства, основывающаяся на воспоминаниях потомков, многое рассказывающая, но не дающая точных (с датами) подробностей. Желющие могут познакомиться с мемуарами сына Иосифа Карнацевича, Станислава Иосифовича Карнацевича (1891–1977) (7).

Иосиф Васильевич родился в сентябре 1837 года в Витебской губернии (7). Получил домашнее образование. Обучался на фельдшера, работал при враче, но неизвестно (во всяком случае мне), успели ли он окончить какую-либо фельдшерскую школу до событий 1863 г. Участник польского восстания 1863–1864 (11). В 1864 г. находился в заключении в Динабургской крепости, затем был послан в арестантские роты на постройке железной дороги в Рязанской губернии. Оттуда — выслан в Сибирь, где работал в Ишимской городской больнице в 1868 г. (219).

Переселился в Тюмень в 1869 г. (7, 24, 28). Работал фельдшером. И только в 1877 г. сдал экзамены в Варшавском университете (зачное обучение?) и получил звание старшего фельдшера (7). (Мне представляется, что Филимон Степанович Колмогоров, ко-

торый хотел видеть Иосифа Васильевича законным фельдшером у себя на производстве, «пробил» его образование, прервавшееся восстанием 1863–1864 гг. Могло быть так).

Известно, что Иосиф Васильевич в 1889–1918 работал старшим фельдшером при кожевенном заводе Колмогоровых (7, 24, 29).

Около 1890 г., будучи мужчиной «золотого возраста», за 50 лет, фельдшер Карнацевич женился на дочери ссыльного поляка Ядвиге Иосифовне Рыбинской (1868–1939), родившейся в Тюменской пересыльной тюрьме за год до прибытия в Тюмень будущего мужа (7, 24, 25). 3 апреля 1891 г. у Карнацевичей родился сын Станислав (будущее светило тюменской медицины XX в.) (30), годом позже (30.06.1892) сын Витольд (25), затем (07.11.1897) дочь Елена (25).

Впервые в моих источниках фельдшер Иосиф Карнацевич упоминается как тюменский мещанин в 1899 году (из кондукт-ного списка Александровского реального училища, куда был принят его сын Станислав) (30).

Известно, что в 1900-х годах Иосиф Васильевич также работал фельдшером в школе купцов Колокольниковых (7).

Как и его брат Малиновский, активно участвовал в пост-

ройке тюменского костела (1903–1906) (24, 28).

Как и его брат Малиновский, был избран участковым попечителем по санитарному надзору в 1915 г. (Спасская улица — Трусовский переулок) (27).

Умер Иосиф Васильевич Карнацевич 5 октября 1918 года.

Через два года после того как Тюмень покинул врач Черемшанский Евграф Макарович, заведовавший клиникой для приходящих больных в 1866–1871 годах, в город приехал его сын, **Иван Евграфович Черемшанский**.

Иван Евграфович числился в медицинских списках империи с 1862 по 1889, при этом он проходил по ведомству МВД (2). В 1863 г. он служил лекарем Тобольского тюремного замка (11). Вероятно, на этой должности он перешел по разряду Табели о рангах из коллежского асессора в надворного советника (1870) (2).

Тобольских врачей Черемшанских влекла Тюмень. В 1873 г. надворный советник Иван Евграфович Черемшанский подает в Тюменскую городскую Думу ходатайство об открытии городской лечебницы второго городского врача, его резоны принимаются во внимание (11, 31). С 1873 по 1878 он служит тюменским городским врачом (совместно с Петром Михайловичем Кочер-

гой) (11). В 1875 г. Черемшанский получает звание коллежского советника (2).

У меня нет сведений относительно должности, в которой Иван Евграфович пребывал с 1878 по 1883, известно лишь, что с 1883 по 1887 он работал тюменским окружным врачом (то есть вместе с фельдшером Малиновским обслуживал деревни Тюменского округа (уезда) (18, 32). Проживал он в Тюмени рядом с полицейским окружным управлением (33). После 1887 г. Иван Евграфович отсутствует в медицинских списках империи и региональных документах.

С июля 1879 г. в Тюмени отбывал свою военную службу **Павел Григорьевич Катаев**. Родился 6 ноября 1850 г. 21 декабря 1874 окончил Санкт-Петербургскую медико-хирургическую академию и был определен младшим врачом 1-го Западно-Сибирского линейного батальона (2, 34, 35). 18 июля 1875 Катаев был прикомандирован к Омскому военному госпиталю (35), 1 июня 1879 г. получил чин коллежского асессора (2).

15 июля 1879 года Павел Григорьевич был переведен на должность младшего врача (а уже через полгода, 7 февраля 1880, назначен старшим врачом) тюменской местной команды, также с

29 октября 1879 г. работал врачом Александровского реального училища (2, 35). Неполных 28 лет, до самой смерти, он проработал в Тюмени — и в лазарете, и в училище. Шла служба, шли чины. В Памятной книжке губернии за 1884 год он упоминается в чине надворного советника (18), а со 2 февраля 1886 носит чин коллежского советника (2).

Помимо своей непосредственной профессиональной деятельности, доктор Катаев в 1890–1899 гг. состоял членом попечительского совета Александровского родильного дома (36, 37), был кандидатом в гласные городской Думы в 1895–1899 (38), членом комиссий Думы: по постройке помещения пожарной команды (1900), по изысканию источников городских доходов (1901), по вопросу о приобретении городом завода Гуллета (1902) (36).

Проживал Павел Григорьевич в доме на углу улиц Садовой и Успенской (сейчас дом по Дзержинского, 26, более известен по фамилии следующего владельца как дом Дементьева) (39). Проживал не один.

В анонимке обывателей города Тюмени, адресованной департаменту полиции (датирована январем 1887 года), бичующей нравы многих тюменцев, Павел Григорьевич был удостоен одной

фразы: «...Доктор училища Катаев живет открыто с украденною им женою от директора Омской учительской семинарии Воденикова».

По всем фактам, изложенным в анонимке, помощником начальника Тобольского губернского жандармского управления ротмистром Исполатовым было произведено тщательное расследование. Из донесения Исполатова (май 1887 года): «...В отношении же указанного в письме сожительства доктора местного военного лазарета г. Катаева с женою

господина Водяникова Елизаветою Александровной, то таковое верно, но действительно ли он украл ее, как сказано в письме, этого неизвестно, живет же он с нею более шести лет, жизнь ведет скромную; он имеет обширную практику по своей профессии как доктор, к тому же искусный акушер; она же редко у кого бывает, и говорят, что она чахоточная» (33). Отдав добрую половину своей жизни нашему городу, Павел Григорьевич Катаев и сам скончался от чахотки (туберкулеза) 2 февраля 1907 г. (40).

Примечания

1. Памятная книжка Тобольской губернии на 1864 год. Тобольск, 1864.
2. Российские медицинские списки на 1837–1889 гг. СПб., 1837–1889.
3. Российский медицинский список на 1890 год. СПб., 1890.
4. Памятная книжка для Тобольской губернии. Тобольск, 1861.
5. Памятная книжка Тобольской губернии на 1860 год. Тобольск, 1860.
6. ГАТюмО. Ф. И-101. Оп. 1. Д. 4: Метрическая книга тюремной церкви за 1864 г.
7. Карнацевич С.И. Память о прошлом // Лукич. Тюмень, 2010–2011. Ч. 32–33.
8. Тюмень: образ, душа, судьба. Тюмень, 2004.
9. Кочнев П.Ф. Жизнь на большой реке: записки сибирского приказчика. Новосибирск, 2006.
10. Кубочкин С.Н. Тюменская «фабрика ангелов» (из истории Владимирского сиропитательного заведения) // БГ. Тюмень, 2015. №2 (35). С. 6–38.
11. Тюменская старина: сб. Тюмень, 2006. Т. 1.
12. ГАТюмО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 342: Журнал Тюменской градской Думы за январь 1851 г.
13. ГАТюмО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 344: Журнал Тюменской градской Думы за март 1851 г.
14. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. СПб., 1890–1907.
15. Тобольские епархиальные ведомости. 1909.
16. Кружинов В.М. Тюмень: вехи истории. Екатеринбург, 1994.

17. ГАТюмО. Ф. И-101. Оп. 1. Д. 6: Метрическая книга тюремной церкви за 1867 г.
18. Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 год. Тобольск, 1884.
19. Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1888/1889 уч. год. Томск, 1889.
20. Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа. Томск, 1890.
21. Словцовские чтения-2001. Тюмень, 2001.
22. Сулимов В. С. Польские ссыльные в Тобольской губернии (1801–1881 гг.): биограф. словарь. Тобольск, 2007.
23. Филь С.Г. Польские страницы тюменского краеведения. Тюмень, 2005.
24. Филь С. Г. Римско-католический приход Св. Иосифа в Тюмени: минувшее и настоящее. Тюмень, 2004.
25. ГАТюмО. Ф. И-1. Оп. 3. Д. 15: Посемейный список о тюменских мещанах: сост. в 1910 г. Том 3, кн. 2.; Ф. И-1. Оп. 3. Д. 14: том 3, кн. 1 (дубликат).
26. Тюмень: Справочник и адрес-календарь по городу и уезду. 1913 год / сост. Т. Ф. Калугин. Тюмень, 1913.
27. ГАТюмО. Ф. И-1. Оп. 3. Д. 19: Журналы Тюменской городской Думы за 1915 год.
28. Земля Тюменская. Тюмень, 2003. Вып. 16.
29. Миненко А. Тюмень: летопись четырех столетий. Тюмень, 2004.
30. ГАТюмО. Ф. И-57. Оп. 1. Д. 101: кондукитные списки Тюменского Александровского реального училища за 1899 г.
31. Организация самоуправления в Тобольской губернии: вторая половина XIX – начало XX вв.): сб. Тюмень, 1995.
32. Адрес-календарь лиц, состоящих на государственной и общественной службе в Тобольской губернии на 01.01.1888 г. Тобольск, 1888.
33. Продукты жизнедеятельности «чернильной» братии»: суэта вокруг И.Я. Словцова / сост. Ю.Л. Мандрика // БГ. 2014. №1 (34). С. 220–243.
34. Школа в Тобольской губернии в XVIII – начале XX вв: хрестоматия. Тюмень, 2001.
35. Карнацевич С. Память о прошлом / Комментар. Стаса Белова // Лукич. 2010. Апр., № 32.
36. ГАТюмО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 66: Алфавит лиц, избираемых в общественные должности. 1872–1914 гг.
37. Адрес-календарь Тобольской губернии на 1899 год.
38. ГАТюмО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 527: Журнал Тюменской городской Думы за 1898 г.
39. Чечета О.В. Книга из дерева и камня. Тюмень, 2014.
40. Кубочкин С.Н. Заводская слободка... и еще 1000 штрихов к портрету забытой Тюмени. Тюмень, 2011.

Иосиф Васильевич Карнацевич

Некролог*

Последняя неделя протекает под каким-то знаком смерти...

Уходят из жизни лучшие из наших современников, наши защитники, наша национальная гордость.

Нет, не уходят... их уносит с собой жестокая неумолимая смерть. Это она ненасытная требует себе все новых и новых человеческих жертв, и, отняв у нас все дорогое, все близкое нам продолжает свое безостановочное движение по предначертанному свыше пути.

Бороться с нею не в наших силах. Даже наука молчит перед последним вздохом умирающего человека.

О проклятое сознание беспомощности, ничтожности, того, кто носит гордое название «венца творений».

В субботу 5 октября в 11 час. 30 мин. ночи тихо скончался известный всем старожилам города Иосиф Васильевич Карнацевич.

* Печатается по: Свободное слово. Тюмень, 1919. 8 окт., № 91. — Стилетика публикации сохранена.

¹ Иосиф Миссуно, ссыльный поляк. — (Прим. изд.) См. Юркин кондуит: Тюменские фамилии в письменных источниках. Тюмень, 2009. Кн. III. С. 221.

Жизнь этого человека представляла из себя великий незабываемый пример самоотверженного служения человечеству.

Поляк, повстанец 1863 года, пешком прошедший под музыку железных кандалов в нашу глухую Сибирь из Виленской губернии Иосиф Васильевич ведет здесь самую отчаянную борьбу с голодным существованием.

Он и его товарищи по ссылке, гонимые с одной стороны представителями государственной власти, с другой стороны, преследуемые местными сибирскими крестьянами, ведут бродяжнический образ жизни, скрываясь по густым лесам Усть-Ламенки.

В дальнейшем Иосиф Васильевич попадает в гор. Ишим и здесь начинает свою фельдшерскую практику, успешность которой быстро растет.

В Тюмени ссыльный фельдшер появляется в 1867 году и под руководством опытного лекаря Миссуны¹ работает в больнице до 1870 года.

В этом году Иосиф Васильевич предпринимает поездку на лошадях в г. Варшаву для сдачи экзамена на звание старшего фельдше-

ра. На пути к Варшаве его постигает большое несчастье: от неосторожного курения табаку, загорается солома в тарантасе и все вещи, в том числе и документы Иосифа Васильевича, пожираются огнем.

Однако, несмотря на эту катастрофу Иосиф Васильевич не теряет присутствия духа и продолжает свой путь до Варшавы.

Там он благополучно выдерживает свой экзамен, после чего возвращается в Тюмень, где в течение сорока семи лет практикует преимущественно среди беднейшего класса.

В июле месяце настоящего года Иосиф Васильевич чувствует себя особенно плохо. На его, в общем удивительно крепкое до того здоровье оказывают большое пагубное влияние развертывающиеся события. И без того ослабевшего старика часто беспокоят еще и тюменские комиссародежды².

Нервы его напряжены до последней степени, и с момента освободительного переворота наступает постепенно раздражение, упадок сил, приведший Иосифа Васильевича на 78 году его жизни к естественному концу.

Все знавшие этого замечательного мягкого и отзывчивого человека, конечно, поймут ту невознаградимую утрату, которая постигла родственников умершего и его многочисленных пациентов.

Отдать последний долг почившему, проводить его тело к месту вечного упокоения, обязаны все те, кому покойный, не щадя собственного здоровья, почти до последних дней своего земного существования не отказывал в посильной помощи советом и лечением.

Пусть будет тебе земля пухом, великий скромный труженик, уважаемый Иосиф Васильевич!

Г. Б.*

*Пан Карнацевич***

Из личных воспоминаний

Последние годы на улицах уездного городка Тюмени часто можно встретить одинокого ездока, восьмидесятилетнего мужчину, пана Карнацевича. Пан известен всему коренному местному населению. Насчет его старой бурой лошаденки, среди добродушных горожан слагались целые легенды. Так ходил весьма вероятный слух о том, что это умное животное знало наизусть адреса всех пановых пациентов. А их таки было достаточное количество. Еще пе-

редавали друг другу на ухо, будто в котором доме надо смерти ждать, от того и Карько с прива-

* Георгий Николаевич Беседных, сотрудник «Свободного слова» (прим. изд.).

** Печатается по: Свободное слово. Тюмень, 1919. 9 окт., № 92. — Стилетика публикации сохранена.

² В омских газетах того времени встречается окказиональное слово, с помощью которого придавалось рубрике, скорее всего, устрашающее значение — большевизия, в

зи уйдет. Только я не верю этим бабьим сплетням по той простой причине, что не привязывал никогда пан Карнацевич своей лошади. Не решаюсь утверждать, что и вожжи то у пана имелись в руках. Хороший, умный был коняка-Карько. И опытный как сам пан. Впрочем в самое последнее время о котором я хочу рассказать у пана появилась другая лошадка. Долго крепился старик, не хотелось расставаться с верным четвероногим товарищем, да ведь, что поделаешь, не самому же пану, в самом деле, впрягаться было в оглобли, вместо заболевшего коня. Махнул на него рукой и продал татарам на махан³.

Пана Карнацевича все уважали за его ровный характер и внимательное отношение к своим пациентам. Фельдшерская практика у него была большая и, часто, пан приглашался к постели больного, около которого представители ученой медицины безнадежно разводили руками. Он не гонялся за гонораром, был неподкупно честен и умел внимательно

большевизии (большевик + дивизия). — (Прим. изд.)

³ Традиционная сыровяленая колбаса из конины у татар и ряда тюркских народов. Состав: конина, жир-сырец конский, специи и соль. — (Прим. изд.)

⁴ Древний дворянский род Велигорских происходил от одной из ветвей польских графов Виельгорских, лишенных титула и прав состояния за участие в восстании 1863 г. — (Прим. изд.)

исследовать больного. В прошлом пан испытал на себе материальную нужду, знал много горя. О, пан Карнацевич многое мог бы порассказать из своей жизни! И он так любил, иногда, о ней вспоминать. «Когда, изволите ли видеть? — любимая его поговорка: — Я жил у графа Велигорского⁴...». Далее следовали воспоминания о графской жизни, одно занимательнее другого. Ей-ей, можно было бы слушать пана Карнацевича целый вечер и не скучать!

У пана были конечно свои слабости. Так пан любил в субботу заглянуть на толчок и поторговаться над старыми вещами. Покупал он всегда и все очень дешево, но если бы кто-нибудь спросил пана, зачем он приобретает эти вещи, пожалуй, пан не сразу бы ответил на такой вопрос. Это была страсть пана, его слабость. У него имелся целый склад всех этих странных покупок, которые лежали целые годы, покрывались толстым слоем пыли. Интереснее всего то, что Карнацевич, несмотря на свои годы обладал поразительной памятью и помнил каждую купленную им вещь многие годы. Так, между прочим, рассказывают, что были случаи, когда пан вторично отыскивал на толчке купленную им несколько лет тому назад вещь и тотчас же узнавал ее по признакам, одному только ему известным. Вот то было тогда огорчение пану Карнацевичу. Дома он производил настоящее следствие, вызывал всех домашних на очные ставки и находил таки виновника.

Чаще всего, в таких случаях происходили у него на почве недоразумения со своей тещей, теперь уже покойною. «Что, пан, музей древностей хочет открыть, что ли? — говорила она часто. — Добро бы вещи годились на домашнее хозяйство, а то ведь самому черту они не нужны! Ну куда их, для чего?»

Пан терпеливо выслушивал эти замечания до конца и всегда с достоинством возражал на них: «Не волнуйтесь! Может быть эти вещи и в самом деле черту не нужны, но отчего бы им и не пригодиться кому-нибудь!». Против подобного аргумента бабушка не могла возражать и уходила в свою комнату, слабо протестуя.

Пан Карнацевич, как повстанец, был сослан в молодости из Виленской губернии в глухую Сибирь, где провел тяжелые годы, научившись ценить каждый грош.

Может быть пана кто-нибудь и упрекал в скупости, но это его мало беспокоило. Он знал, что все-таки его дети получат приличное образование. В зимнюю суровую пору в 30° мороза, когда на дворе творится черт знает что, в летний полуденный изнуряющий жар, весной, осенью... пан Карнацевич неизменно разъезжал по своим пациентам и удивлял весь город своей выносливостью. Только и пан, наконец, начал сдаваться перед цифрой своих лет. Все чаще стал пан покашливать

сухим старческим кашлем, сильнее дрожат его руки, на ногах он стал менее тверд. Да и пора ему отдохнуть. Два внука и две внучки есть уже у пана Карнацевича на этом свете! Любит их пан. Балует. Еще чаще заглядывает он теперь на базар, роется в детских игрушках.

Смерть подкрадывается к нему почти незаметно. Но он знает ее очень хорошо. Недаром он боролся с нею у чужих кроватей в течение полувека. Смерть не обманет опытного лекаря. Пан Карнацевич чувствует приближение последней развязки и постепенно утрачивает всякий интерес к обыденной жизни.

Только городская беднота еще продолжает посещать больного лекаря, отнимая у него остаток физических сил для восстановления своего здоровья.

В ночь на 6-ое октября пан Карнацевич тихо скончался.

Вот он еще лежит в гробу, украшенном живыми цветами, а через несколько часов холодная мерзлая земля примет прах этого доброго человека.

Лежит в тесном гробу старый польский повстанец и как будто хочет сказать тем, кто особенно горько плачет над его трупом.

— «Не волнуйтесь. Это, извольте ли видеть, вполне естественный конец, так что же тут удивительного!».

Гео.

Писатель в газете

Король шестой великой державы Антон Сорокин покидает неведомую страну Кюи

«Печать — это шестая великая держава...» Так выражались в былые дни былые люди. В России на эту шестую великую державу было всегда великое гонение¹. Объявив себя ее королем (1919), Антон Сорокин вынужден был поддерживать репутацию гонимого прессой Сибири писателя.

Хотя на самом деле литературная судьба его не так уж и плоха. Посмотрим «Омский вестник».

1913 г. — 3 опубликованных рассказа. 1914 г. — 10 только наименований. Из них «Хохот желтого дьявола» появился в семи номерах. 1915 г. — война, даже в провинции разруха. Издание попало явно в тяжелую финансовую ситуацию. Регулярно читатель получает номера в уменьшенном объеме. Но все равно на-

ходится место для трех новелл местного писателя.

А если посмотреть другие сибирские издания? В красноярских «Откликах Сибири» «вещица Антона Сорокина “И ужасают бога” представляет обычную по достоинству работу, выходящую из-под пера этого писателя»²... Думаю, что продолжать этот перечень вряд ли стоит...

Филологам и журналистам, писавшим о творчестве омича, всегда был интересней своей художественной занимательностью герой перфоманса, а не его творчество. Одно перечисление действий «озорника» порождало рассказ о «человеке больших городов на границе степи Кара Айны, неведомой страны Кюи», в которой можно слушать «напевы цветных ветров»³.

Те, кто вернул имя Антона Сорокина массовому читателю, не очень грешили против истины, сообщая, что мастер саморекламы принял Советскую власть. Другое дело, какой смысл вкладывалось в данное утверждение?

В новелле «Где моя родина?», появившейся в «Св. слове» перед

¹ Филимонов Ф.Ф. Свобода печати // Свободная Сибирь. 1919. 19 (6) сент., №603. — Дедушка Фаддей.

² Кузнецкий О.М. Пасхальный наряд сибирской журналистики // Омский вестн. 1915. 19 апр. (2 мая), № 83.

³ Сорокин А. Семь берегов // РГАЛИ. Ф. 1785. Оп. 2. Ед. хр. 101. Л. 34—36.

самым уходом колчаковцев из Тюмени, героем овладевает ступор: он не понимает, как попал в «глухую, дикую страну»⁴. На его родине не думали о пище. В стране Кюи, созданной в эпоху перфоманса «антосорокизмом», писатель писал книги, художник рисовал картины, а профессор делал открытия. Каждый занимался своим делом.

Новое же время требовало понимания, чем «буржуазное творчество» отличается от «пролетарского искусства»? Именно с предисловия к рассказу «Голландская сажа»⁵ начинается объединение раздвоенной личности писателя в одну. Всеобщие разговоры «о хлебе, о квартире, о дровах» вытесняют из игры «двойников». Единомышленник Всеволод Иванов теперь уже не больше, чем исполнитель его заказа рекламного текста «Тююн-Бот»⁶ за гривенник⁷. Куда девалось ухарское: «...я окружил себя рабами писателями и заставлял раздувать мою славу и платил и деньги, и взятки, я создавал славу себе и одновременно намечал пути сибирской литературы»⁸? В.Я. Зазубрин подметил новое состояние писателя, стремившегося раньше быть в центре внимания: «Теперь Сорокин не кричит о себе, не прибегает к шумной рекламе. Теперь он в этом не нуждается...»⁹.

С новой властью нельзя было не считаться, а нужно было толь-

ко ее приветствовать. Решение чаще всего принимал желудок. И тот же В. Зазубрин был способен воспринять образность своего коллеги по цеху не более, чем «красный кровяной кусок сырой, парной баранины»⁹. Как говорят, на любителя...

Ушла эпоха перфоманса, в которой до сих пор сложно понять: Владимир Эттель — художник или его имя лишь необходимость для выражения второго «Я» Антона Сорокина в графике? Не отсюда ли копия становится лучше оригинала? Ну, прямо телевизионное «Точь-в-точь»...

...Наступал седьмой, последний берег в его жизни¹⁰. «Цветок тююн-боот вянет в каменном городе», — признавался писатель читателям «Рабочего пути» (1927).

И чем дальше уходили от него те, кого он считал своими учениками, тем агрессивнее становился диалог с оппонентом. «Тебя не печатают потому, что ты не можешь уловить дух времени, же-

⁴ Рассказ опубликован в данном номере «БГ». См. с. 336–337.

⁵ РГАЛИ. Ф. 1785. Оп. 2. Ед. хр. 102. Л. 5–9.

⁶ Там же. Д. 101. Л. 14.

⁷ Там же. Ф. 602. Оп. 1. Ед. хр. 199. Л. 12.

⁸ Там же. Ф. 1785. Оп. 2. Ед. хр. 102. Л. 11.

⁹ Письма Антону Сорокину / публ. и коммент. Е. Рапопорта // Дальний Восток. 1970. № 12. С. 127–131.

¹⁰ Сорокин А. Семь берегов // РГАЛИ. Ф. 1785. Оп. 2. Ед. хр. 101. Л. 34–36.

лание коллектива»¹¹. И мне виден собеседник, становившийся все успешней в среде столичной литературной богемы.

И Антон Сорокин, обвиняя оппонента, что тот, оторвавшись от сибирских корней, потерял свою индивидуальность, начинает прислушиваться к голосу, раздающемуся изнутри. И начинает переписывать свои рассказы, оставляя им прежние имена. Дабы злой оппонент из «Голландской сажки» не смел заявлять: «Теперь тебе остается быть только наборщиком...»

«Записки Врубеля» в тисках «гигантских железных мух-ротационок», потребляющих голландскую сажу, и, «засиживающих точками-буквами рулоны бумаги», превращаются в нечто, еще не ставшее пролетарским искусством, но и катастрофически быстро забывающее о буржуазном творчестве.

И коллизии добра и зла, возникающие в «Песне Джеменей», еще не знали атамана Анненкова, которого надо бояться. Как еще и не вырос читатель, уверовавший, что добро и зло возможно лишь на политической платформе. Мне ближе рассказ из «Св. слова», когда в него еще не проникла не-

внятность нового бытия писателя-озорника.

«За страх и ужас в глазах», как и новый вариант «Предателя», опубликованного в газете «Сигнал», перестали принадлежать Антону Сорокину, хотя и печаталась под его именем. Не он сам, а его рассказы начали чувствовать дух времени. И поселяясь на страницах газет, превращались в злобу дня на минуту.

Черета сборников Антона Сорокина захлестнула последнее время. И никто, даже в комментариях, хотя бы бриллиантом¹², не посмел обмолвиться, что публикует версии советского времени. Я не пытаюсь утверждать, что они хуже или лучше.

Они как люди — разные.

Как говорил сам писатель: «Это были незнакомые люди, до удивления похожие на моих друзей». Хотя «Танькины сказки» (Сигнал. 1921. 1 сент., № 45) — это возвращение Антона Сорокина к своему началу, к «Больно, Петрунька...» (Огни. 1913. 3 авг., № 31. С. 2–4)...

Именно это превращение в писателе и позволит републикации рассказов из тюменского «Св. слова» посмотреть на Антона Сорокина под иным ракурсом..

¹¹ РГАЛИ. Ф. 1785. Оп. 2. Ед. хр. 102. Л. 5–9.

¹² Кегль очень мелкого шрифта.

Антон Сорокин

Газетные публикации

Свободная Сибирь

Во время царского рабства в Сибири мечтали об отделении Сибири от России, и если попытки в этом направлении были сделаны тогда, когда царская власть казалась всесильной, то, конечно, будет ясно каждому, что движение сепаратизма в Сибири имело обоснованные и выдвинутые жизнью лозунги. Для царского правительства было страшно потерять богатую колонию, и возникло дело, зачинщики смуты были сосланы в каторжные работы.

Если взглянуть в прошлое, то увидим, что еще Екатерина II выслала для Сибири особую сибирскую монету, которая не имела хождения в России. Монета эта чеканилась на сибирском Колыванском монетном дворе. Тех, кто пытался перевезти эту монету через Урал, били беспощадно плетью.

С самого завоевания Сибири царское самодержавие смотрело на эту богатую страну как на средство для обогащения, и, кажется, Ломоносов написал: «Могущество российское будет прирастать Сибирью». Царское

правительство не заботилось о культурном развитии Сибири, не заботилось о сохранении инородческого населения; задачи русского правительства были просты, оне заключались в необходимости уничтожить инородцев — хозяев Сибири и отнять их земли, таким грабежом занималось и само самодержавное величество и награбило инородческих земель пятьдесят миллионов десятин.

В Сибирь бежали сектанты и староверы, все недовольные царским самовластием. В Сибирь царское правительство ссылало вместе с уголовными преступниками и людей мысли, борцов за свободу и лучшую жизнь для народа.

Россия относилась к Сибири, как к колонии, вывозила меха, золото, масло, кожи, грабила земли инородцев, заселяла эти земли переселенцами, инородцы вымирили, но до этого не было дела царскому правительству, потому что это правительство находило разрешение аграрного вопроса на сибирских землях, и малоземельному российскому крестьянству, стесненному помещиками, гово-

рили: идите в Сибирь, там много свободных земель.

И чающие земли сотнями тысяч двигались в Сибирь и отнимали земли инородцев; если бы в России земли не были захвачены помещиками, то, конечно, не пришлось бы переселенцам распродавать свои деревни и двигаться в неизвестную даль в Сибирь, где и строить свои жизни на костях инородцев. Цари были рады — Сибирь отсрочивала на несколько десятков лет падение трона. Мне вспоминается ответ киргиза Столыпину, когда министр был в Славгороде.

Киргиз высказал нужды своего народа, говоря, что трудно стало жить в степи, скот вымирает на солончаках, а переселенцев стает все больше и больше. Столыпин, желая быть понятым, сказал полудикарю: «Разве там, в столице, сидят и управляют дураки, разве не знают, что нужно делать?»

И этот дикарь, в глазах министра, ответил: «Я не знаю — дураки там или умные, я только вижу, что от такого управления у нас в степи становится все больше и больше киргизских могил». За такой ответ, как следовало ожидать, депутат от недовольных киргиз попал в тюрьму...

В дни царского рабства мне не раз приходилось говорить об автономной думе для Сибири. Слушатели-интеллигенты мне возражали, говорили, что в Сибири нет еще людей, достойных управлять; Сибирь еще настолько некультурна, что даже не имеет своих

писателей. Что было говорить, как доказывать, что в Сибири, куда ссылали лучших борцов за свободу и нет людей мысли, один раз я допустил шутку, я спросил этих интеллигентов: «А вы знаете, кому вы подчиняетесь, кто управляет вами? Распутин, сибирский мужик, полуграмотный, темный, а раз вы защищаете власть России, то эта власть находится в руках сибиряка, и если у нас в Сибири такие мужики, то каковы же должны быть люди ума и мысли?..». Конечно, это была только шутка.

Старое деспотическое правительство сознавало, что Сибирь составляет только насильно притянутую часть, как Финляндия, Украина, Кавказ, и потому всякие разговоры о делении управления по национальностям и местным условиям старое правительство считало государственным преступлением, в официальных бумагах и на многих географических картах все издания переселенческого управления Сибирь именовали Азиатской Россией.

Во время войны Сибирь снабжала армию мясом, маслом, кожами, и когда правительству, желавшему победы немцев, захотелось устроить продовольственный кризис, то это дело было начато с Сибири. Немцы устроили бунт в Ирландии, устроили бунт в Африке у буров, такой же провокационный бунт был устроен и в Сибири, был выжжен Туркестанский край, и

пулеметами усмиряли тургайских киргиз, но терпеливые киргизы западного края на бунт не пошли, они употребляли хитрости, чтобы избавиться от реквизиции, угоняли свой скот в Китай и не стали продавать кожи и скот. Этот народ был приучен к терпению еще министерством Кривошеина: когда у киргиз грабили лучшие земли для переселенцев, киргизы только с ропотом отходили на солончаки, где не могли жить переселенцы, и то было счастье, не будь этих неудобных земель, кто знает, насколько бы увеличилось вымирание киргиз. В настоящее время, когда русская республика перестраивает жизнь на началах справедливости, правды и свободы, настало время, когда уничтожена черта оседлости для культурного еврейского народа, когда Украина думает о своей областной думе, когда Россией будет править народ на выборах началах, то, без сомнения, не может быть захвата территорий только для эксплуатации и выкачивания золота, как было при старом правительстве.

Все люди, населяющие Россию и Сибирь, все одинаковы и все имеют право голоса, и Сибирь, населенная миллионами инородцев: киргизами, алтайцами, калмыками, самоедами, тунгусами, имеющими свой быт и культуру, теми инородцами, которые приспособились и не вымерли, придавленные беспощадной царской властью.

Теперь настало время, когда этим полноправным гражданам должно быть предоставлено место в областной сибирской думе. Пусть сам народ, знающий нужды свои, устраивает свою жизнь. Многие, не знакомые с киргизами, думают, что этот миллионный народ стоит на низком уровне развития и не сумеет начать жизнь на выборных началах. Это заблуждение: киргизы-скотоводы, сумевшие в наши дни культуры, окруженные железным кольцом деревень и городов, сумевшие сохранить патриархальную жизнь скотоводов, этот народ имеет свою культуру, свою музыку и свою литературу и давно уже на выборных началах управляется биями, то, правда, царское правительство выборы позволяло делать при открытом голосовании, что вызывало подкупы и интриги. Этот народ поймет задачи областной думы и сумеет дать наказы своим депутатам.

Телеграф принес радостное известие. Для укрепления Туркестанским краем назначается временный комитет в составе Щепкина, Букейханова, Танышпаева, МаксUTOва, Абдуль Азиса Давлетшина и др. Это указание на то, что такая огромная страна, как Сибирь, равная Америке, не может управляться властью, отстоящей на тысячи верст, если бы даже в думу были посланы депутаты, во-первых, потому, что это увеличило бы состав думы; во-вторых, половина депутатов должна воздерживаться от голо-

сования непонятных для них инородческих жизненных вопросов. Вот те причины в схематическом изображении и неполном, но которые я считаю достаточными для того, чтобы сибиряки подумали о собственной областной думе, такая огромная страна с миллионным населением киргиз, калмыков, алтайцев, бурят, якутов, татар не должна быть лишена самоуправления на началах всеобщего голосования, не исключая и инородческого населения. Конечно, это великое счастье для Сибири, о таком счастье нельзя было мечтать при старом деспотическом правительстве, строившем свое могущество на крови и костях ино-

родцев; для нового правительства такое отделение должно быть желательным, так как облегчит работу по управлению, а для Сибири это залог новой грядущей радостной свободной жизни, это уверенность в сохранении инородческого населения, обреченного старым правительством на гибель.

Культурный еврейский народ прокричал о своем угнетении по всему миру, культурный еврейский народ делал мировым событием погром, где были убиты десятки и разграблено на сотни тысяч рублей.

Но инородцы Сибири заседали свои земли трупами, были ограблены на миллиарды и с луч-

Автономии *

Прочитав статью «Свободная Сибирь» в № 68 «Свободного слова», я, нельзя сказать, чтобы приятно был поражен тем обстоятельством, что Сибирь, оказывается, страна киргизов, калмыков, остяков и др. инородцев, по преимуществу, по крайней мере слова «русские» во всей статье не встречается. Очевидно, все железные дороги, все эти пароходства и другие пути сообщения, эти обширные и богатые города — торговля и промышленность,

народное образование, — словом, вся культурная жизнь Сибири — это дело самоедов, чукчей, якутов... Мы — русские, оказывается, были в большом заблуждении, думая, что сибирская страна получила культурный вид со времени колонизации этого края русским народом, оказывается, мы между деревьями не видели леса. Козьма Прутков наставительно сказал бы нам: «Смотри в корень вещей».

Хотя слова «русские», и особенно «великороссы», «отечество», «родина», в нынешнее время мало употребительны, но все же приходится считаться с действительностью. Сибирь — есть Азиатская Россия, населенная русскими, процент инородцев слишком

* На статью Антона Сорокина через несколько номеров появился отклик. Для лучшего понимания второй статьи омича помещаем ее полностью (*курсив*).

ших земель ушли на солончаки, их страдания были большими, и о них никто не знал. Эти инородцы умели умирать безропотно с тоскою в глазах, эти инородцы умели петь песни, от которых хотелось плакать. Журналист так написал: «Сибирская литература слезливая, постылая». Это потому, что Россия еще не знает Сибири, огромной страны, равной Америке.

Заря новой жизни восходит и освещает первыми лучами ширь киргизских степей, еще так недавно провокаторски обгаренных кровью вольных сынов великой Сары Арки, сынов Алаша. И ни одна капля радостных слез не спадет на степную траву, и ни одни глаза с молитвой будут смотреть

в бирюзовую даль необъятного неба.

Я с радостью, с такой радостью пишу это, такой радости я еще не знал, я радуюсь освобождению вольного патриархального киргизского народа. И я знаю, что весть о свободе, весть об оконченных страданиях, весть о том, что прошло время полуголодной жизни для скота на солончаках, с быстротой ветра разнесется по ширям великой степи Сары Арки, и эта весть не оставит ни одной киргизской юрты: в каждую юрту заглянет эта весть потому, что горе и страдание было в каждой юрте киргизского народа.

1917. 23 июля, № 68.

незначительный. Может быть, и существует инородческая своя культура, как ее понимать в данном случае, не знаю, но служит ли она основанием для образования отдельного самоуправления Сибири, образования ее автономии или «Свободной Сибири»? Может быть, зададут вопрос, имели ли и имеют ли право все эти рязанцы, орловцы, черниговцы и др. населять земли сибирские, кто их присл сюда? Но не праздный ли будет этот вопрос? Придется ведь спрашивать, какое имел основание Ермак Тимофеевич покорить Сибирь, придется вызывать его тень. Не проще ли решить этот вопрос так: обширная Сибирь с ее бесчисленными богатствами как неразделенная часть Русского го-

сударства есть достояние всех народов, ее населяющих, и русских по преимуществу. Справедливо ли было бы если бы, положим, киргиз пользовался тысячами десятин для пастьбы своего скота, а рязанский крестьянин мучился бы на 1-2 десятинах. Ведь и в настоящее время лучшие земли принадлежат татарам, напр. по р. Иртышу, и в гораздо большем количестве, чем русским. Может быть, и действительно инородцам жилось плохо (да и кому хорошо-то жилось?), но это зависело, наверное, прежде всего от их «культуры» и от режима старого правительства, русская же нация здесь ни при чем.

Сибиряки — те же русские, переселенцы, разница только между

Новая молодая Америка

На заметку С.Н.О. в № 74 «Св. сл.» «Автономии» не хотелось бы даже возражать, потому что доводы автора слишком наивны и, видимо, автор плохо различает, что такое областная дума, и что такое отделение от государства. Даже при царском управлении Финляндия, Бухара пользовались самоуправлением, однако это не отражалось на целостности России.

Моя статья «Свободная Сибирь» только неполное, схематическое изображение того, почему в Сибири необходима областная дума, тех же, кто интересуется этим вопросом, а в частности и автора заметки, я отсылаю к статьям Потанина, Ядринцева, к пос-

ледней книжке «Сибирских записок», весь номер которых посвящен этому вопросу.

Для автора С.Н.О. областная дума как будто является новостью, когда во всех газетах печатается следующее: «Созыв общесибирского съезда».

10 августа в Томске созывается общесибирский областной съезд по вопросам: об областной думе, местного самоуправления, торговли и промышленности, транспорта, на съезде будут представлены губернские, городские и уездные комитеты и советы рабочих и солдатских депутатов всей Сибири. Материал областного съезда будет представлен в Учредительное собрание. Согла-

ними в том, что кто из них раньше переселился, кто позже; но ведь оттого, что курияни переехал за Урал, не переродился же он из русского в какую-либо другую нацию. А посему делить народ на русских и сибиряков не приходится. Не следует и употреблять таких выражений, как в названной статье: «Культурный еврейский народ прокричит о своем угнетении по всему миру, культурный еврейский народ делал мировым событием погром, где были убиты десятки и разграблено на сотни тысяч», это после того, как Сибирь стает свободной. Господа хорошие, пошли, Господи, вашим киргизам и осякам доброго здоровья с их стадами и юртами, но зачем так оскорб-

лять русский народ. Зачем внушать такие идеи, как — в Сибири живет другой народ, чем в остальной России, что Сибирь на этом основании имеет право на самоопределение! Россию уже терзают на части Финляндия, Украина, Польша, Бессарабия и др. «сколько их, куда их гонять»; не достаёт только свободной Сибири, которая должна опять поделиться на Киргизию, Якутию и др.

Да, в нынешние времена думают и говорят о чем угодно, только не о единении России, не подозревая, что в этом сила и залог будущего успеха.

С.Н.О.

1917. 30 июля, № 74.

сие о прибытии на съезд делегатов получено от всех сибирских губерний».

Вот другая вырезка из газеты: «Бийск. 13-го июля. (ПТА.) В Бийске состоялся съезд инородцев Алтая, Бийского, Кузнецкого и Минусинского уездов. Съезд постановил организовать самостоятельное управление под названием алтайской горной думы. В состав думы избрано 5 инородцев разных племен Алтая во главе с известным алтайцем художником Гуркиным. Съезд постановил ходатайствовать перед правительством о принятии насчет казны расходов по содержанию думы. Кроме того, признавая владение Кабинетом землями алтайскими алтайскими инородцев незаконным, решено ходатайствовать о возвращении в распоряжение горной думы всех сборов, полученных Кабинетом от инородцев в течение трех лет. Все договоры о сдаче в аренду алтайских земель, заключенные Кабинетом, решено считать нарушенными.

По вопросу о народном образовании постановлено вести преподавание на родном языке, причем русский язык считать предметом обязательным».

Вот третья.

«Заседание 27 июля западно-сибирского продовольственного экономического комитета. Заседание открывается в 7 часов вечера.

С.С. Марковецкий делает доклад о работах созданного областной управой 10-го июля совеща-

ния представителей областных и губернских продовольственных комитетов по вопросу об учреждении западносибирского продовольственно-экономического комитета с исполнительным органом — красивым советом. Учрежденный комитет в своей деятельности будет аналогичен главному экономическому совету при Временном правительстве.

Сибирь для Петрограда является малоизвестной окраиной, и поэтому из центра невозможно правильно и рационально направлять экономическую жизнь этой огромной окраины, крайне своеобразной по своим естественноисторическим и культурно-экономическим условиям. Необходима местная инициатива. Только она одна может обеспечить правильное и успешное разрешение тех вопросов, которые стоят перед Сибирью».

Я ограничусь пока этими заметками из газет и перейду к ответу по существу. С.Н.О. намеренно извращает смысл моей статьи.

«Сибирь, оказывается, страна киргиз, калмыков, остяков и др. инородцев по преимуществу, по крайней мере, слова «русские» во всей статье не встречаются, очевидно, все железные дороги, все эти пароходства, эти обширные и богатые торговые города, промышленность, народное образование — словом, вся культурная жизнь Сибири — это дело самодов, чукчей и якутов, мы, русские, оказывается, были в боль-

шом заблуждении, думая, что это культура русская... со времени колонизации края...»

Да, мое убеждение таково... Вся эта сибирская культура выстроена на костях инородцев... И Сибирь, такая огромная страна, не только могла строить культуру у себя в Сибири, но даже имела влияние на общеевропейскую культуру, снабжая Англию и Германию маслом, кожами и пушным товаром. Конечно, никто не спорит против городов, против железных дорог, но нужно знать, как они были построены, для какой цели и какое участие принимали старые коренные сибиряки, хозяева Сибири...

Далее автор С.Н.О. тоскует о погибшем патриотизме «Великорусы. Отечество. Родина» и Сибирь называет Азиатской Россией. В своей статье я уже обратил внимание, что и все монархисты, все переселенческие управления Сибирь упорно называли Азиатской Россией и не хотели считать, что сибиряки — это особый народ, имеющий отличие от русских. Получился этот народ так же, как из англичан, из немцев выработался тип американца. Вот Америку признают за нацию, почему же нельзя признать сибиряка за нацию, когда сибиряки получились таким же путем. Известно, что в Америку уезжали самые энергичные люди, боролись с природой, побеждали, закаляли дух и тело, и таким образом возникали американцы. Для Сибири

путь создания нации был еще более благоприятен. В Сибирь вначале ссылали преступников, отброс русских... убийц, воров, но с ними еще в большем количестве ссылали как отброс людей ума, борцов за свободу, потом в Сибирь поехали старообрядцы и все недовольные русским правительством. Никто не будет отрицать, что эти пришельцы волею судьбы принуждены были смешиваться с инородцами, не редкость встретить и теперь русские деревни и поселки, где жители отличаются от русских, например, поселок Ямышево, откуда происходит Потанин. Жители этого поселка почти сплошь «чекунда». Чекунда — значит, что в крови человека имеется инородческая кровь.

За последнее время, когда правительство увидело, что в России не хватает земли, что недовольное крестьянство может устроить революцию, то, спасая свой трон и свое самодержавие, спасая свой ненасытный желудок и загребушие руки, это правительство стало посылать крестьян в Сибирь.

Казалось, что самодержавие нашло правильный путь. Но пространство Сибири во много раз превышает не только Россию, но и всю Европу, и, казалось, что аграрный вопрос решен, но самодержавное величество ошиблось. Большая часть сибирских земель — это тундра и лесная тайга, где хлеб не родится, и пригодны только Тобольская, Томская,

Иркутская, Забайкальская область, Приамурский край, Туркестан, Семипалатинская обл. и Енисейская губ. Но оказалось, что все эти земли были уже заселены добровольными переселенцами, и они занимали лучшие земли, лучшие же земли занимали и хозяева Сибири инородцы.

Итак, нужно было определить излишек земель.

С 1893 года, когда начата была постройка Великого сибирского пути, правительство стало находить удобные земли и ежегодно нарезало по одному миллиону десятин, но через десять лет правительство уже не могло находить для переселенцев землю в достаточном количестве, несмотря на то, что поиски были тщательные и правительство во главе с министром Кривошеиным решило захватывать чужую собственность, земли инородцев. Инородцы силой обстоятельств уходили на солончаки и непригодные для переселенцев земли, переселение происходило так: в 1896 г. переселилось 190 тысяч, в 1897 — 180 тысяч, в 1901 году — 85 тысяч, в 1904 г. — 72 тысячи. Но зато усилился обратный поток переселенцев.

С 1894 по 1899 переселилась обратно одна восьмая часть.

А с 1899 года по 1904 переселенцев возвращалось почти 50 %.

Причина: неудобства и недостаток земель, переселенческое управление не заботилось об ознакомлении переселенцев с основными правилами нового ук-

лада жизни в чуждой стране. Никто не ознакомил, например, о времени посева, уборки, качестве семян и т.д.

Вслед за малоземельными двинулась целая рать переселенцев-капиталистов, переселенцев-эксплуататоров чужого труда, но и они в Сибири встретили не радостное житье. Часть самая малая приспособилась, другая разорилась, а третья позорно бежала обратно, спасая остатки своего породистого скота, коров и овец, так, например, переселенческое управление обследовало в Семипалатинской области 8000000 десятин, а пригодных оказалось только двести восемьдесят тысяч. И меня удивляет фраза С.Н.О.: киргиз пользуется тысячью десятин для пастьбы скота, а рязанский мужик мучился бы на одной десятине».

А не укажет ли причин С.Н.О., почему этот крестьянин бежит от сибирских земель обратно? Не укажет ли С.Н.О., почему, когда из России пришли письма, что крестьяне насильно занимают земли помещиков, из Сибири двинулись обратно на помещичьи земли? Почему С.Н.О. видит разрешение аграрного вопроса не на социализации земли, а определенно на сибирских землях, уже занятых.

«Ведь в настоящее время лучшие земли принадлежат татарам, например, по Иртышу». Это неверно, все лучшие земли по Иртышу давным-давно отошли казачеству. Всем известна десяти-

верстная казачья полоса почти по всему Иртышу. О нации я уже говорил и ссылался на американцев. Теперь дальше, я написал «культурный еврейский народ прокричал о своем угнетении», и, не оканчивая моей мысли, С.Н.О. делает вывод, что после того, как Сибирь стала свободной... Далее у меня, кажется, было написано: «но с киргизами поступали более подло, их грабили, их морили с голода, и они молчали».

Да, молчали потому, что не было людей, кто на весь мир прокричал бы о русских, строящих культуру на костях инородцев. Сибирь имеет и свою литературу. Достаточно взглянуть на словарь Стожа, где на 100 страницах перечислены имена сибирских писателей и художников.

Культурная Сибирь дала Потанина, Ядринцева, Щапова, Врубеля, Сурикова, Жукова (скульптура). Из новых: Олигера, Крачковского, Оленич-Гнененко, Антона Сорокина, Гребенщикова, Бахметьева, Гольдберга, Тачалова, Новоселова и др. Правда, тяжело живется в Сибири писателям, как, например, я укажу. Си-

бирь с голода уморила Щапова, Сибирь морит голодом Потанина, Сибирь гения-поэта Тачалова заставила торговать дегтем и солеными огурцами.

Мы бы пришли в ужас, если бы Германия заморила с голода Бельея, а Россия заставила бы Бальмонта продавать вразноску семечки.

Но я верю: просыпается Сибирь — Новая Америка, мощь и сила грядет на смену ослабевшей, угнетаемой столетиями России. И только через Сибирь почерпнет Россия новые жизненные силы, и только Сибирь даст силу и мощь России, но при условии, если Сибирь будет страной свободной и не будет колонией для выкачивания денег. Было бы смешно, если бы Англия имела притязания на Америку. Там, где англичане селились, и мы хотим управлять за тысячи верст.

Но у нас, еще недавно ставших свободными, много бродит по России монархистов, которые мощь народную видят в том, чтобы все загрести в свои руки и, подобно собаке, сена не есть и другим не давать.

1917. 9 авг. № 82.

Омская выставка

Только что закрылась осенняя выставка омских художников, это была не первая выставка, художники достаточно выявили свое творчество, и потому можно сказать о их таланте, о их мечтах, о их технике. На первом ме-

сте безусловно должен быть поставлен художник Куртуков, это огромный талант, оригинальный и самобытный, его картины нельзя даже сравнивать с картинами других художников, смелость мазка Врубеля, замыслы

Левитана, благодаря тому, что этот художник применяет своеобразный способ ступеньчатый первый план и вырисовывать дальний, получается рельефность рисунка, как будто это снято дорогами анастигматами Цейса.

Его картина «В деревне» — это жизнь. Лошади, брошенные около избы, живы... рельефность стереоскопическая, этот художник уловил тайны, которыми он делает живыми свои картины.

Второе место занимает художник Клементьев, этот художник настолько разнообразен и настолько своеобразен, что клементьевская работа узнается сразу, с первого взгляда. Клементьев — художник старый, он помещал свои работы в «Ниве», работал в Мюнхене. Лучшая работа на выставке — это «Леда», и если у Куртукова краски мрачны, серы, затянуты паутиной, туманом, то у Клементьева краски яркие, солнечны, неудивительно, что все картины освещены ярким солнцем.

На третье место можно поставить художника Волкова. Волков обладает совершенной техникой, и смелостью, и яркостью жизни, продуманностью сюжетов.

Совершенно особое место на выставке занимают работы сибирского скульптора Пожарского и графика Эттеля.

Скульптура Пожарского отличается тем, что этот художник работает из глины так, как будто высекает из мрамора, его работы

подходят ближе всего к Родену.

Перед его работой ступеньчатые талантливые работы академика Винклера.

Перед графическими работами Эттеля зрители стояли толпами, объяснения символических картин делал сам председатель Едличко, объяснения весьма удачные. «Эттель» — это будущее название школы, которую создал Эттель, его работы более совершенны, чем работы графика Ладышка, Амосовой, Мисс, Митрохина, Чемберса. Эттель — это русский Гойя с техникой Бердслея, и работы Эттеля — такая же школа, какую создал своей графикой Бердслей.

Прочитав эти строчки, может, люди скажут: какой увлекающийся человек этот Антон Семенович Сорокин, в Сибири у него живут все гении и таланты.

Это будет неправда... Я ищу талантов по Сибири, я радуюсь всякому новому таланту, но бедна Сибирь талантами, всего десятков художников и десятков писателей на такую огромную страну как Сибирь.

И если маленькая Бельгия дает сотни художников и писателей, то почему же огромная Сибирь не может дать талантов и гениев своих? И эта Сибирь знает... Правда, трудно жить в Сибири художникам и писателям; не один раз я обращал внимание на участь Пожарского, который уничтожает свои работы.

Поэт Точалов торгует дегтем и солеными огурцами, а талантли-

вый писатель Всеволод Иванов был клоуном и глотал огонь, колот себя иглами, был индейским факиром. Гребенщиков принужден был быть писарем и редактором черносотенной газеты.

Но солнце правды заходит над моей родиной — Сибирью, и я смотрю на карточку-группу, где сняты сибирские писатели, и вспоминаю пророческие слова Митрича, который сказал: «Пусть молодые таланты Антон Сорокин и Александр Новоселов встанут рядом». И я смотрю на эту карточку и думаю: «Прав был Митрич и не ошибся». Участь Новоселова и грядущих молодых писателей — более лучшая участь. Александр Новоселов, бывший долгое время только смотрителем в казачьей школе, теперь уже областной комиссар. В лучших своих писателях хочет Великая

Сибирь видеть свое спасение. Другой поэт Сибири Оленич-Гнененко выбран членом управы, и к его голосу прислушиваются со вниманием, юноша по виду лет восемнадцати, но даже старики слушают этого юношу.

Сибирские граждане. В свободе обрели вы верный путь к счастью. В свободе вы открыли новый путь к культуре и цивилизации. И я уже вижу недалекое будущее, когда слава о великих будущих сибирских писателях пролетит по всему миру. Я верю, долго унижаемый, долго забрасываемый грязью, я не потерял веру эту.

И вы, презирающие прежде лучших людей наших, должны иметь такую веру. И вы ее иметь обязаны при устройстве прекрасной жизни в молодой Америке.

1917. 10 окт., №130.

Антон Сорокин

Проза

1. Приходы и расходы Степашки

— 31245 пленных... 11250 убитых... Третий электронный выпуск... очень интересно... покупайте... 3 копейки...

Он шел в холодный вечер... маленький, жалкий и прихрамывающий. Я остановил его и спросил: сколько телеграмм он продает, сколько ему лет.

— 9 лет, десятый... а продаю всяко... когда двадцать телеграмм, когда 50... 10...

И опять он пошел и закричал: «31245 пленных...».

Мне захотелось с ним поговорить и я сказал:

Все рассказы Антона Сорокина, опубликованные в «Свободном слове», можно условно разделить на две части. В одну из них отнесем те, которые включены автором в конволют «Гююн-Боот». При подготовке данного издания была поставлена задача: воспроизвести лишь творения, не вошедшие в рукотворный сборник, датируемый библиографами 1919 годом. Таких рассказов оказалось 16. Три из них были опубликованы в журнале «Лукич» (2002. Дек., Ч. 4. С. 121–128) — Роса, дождь, ветер и снег; Книга жизни; Ядовитая змея. Названные

— Ты постой, я возьму твои телеграммы... Сколько у тебя осталось?..

— Десять телеграмм...

— Так я все возьму... Расскажи, куда ты тратишь деньги...

— Деньги в копилку кладу... Потом матери лекарства покупаю... хворает она третий месяц, 16 р. издержали на лекарства... Хлеб покупаем... Отец в плену... Когда много в плен взято, тогда ничего... можно продать телеграмм 50. Рубль можно заработать, а мало убитых — ничего не заработаешь... А расходы большие... Хлеба на 15

рассказы позже были републикованы в «А.С. Сорокин. Сочинения, воспоминания, письма» (Б.м.: Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», 2012. 514 с.) по какой-то причине со ссылкой на краеведческое издание при доступности газеты как первоисточника.

Несмотря на то, что «Приходы и расходы Степашки» были опубликованы в одном из посмертных сборников Антона Сорокина, он появляется и в подборке «Большого городища». Очевидно, эстетике технического редактора «Напевов ветра» были

копеек, за квартиру 3 рубля, дрова — 5 р., лекарства на 8 рублей... у меня все записано. Не хватает денег. 25 рублей в месяц зарабатываю и не хватает... Как в прорву все идет, как вода сквозь пальцы... Вот надо подметки к сапогам пришить — три с полтиной заплати... Это — 200 телеграмм продать надо. Опять же и без подметок никак не пойдешь — пальцы мерзнут... и так отморозил... хромоаю...

— Как тебя зовут?

— Степашкой зовут...

— Ну, Степашка, как ты думаешь, как, война скоро кончится?

— Пусть воюют, а то войны не будет — дохода у меня не будет, мать умрет. Вот мать выздорове-

ет, тогда пусть кончается война. Да вот бы отец пришел из плена, а то я устал... трудно кусок хлеба заработать... Устал я... ноги болят...

— Бедняжка, — сказал я. — Бедняжка, Степашка.

И Степашка уронил телеграммы и начал кулачком тереть глаза, потом заплакал и начал всхлипать.

— О чем ты плачешь, Степашка?..

— Так много людей и никто меня не жалел, никто не спрашивал: какой у тебя, Степашка, расход, какой приход и сколько ты в копилку положил... Как же не плакать?... Устал я зарабатывать и пожалеть некому...

1917. 10 сент., № 106.

2. Ортанбай умер

Умер... Умер... Кто умер? Разве вы не знаете, кто умер? Разве вы не слышали? Умер Ортанбай. Кто такой Ортанбай? Не богач ли

Ортанбай, что имеет тысячи голов скота? Нет, Ортанбай не богач. Не потомок ли древнего времени Ортанбай, не ханского ли

противны пара предложений, перелезших на очередную страницу, и он поступил с покойным как с живым: взял и выставил хвост рассказа на талер. Да, рассказ от этого не пострадал... Но последняя прижизненная публикация — это практически духовное завещание автора...

Несмотря на то, что «За страх и ужас в глазах» и «Песня Джеменей» появлялись и раньше в сборниках избранных произведений Антона Сорокина, публикация в «БГ» — это или уточнение даты первой встречи рас-

сказа с массовым читателем, или несколько иная редакция, которая может прояснить изменение мировоззренческих позиций, происшедших в «короле шестой державы» после революции 1917 г.

Публикуются рассказы в хронологии появления в «Свободном слове».

При подготовке к публикации были исправлены некоторые орфографические ошибки, соответствующая работа была произведена и с пунктуацией. При этом были сохранена структура текста в том виде, в котором пред-

рода? Нет, бедняк Органбай. Так о чем же вы говорите? О чем спрашиваете? Мало ли бедняков умирает... Запомнить ли всех. Да, правда это, всех бедняков умирающих не запомнишь, но Органбая вы должны знать — Органбай был самый бедный киргиз из урочища Артрау... Была у него одна овца и одна лошадь... все богатство Органбая было в этом. Люди жадные позавидовали и этому... Недалеко от летовки выстроили люди огромные печи... Нашли серебро, и стали день и ночь дымить, чадить трубы высокие... И всю степь копотью черной прокоптили. Умерла овца, потом умерла и лошадь.

Стоит ли об этом говорить. Черная копоть не давала дышать и Органбаю, а бросить свое место... озеро Чинары, зеленый луг Айкачи не хотел Органбай... И стал кашлять...

Киргизы вольные, вы должны помнить Органбая. Над трупом

своей погибшей лошади он спел песню тоски, хорошая это была песня. И вот умерла задущенная черным дымом из трубы... маленькая дочь Альдо. Дочь Альдо, маленькая черноглазая. Дочь Альдо... умерла. И ее маленькое тельце понес Органбай в большой аул... Положил посреди аула. И это горе увидели все... даже собаки аула не лаяли на чужого человека.

И спел песню Органбай, песню, исходящую из самого сердца, и не выдержало сердце Органбая такой песни-тоски — умерло... Сердце Органбая... Киргизы. Сыны вольных степей Сары-Аркы... Знайте же эту песню все от реки Або до самого Каспийского моря... Знайте же песню Органбая, песню, которая не умрет, даже до смерти самой земли...

Слушайте же эту песню:

Поникли черные травы,
Поникли черные травы,
В степь ночь вошла,

лагал читателю Антон Сорокин: его предложение равно абзацу.

В нескольких местах в текст были внесены незначительные изменения: публикатор предположил, что ошибки в тексте — результат торопливости наборщика и отсутствие авторской правки в гранках. Изменения, сделанные публикатором, обозначены квадратными скобками. Иногда к ним даются подстрочные комментарии.

Некоторые экзотические оговорки оставлены в качестве изюминки читательскому восприятию. Таковыми

являются «семячки», «Всеволоб Иванов» и др.

Владимир Эттель, хотя и значился сотрудником «Свободного слова», но как-то не стал утруждать читателя своими иллюстрациями к текстам Антона Сорокина. Обходились политипажками.

Данную публикацию А.С. Сорокина иллюстрировал доморощенный, но великий художник Александр Кухтерин. Читатель вновь может познакомиться с его маленькими, как он утверждает, «сумасшедшинками»...

Злая птица-мгла.
 Черным зловещим дымом
 Охватила полночь небо.
 В нашем краю любимом
 Не стало земли и хлеба.
 Поникли черные травы,
 Пустынные, как поле, юрты,
 И смерть там колдует нынче.
 От смерти угонишь ли гурты
 К черной смерти пустыне.
 В сети дорог железных
 Киргизы как жалкие мухи.
 Поникли черные травы,
 Поникли черные травы.

Алаш... Разве можно прибавить хотя бы одно слово к этой песне, исходящей из самого сердца... Разве можно — кто из нас может спеть лучшую песню про горе киргизское?.. Никто?

Да, никто. И потому помните великого киргизского поэта, придушенного тяжелой рукой судьбы, помните Ортанбая. Умер Ортанбай.

1917. 10 сент., №107.

3. Песня Джеменей

Джеменей сидел на паперти храма вместе с другими нищими. Сначала нищие гнали Джеменей и говорили: «Пошел отсюда, немаканный, киргизская лопатка, что тебе нужно? Здесь православные, а ты иди к своим, садись у мечети».

Джеменей знал немного по-русски. Прежде он был бием и богатым киргизом и часто ездил в город. И вот Джеменей говорит ломаным русским языком, перемешивая русские слова с киргизскими:

— Зачем я пошел в мечеть? Мой не пойдет. Ноги у Джеменей был, руки у Джеменей был. Кто оторвал? Русский оторвал, из мултык-ружье стрелял, убил жену, детей-дочка убил, всех из мултык убил, моя ноги, руки из мултык убил. Пускай меня русский Бог кормит, жалобиться к русский Бог пришел. Мой Бог мои руки, ноги не оторвал, жену

нашу Айначу не убивал, детей наших, дочку Авеню не убивал?.. Зачем я к мечеть пошел, пускай русский Бог мне хлеб давай.

И Джеменей улыбался виноватой жалкой улыбкой.

А нищие, так много сами пострадавшие, пережившие, пожалели Джеменей и прияли в свою компанию. И благодарный Джеменей иногда веселил нищих — выстукивал деревяшками, привязанными к ногам, и выстукивал киргизские песни, и подпевал, смешивая русские и киргизские слова. Джеменей пел, когда не было никого из молящихся:

Возьми в руки кол-мултык
 Адыб джеберь тесь мою.
 Мень и тем разы буламык
 Казыкартасып жизнь мою.

Нищие переводили тем, кто еще не слышал песни Джеменей:

Возьми в руки ружье
 И прострель грудь мою.

Я и тем буду доволен,
Что покончишь жизнь мою.

Иногда нищие пели заунывно тягучие песни, эти песни нравились Джемению, и он плакал, как ребенок, и кулаком вытирал глаза, слезы размывали грязь с лица, и лицо покрывалось грязными пятнами.

Нищие были довольны, как же не быть довольным, когда видишь несчастье большее, чем у самого, и говорили:

— Смотрите, киргиз, а плачет.

Иногда и Джемений пел, подражая нищенским песням, и песни Джемения были еще более жалобны, казалось, что это страдает и плачет сама тишина, придавленная несчастьем. Содержания не было у этих песен, Джемений пел о том, что вспоминал.

Джемений пел о том, что сидят и просят пропитания безногие несчастные люди, а рядом молятся Богу люди, и ни разу Бог не приходил посмотреть на своих людей, потом пел о том, что на улице с шумом и с грохотом едут люди на телегах, по каменным улицам, и нет никакого дела людям этим ни до Бога, ни до Джемения, ни до искалеченных людей. Кто знает, куда они спешат, куда торопятся и почему у них уши не болят от шума, от стука колес о камни? Никто еще не разгадал, почему живут они в каменных ящиках.

Потом пел о воробышках, которые не боятся этого шума и тут же летают и вьют гнезда, выводят детей. Что им надо в этом каменном городе и как бы им рассказать о зелени степей Алаша, о свежем воздухе Сары-Аркы, о живом ветре Эйбао, чтобы летели туда эти маленькие воробышки, туда в степь, в бирюзовый простор степей, в изумрудную ширь, но как рассказать?

У Джемения отняли степь жадные люди. Обманули и отняли, быть может, и этих воробышек обманули и у них степь хитрые люди отняли.

Теперь Джемений хочет показать людям свою обиду великую, но оказалось, что они убивать-то умеют, обидеть-то умеют, искалечить-то умеют, а жалеть-то не знают.

И за это им отомстит Джемений.

И вот случилось так: после особенно тоскливой песни Джеменей пополз на своих обрубках. Он полз на главную улицу. Люди сначала останавливали лошадей, думая, что калека хочет перейти улицу, но Джеменей лег на середине улицы и раскинул обрубки рук и ног.

Движение по улице остановилось. Пришли люди и подняли Джеменей, понесли в больницу,

думая, что он болен, а Джеменей к их удивлению пел:

Возьми в руки кол-мултык
Адыб джеберь тесь мою.

Мень и тем разы буламык
Казыкартасып жизнь мою.

Удивлялись люди.

Так Джеменей мстил своим обидчикам, живой обрубок лежал и пел тоскливые песни, песни своей родины, степи Сары-Аркы.

1917. 17 сент., №112.

4. Царевна Свобода

Народ все умный пошел, трудно рассказывать сказки, все равно никто не поверит, да и слушать не будут. Но бывают такие сказки, что хочется рассказывать, а то во сне снятся и покоя не дают.

В некотором царстве, в некотором государстве жила королева Свобода. Вздумала свобода замуж выйти и кликнула клич по всему царству: собирайтесь все умные и разумные, кто хочет царевну Свободу замуж взять.

Стали это собираться в стольный град все люди, считающие себя достойными быть мужем Свободы — красавицы царевны, многие даже жен своих побросали и женихами заделались. Известно дело — бабы глупые плач подняли.

Понаехало это в столицу женихов видимо-невидимо-тьматмущая.

Настал день и стала царевна-красавица Свобода смотреть — кого бы из женихов в мужья взять.

Первым стоял богач.

Спросила царевна Свобода:

— На вид ты некрасив, почему ты думаешь, что ты достоин быть моим мужем? Умом, может быть? Выкажи свой ум. Расскажи, как ты моим царством управлять будешь...

И говорит жених:

— Я, можно сказать, первый богач в твоём царстве, столько богатства, сколько и у тебя нет, а разве нажать и в руках удержать такое богатство легко? И потому я считаю, что только я могу править твоим царством.

И говорит царевна-красавица Свобода:

— Богатство, конечно, сила большая, да и мудрость надо боль-

шую иметь богатством распоряжаться, блага земные разделить между всеми равномерно.

И говорит богач:

— Да, мудрость надо уметь распоряжаться народом. На моих фабриках десятки, тысячи, да и то управляюсь.

— Как же ты управляешься?

— Перво-наперво, правило такое: нужно в страхе держать, денег много не давать, а то соберутся они в толпу и, имея деньги, будут требовать больше, забастовкой это у них называется, а когда денег будет у них мало — о забастовках и не подумают. 20 часов должны работать.

И говорит Свобода:

— Неужели ты так жесток с народом? Почему ты должен жить богато, а они бедно? Разве это справедливо? И разве можно голодом заставлять работать людей, а самому ничего не делать? Все люди равны и между всеми должны правильно разделяться блага земные. Нет, не подходящий ты жених, иди дальше, вернись к себе на фабрику и постарайся улучшить жизнь своих рабочих, придушенных капиталом.

Подошла царевна Свобода ко второму:

— Ну, а ты чем похвалишься, почему ты думаешь, что достоин быть моим мужем?

— Я вдовый священник, слугитель Бога. И я хочу быть мужем царевны Свободы, чтобы

дать всем людям лучшую жизнь.

— Как же ты это сделаешь?

— Нужно будет понастроить храмы, молиться Богу. Нужно детей с дней рождения воспитывать в страхе перед Богом, и Бог, видя молитвы усердные, даст лучшую жизнь людям.

— Это хорошо, значит, люди все будут равны перед богом и людьми?

— Зачем же равенство? Равными люди быть не могут, одни будут бедняки, другие — богачи. Кто же будет строить храмы?

— Богачи.

— Кто будет оплачивать труд слугителей Бога?

— Богачи, а бедняки будут сидеть на паперти и просить милостыню.

— Нет, — сказала царевна Свобода, — ты не подходящий жених.

Подошла Свобода, раскрасавица-царевна, к третьему и говорит:

— Ну, а ты что скажешь?

— Я рабочий. И хочу быть твоим мужем.

— Что же ты дашь моему царству?

— Равенство для всех, отобрать капиталы и распределить между всеми одинаково, отобрать землю и отдать земледельцам, уничтожить войну — война нужна только капиталистам.

И говорит царевна Свобода:

— А если богачи не отдадут своих богатств и будут защищать

силой свои богатства, что тогда делать?

И отвечал рабочий:

— Тогда отнять силой богатства, убить непокорных за то, чтобы не мешали они правильному распределению земли и капитала.

И сказала Свобода-царевна:

— И опять будет убийство, и опять будет насилие, только наоборот: будут властвовать неимущие над капиталистами. Нет, лучшей жизни не будет тогда. Не возьму я тебя в мужья.

Недовольный жених сказал:

— Какая же ты свобода, когда делаешь надо мной насилие?

К следующему подошла царевна Свобода.

И говорит жених:

— Я — писатель, и мне не давали свободно говорить, что я хочу, и долго я сидел за свои слова в тюрьме, и хочу быть твоим мужем, чтобы дать людям свободу слова, пусть каждый говорит, что хочет, и тогда настанет лучшее время, лучшая жизнь на земле.

И говорит царевна-раскрасавица Свобода:

— А не появятся люди, которые скажут: нам не надо свободы слова, потом появятся разбойники, призывающие к грабежу, появятся развратники и развратницы, которые будут выпускать слова похотливые. Что с ними делать? И им позволить говорить, что хотят, и им позволить печатать свои слова?

— Нет, — сказал жених, — их нужно садить в тюрьму... и предавать суду.

— Какая же это будет свобода слова... Нет, ты не будешь моим мужем.

Следующий жених сказал:

— Я — каторжанин, меня хотели повесить... И приговоренный к смерти, в ожидании этой муки, перенес столько ужаса, что и до сих пор не могу прийти в себя, правда, я бежал... я избавился от смерти. Но помня пережитое, я и хочу быть твоим мужем, чтобы навсегда избавить от насильной смерти всех приговоренных к смерти.

И говорит раскрасавица царевна-Свобода:

— А за что же ты сидел в тюрьме?

— Я сидел за убийство трех человек.

— Ты противник смертной казни, зачем же сам казнил?..

И отошла от него Свобода.

И за ней кинулся жених и сказал:

— Ты не права... теперь я не убью... я знаю, что такое ужас смерти...

— А сколько же людей, не знающих этого ужаса сами убьют... казнят желающих жить.

К следующему подошла царевна-раскрасавица Свобода и говорит:

— А ты что скажешь?

— Ты великая Свобода... ты справедлива, для тебя должны

быть все равны, не может быть раба и господина, для чего тебе мужа управлять твоим царством... пусть твоим мужем будет каждый желающий. И тогда ты сама будешь брать от каждого самое лучшее из их советов, ты будешь знать, что нужно людям для лучшей жизни. И первым должен быть я, потому что я дал такой совет.

И ответила царевна-раскрасавица Свобода:

— А разве ты не знаешь, какова судьба таких женщин, и как их называют, и какова их участь?

— Богатые живут во дворцах, вкусно едят и пьют и уважением пользуются, бедные презираются и умирают под забором или в больницах. Но ведь ты будешь жить во дворце. Ты же царевна-Свобода, и клевета людская не будет распространяться...

— Нет, — сказала царевна Свобода, — не хочу я быть женой многих, не буду тогда я знать отца детей своих... да будут ли еще и дети.

— Какая же ты Свобода-царевна, когда предпочтение отдаешь одному... Какое же это равенство?

И пошла царевна-Свобода к другому.

Но тот сказал:

— Я учитель... Я, если ты wybierешь меня мужем, по всей земле построю школы и университеты. А в них будут учить людей, и они будут знать, что такое сво-

бода, и не будут делать того, что противно законам свободы, только необразованные, только темные люди смешивают желание и хотение со свободой, не все можно делать, что желаешь, иногда рабское хотение будет торжествовать, нужно это хотение сдерживать, и когда просвещенное человечество поймет это, тогда настанет свобода...

И говорит царевна-раскрасавица Свобода:

— Это хорошо... Но какая же это будет свобода, которой нужно учить... Если возникнут школы, где учат свободе, разве не возникнут школы и университеты, где будут учить рабству. Нельзя свободе учить, — и отошла царевна Свобода.

Следующий жених сказал:

— Я художник. Я буду рисовать тебя, и твои портреты будут в каждом доме, пусть знают люди, какая царевна Свобода.

И сказала царевна Свобода:

— Разве от этого легче будет жить людям, — и отошла к следующему жениху.

Это был молодой человек. Он долго стоял молча, и сказала царевна Свобода: «Почему же ты молчишь?»

И сказал юноша:

— Царевна Свобода — ты прекрасна, как персик твои щеки, как коралл твои губы, как черный аспид твои глаза, как перья павлина твои волосы... Ты прекрасна, я не

видел ничего прекраснее. Я убью себя, я у ног твоих буду счастлив умереть. Твое тело как пена морская, и слова твои как пение соловья, запах твой как дыхание розы... Ты чудо из чудес, прекрасная царица Свобода.

И с объятиями шел юноша. Не устояла царица Свобода и все видели поцелуи царицы Свободы.

И сказала царица Свобода:
— Это мой муж.

Царица Свобода была женщиной и ничего не было удивительного, что выбор пал на неизвестного юношу.

Но в страхе стояли все женихи, потому что никто не знал, как будет управлять новый царь, муж царицы-раскрасавицы Свободы.

1917. 4 окт., № 125.

5. За страх и ужас в глазах

Назначен маскарад с призами, с большими призами за лучший костюм.

В маленьком городе скучно жить, барышни и молодые люди готовились к маскараду.

Это было событие; выдумывали костюмы.

Настало время маскарада.

Паяцы, черти, ведьмы, клоуны с бубенчиками танцуют польку, вальс.

Удивительно, как бездарны люди, в столь веков существования земли не придумали что-либо оригинальное, хотя бы такую маску, перед которой бы стояли люди толпами и хохотали бы весело, беззаботно и забыли бы, что это только ряженный человек. Казалось бы им, что это новое творение земли.

Но разве людям выдумать такую маску?

Правда, люди толпились перед большим пауком с мухой, перед снопом, перед веником, перед мет-

лой, но разве только дети могли бы восхищаться грубыми игрушками, игрушками больших людей.

Контр-марки начали отдавать фее ночи — это была красавица в черном трико, осыпанном золотыми звездами и месяцами. Всем было известно, что эта красавица — премьерша городского театра, не отличавшаяся особой нравственностью, но замечательная красавица.

И ей приз был предназначен, ей... за ту любовь, что разбрасывала красавица, не жалея, за улыбки радостные и беззаботные, за поцелуи, которыми не умели целовать жены своих толстых, слюнявых мужей.

И фея ночи видела, как солидарные богатые люди гонялись друг за другом и выпрашивали для нее контр-марки.

И она гордая, смелая стояла в наготу, скрытой прозрачным черным шелком, и улыбалась.

Это была ее победа. Приз был ее. И даже многие предлагали за отсутствием масок отдать все призы ей.

Все контр-марки собирались для нее, только для нее.

И вдруг в передней шум, и толпа втолкнула смешного человека.

Маленького, сгорбленного, с редкой седой бородой, волосы торчали щетиной в разные стороны, а в маленьких глазах был страх и недоумение. Одежда была в лохмотьях, а на ногах большие грязные сапоги.

Он, подталкиваемый, шел маленькими боязливыми шагами и что-то бормотал протестующее и испуганно-умоляющее.

На полу он оставлял большие мокрые следы тающего снега, но никто не обращал на это внимания.

Все говорили:

— Посмотрите, какая оригинальная маска! словно живой, какой чудный грим киргиза. А в глазах столько страха и ужаса. Как смешно говорит, какая смешная борода, а ноги, а одежда, как все продумано и как все стильно. Посмотрите, как он ходит. Давайте контр-марки.

Контр-марки совали в руки, в грязно-коричневые руки с красными язвами.

И одна барышня даже притронулась к язве пальчиком и сказала:

— Какое искусство! словно живая.

Покорно держала маска зеленые клочки бумажек.

И подошла фея ночи. И ей пришлось проталкиваться, толпа не расступалась, как прежде, вокруг киргиза-маски скакали черти, клоуны, ведьмы.

И фея ночи хотела видеть, кто отнял у нее призы.

И сказала фея ночи:

— Приз должен быть мой, посмотрите, я красота, а он безобразие.

Толпа гоготала, довольная скандалом, и слышны были отдельные выкрики:

— Какой грим!

— Сколько ужаса!

— Сколько страха!

— Сколько недоумения!

— Он боится, словно в аду, таков должен быть киргиз-дикарь.

— Как будто он в аду.

И фея ударила по лицу... по маске.

И маска осталась спокойной.

Плюнула в глаза... фея ночи, но и плевок не прогнал страха и ужаса.

С феей ночи сделалась истерика, и она упала в обморок, черное трико лопнуло, и голые ноги были особенно белыми, но никто не обращал внимания.

Ночная фея встала и крикнула:
— Мерзавцы!

Вышла, и никто ее не проводил.

И с музыкой, с речью преподнесли маске приз... Такова была речь подносившего приз.

— Мы преподносим вам эти призы за грим, за игру артиста. Вы сумели показать нам страх и ужас, который таится в душе каждого из нас, но который мы, люди, не видим. И вы показали нам этот ужас, и страх, и тоску. Вы показали нам границу жизни и смерти... и за это мы преподносим вам этот дар...

Маска-киргиз взял и покорно, так же медленно пошел к выходу, и опять отпечатывал следы. Потом так же медленно пошел по улице.

За маской поехали на извозчике двое узнать адрес.

Ехать пришлось долго.

Удивлялись едущие.

Маска шла на окраину... города.

Около фонаря на окраине села маска на снег, открыла футляр, взяла золотые вещи, для чего-то покусала, спрятала за пазуху и опять пошла.

Удивленные двое подъехали, начали освещать электрическими фонарями место, и нашли мелкие золотые вещи, и, пока рассматривали сломанный футляр, маска скрылась в переулке, но нигде не было видно маски киргиза.

Только через две недели был арестован джатак-киргиз Ирмишка.

Полоумный Дуана, пытавшийся продать на толкучке ломаные золотые вещи.

И люди, при музыке и ярком свете удивлявшиеся ужасу и страху в глазах Ирмишки, теперь не удивлялись, отбирая призы от бедняка Ирмишки, бедного степного киргиза.

1917. 5 окт., №126.

6. Дети земли

Умирал писатель. Хороший, талантливый писатель умирал. Много книг он написал, много создал новых мыслей, новых жизней, разве книга не тот же трафарет жизни, какой, например представляют для музыкального ящика вкладные трафареты нот.

Вставляя новые и новые ноты, вы услышите все новую и новую музыку, так и книги. Человек, прочитывая книгу, в это время живет новой жизнью.

И вот писатель, создавший так много книг, сам остался с опустошенной душой.

Все жизни, все печали, всю тоску, всю радость, что была в душе писателя, отдал он людям.

И страшно стало писателю жить с опустошенной душой.

Безумием казались все жизни людские, глупостью казались все слова человеческие, бессмыслием казались все дела на земле.

Вот били вора, укравшего кусок хлеба, был ли в этом смысл, когда хозяин кондитерской на автомобиле с гордо поднятой головой промчался мимо толпы.

И никто не думает о том, что не было бы мелких воров, если бы они не были ограблены жизнью, той жизнью, которая одних делает богачами, а других бедняками.

И часто богачи бывают такими ворами, но более крупными, почему же их уважают?

И писатель, написавший много книг, не мог понять это, как будто когда-то понимал, но теперь опустошенная душа не понимает.

Когда заходил писатель в храм и слышал молитвы людей, то не мог понять, какому Богу молиться. Золоту, словам ли, песнопению ли, и потому, что эти же люди, выйдя из храма, пожирают животных, ссорятся, ругаются, убивают, грабят, делают насилие сильные золотом, чужим трудом над бедняками.

Веру их не мог понять писатель с опустошенной душой. А было время, казалось писателю, что он ближе к разрешению этого вопроса.

Когда писатель с опустошенной душой был на фронте, где видел груды убитых, он думал: зачем убивают люди людей? Должны же они знать, что нельзя убивать, убийц судят, почему же их никто не судит. У них же имеется литература, религия, искусство, наука, они же не дикари. Зачем же они убивают? Если же они снова стали дикарями. Так почему же устроили такую дорогую бойню с пушками и пулеметами, и почему не пожирают трупы, почему не делают консервы, почему не вытапливают жир, почему из кишок не делают колбас, почему из костей не добывают химических веществ, как делают люди с трупами скота?

И не мог понять писатель с опустошенной душой.

Казалось ему, что все человечество заболело какой-то неизвестной болезнью.

Болеют люди, почему не могло заболеть и человечество.

И убить хотел себя писатель.

И раненый лежал, собрались врачи, сделали операцию, вынули пулю, но мало было надежд на выздоровление писателя.

И жизнь писателю показала сны, эти сны были неожиданны и фантастически кошмарны.

Видел писатель плешивую голову, и в оставшихся волосах ползали вши. И он бил вшей. И понимал их, он думал, что только они, вши, живые и разумные.

И эта голова мертва, эти вши сооружали из нескольких волосков Эйфелеву башню, и все вши собирались около нее и дивились своему сооружению и говорили:

— Кто может это сделать? Посмотрите, какая прямая постройка.

Или видел писатель землю — всю землю живую, и волосы живой земли были и на плешинах копошились паразиты люди, и столько их было, что они покрывали все лицо земли.

И писатель был среди них.

Они гордились своими постройками, своей наукой, своей культурой.

И в тот день посмеялась земля над паразитами людьми и сказала: — Я вас всех создала паразитов, и от тела вашей матери-земли, и от света отца вашего солнца порождены вы и все живое.

Но человек протестовал:

— Ложь, все ложь, разве ты создала, земля, дома наши?

И ответила земля:

— Я мозгами своими думала за вас, и вы только пользуетесь моими трудами. Не строит ли норы медведь, не строит ли гнезда в глине ласточка, не осы ли строят жилища себе? Не с них ли вы заимствовали постройку домов ваших. Не муравьи ли живут городами?

* Внесена незначительная правка. В газете так: «И говорит человек, и разумна земля, посмотри и удивляется тем машинам, которые двигают и пароходы, и поезда».

Тогда человек указывает на поезда и говорит:

— Не я ли пустил эти длинные поезда?

И говорит земля:

— Посмотри, не так ли ползут змеи и ящерицы?

Тогда человек говорит:

— Посмотри на моря, там плавают из железа пароходы.

И земля отвечает:

— Не с моих ли творений взято все? Разве не плавают так же утки и гуси по воде?

И человек говорит:

— Но мои пароходы плавают и под водой.

И отвечает земля:

— Разве они не походят на рыб моих, плавающих под водой?

И говорит человек:

— [Ты]* разумна, земля. Посмотри, [мы]* удивляемся тем машинам, которые двигают и пароходы, и поезда.

— А разве мои творения не двигаются более удивительными машинами, которых ты никогда не сможешь сделать?

И опять человек говорит:

— Посмотри на летающих людей, разве это не чудо. Разве это не доказательство моего разума?

И земля отвечает:

— На твоих машинах летает человек, но разве я не создала летающие стрекозы, мошки и орла. Можешь ли ты заключить свою машину в такое существо, крохотное как мошка, можешь ли сделать

такие части, невидимые для твоего глаза?

И человек говорит:

— И ты не хочешь признавать мой разум, не я ли сделал телефон, разве что есть подобное среди твоих творений?

И ответила земля:

— Уши у мошки, у комара, у слона, разве можешь ты сделать такие телефоны?

— А лампочка электрического освещения? Разве это не чудо, даешь тьму жизни, а я свет несусь. Я обхожусь без твоей помощи.

— А разве ты не знаешь, что в глубине морей, где темно, плавают рыба-фонарь и у ней на носу такая же лампочка, освещающая тьму.

И не знает человек, чем похвалиться. И он говорит:

— А печатная машина, выпускающая газеты?

И говорит земля:

— Посмотри на следы на снегу или песке, на следы зверей и птиц. Не с них ли взят пример?

— Ничего подобного, — говорит человек.

— А фотография — твой глаз, — говорит земля, — такие глаза я даю даже мошкам.

И не знает человек, чем похвалиться перед землей и показывает щипцы:

— Вот чего нет у тебя, это придумано мною.

Но земля говорит:

— Посмотри клещи рака, омара.

И человек говорит:

— Ты думаешь, что все я беру у тебя, нет, ты ошибаешься. Посмотри на шарнир у дверей, разве я заимствовал?

— Да, — говорит земля, — с раковин, с улиток. Посмотри, как затворяются створки.

И человек показывает коробочку для денег:

— А где я заимствовал этот замок?

— У бразильского ореха, посмотри его коробочку, вынь одно семечко, которое легко вынимается, рассыпятся все семечки, но сложь их обратно...

И человек показывает шприц: «А это откуда я заимствовал?»

— Это жало пчелы, хобот комара. Можешь ли ты сделать таких размеров?

И еще много чего показывал человек того, что он считал гордостью человеческого разума.

Земля находила прообраз, созданный природой.

И сказал человек:

— Разве есть что-либо на земле, что стреляло бы как пушка?

И показала земля стручок какого-то растения, которое разбрасывает семя, когда поспеет, а потом какую-то черную жужелицу, которая во время защиты выбрасывает струю едкой жидкости.

И тогда человек показал книги писателя и сказал:

— Вот мысли великого человека, который отрицает жизнь, со-

зданную тобою, и смеется над твоим безумием.

И слушала земля, что читал человек.

И сказала:

— Да, этот человек посадил меня, я не знала своей ошибки. И творения человеческие — все это машины, пожирающие камень, уголь и нефть, более совершенны, чем мои творения, ибо не пожирают жизнь и получают движение. Моя ошибка была в том, что я движение и жизнь дала пожирающим жизни, но теперь вы, люди, должны исправить мою ошибку, [пока] сами не истребите самих себя.

И не хотел умирать писатель, он хотел бы научить этому людей.

1917. 6 окт., №127.

7. Наивная сказка

В некотором царстве, в некотором государстве, не все ли равно в каком, случилось такое дело. Царь того царства в гордости и своенравии своем обременял народ свой налогами, вешал недовольных, в тюрьмы садил. Тяжело жилось людям под игом царским, а тут еще земли все были розданы министрам, а крестьянам не хватало земли. И вот царь вначале стал переселять крестьян в колонии, но земли все не хватало, родилось народу больше. И тогда надумал царь поубавить людей, чтобы из-за земли бунта

не было, и объявил войну.

Думал царь, что легче будет, а вышло так, что победил его враг, не стало в его царстве хватать хлеба и товаров, возмутился это народ, высыпал из домов, словно мак из возу, и рассыпался по всему городу, недовольные кричали: «Долой царя!». Попробовал было царь выслать войско, но большинство перешло на сторону народа, и после небольшой битвы победа осталась за народом, арестовали царя и в тюрьму посадили.

Это присказка, а сказка впереди. Посадили это царя в тюрьму, и

не понравилось царю в тюрьме сидеть, да так и должно быть, кому же понравится после жизни царской в тюрьме сидеть, не найдете ни одного царя по всей земле, которому бы в тюрьме сидеть понравилось и который бы сказал: «Зачем я раньше не сел в тюрьму, лучше сидеть в тюрьме, чем сидеть на троне, беспокойное там место, а здесь тихо и никто не беспокоит», — однако и этот царь этого не сказал: — «Нужно было этот случай предусмотреть и для царей особую тюрьму построить».

Сидит царь в тюрьме, а люди новую власть распределяют между собой и из-за этой власти ссорятся, про царя и забыли... Только не забыла про царя великая владычица жизни Совесть, пришла она к царю в тюрьму и говорит:

— Ты знал, что такое война?

— Знал...

— Зачем же народ свой на убийство повел, и за такое преступление получишь ты наказание, я Совесть, угрызениями совести я мучаю убийцу одного человека, а тебя, убийцу миллионов людей, как же оставить без мучения....

Испугался царь и говорит: «А какое ты мне наказание придумала?»

И говорит Совесть: «В том-то и беда, что равного твоему преступлению я и придумать не могу. Для убийцы одного человека я знаю наказание, а для тебя и не придумаю...»

И говорит царь: «Только не убей меня, не прикасайся к телу моему».

Совесть отвечает:

— Нет, зачем я буду твоё тело трогать, не телом, а душой ты сделал преступление, душа твоя и будет мучиться, до тела твоего я не прикоснусь. Вот что я надумала, ты был царь над народом, и ты не знал, как живут люди, и не думал об этом, и вот возьму я твою душу царскую, и узнает она все радости, все печали, все страдания и все горе народное... а тело твое, лишённое души, будет находиться в тюрьме.

И исполнилось все, как сказала великая владычица Совесть.

Отделилась это душа от тела царского в виде калеки без рук и выползла из тюрьмы темной ночью... поползла это душа царская в виде нищего по улице, а утром заметил народ калеку, и так жалок и так уродлив был калека, что даже самые безжалостные бросали калеке деньги, но душа царская не привыкла к подачкам и ползла дальше и не брала денег. Ползет это душа царская, а сзади то ноги по пыли тянутся сухие такие, одни кости, а сама-то душа как чума сухопарая, как холера поджарая. Ползет это душа царская, а сама-то своего безобразия не чувствует и прежние думы думает, того-то министром поставить, думает мир заключить с врагом, мало ли чего думает душа царская, только пришло время —

стала душа царская голод чувствовать, так есть и хочется, и вздумала душа царская взять милостыню, да так случилось, что народ не стал подавать деньги, проходят мимо и никто не подает, и поползла душа царская обратно к тем деньгам, которые она прежде не взяла, но ничего не нашла, народу ходит много, все подобрали. И стала душа царская просить голосом жалобным, да никто и слушать не хочет, отворачиваются и мимо проходят, а голод-то мучает. Пробовала душа царская поест землю, да ничего из этого не вышло... Только видит это душа царская — идет навстречу поп, высокий такой, борода большая. Брюхо выпучено... идет ухмыляется, жизни радуется...

Обрадовалась душа царская: «Вот попрошу, не откажет священник, не может пастырь не пожалеть», — поравнялся поп с душой царской... и протянула душа царская руку и жалобным голосом завопила: «Подайте убогому на хлеб...»

Плюнул поп:

— Какая мерзость ползает.

Обидно стало душе царской и там где-то внутри стало больно, как от зубной боли.

Поползла душа царская в церковь, захотела помолиться Богу и выплакать все обиды. Подползает к паперти, а на паперти сидят и стоят все нищие и убогие... а к церквы подъезжают на рысаках

люди, одетые в богатую одежду, и важно так идут в церковь. Торжественное богослужение сегодня. Сам митрополит будет освобождать народ от присяги бывшему царю и приводить к присяге новому правительству.

Дальше паперти не пустили душу царскую, а нищие шушукуются, из-за мест ссорятся. От них душа и узнала, что сам митрополит служить будет.

Стали это подходить войска с ружьями, стройными рядами шли, столько войска, что конца-краю не видно. Вспомнила душа царская те парады, на которых она делала смотр, и хотелось ей крикнуть: «Я царь... идите и защитите царя вашего» ... да где там услышат калеку несчастного. Началась это служба. Слышала душа царская, как отрекались от царя. Сам митрополит сказал о том вреде, какой сделал царь народу своему... А когда кончилась служба и народ выходил из церкви, кто-то бросил душе царской мелкую монету, обрадовалась душа царская и поползла купить хлеба, дали за медную монету небольшой кусок хлеба, поела душа царская и попила водички из канавы, пить-то хотелось, а воды нигде чистой не было, и уснула.

А рано утром проснулась душа царская и удивилась... видит это изба, толпа ребятишек...

А на печи больной лежит.

— Ну, брат Тихон, что будешь делать, надо засевать, а семян нет, и

сегодня ночью Пегашка умерла, на чем пахать будем? Вон Степанида-то воеет, убивается — жаль Пегашку, да что, за соломинку утопающему не удержаться. Надо вот и проценты вносить в банк — земли-то брать... Нет... Не хватает. Я какой работник, не сегодня-завтра умру. На тебя и детей своих оставляю, надеюсь на тебя. Фому бы на войне не убили — все бы тебе легче было. Фома-то работник был хороший — убили там, на войне. Жалко детишек оставлять, да ничего не поделаешь... Воля Божья... Ивашку люблю я... Несчастненький он... Баба это квашню поднимала, когда беременна была, так помяла голову-то, вот уродом и родился. А в избах-то у нас холодно — в двери дует, тесто-то не выкисает, так вот на печку поднимала, когда Ивашкой-то беременна была...

И умер в тот день больной.

Зажила царская душа крестьянской жизнью.

Маялась, сама душа царская пахала, хлеб убирала, а потом пришли люди да все труды-то описали, да с торгов продали...

А в холодной избушке ветер ходил. Двери примерзали, не отворялись. Из-за куска хлеба бабы ругались скверными словами, а ребятишки так жалобно плакали.

Не знала душа царская, что делать. Билась, трудилась, а из нужды выбраться не могла, а тут еще пришел на побывку Прохор, так тот бабу бил... Усы крутил, пил

водку, да о своих военных подвигах рассказывал... О темноте крестьянской с презрением говорил. Наплевал, нахаркал по углам, болезнь оставил свою жене своей да обратно на войну уехал.

И видела душа царская все горе крестьянское, народное, сама все испытала, все пережила. Видела, сколько слез, сколько стонов принесла эта война деревне, крестьянству. И сказала душа царская: «Если бы знал я все это — никогда бы войны не начал», — и только сказала душа царская эти слова — кончилось мученье.

Вот большая фабрика; визжат, шумят, грохочут машины, стоит это царская душа за токарным станком, после работы идет домой, не хватает денег, все испробовала царская душа: и пьянство, и разврат, голодала во время забастовки, узнала царская душа, как живут рабочие...

За забастовку арестовали рабочих и отправили на фронт, узнала царская душа жизнь солдатскую, прилетела это пуля и ранила душу царскую, положили душу царскую в лазарет... От ран скончалась душа царская так же, как умирают обыкновенные солдаты.

И опять вернулась в тело царское, напугана была душа царская, измоталась, измаялась. И пришла судьба, владычица жизни, и говорит судьба:

— Отдохни немного в теле царском, а потом опять пойдешь горе

мыкать по белу свету, горя человеческого река неизбежная, река неисчерпаемая, река глубокая, омой в ней свои грехи черные, грехи царские, грехи кровавые.

Взмолилась душа царская: «Избавь меня от мук сих, довольно с меня горя нашенского, горя крестьянского, горя рабочего, горя солдатского».

Но судьба засмеялась и сказала: — Не все еще горе народное испытано твоей душой, гордой

твоей душой заспавшейся, узнай же ты все это горе народное....

И плакала душа царская, устранившая горем народным, горем неизбежным.

Эту наивную сказку не я выдумал, слышал я ее в вагоне третьего класса, рассказывал крестьянин, и слушатели слушали с вниманием наивную сказку о мучениях царской души.

1917. 8 окт., №129.

8. Врубель

Настоящие записки найдены среди книжного хлама на омской толкучке в лавке торговца Баранова. За действительность того, что эти записки действительно принадлежат гениальному художнику Врубелю, я, конечно, не ручаюсь, может быть, это только переживания какого-либо неудачника-художника, доведенного до безумия и поставившего себя в мыслях своих на место Врубеля. Кто знает? Может быть, это и подлинные записки Врубеля? Может быть, Врубель посылал письма из Москвы в Омск любимой женщине, о которой вспоминал там, в сумасшедшем доме? Не зная биографии Врубеля, я справился с биографическими данными, и оказалось, что многое соответствует действительности.

Все было в жизни Врубеля почти так, как написано в этих записках, и я не имел права скрыть эти записки. Моя любимая, моя еще некультурная Сибирь до сих пор не ценит сибирских национальных художников и писателей. И я рад словами одного из замученных крикунов о преступлении, о насилии тех, кто губит национальных своих гениев, и пусть эти слова будут памятником для тех сибирских писателей, имена которых стерты со страниц книги жизни временем, произведения которых погибли на страницах сибирских газет, и пусть знают все, кто черными буквами-бисером выплакивал свои думы, что если забыты эти слова, если забыты их имена, то хотя один Антон Сорокин во славу мученикам пытается воздвигнуть памятник многоликому

сибирскому писателю, всем тем, кто заливал свою тоску вином, кто мерз по холодным комнатам, кто голодал во имя великой человеческой мысли, кто нес свои мысли, как в чаше драгоценное вино, и кто получал вместо благодарности плевки пьющих.

Всем им слава и привет от одного из собратьев их Антона Сорокина, может быть, так же несчастного, как и они... Пока не поздно, несите же ваши дары для создания памятника многоликому мученику — сибирскому писателю.

Записки Врубеля

Вот я пишу. Прошу поверить. Правда, у меня нет денег. Я живу на окраине Тарской улицы. В лачуге без стола, без стульев, зимой мерзну, зубы чакают от холода, но все это пустяки. Я чувствую в себе талант, он разливается по всем моим жилам и согревает мою кровь. Я верю, что я художник, я верю в свои силы. Когда я увидел тебя, я в плохой одежде, жалкий, дрожащий от холода пошел за тобой. Ты шла под руку с хорошо одетым и весело разговаривала, смеялась. Я следил за тобой и узнал, как тебя зовут. И я прошу об одном только: не думай, что мне нужна любовь. Любовь красивых — это дорогая вещь, любить красивых и заселять землю потомством могут имеющие деньги, а не художники и писатели. Я сознаю, что иногда мне хочется иметь богатство. Тогда бы я сделал многое. Я выстроил бы дворцы, каких еще не строили. Все стены я разрисовал бы: тут была бы ты, царевна-лебедь... тут был бы демон с загадочными гла-

зами, смотрящими вдаль. Я передал бы всю тоску, всю скорбь этих глаз. А какая бы чудная, красивая была ты, Царевна-Лебедь, ты сверкала бы всеми цветами радуги, я нарисовал бы твое лицо, твои губы, твои глаза и твой смех. И этот смех был бы и тоской, и презрением, жалостью, верой, надеждой, гордостью и любовью. Это был бы смех радужных переливчатых цветов. Это был бы неизвестный еще смех на земле, улыбка неба, смех ангелов, луч солнца, любовь, измена, жадность, змеиный яд — и все это я передал бы, написал бы красками, теми красками, которыми люди красят полы, крыши своих домов.

Я не скорю от тебя, что теперь я разрисовываю маскарадные костюмы, рисую маски за 30 копеек, но если бы ты видела, какие это смешные маски, смешные и печальные, а если бы ты видела: глаза у них были живые, человеческие глаза. Правда, я продаю на толкучке картины свои по 75 копеек, и то покупают только из лю-

бопытства, — пусть-де невиданная разноцветная мазня радужная украшает лавчонку, наполненную ржавым железом, но такова судьба. Я думаю, что мои картины должны висеть во дворцах и картинных галереях, а вот судьба скалит свой рот, хохочет и смотрит мои картины там, где навалены гвозди, гайки, ломаные самовары, пилы и разный хлам и отброс большого города. И судьба бросает и Врубеля в этот отброс толкучки, в отброс большого города, мое творчество судьба ценит как щепотку старых ржавых гвоздей.

Но я еще поборюсь с судьбою! «Врубель, Врубель, — смеется судьба. — Ты гоняешься за красивыми женщинами, не хочешь ли получить милостыню; копейку, две или три, милостыню, как нищему. Не хочешь, Врубель? Так служи, будь ремесленником, будь мещанином, и не думай, что ты гений. Лучше быть сытым идиотом, чем быть голодным гением».

— Но я хочу быть голодным. А если бы ты была моей помощницей, мы бы поборолись с судьбой, и я уверен даже, судьбу можно победить силой воли. И я посылаю тебе несколько своих работ. И вместе с тобою творил бы на земле новую красоту еще неизвестную людям, и когда люди преклонятся перед этой новой радужной красотой, я одену тебя в

бархат, в соболя и осыплю самими сверкающими алмазами. Только поверь в мое творчество. Ты веришь в Бога, которого не видела, почему же не хочешь верить моему творчеству, когда картины перед тобой? Посмотри и заставь себя поверить.

Пишу тебе второе письмо из Киева. Меня постигла неудача. Я расписывал храм, я хотел с неба своим талантом свести на землю Бога и ангелов, Божью мать с печальными глазами, и все святые должны быть близкими миру — человечеству и ничьи. Люди должны быть загнипнотизированы и почувствовать власть бога и власть любви. Я работал шесть месяцев, а мне не дали кончить работу, пришли попы и сказали: «Это не святые, это какие-то демоны, и такие яркие краски, работа грубая, и глаза такие печальные. Нет, нет, нам таких икон не нужно».

Им нужны трафаретные мертвые иконы, а живого Бога, а живых ангелов они боялись. Потом я заходил в этот храм, там какой-то маляр выскабливал мои краски и наводил гладкие, безжизненные лики святых, которые были мертвы.

А разве мой Христос не кричал, не звал к лучшей жизни, любви и миру?

И это чувствовали все, потому-то так они и напугались... Ах, попы!

Бойтесь вы Бога живого, Бога порицающего все лицемерия и ложь. Это для вас страшно. Так заказывайте известное творение Врубеля, но я верю, настанет время, придут другие люди, тоскующие о правде, а они, эти люди, смоят известку вашу и преклонятся перед живыми Богами красоты! я знаю! настанет время, и вы откроете школу живописи имени Врубеля, но будет самое большое ваше преступление, потому что, прикрываясь моим именем, вы будете учить бездарному шаблону. Новый Врубель принесет свои работы, вы и его уморите с голода, как морили и меня, и вы нагло расхохочетесь над его произведениями.

Кажется, я устал бороться с равнодушием, мне кажется, что мой гений уперся в мой лоб и, напрягая все силы, на землю людям тянет солнце красоты, свет и радости. Но кто может выдержать такую тяжесть? Как червяка, раздавит меня глыба горы. Нет у меня человека, с кем бы поговорить, ты одна у меня среди тысячи людей, так слушай, что скажет Врубель, выслушай и найди слова жалости, самые последние, брошенные и ненужные.

Пишу третье письмо из Новгорода. Я все свои работы привез в Нижний на выставку. Заметь, что 1896 год моей жизни будет позором для всей России, этот год

жизни — плевок в глаза некультурности. А я, глупец, мечтал о деньгах и о ребенке, о маленьком Врубеленке.

Но я ошибся, детей Врубеля, быть может, не нужно человечеству, а нужны дети пьяных купцов.

Жюри не приняло моих картин. Их назвали мазней, хохотали долго и нагло, откровенно, кретины, мерзавцы, обыватели, мещане, но я молчал, а талант мой плакал. Я начал сколачивать сам из досок балаган такой, какие строят бедные фокусники на ярмарках. Из досок и горбылей сам Врубель сколачивал балаган, сам Врубель писал билеты для входа и думал: «Ну, люди, вы кинетесь толпами, вы разнесете балаган, возьмете на руки царевну-Лебедь, Демона и с криком радости, с песнопениями, понесете в музей».

Но ошибся Врубель. Пришли наглые мещане, с золотыми цепочками при часах, с брелочками; с женщинами в ярких нарядах. Они заглянули в глаза моему Демону, они посмотрели царевну-Лебедь и, напуганные, стали требовать деньги обратно, они видели смерть мещанству... и требовали свои деньги.

Я отдавал. Но я чувствовал, что недалеко то время, когда эти же мещане разинут рты и до хрипоты будут кричать о гении Врубеле, а если бы вы знали, как я вас презираю, теперь и из ваших рук

мне не нужны ни мавзолеи, ни памятники, ни слава, я хочу уйти, убежать от вас в мир мечты, грез и ярких радужных красок...

Здесь я первый раз начал пить вино.

Здесь я первый раз был пьяным.

Пишу из Москвы. Мамонтов купил мою картину за 40 тысяч. На выставке, когда нет людей, я даю глазам своего Демона все новое и новое выражение, все новую и новую тоску. Я хочу, чтобы люди заметили, что глаза Демона живы. Ты пишешь, что согласна быть моей женой — и до тебя дошла слава о Врубеле?.. Но... поздно... теперь поздно... Рыскайте как волки, мещане, ищите работ Врубеля, потому что теперь эти работы стоят денег.

На перекрестках до хрипоты разевайте рты свои и кричите о гении Врубеле, деньгами своими оценивайте.

Сегодня я видел, как жюри с нижегородской выставки восхищались моим демоном.

Ах, какие негодяи.

Я видел и тех, кто требовал деньги 35 копеек обратно, и теперь платили за вход на выставку три рубля.

И я смотрю на них. И вижу: даже мой демон смеется над их глупостью.

Пишу из сумасшедшего дома. Я не рисую, но умею работать по-

прежнему еще лучше, в безумие заглянул я, чтобы оттуда принести людям еще неизвестную радугу. Приходит поэт Валерий Брюсов, и я рисую его портрет, и поэт терпеливо позирует десять дней по два часа в день, я рисую тихо и неохотно работаю, как кустарь. Я знаю, что раньше эта знаменитость к голодному Врубелю не пришла бы, а теперь ездит к Врубелю в сумасшедший дом, и за это получай мазню и прикладывай к полному собранию сочинений.

Это мой последний плевок сытым мещанам. А вы благоговейно слижете плевки Врубеля! Лижите, как собаки ничего не понимающие в искусстве, в грезах, в мечтах. И не понимавших, что солнце, свет и правду, красоту хотел вам Врубель принести из неведомого, незнаемого мира. Помните же вы и не смейте произносить имени Врубеля, потому что вы, это вы распяли его. Замучили, уничтожили, так хотя после моей смерти молчите. Должны же вы понять, что не краски, а кровь Врубеля на его картинах. Вы душу Врубеля распяли, убили. Но я молчу, я не обвиняю вас, вы любите так умученных, повешенных, что даже Бога вашего распяли и всех несущих вам правду вы будете так же распинать, потому что вы еще вери и любите кровь.

г. Омск.

1917. 2 нояб.,
№138.

9. Денис-свечи воску ярого

Легенда алтайских староверов

Во Господних во садах да и цветики цветут. Во Господних во садах да и пчелки с цветка на цветок перелетают. Хлопотуны-труженицы во славу во Господню трудятся и соты сооружают, в те соты не жизнь ли человеческая? медом янтарным наполняются, а и тот ли мед не радость ли человеческой жизни?

Для Господа Саваова, для кроткого Иуса, для пречистой Девы Марии и Матери Божией, для учеников — апостолов трудятся пчелки.

А из того ли воска, воска ярого сооружает ангел Гавар, хранитель жизни, Денис-свечи, и те ли Денис-свечи воска ярого, и ставят те свечи ангелы в саду Господнем среди цветов радужных, среди цветов лазоревых. Хоры птиц поют в том саду песни радостные во славу Господа. А и светло в саду Господа, словно солнце светит, солнце незаходящее. И с каждой вновь возгорающей свечи-Денис возгорается на земле жизнь человеческая. И сколько имеется в саду Денис-свечей, столь и на земле людей. А разжигает те свечи ангел жизни Аратус. Приходит время, сгорают свечи, и вместе с умершим пламенем свечи гаснет и жизнь в человеке. А тут же стоит ангел смерти, черный ангел Мембрие и гасит свечи-Денис, свечи воска ярого, не может

черный Мембрие выносить света Денис-свечей, лучезарного лика белого ангела жизни Аратуса.

Дует черный ангел Мембрие на Денис-свечи, колышется из стороны пламя Денис-свечи и умирать не хочет, но бывает и так, гасит Мембрие свечу, Денис-свечу, и в то же время гаснет жизнь человека на земле, не возжечь второй раз огонь на Денис-свече, не вдунуть второй раз жизнь в тело умершее. И вторую гасит Мембрие свечу воска ярого, и пока пламя из стороны в сторону мечется, до тех пор и жизнь в человеке трепещет. И как оторвется пламя от Денис-свечи, умирает на земле, гаснет на земле и жизнь в человеке.

Так было с начала жизни. Стояли друг против друга белый ангел жизни Аратус и черный ангел смерти Мембрие, и говорит Аратус:

— Какой ты глупый, Мембрие, столь веков прошло, ты все щеки раздул. А я больше свечей зажигаю, чем ты гасишь.

И говорит ангел Гавар, сад Господень охраняющий:

— Зачем ты Аратаус говоришь слова похвощие, слова непригожие.

А злой черный ангел Мембрие говорит:

— Подожди, все потушу.

А ангел Аратус улыбается:

— Щеки лопнут.

— А вот увидишь, тьма настает и сам Бог не будет знать, что делать.

— От злобы сии слова исходят, — говорит Аратус.

— Ты еще не знаешь хитрости и силы Мембрие.

И кююнор-птица замолкла и прислушиваться стала к спору ангелов.

С тех пор исчез Мембрие из сада Господня.

Радовался ангел Аратус и говорит ангелу, охранявшему сад Господень, ангелу Гавару:

— Понял Мембрие свое бесполезное дело и исчез, из мрака рожденный, скрылся во мрак. Я победил Мембрие, и ни одна свеча не угаснет не в свое время, пойду, сообщу об этом Богу-Господу.

И песню радости запел ангел Аратус, песню жизни, и так была радостна эта песня, что даже сама птица кююнор, поющая песни радости, и та не певала таких песней радости.

Даже пламя свечей-Денис не колыхалось и слушало песню Аратус, и вместе с ним и жизнь на земле радовалась и ликовала от тех ли песен Аратуса.

И вдруг неожиданно одна за другой начали гаснуть Денис-свечи, пламя всех Денис-свечей колыхалось, как будто ураган ворвался в сад Господень и тушил пламя, как будто напугалось пламя Денис-свечей.

Много погасло свечей, Денис-свечей, и не знал, что делать, Аратус и вопрошал Гавара:

— Почто гаснут Денис-свечи? Почто мрак надвигается на местожителство божественное?

Молчал Гавар-ангел.

А и приходила сама Матерь Божия и вопрошала:

— Почто темно в саду Господнем? Почто ты, ангел жизни Аратус, позволил угаснуть Денис-свечам?

Приходил сам кроткий Иус и вопрошал:

— Почто гаснут Денис-свечи воска ярого?

И говорит ангел Аратус, рыдая и не зная, почто гаснут Денис-свечи:

— То ли зелье подмешано, Мембрие ли взял силу, не знаю, но устрашаюсь страхов, ибо вижу мрак надвигающийся, устрашаюсь смерти небожителей, ибо пламя их свечей колышется из стороны в сторону.

И сказал Иус Сам Господь слова таковы:

— Не потому не горят и гаснут Денис-свечи, что не из чистого воска оне, по-прежнему воск ярый, воск чистый, а потому гаснут Денис-свечи, что люди забыли мои слова Евангельские, а возлюбили слова диявольские Мембрие, слова злоубивающие, слова живы между нами, и сам Мембрие наравляет их друг на друга. И гибнут люди на кострах своих греховных дел, потому и Денис-свечи гас-

нут, ибо возгорелся огонь ненависти, огонь кровавый, огонь смерти.

И сказал Аратус:

— Иду я на землю и скажу им, что нельзя сие делать, я скажу о том, чтобы жизнь благодатную, цветущую пожелали.

И говорит Иисус:

— Не послушают люди твоих слов, ибо моих Евангельских слов не послушали.

Вот пришел на землю ангел жизни Аратус и увидел груды тел, наваленных горами, перевалами.

И тоскою омрачилось радостное лицо Аратуса. И видел Аратус то, что от людей сокрыто было. Летал это черный ангел Мембрие из одного лагеря в другой и учил:

— Идите убивайте, а то вас убьют и захватят землю вашу, и грохотали пушки, и убивали людей.

Кричал ангел жизни Аратус о том, что гибнет жизнь.

И люди отвечали словами Мембрие. Хохотал ангел Мембрие, черный ангел смерти, и в его хохоте слышалось:

— Настанет мрак во Господнем саду. И щек я не надуваю. Вместо меня работают пушки и ружья.

И улетел Аратус в сад Господень и там сидел в полумраке, нагнувши голову, закрывши глаза, не хотел смотреть Аратус-ангел жизни на смерть пламя жизни Денис-свечей воска ярого.

1917. 3 нояб., № 139.

10. Ермектас

Спешно готовились к битве, вытащили старые сабли. Делали из железа стрелы и луки. Оттачивали чепоготы, кайлы. Делали сонлы, из арканов делали петли. Готовились молча. Тихо каждый делал свое дело.

На собрании решили большинством голосов оказать сопротивление.

Тихо плакали киргизки и шили панцири для своих сыновей, кроили кошму... делали рубахи и между двумя слоями кошмы посыпали песок и стежили. Трудная была работа. Слезы капали на кошму, и на волосках кошмы, как мардисаны, катались капельки крови от

уколов иглами. Потом эти капельки впитывались в песок. Матери для детей своих шили панцири, спасти хотели их жизни...

И пришел Дуана Ермектас, сел около женщин на корточки, вынул табакерку, захватил щепоткой табак, понюхал, заложил щепотку за щеку, пожевал, сплюнул желто-зеленую слюну сквозь зубы, потом начал:

— Женщины, женщины, слушайте мудрого Ермектаса, не было еще человека с мудростью Ермектаса. С самим Богом разговаривает Ермектас и понимает слова Бога. Правда, Дуаной, дураком считают Ермектаса

люди, но разве люди знают, что такое ум.

Когда ногами топчут степных мышей, то и они пищат, не хотят умирать... Но такова воля судьбы. Наступивший на гнездо мышей раздавит их ногой... Но глупые мыши своими крохотными зубами хотят прокусить сапоги большой ноги, толстую кожу хотят прокусить и ломают свои маленькие, беленькие зубы.

Что случилось, что хотят киргизы идти войной? Ничего особенного не случилось... Когда землю взяли, вы были мудры и молчали, почему теперь крик и шум в степи, почему хотите вы скотом давить людей, почему наострили чепоты и косы, почему на вилы надели острые концы из железа?..

Ах, глупые люди... Что вы делаете, кошму портите? Вы, глупые, думаете пули, выпущенные из ружья не пробьют кошму с песком? Плохо вы знаете, что такое ружье...

На смерть обрекаете вы детей своих. Поднимет ли орел степную юрту киргизскую на воздух, понесет ли ее, как степную лисицу? Нет. Этого никогда не будет. Так говорит Ермактас Дуана.

Ты, степной орел киргизский, будешь ли ты бороться с горой Алатау, будешь ли налетать ты, степной орел, с высоты на вершину горы? Поднимешь ли гору? Не обломает ли когти свои об острые камни? Не расшибешь ли грудь в кровь и не будешь ли умирать на верши-

не горы, а из разбитой груди не будет ли каплями стекать кровь?..

Я это же там говорил, точащим о камни ножи, но они прогнали меня. Ударили палками Дуану Ермактаса, и пришел я к вам, женщинам, родившим таких глупых киргиз. Настало время всему киргизскому народу последовать по пути мудрого Ермактаса.

Разве глуп был Ермактас? Разве глухой был Ермактас? Разве слепой был Ермактас? Разве не понимает слов человеческих Ермактас? Однако... Ермактас был Дуаной-дураком и притворялся слепым, глупым, глухим, и все это потому, что испугалась душа Ермактаса народа чужого, народа сильного... Не пора ли всему киргизскому народу стать наподобие Ермактаса Дуаной?

Не слушали женщины Ермактаса и делали свою работу. Шили из кошмы панцири для сыновей своих.

— Бросьте! — говорил Ермактас. — Не гроба ли вы шьете из кошмы для сыновей ваших. Бросьте, притворитесь Дуанами и идите просить пощады у сильных. Вы слабые степные жалкие мыши...

Настало время... Одели панцири из кошмы киргизы, гнали скот, лошадей впереди и напали на отряд казаков.

Затрещали выстрелы.

300 человек были убиты. Не спасли панцири из кошмы и песка... Отряд казаков гнал бегущих

до озера, и в испуге с криком бросились киргизы с крутого берега в воду и тонули.

Настала ночь... Около трупов своих сыновей копошились маленькие женщины степи, исколовшие пальцы свои иголкой, когда шили панцири из кошмы со слоем песка... Теперь они пришли хоронить своих сыновей.

Пришел и Ермактас. Он сел на корточки и запел песню, долгую,

заунывную, подобную вою волков, не слышали эту песню люди, убившие киргизов. Не слышали эту песню в больших городах... Только темная ночь, только воздух, только звезды, только луна, только мать-степь, только Бог слушали песню Ермактаса. Песню тоскливую и жалобную, слушали и тихо плакали... плакали от песни Ермактаса.

1917. 7 нояб., №142.

11. По крови и гною

Это было бы смешно. Смешно до истерики, если бы умирающий пел радостные песни и танцевал бы. Люди умирают в страданиях и часто в агонии. Жизнь борется до последней возможности со смертью.

Но не то было, когда умирало целое государство, когда гибла нация, когда одна часть людей умирала на полях сражения, другая, словно не знающая, словно не чувствующая своей гибели, радовалась, веселилась. Гремели оркестры музыки, вывешивали флаги, и никто из них не знал, какое для них случилось несчастье, никто не знал, что уезжал на золотом автомобиле Царь-Золото. Народ, обреченный на гибель, покидает Царь-Золото. Может, оттого и ликование народное, может, хотят эти люди обмануть Царя-Золото своим весельем и надеются, что, быть может, Царь-Золото еще останется, но трудно, почти невозможно

обмануть Царя-Золото. Он знает, что делает. Несут красные знамена свободы, поют бодрые песни, как хотят сказать: «Смотри, великий Царь-Золото, мы еще живы». Но кто может обмануть Царя-Золото? Как будто прост и добродушен Царь-Золото. Как будто даже равнодушен, но и велик, власть и сила в его руках, в его державном орлином взоре. Одно его желание — и палят пушки, пулеметы и люди утопают в своей крови.

Вы, люди, делаете большую ошибку. Не так нужно поступать. Упадите на колени и просите не покидать вас. Покинутые вы погибнете. Заботьтесь о своем спасении. Ты же, Бог людей, творящий все машины, дающий жизнь мертвым металлам, и все человечество прозвало тебя Богом, и нет среди всех людей ни одного атеиста.

Правда, многие плюют на твою одежду, проклиная тебя и твоих

избранников. Но, когда ты одари-
ваешь их своим вниманием, они
уже не кричат о равенстве всех,
они уже пожирают, так же как и
твои избранники вино, фрукты и
конфеты, а кто знает, как действу-
ет на их мысли твоя вкусная пища,
голодный человек проклинает
тебя, а сытый благословляет. Но
ты не слышишь ни благословений,
ни проклятий, ни стонов, ни кри-
ков, ты делаешь свое великое дело.

Ты слышишь рыдания, стоны и
крики. Ты видишь умирающих на
полях сражения: жизнь, глаза,
руки, ноги, — все отдают люди.
Люди говорят, что это они отдают
за родину, за отечество. И ты не ве-
ришь им, ты знаешь: они умирают
ради тебя. Возлюбили тебя боль-
ше Бога. Бога своего они украшают
обрывками твоих золотых одежд.

Ради тебя фокусники глотают
шпаги. По лестнице из ножей за-
бираются голыми ногами. Не
ради отечества умирают они на
полях сражения, они умирают
ради тебя, великого Царя-Золо-
та, и ты знаешь это, ты своей пре-
зрительной ногой встал на их оте-
чество, ты своими плевками зап-
левал их веру, их Бога, их науку и
их искусства, куда ни взглянешь,
всюду плевки, и они эти плевки
называют деньгами, и хранят их,
и готовы убивать и принять
смерть ради них. Ты греешь руки
свои у костров, и костры те — го-
рящие города. Ты, великий Бог-
Золото, какую тайну хранишь ты

в голове, кто разгадает твою на-
смешку, кто узнает по глазам тво-
им твои желания, кто узнает, кого
ты любишь и кого презираешь?
Никто еще не знает, почему ты
одних милуешь и наказываешь
других. И твои избранники были
уверены в силе твоей, в твоём
могуществе, данным тобою, и вот
теперь ты отвернулся от всех и
покидаешь их, но они еще не ве-
рят в твой отъезд, они знают твоё
лицемерие и тебе не верят.

Фабрика день и ночь печатает
бумажные деньги, но люди знают,
что ты не признаешь.

Все товары дорожают, люди
имеют много денег бумажных, не
освященных твоим благосклон-
ным вниманием, и на эти большие
деньги ничего не могут купить.
Магазины давным-давно пусты,
потому что все растащили люди,

знающие, что вместо денег у них бумага и скоро на эти разноцветные бумажки ничего не будут давать. Это случится, когда всем будет ясно, что ты уехал и не вернешься. Но может, пожалеешь покорных рабов твоих и не уедешь? Они в рабство отдадут даже детей и потомков на многие столетия, пожалей же их. Смотри, все согнулись перед тобою, при приближении твоём они забывают ненависть, злобу и клевету. Может, ты обиделся, что народ несёт красные знамена и свободу избрал себе новым божеством... Разве ты обиделся на то, что избранных твоих предадут проклятию и хотят отбирать у них богатство?

Но, великий Бог, смилостивись.

Улыбнись, взгляни ласково на слуг и рабов твоих.

Посмотри, разве не золотые буквы на красных кровавых знаменах и разве ты, вздумав осыпать золотом всю эту толпу, не знаешь, что побросают они свои знамена и забудут и о свободе. Ты же это знаешь?

Они закричат: слава золоту, дающему овощи, музыку, картины,

веселье, обжорство, бросим свободу, забудем о воле! Забудем отечество, дом, жену, детей, родину, все забудем, Царь-Золото, с нами прошло время, когда мы стояли толпами у магазинов и лавок. Вы, крикуньи, кричащие о рабстве, о позоре, о тюрьмах, о смертной казни, долгой дороге, с нашего пути, скройтесь, как горностаи в дождливую погоду в свои норки, иначе мы растерзаем вас, где вы посягаете на жизнь детей наших и на наше богатство.

Что вы вышли на улицу как саранча, хотите сожрать достояние наше, что вы хотите, чтобы тьма была в жилищах наших, чтобы с голода умирали дети наши!

Идите же и кричите, идите же и молитесь. Упадите же на колени и просите простить вас.

Вы слышите, страшно жить без благословения золота. Все картины, все статуи, все огни, все исчезнет. Тьма настанет, молитесь на коленях простить вас. Отдайте ограбившие, оскорбившие Царя вашего, отдайте им золото. Без золота разве будет жизнь, все замрет, жизнь умрет, жизнью не захочется жить.

Омск 1917. 10 нояб., №145.

12. Три царства

А не рассказать ли вам сказочку, сказочку-побывалочку, о царстве ли умном-разумном Амифор-царстве, о царстве ли Мафан — царстве глупом и о царстве Ге-

лионок, о царстве богатом, о том, какова их участь была, когда Орнисфер-судьба в эти ли царства птицу Авендук послала спеть песню свободы.

Прилетела эта судьба птица, Авендук-птица в царство разумное, в Амифор-царство, и зачала это птица Авендук песни петь, Омпиас, песни свободы, высыпал это народ из домов своих словно семя маково из воза и рассыпался по всем площадям.

И стали слушать песни свободы, Омпиас-песни. Пела птица Авендук о новой прекрасно-радостной жизни, пела о том, что все люди равны, не должно быть бедных и богатых, нельзя грабить, воровать, убивать. Послушал это народ, возрадовался, по домам разошелся и стали люди песни Омпиас записывать, новые законы делать, старую жизнь хоронить, а новую создавать.

А царь того царства мудрый Агатан-царь вышел это к народу и говорит: «Не хочу я быть царем перед вами, потому что все люди должны быть равны. Все вы слышали песни Омпиас, песни новой жизни, живите по-новому».

А потом стали это приходиться кучки и говорят: при старой жизни мы хотели быть богатыми, и копили богатство свое для детей своих, но теперь мы пришли покаяться. Возьмите все богатства наши в достояние всего народа, и пусть каждый получает одинаковую одежду, одинаковую пищу, а фабрики пусть будут народные, а кто не будет работать, тот не получит ничего.

Пришли это к народу люди духовные и такие слова молвили: «Возьмите все храмы, устройте в них школы, раскаиваемся мы, велик наш грех перед вами, за молитвы наши мы брали с вас деньги. Золотом украшали храмы. Обещали вам будущую жизнь, рай и ад, теперь мы раскаиваемся, мы обманывали вас. Если есть Бог, ему не нужны наши молитвы, и велика будет его радость, если вы, люди, будете жить справедливо».

Пришли помещики, владеющие землей, к народу и говорят: «Прежде мы захватывали землю в свои руки и не могли ее всю обработать, теперь настала новая жизнь, и мы отдаем нашу землю тем, кто на ней желает трудиться».

Потом пришли цензора и просили простить их за то, что умерщвляли они слово человеческое, убивали мысль человеческую.

Приходили и судьи и прощения просили.

Народ всех выслушал и всех простил.

Спела это птица Авендук последние песни и полетела в соседнее царство, Мафан-царство глупое, а царем там был Исахед-царь.

Прилетела это птица-Авендук и стала песни петь, те ли Омпиас-песни, высыпал народ словно мак из воза на площадь и стал те песни слушать, пела Авендук-птица о том, что в царстве Амифон люди

живут новой жизнью, радостно-счастливой.

Узнал об этом царь Исахед, послал духовенство свое. И говорит духовенство: «Ах вы глупые, неразумные, да что вы делаете, нет власти не от Бога, Бог вас накажет».

Не послушался народ и кричал: «Вон в царстве Амифор люди новой жизнью живут, и мы хотим такой жизни».

Послал тогда Исахед-царь войско свое умирять непокорных.

Птица свободы, Авендук-птица три пули получила в теле своем, унеслась еле живая к судьбе Орнисфер, прилетела, а народ стал солдат избивать, а солдаты народ, осталась эта победа на стороне народа, и во дворец повалил народ. Царя Исахеда за ноги потащили на улицу, а голова царская о лестницу чакала со ступеньки на ступеньку, а потом избивать стали, потекла это кровь из носа царского, а потом царицу Асандору за ноги на фонарном столбе повесили, а детям головы камнями разбили.

А потом стали делить богатство, грабить, жечь, и по всему царству Мафан пошли разбой и грабежи, черный дым повис в воздухе, а огонь пожирал дома богатей, духовных лиц, судей, тюремщиков и полицейских стали избивать.

Горе, слезы, кровь лилась по всему царству Мафан.

Поправились птица Авендук от ран и полетела в царство Гелионок, в царство богатое золотом, серебром и камнями самоцветными, а царь у них Апиран.

Прилетела эта птица Авендук и опять запела песни-Омпиас, песни свободы. Услышал народ, высыпал словно мак из воза на площадь и стал слушать, а потом случилось так. Стали это бедняки выбирать советы, да богатства поровну распределять, видят богачи, что сил у них нет свои богатства защитить и подчинились.

А сколько богатства было у богачей, что когда разделили всем поровну, то все богачами стали и работать перестали. Остановились фабрики, железные дороги, почта, телеграф, никто не стал сеять хлеб. Стали это богачи все покупать в соседнем царстве, в царстве Амифор, и скоро такое время наступило, что замерла вся жизнь, никто ничего не хотел делать и появились опять бедняки, которые грабили и убивали, и побежал народ из царства Гелионок, и пустыми стали дома.

И с тех пор перестала птица Авендук песни-Омпиас, песни свободы петь, потому что узнала она, что умным свобода дает лучшую жизнь, а глупым и жадным гибель и смерть.

Омск 12 сент. 1917 г.
1917. 18 нояб., №152.

13. Где моя родина?

Я потерял свою родину. Скажите, где она? Я уезжал поблуждать по свету и, когда я стосковался по родине и поехал на родину, я не нашел своей родины. Я потерял свою родину. Там, на моей родине, были большие города, магазины были полны товарами, там, на моей родине, были большие красивые дворцы, картинные галереи, библиотеки. Там, на моей родине, у меня был дом с большим садом на берегу реки. Я любил отдыхать летом в своем деревенском саду и рано весной, когда солнце целует лучами землю и просыпаются деревья, я смотрел на цветущие деревья, а потом приходил в свою комнату и писал, я хотел дать людям живые радостные слова, и меня любили читатели. Как будто вместе с жизнью каждого листка жило, росло новое слово, и, когда наступало жаркое лето и расцветали цветы, я ходил любоваться в сад самоцветным цветам и приходил опять в свою комнату и писал о чудесах природы. И поздней осенью, когда начинали желтеть листья и в солнечные дни летели паутинки, я собирался в город, куда вез людям в подарок новые мысли свои. И там, когда выходила моя новая книга или когда ставилась на сцене моя новая драма, люди встречали меня аплодисментами. И теперь я потерял

свою родину, свой дом, свой сад, свои вещи, свои рукописи.

Правда, мне показали место, где будто бы стоял мой дом, там грудой лежали черные угли.

Яблони в моем саду были весной, как невесты в белом наряде, а тут стояли голые ветки с обгорелыми листьями.

Правда и то, что приходили крестьяне, как будто знакомые, и некоторые плакали, жаловались на тяжесть жизни, по улицам валялись трупы. Нет, это не были люди моей родины, там люди были добры и приветливы, в глазах их не было ненависти и злобы. А тут люди ходили с красными знаменами и пели новые песни злобы и ненависти. Таких песен не знали на моей родине.

На моей родине не было стоннов, слез и потоков крови...

Где же моя родина?

Ружейными выстрелами убили мою родину, слезами и кровью затопили.

Неужели это правда, но я не хочу этому верить, я должен найти свою родину. Душа моя не верит, чтобы из зерна мака выросла крапива и из зерна пшеницы вырос горох.

Мою родину нельзя убить.

Я поехал в большой город моей родины. Туда, где прежде меня встречали с приветом. Где на меня указывали пальцами даже дети.

Я шел по улице большого города, мчались автомобили и кричали охрипшими голосами. Один автомобиль был с выбитым стеклом, это были какие-то ежики, гигантские ежики со щетиной штыком.

По улицам валялись трупы лошадей и были человеческие средины улицы.

Хорошо одетые люди просили милостыню, кусок хлеба.

Это не была моя родина. Я обрадовался, навстречу мне шли знакомые профессор и художник. Я остановил их. В это время подошел мой друг писатель. Как они попали в эту глухую, дикую страну? Я спросил их, какие новые книги написал писатель, какие картины нарисовал художник и какие открытия сделал профессор. Оказалось, я ошибся — это были незнакомые люди, до удивления похожие на моих друзей.

Тот, кого я принял за профессора, радостно захихикал и сказал: «Я открыл новую лавку, где можно купить кусочек хлеба и пять поленьев березовых дров — вот посмотрите, я купил». И он радовался как ребенок, и только теперь я увидел пять маленьких поленьев, завернутых в бумагу.

Художник и писатель спросили, где эта лавка. И сколько я ни встречал людей — все говорили о хлебе, о квартире, о дровах.

Нет, это не была моя родина, там не было таких людей, думающих о пище.

Я заходил в рестораны, я заходил в гостиницы, кафе и театры, и там были новые люди — иностранцы, прежде их я никогда не видел. Эти люди курили, плевали на пол и говорили какие-то слова ненависти и злобы. Правда, в ресторанах они пили вино с роскошно одетыми продажными женщинами, но мне казалось, что это какие-то дикари. И я расхохотался, и я понял, и нашел свою родину, это они пришли и за минутную радость власти затопили мою родину слезами и кровью, наполнили мою родину криком, стоном, огненным ревом и грабежом. Как саранча полетела и все сожрала.

Вы этого не смеее делать!

Отдайте мне мою родину, или я найду слова острые, как пчелиные жала, и полными горстями брошу в ваши мозги, но таких слов не было... И я плакал о своей погубленной родине.

1919. 17 июля, № 147. С. 2.

Юрий Мандрика

Все оставляет следы

Главное, суметь их прочесть

Книга Антона Сорокина «Тююн-Боот» издана в Тюмени

Поиски информации о месте печати книги Антона Сорокина «Тююн-Боот» вывели на комментарии к его же «Тридцать трем скандалам Колчаку» (Омск, 2014). Там значилось: «Книга вышла в 1914 г. в Тюмени, без указания времени и места издания. В 1919 г. автор разослал оставшиеся отгиски по редакциям газет и журналов с приложением откликов Вс. Иванова, А. Оленича-Гнененко и других литераторов, поэтому можно встретиться с ошибочными выходными данными: Омск, 1919»¹.

Отсутствие у такого утверждения доказательств предполагало дальнейший поиск... В омских изданиях сразу удалось обнаружить три мини-рецензии на появление «Тююн-Боот» в свет. Привожу их почти полностью.

I.

Мы не знакомы были до сих пор ни с одним произведением г. Антона Сорокина, за исключением Сорокин А.С. Тридцать три скандала Колчаку / подготовка текста, прим. и предисл. И.Е. Ложилова и А.Г. Раппопорта. Омск, 2014. С. 102.

нием присланной им на днях для отзыва книжки, почему не беремся судить о его произведениях, вышедших до появления *этой книжки без названия*.

Внешность книжки указывает и на разгильдяйство, и на то, что автор болен настолько серьезно, что завел себе вместо ухочистки ручного паука и находится под обаянием дантовской Таиды.

Если бы автор запасся тем, что называется стыдом, то можно было бы надеяться, что он обладает вполне необходимым уважением к слову-свету, на что он имеет дерзость претендовать.

Между тем, сорвав негодную и совершенно ненужную, добавим, оболочку, выбросив вон пошлость шута, в костюм которого автор пытается облачиться, делая это наудачу, в книжке найдешь ряд приличных по художественному выполнению небольших новелл, благородных по задачам; новелл, распространение которых среди народа сейчас, благодаря их общедоступности по художественной форме и мысли было бы можно приветствовать, т.к. они могли бы послужить подспорьем найти дорогу к выходу из ада, в котором блуждает и сам г. Антон Сорокин. Но, к сожалению,

этого мы не можем сделать: и ухвертка мешает, и колпак вредит, и за сибиряка стыдно².

II.

Библиография

Антон Сорокин. Цветы Тююн-Боот.

Имя Антона Сорокина известно в Сибири, — в частности, в Омске, — как имя литературного авантюриста, занимающегося не столько литературой, сколько саморекламой. В погоне за славой, в поисках популярности г. Сорокин не брезгует ничем: уверенно называет себя «национальным гением Сибири», издает открытки со своими портретами, выпускает «манифесты» и др. Подобные способы завоевания популярности затуманивают подлинную физиономию его как автора и отталкивают от него тех, кто в ином случае мог бы подойти к нему с доверием.

Между тем г. Сорокин пишет, кое-где печатается, время от времени издает целые книги («Золото», «Хохот желтого дьявола» и др.). Недавно, в этом году, он выпустил книжку «Цветы Тююн-Боот», которая открывается вступлением Всеволода Иванова, рекомендующего Сорокина как литературного «разбойника», где «дикие» произведения пахнут мертвечиной». Характеристика не очень лестная и не очень верная. Разбойник — слишком громко, достаточно сказать — озорник. Произведения — дикие, это верно, но пахнет от них не мертвечиной, а просто типографской крас-

кой, непроизводительно израсходованной. В книжке *27 рассказов*, большая часть которых банальна, претенциозна и к тому же написана небрежно. Русским языком автор не дорожит, изящество ему чуждо. Чувствуется дурное влияние Л. Андреева: иногда дешевого пафоса, философской риторики. И мало — живой жизни, живых фигур, нет рельефа, нет четкости в рисунке. Но среди балласта, в куче ненужного песка попадаются изредка золотые блестики, правда, пробы невысокой. И думается в общем так: если бы г. Сорокин не озорничал, не печатал все, что взбредет в голову, а добросовестно работал и строже относился к себе, он, может быть, был бы недурной беллетрист, а этого пока сказать нельзя³.

III.

В литературно-художественном кружке известный в Омске писатель читал свою драму «Алатырь Камень».

Так же как и сборник его рассказов *«Тююн-Боот»*, драма г. Сорокина производит довольно безотрадное и к тому же сумбурное впечатление. Замысел ее очень несложен, почти банален. Пьеса г. Сорокина трудно себе представить на сцене: в ней слишком много разговоров и слишком мало динамики, чувствуется полное непонимание автором задач и условий

² Наша заря. 1919. 6 марта, № 49. —

Выделено полужирным курсивом здесь и далее мной. — Ю.М.

³ Заря. 1919. 23 марта, № 62.

сцены. Не спасают пьесу ни мало убедительный безвкусный символизм последнего акта, ни рассуждения о любви и искусстве в начале третьей картины и т.д.⁴

Классика информационного жанра: три источника — три различные точки зрения на название книги. Единственное, что объединяло эти издания — год, когда тот или иной автор заметки прочел творение А. Сорокина. В «Сводном каталоге сибирской и дальневосточной книги: 1918–1930» уверенно указан год издания — 1919 г. В вышеуказанный перечень попало лишь одно наименование, разыскиваемой мной книги «Тююн-Бот»⁵.

Возникла необходимость посмотреть издание, которое, как утверждает упомянутый справочник, сохранилось лишь в Омской государственной областной научной библиотеке им. А.С. Пушкина. Как быть? Неожиданно помог поэт и литературовед из Новосибирска И.Е. Лоцилов, хотя мы раньше-то и знакомы не были. На мою

⁴ Русская армия. 1919. 9 апр., № 73.

⁵ Сводный каталог сибирской и дальневосточной книги: 1918–1930. В 2-х т. Т. 1. Новосибирск, 2014. С. 54. (№ 809).

⁶ Прошло больше месяца, но сотрудник Новосибирской об. биб-ки так и не нашел времени ответить на мое письмо об участии Вл. Динина-Эттеля в сборнике «Вьюжные дни». Грустно, но и такое бывает...

просьбу Игорь Евгеньевич откликнулся и без всяких предварительных условий буквально в течение часа прислал электронную копию книги «Тююн-Бот». Большое спасибо ему за такую помощь⁶.

Оказалось, что в фонде Антона Сорокина в Историческом архиве Омской области также имеется экземпляр книги «Тююн-Бот» (д. 388). И даже не один (д. 389), так, во всяком случае, я понял из письма старой доброй знакомой Людмилы Ивановны Огородниковой, сотрудницы архива, которая согласилась помочь разобраться, сколько все-таки сборников вышло у Антона Сорокина в 1919 г. Ей отдельное за это спасибо.

Указание на разное количество рассказов (у автора сообщения в «Зарю» фигурировала цифра — 27, а согласно содержанию, присланному Л.И. Огородниковой — 30) свидетельствовало в пользу того, что рецензировались разные сборники. Экземпляры же в делах 388 и 389 отличались лишь наличием разных текстов других авторов. Значит, можно вести речь о конволюте. Находящаяся в д. 389 обложка с надписью: «Антон Сорокин. Цветы Тююн-Бот», скорее свидетельствует об очередной рекламной кампании величия короля «шестой державы», поскольку рассказы Антона Сорокина были те же, что содержала электронная версия, сделанная с оригинала, хранящегося в Омской государствен-

ной областной научной библиотеке им. А.С. Пушкина.

Понять ситуацию помогли публикации в тюменской газете «Свободное слово».

Рассказы и иные газетные материалы Антона Сорокина, опубликованные в нынешнем номере «БГ», относятся к начальному этапу сотрудничества со «Св. словом». Если проанализировать притчевые новеллы омского прозаика этого периода, становится вполне понятным положение писателя в газете. Он выполнял заказ работодателя, пытаясь художественными методами (как писал рецензент «Нашей зари», *«общедоступностью по художественной форме и мысли»*) пропагандировать идеи партии, чьим органом являлось издание.

Вот с этой точки зрения никто из литературоведов и политологов не пытался рассматривать творчество Антона Сорокина. Более того, именно этот подход и мешал, на мой взгляд, всем публикаторам признать «Св. слово», якобы кадетское, и переиздать книгу «Тююн-Боот» (вспомним А. Сорокина в издании фонда «Возрождение Тобольска», ссылавшегося при перепечатке рассказов на журнал «Лукич»: прикрыли одно место другим изданием). Генетический страх перед политической цензурой не позволил даже в годы перестройки обсудить некоторые вопросы творчества Антона Соро-

кина. А сейчас уж точно не время это делать...

В сентябре 1917 г. «Свободное слово» начало массированно давать рекламу о готовящихся к печати книгах в издательстве сибирских писателей «Словосвет» (Омск, Томская, 18, кв. 1). В плане стояли книги Антона Сорокина «Хохот желтого дьявола», конечно же, «с графическими иллюстрациями художника Вл. Эттель», и «Мои вечные спутники» Александра Добролюбова. Авторы просили присылать рукописи. При этом гарантировали, что «материал оплачивается».

Реклама на первой полосе размещалась размером в шестнадцатую ее часть и увидела свет три раза, а на четвертой странице — четыре. Т.е., до Рождества читатель видел рекламу не менее двух раз в месяц. Такая периодичность позволяет предполагать политическую акцию издателя. С началом нового года в рекламе (1918. 4 янв., № 3) появилось уточнение, что готовится к печати книга рассказов «Тююн-Боот» Антона Сорокина (см. иллюстрацию).

До момента запрета «Свободного слова», т.е. до 15 февраля по ст. ст., читатель видел рекламу будущей книги примерно каждые пять дней (10 раз). Это дает все основания думать, что тираж «Тююн-Боот» мог значительно превышать количество авторских экз., которые выдавались ре-

дакцией писателю в качестве гонораара.

Ниже приводится библиография рассказов, которые полностью, практически в том же порядке, вошли в собрание, именуемое сегодня библиографами «Тююн-Боот». Только «Гамфур и Орнис» да «Черный снег» нарушают газетную очередность в книге (при верстке последней их поменяли местами).

1917.

1. Дайте дорогу королю и шуту // 2 дек., № 163.
2. Черный вой // 3 дек., № 164.
3. Желтый рев // 6 дек., № 166.
4. Амиар-цветок // 8 дек., № 167.
5. Синдурмак // 10 дек., № 169.
6. Предатель // 25 дек., № 181.
7. Свобода, христианство и кровь // 25 дек., № 181.

1918.

8. Пророк Хазрет // 2 янв., № 1.
9. Старый клоун плачет // 3 янв., № 2.
10. Дебет-кредит // 4 янв., № 3.
11. Хрисамф-зверь // 5 янв., № 4.
12. Арстанбек // 6 янв., № 5.
13. Аксамит-цветок // 9 янв., № 6.
14. Чугурлап-корабль // 13 янв., № 9.
15. Черный свет // 14 янв., № 10.
16. Гамфур и Орнис // 16 янв., № 11.
17. «Чудо» // 17 янв., № 12.
18. Женщина и пац // 18 янв., № 13.
19. Айхно // 20 янв., № 15.
20. Человек, который не умер // 1918. 24 янв., № 18.
21. Corduceps Taylori // 25 янв., № 19.

22. Костер // 26 янв., № 20.
23. Стратинар земля: легенда алтайских староверов // 27 янв., № 21
24. Сын-Алике // 28 янв., № 22.
25. Измена Степана Пруткова // 31 янв., № 24.
26. «779» // 1 февр., № 25.
27. О чем пели провода // 2 февр., № 26.
28. Умирующие мысли // 10 февр., № 32.
29. Асфадат-океан: из книги «Ари-афар печать Антихристовая» // 24 (11) февр., № 33.
30. Кто смел: из книги «Красная чума миллиарда» // 28 (15) февр., № 36.

Если сравним публикации рассказов в газете и в книге «Тююн-Боот» так, как это делали в советских цензурных учреждениях — по окончаниям строчек, то обнаружим, что отпечатаны они с одного набора. Гарнитура заголовков в газете и книге также совпадает. Хотя при подготовке издания можно было привести шрифты к единообразию, убрать пестроту от их изобилия... Технология производства того времени не давала возможности стереотипировать

полосы для транспортировки в другую типографию..

Спуски полос позволяют предположить, как печаталась книга. Первые две тетрадки — четырехстраничными брошюрами (С. 1–8), т.е. изначально проектировщик книги видел ее сшитой втачку. В последующих тетрадках новеллы иногда размещались внакрук, в других случаях на полосе выравнивалась высота колонок и одну публикацию от другой отделял заголовок, поставленный через всю страницу. Это показатель того, что версталась книга не одновременно, а по мере накопления набора.

Трудно сказать, когда завершилась печать тетрадок будущей книги. Рассказ А. Сорокина «Кто смел» был опубликован в последнем номере «Св. слова» в день ликвидации газеты красноармейцами. Но типография по-прежнему принадлежала кооперативному товариществу умершей газеты до 20 апреля 1918 г. Если у временного издания и были обязательства перед автором, то за два месяца существования «Тюменского рабочего», сохранившего редакционный коллектив «Св. слова», вполне можно было их выполнить. Так ли это?

В июле, практически сразу после захвата Тюмени белогвардейцами, «Св. слово» воскресло из небытия⁷. Но лишь через полтора месяца под рубрикой «Маленький

фельетон» (1918. 17 сент., № 75) появилось ироничное сообщение: «Новые книги, только что вышедшие из печати и поступившие в продажу»: «Грабь, кому не лень!: собр. декретов народных комиссаров». Изд. соц. Красной армии. 810 с. Цена 8 руб.; «Нет, врешь, не выживешь: сб. новых куплетов». Изд. союза квартиросъемщиков. 180 с. Цена 3 руб. 50 коп.; «Продажа России в розницу и оптом: очень научная книга». Составил Ленин. Издание народных комиссаров. Цена 400 руб.». И далее было помещено то, ради чего сочинялся фельетон: «Были когда-то и мы рысаками: романс». Музыка П.А. Рогозинского, текст А. Сорокина. Изд. пролетарских и пролетевших писателей. 9 с. Цена 9 коп.».

Книга «Тююн-Боот» печаталась «восьмушкой», а значит, ее нумерованные страницы (73) имели 9 физических листов... В Омск посылалось сообщение, что печать книги завершена. Так ли это? Лишь предположение...

⁷ «Тюмень пала 20 июля. Большевики постыдно бежали рано утром по железной дороге на Екатеринбург. К 4 часам все были уже на вокзале», — сообщала подробности занятия Тюмени омская «Заря» (1918. 28 июля, № 38). Первый номер «Св. слова», который удалось обнаружить за тот период, датирован 4 августа (№ 46). Т.е. не прошло и недели после прихода белогвардейцев, как «Св. слово» наладило регулярный выход газеты.

«Тююн-Бот» нельзя считать отдельным оттиском, поскольку последний возможен только из журнала или сборника. Если вспомнить практику дореволюционных газет, рассылавших подписчикам в качестве премии по одной тетрадке будущей книги (вместе с пятничным номером, например), которые собирались вместе и переплетались владельцами в такой переплет, какой нравился им больше, то несомненно, «Тююн-Бот» — книга, изданная в Тюмени в 1918 г. А то, что у нее отсутствовали титул, содержание, выходные сведения, так это не только уровень провинциальной издательской культуры. Но и повод для перфоманса, в котором книги автора размножаются.

Реклама «Тююн-Бот» анонсировала предисловия Всеволода Иванова и Александра Оленича-Гнененко. Набор новеллы «Тююн-Бот», открывающей одноименную книгу, был сделан на ширину книжной полосы (около 13 см), тогда как в «Св. слове» колонка равнялась лишь 6,5 см. Предисловие А. Оленича-Гнененко вообще в тюменской газете не удалось обнаружить (не исключая, что из-за неполноты годовых комплектов). Печать листов одной книги в разных типографиях в то время было дело обычным⁸. Наличие других текстов, кроме вышеупомянутых и включенные в собрание, давали в итоге конволют.

Неполное библиографическое описание издания таково: [Сорокин Антон]. [Тююн-Бот]. [Тюмень: Тип. тов-ва «Св. слово»], [1918]. [2], [2], 73 с.

Что касается издания 1914 г., то оно действительно было, но вышло в Омске, куда Антон Сорокин включил отпечатанный четырехстраничными брошюрами «Хохот желтого дьявола» и пять рассказов, имеющих выходные сведения «Омского вестника». Типичный конволют, получивший название «Стоны последние». Такой экземпляр сохранился вместе с обложкой в отделе рукописей РГБ в фонде Валерия Брюсова. Правда, он расшит, но это не мешает рассмотреть листовую материал рассказов, которые не попали почему-то в «Сводный каталог сибирской и дальневосточной книги: 1918–1930». Впрочем, как и четырехстраничные брошюры «Хохота желтого дьявола» (Омск, 1914).

...Леонид Мартынов перепутал время изготовления по одинаковой технологии двух книг. Имеет право. Ну, а исследователь обязан был поставить под сомнение...

⁸«В виду спешности издания брошюры “Декреты о суде” печаталась одновременно в шести местных типографиях, поэтому и набрана она разными шрифтами, корректировали ее шесть разных корректоров, отсюда и разность в правописании». — Тюм. рабочий. 1918. (27 марта) 9 апреля. № 30.

**I. Искусство... составления биографии художника:
Владимир Эттель на детекторе лжи**

С. 152. По картотеке белогвардейцев, сохранившейся в ГАРФе, можно описать боевой путь Владимира Эттеля.

6.08.1918. Адьютант 7-го Степного сиб. стрелкового полка.

1919. Прапорщик 27-го Верхнетурского сиб. стрелкового полка.

Без даты. Прапорщик 2-го Степного сиб. стрелкового полка.

1919. Содержался под стражей 19 Петропавловского стрелкового полка (г. Тюмень).

**II. Национализация как показатель
приближающегося банкротства**

С. 262. В фонде Управления Тюменского военного округа на театре военных действий (РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 63) сохранился интересный документ.

В № 124 (1918. 17 нояб.) появилась заметка за подписью Л.Л. о вечере эсперантистов, на котором наблюдалось недостойное поведение офицеров. По поводу публикации было проведено расследование. Акт дознания от 18 ноября того же года начинается так: «Редактор газеты “Свободное слово” гражданин Георгий Николаевич Беседных, православный, 25 лет, Голицинская 12...» (л. 98). Однако подписывает этот акт «Член редакционного коллектива “Свободное слово”» (л. 99) Г.Н. Беседных. Таковые правила игры диктовало издание. В пользу того, что редактор был не П. Рогозинский, и не Н.Плясунов в те времена, когда этими именами подписывалось издание, говорит и публикация в «Сиб. торг. газете»: «Ответ на “Козьи рифмы”», появившиеся в «Св. слове» (1917. №110):

Рифма весело бежит
Забавляет всех, смешит,
Мимо собственного носа
Воплощенного вопроса...
Мимо дяленьки Тепики,
Дяди Коли, дяди Ники
Тапки-Лапки, тапки-ка...
Чики-брыки... дрыки... ка

Мимо Притчи, мимо Руж...
Порет всяческую чушь...
Благо дедушка Петруша
Спит и днем, заткнувши уши.
Г.Б. кратко пробегает
И... к печати разрешает...
(СТГ. 1917. 16 сент., № 204).

III. Всё оставляет следы: Главное, суметь их прочесть

С. 344. В отделе книжных фондов Государственного литературного музея обнаружена книга Антона Сорокина «Желтый рев» (Омск, 1919). Не исключено, что это еще одно название книги, изданной в Тюмени в 1918 г.

Авторы номера

Белобородов Валерий Константинович (1936–2016). Родился в г. Сургуте. В 1954 г. окончил Сургутскую среднюю школу, в 1960 г. — Томский гос. ун-т. С 1960 по 1964 г. работал в полевой поисково-съёмочной партии на Алтае. В 1964–1994 г. — корреспондент окружной редакции радиовещания, редактор газет в Урае и Нижневартовске, председатель окружного комитета по ТВ и радиовещанию.

В 1991 г. основал и до 1995 г. возглавлял окружной историко-культурный журнал «Югра». В 1995 по 2000 г. — составитель и редактор приложения к окружной газете «Новости Югры» «Краевед». С 2002 по 2014 г. — редактор-составитель краеведческого альманаха «Подорожник». Всего издано 14 выпусков.

Автор многих книг, статей и очерков об истории и людях края, среди них: Тропа учителя Знаменского (1998); Слово за слово: словарь-воспоминание (2007); Обитаемое прошлое: книга негромких приключений (2011); Тропинки к дому. Русские Березовского края в конце XVIII — начале XX вв.: краеведческие заметки о былом и насущном (2013). Соавтор многих библиографических изданий, подготовленных совместно с Гос. библиотекой Югры. Заслуженный деятель культуры Ханты-Мансийского автономного округа, заслуженный работник культуры России, лауреат лит. премии «Югра».

Боярский Лев Владимирович (1972 г.р.) — научный сотрудник Музейного комплекса им. И.Я. Словцова. Окончил филфак Тюм. ун-та (1994). Автор книг «Тюменские ночи» (в соавторстве с В. Масом), (2010); «Пионеры тюменской фотографии» (2016); сост. сб. «Очерки старой Тюмени (мемуары старожилов)» (2011). Основатель тюменского общества любителей вольных прогулок. Автор цикла передач «Хранитель древностей» на радио «Победа». Ведет рубрику «Хроника жизни старой Тюмени» в журнале «Читаем вслух», краеведческих публикаций в местной прессе. Научные интересы — локальная история, история фотографии и кинематографа, устная история и «наивная историография».

Зотин Юрий Сергеевич (1974 г.р.). Врач. Свободное время посвящает изучению истории Тюмени. Автор-составитель опыта энциклопедического словаря в 5 книгах «Юркин кондуит» (Тюмень, 2009).

Корандей Федор Сергеевич родился в 1980 г. Канд. ист. наук, ст. науч. сотрудник лаборатории ист. географии и регионалистики ТюмГУ. Научные интересы: история популярного географического знания, история сибирских путешествий. Читателю будут интересны: «Колокольный завод Конрада Мальт-Бруна: география Западной Сибири во французских путевых описаниях второй половины XIX века» (Историческая география. Ежегодник Центра ист. географии Института все-

общей истории РАН. Т. 2. Москва, 2014. С. 201–235); «Описания городов, не имеющие для русского читателя особого интереса»: купюры в русских переводах иностранных путешествий по Сибири (вторая половина XIX в.) с точки зрения истории популярного географического знания // *Ab Imperio*. 2014 /4. №. 4. С. 309–364; Преддверие Сибири: образы границы в описаниях путешествий по Сибири (вторая половина XIX века) // *Русский травелог XVIII–XX вв.* / Под ред. Т.И. Печерской. Новосибирск, НГПУ, 2015. С. 166–196.

Кухтерин Александр Сергеевич (1962 г.р.). Известный тюменский художник-керамист. Постоянный автор — оформитель журнала «Лукич»

Лисевич (Повод) Нина Александровна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора этнологии Института проблем освоения Севера СО РАН. Область научных интересов — этнография народов Западной Сибири, этническая экология, проблемы межэтнического взаимодействия, социокультурная адаптация этнических групп в условиях изменения окружающей среды и социальных трансформаций. Автор более 100 научных работ, в том числе монографии, посвященной социокультурной адаптации ижемских коми на территории Северного Зауралья (Коми Северного Зауралья (XIX — первая четверть XX в.). Новосибирск: Наука, 2006. 272 с.).

Мадьярова Мария Николаевна, гл. библиотекарь отдела внешних коммуникаций и социокультурной деятельности Государственной библиотеки Югры. Общий трудовой стаж в библиотечной отрасли — 52 года. В окружной библиотеке с 1971 г., с 1994 г. — заместитель директора по работе с читателями. К краеведению всегда проявляла интерес, занималась популяризацией краеведческих знаний через презентации новых книг, творческие встречи с югорскими авторами, обзоры краеведческих изданий и их редактирование.

Мандрика Юрий Лукич (1952). Выпускник заочного отд. филфака ТюмГУ (1980). Канд. филол. наук. Заслуженный работник культуры РФ. Автор двух книг по истории печати Сибири. Печатался в «Вестн. Московского ун-та», журналах «Библиография», «Библиосфера», «Мир Севера», вестн. ВоронежГУ, ОмГУ, ТюмГУ, УрГУ, Известиях Омского гос. ист.-краевед. музея. Выступал в роли редактора-издателя журналов «Лукич», «Лук & Чок». Пенсионер. Краеведческие штудии: биографии жителей Тобольской губернии.

Моторина Наталия Михайловна родилась в с. Ярково Тюменской области. Врач-невропатолог, иглорефлексотерапевт. Генеалогией и краеведением увлеклась с 2001. Участник и организатор ежегодных конференций «Тюменские родословные чтения». Выступала с

докладами на Савеловских чтениях в Москве в 2013 и 2014 гг. Награждена медалью РФ «За вклад в развитие генеалогии и прочих специальных исторических дисциплин» I и II ст. Интересы: церковнослужители Словоцковы, судьба отдельных представителей родов Геденштром, Струве, Шанявских в свете краеведческой тематики, военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири, население Тюмени и уезда в начале XVIII в. Мать шестерых детей.

Пуртова Татьяна Владимировна. Стаж работы в библиотечной отрасли более 40 лет. С 1973 г. — в Государственной библиотеке Югры, с 1991 г. — заведующей отделом краеведческой литературы и библиографии, в настоящее время главный библиограф отдела краеведческой литературы и библиографии. Стояла у истоков возрождения библиотечного краеведения в Ханты-Мансийском автономном округе. Основное направление деятельности — создание региональной краеведческой библиографии: текущие библиографические указатели «Местная печать» и «Краеведческая книга» издаются библиотекой с 1999 года; ежегодный Краеведческий календарь: юбилейные и памятные даты Ханты-Мансийского автономного округа — Югры издается с 1994 года. Многие годы сотрудничала с В.К. Белобородовым, совместно реализовано множество проектов, в том числе и библиографических: первым таким пособием можно считать указатель «Ученые и краеведы Югры» (1997), указатель «Обь-Иртышский Север в западносибирской и уральской периодике», который является наиболее полным библиографическим изданием по истории региона. Завершением этого комплекса пособия является издание «Авторы публикаций об Югре в западносибирской и уральской периодике. 1857–1960 гг.: материалы к биографическому словарю» (2008). Подготовлено и издано более 80 изданий и публикаций на тему библиотечного краеведения и краеведческой библиографии. Награды: «Заслуженный деятель культуры Ханты-Мансийского автономного округа» (1996), премия им. академика Д.С. Лихачева (2008) и др.

Темплинг Владимир Яковлевич. Родился в 1963 г. в п. Богандинском. Окончил исторический факультет ТюмГУ, аспирантуру в Институте истории и археологии Уральского отделения РАН. Кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора социальной антропологии Института проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН. Один из публикаторов фольклорно-этнографического архива П.А. Городцова (2000 г.). Ответственный редактор серии «Сибирский раритет» (10 выпусков). Автор двух монографий и более ста статей по истории народной медицины, здравоохранения, церкви, миссионерской деятельности и по истории старообрядчества.

Содержание

Ю. Мандрика. Вас здесь не стояло!..	2
-------------------------------------	---

Memoria

Ю. Мандрика. Тропинка одинокого Старика: Валерий Белобородов на пути к Образцу	7
В.К. Белобородов. 25-летие краеведческого отдела Гос. б-ки Югры и журнала «Югра»: Новый этап в югорском краеведении	31
В.К. Белобородов—Т.В. Пуртова. Новый этап в югорском краеведении. 25-летие краеведческого отдела Государственной библиотеки Югры и журнала «Югра»	36
Мария Мадьярова. Продолжение разговора: обзор книг юбиляра	64

Сквозь мглу эпох

Владимир Темплинг. «Ежели предприятие мое хотя мало пользы принесет, я совершенно тем доволен буду»: Тобольский доктор Иван Петерсен	70
Юрий Мандрика. Мои маленькие сенсации: По страницам изданий времен Гражданской войны. И не только...	88
«Чуть ночь превратится в “Разсвѣтъ”»: Кто был издателем школьного журнала?	102
«...литература на час...»: об адаптированном рассказе Григория Колмогорова	108
Искусство... составления биографии художника: Владимир Эттель на детекторе лжи	134
Аноним. Дело прапорщика В.К. Эттель	153
К делу прапорщика Эттель	157

Возвращение имени

Ю. Мандрика. «...С тюменцами сварить пива оказывается сложно. Заелись уже оченно...»: Материалы к биографии Андрея Арсеньевича Павлова	159
Письма Андрея Павлова Н.Я. Агафонову / подготовка текста, прим. Ю. Мандрики	170
Наталья Моторина. Полустертый иероглиф	194
Город Албазин — «Карфаген» русского Приамурья	194
«Наши люди» в Пекине	195
Агафонов: штрихи к биографии	199

Русский взгляд на китайский иероглиф	202
«Записки китайские», но не Агафонова	207
Эпилог	210
<i>Приложения</i>	210
<i>Ю. Мандрика</i> . Писатель в газете: король шестой великой державы Антон Сорокин покидает неведомую страну Кюю	288
<i>Ю. Мандрика</i> . Все оставляет следы. Главное, суметь их прочесть: книга Антона Сорокина «Тююн-Боот» издана в Тюмени	338
Работа над «ошибками»	
<i>Ю. Мандрика</i> . Федор Филимонов — газетчик и литератор	178
<i>Федор Филимонов</i> . Среди обывателей	178
Сказка и не сказка	179
В наши дни. У изголовья. Песни народные	180
Письмо из деревни. В 2519 году	181
<i>Юрий Мандрика</i> . Национализация как показатель приближающегося банкротства	264
Сообщения	
<i>Нина Лискевич</i> . «Жизнь, права и обычаи остяков по реке Сосьве Березовского района»: Об одном отчете по сбору оперативной информации Ханты-Мансийским окружкомом ВКП(б) после Казымского восстания 1933–1934 годов	182
<i>Приложение</i>	190
<i>Лев Боярский</i> . Первые годы кинематографа в Тюмени	254
<i>Юрий Зотин</i> . Биографические очерки врачей Тюмени. Век XIX	272
<i>Приложения</i>	
<i>Георгий Беседных</i> . Иосиф Васильевич Карнацевич: Некролог	284
<i>Гео. Пан Карнацевич</i>	285
Читалка «БГ»	
<i>Григорий Колмогоров</i> . Варнак	112
<i>Антон Сорокин</i> . Тридцать три скандала Колчаку: скандал двадцать первый	158
<i>Андрей Павлов</i> . Она приходила	176
Прибытия в Сибирь и отъезды из Сибири: 1870-е годы в путевых описаниях. Продолжение антологии / перевод. и сост. <i>Федор Корандей</i>	214
1. 1870, июль. Путевые записки епископа Никодима. 1870 // Русский архив. 1903. Т. 4. С. 595–604	214
2. 1873, январь. <i>Meignan V. De Paris a Peking par terre. Siberie — Mongolie. Paris. 1877. P. 116–119</i>	216

3.1873, июнь. <i>Коваленко С.А.</i> Разбитая жизнь. Рассказ ссыльного. (К истории бродяжничества на Руси) // Русская Старина. 1900. Т. 102. № 6. С. 550–551	218
4. 1873, летний сезон. <i>Суворов П.П.</i> Записки о прошлом. М., 1898. Т. 1. С. 139–143	219
5. 1874, март–апрель. <i>Пясецкий П.Я.</i> Путешествие по Китаю в 1874–1875 гг. Через Сибирь, Монголию, Восточный, Средний и Северо-Западный Китай. В 2 т. Т. I. СПб., 1880. С. 8–10	221
6. 1875, октябрь. <i>Dr. Lundstrom.</i> Expedition polaire suedoise, sous la direction de M. le Professeur A.E. Nordenskiold. 3e partie. De Dicksons – Hamn a Stockholm a travers la Siberie // Le Tour du Monde. 1877. Vol. XXXIII. P. 222	222
7. 1876, апрель; 1876, октябрь. <i>Finsch O.</i> Reise nach West-Sibirien im Jahre 1876. Berlin, 1879. Цит. по переводу: Путешествие в Западную Сибирь д-ра О. Финша и А. Брэма. Москва: тип. М.Н. Лаврова и К°, 1882. С. 36–45, 560–562	223
8. 1876, май. <i>Поляков И.С.</i> Письма и отчеты о путешествии в долину р. Оби, исполненном по поручению Императорской Академии наук. СПб., 1877. С. 3–4	226
9. 1876, май. <i>Даль К.</i> Описание двух экспедиций в реку Обь, снаряженных членами Императорского Общества для содействия русскому торговому мореходству, в 1876 и 1877 гг. Москва, 1877. С. 10–17	227
10. 1877, март; 1877, август. <i>Seebohm H.</i> The Birds of Siberia. A Record of the Naturalist's Visits to the Valleys of the Petchora and Yenesei. London. 1901. P. 262–263, 471–475	229
11. 1877, летний сезон. Тюремные воспоминания / публ. <i>А. Ковнера</i> // Истор. вестн. 1897. Т. 68. № 4. С. 118–128	232
12. 1878, лето. <i>Чудновский С.Л.</i> Из дальних лет (Отрывки из воспоминаний 1878–1879 гг.) // Минувшие годы. 1908. Т. 7. С. 164–170	234
13. 1878, август. <i>Синегуб С.С.</i> Воспоминания чайковца // Русская мысль. 1907. Кн. 9. С. 88–89, 90–91, 93	239
14. 1878, сентябрь. <i>Rejchman B.</i> Z Dalekiego Wschodu: wrazenia, obrazki, opisy z dobrowolnej podrozy po Syberyi. Warszawa. 1881. S. 56–58	240
15. 1879, январь. <i>Dybowski B.</i> O Syberyi i Kamczatce. Cz. I. Podroz z Warszawy na Kamczatke. Warszawa, Krakow, 1912. S. 114–117	242
16. 1879, июнь. <i>Дебогорий-Мокриевич В.</i> Воспоминания. СПб. 1906. С. 438–444	245

17. 1879, июнь. <i>Lansdell H.</i> Through Siberia. London. 1882. Р. 26–29, 53–62	246
18. 1879, август. <i>Сорошевский В.</i> Против волны / пер. с польского. М.; Л., 1929. С. 27–38	250
<i>Антон Сорокин.</i> Газетные публикации	
Свободная Сибирь	291
<i>С.Н.О.</i> Автономии	294
Новая молодая Америка	296
Омская выставка	300
<i>Антон Сорокин.</i> Проза	
1. Приходы и расходы Степашки	303
2. Органбай умер	304
3. Песня Джемenea	306
4. Царевна Свобода	308
5. За страх и ужас в глазах	312
6. Дети земли	314
7. Наивная сказка	318
8. Врубель	322
9. Денис-свечи воску ярого	327
10. Ермектас	329
11. По крови и гною	331
12. Три царства	333
13. Где моя родина?	336
P.S.	345
Авторы номера	346
Содержание	349

БЛАГОДАРИЮ Irena Adomaitiene (Вильнюс),
Марину Эриковну Волкову (Тюмень),
Игоря Евгеньевича Лощилова (Новосибирск)
и Людмилу Ивановну Огородникову (Омск)
*за помощь, оказанную в процессе подготовки
некоторых материалов данного номера.*

В адрес каждого из них будет отправлен 1 экз.
Тюменского краеведческого ежегодника.

 Редактор-издатель